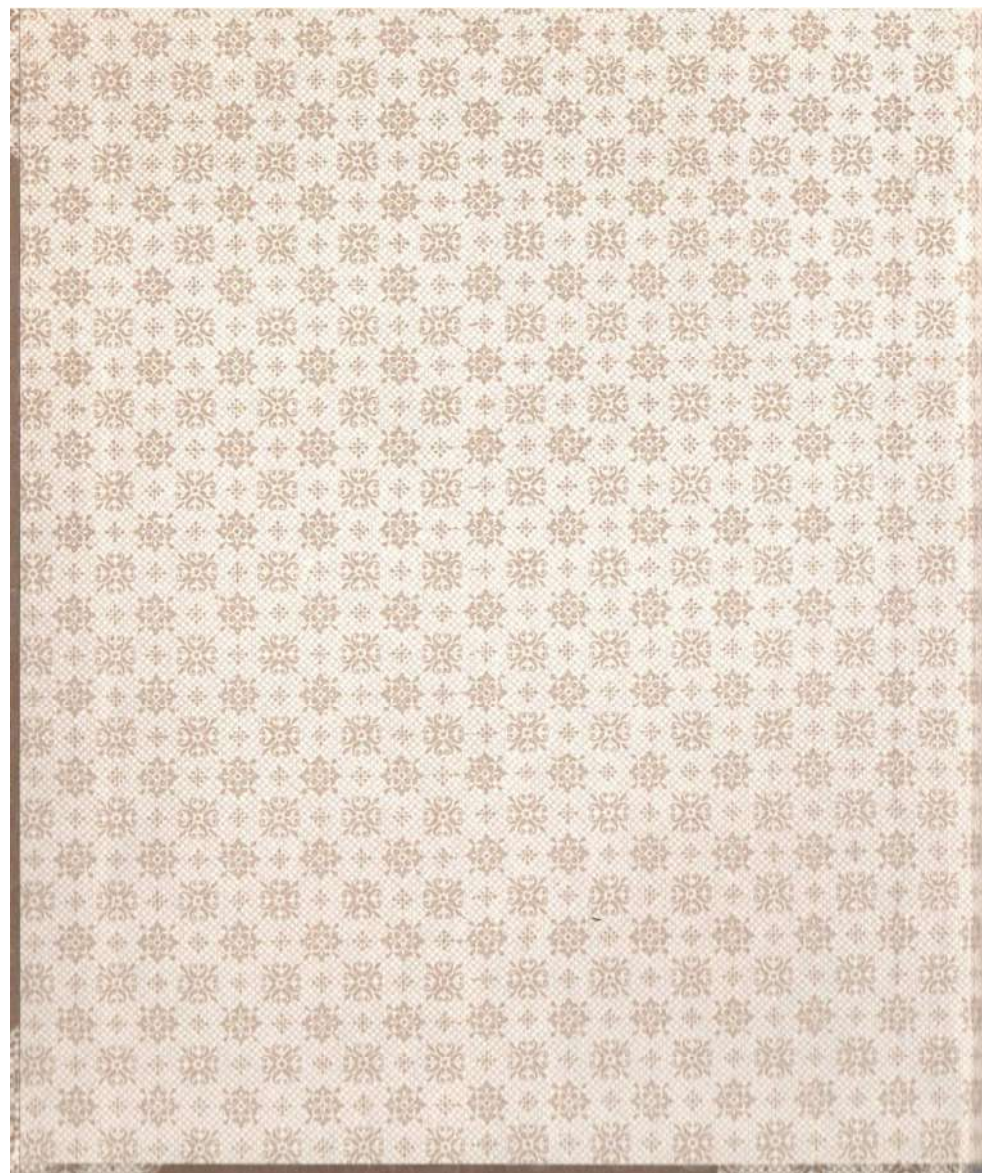

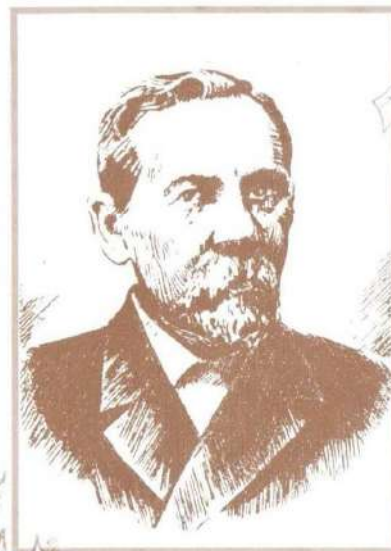
Редкая
КНИГА

ГАВРИИЛ ПЯСЕЦКИЙ

Исторические очерки
города Ливен и его уезда
в политическом,
статистическом
и церковном отношении

2000-летию
Рождества Христова
посвящается

ГАВРИИЛ ПЯСЕЦКИЙ

Исторические очерки
города Ливен и его уезда
в политическом, статистическом
и церковном отношении

Главный редактор
Заслуженный работник
культуры Российской Федерации
А. П. Олейникова

Орел
Издательство
Орловской государственной
телерадиовещательной компании
1999

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ
ГОРОДА ЛИВЕНЪ И ЕГО УЪЗДА
въ политическомъ, статистическомъ и
церковномъ отношеніи.

СОСТАВИЛЪ
Членъ Орловской Ученой Архивной Коммиссиі
Гаврииль Пясецкій.

Печатано съ разрѣшенія Предсѣдателя Орловской Ученой Архивной Коммиссиі.

ББК 26.89

П 99

Книга опубликована при содействии и поддержке администрации города Ливны Орловской области.

Использованы материалы, представленные Ливенским краеведческим музеем, областной библиотекой имени И. А. Бунина, литераторами-краоведами Ф. В. Ковалевым, Г. В. Рыжким.

Пясецкий Г. М.

П 99 Исторические очерки города Ливен и его уезда в политическом, статистическом и церковном отношении. Сувенирное издание к 2000-летию Рождества Христова/Под общей редакцией А. П. Олейниковой. — Орел: Изд-во Орловской государственной телерадиовещательной компании, 1999. С. 208. Илл. 44.
ISBN 5-86615-036-0

Перед вами уникальное издание магистра богословия Орловской духовной семинарии, ученого-краоведа Гавриила Пясецкого. Впервые его очерки были опубликованы в «Трудах Орловской ученой архивной комиссии» в 1893 году, в третьем, четвертом и пятом выпусках. В основе их природа края, исследования, архивные источники, открытия, устные предания о Ливнах, одного из древнейших городов Орловской губернии. Наше издание мы дополнили открытками с видами города, которые были изданы в 1903 году, картами, схемами, планами. Многие из них учеными-краоведами открыты недавно в архивах города Москвы, частных коллекциях.

ББК 26.89

ISBN 5-86615-036-0

© Издательство
Орловской государственной
телерадиовещательной
компании, 1999.

ТРУДЫ

ОРЛОВСКОЙ

УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССИИ

1893 годъ.

Выпуски третій, четвертый и пятый.

ОРЕЛЬ.

Типографія С. А. Зайцевой.

1893.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ГОРОДА ЛИВЕНЪ И ЕГО УЪЗДА

въ политическомъ, статистическомъ и церковномъ отношеніи.

I.

Предварительныя свѣдѣнія о Ливенскомъ уѣздѣ: его географія, этнографія и древнѣйшая исторія.

Границы, пространство, устройство поверхности, климатъ и растительность Ливенскаго уѣзда.—Система рѣки Сосны и остатки первобытныхъ лѣсовъ на пространствѣ Ливенскаго уѣзда.—Смѣна кочевниковъ и осѣдлые обитатели Соснинскаго бассейна; ихъ языческія вѣрованія, нравы и обычаи.—Дань Козарамъ.—Начало Русскаго владычества и присоединеніе Соснинскаго бассейна къ княжеству Рязанскому.—Первые слѣды христіанства.

Ливенскій уѣздъ находится въ восточной половѣ Орловской губерніи и расположенъ по среднему теченію рѣки Сосны. Границами его служатъ: на западѣ—Малоархангельскій уѣздъ, на востокѣ—Елецкій уѣздъ, сѣверною стороною онъ примыкаетъ къ Новосильскому уѣзду Тульской губерніи, а южною—къ Землянскому уѣзду Воронежской губерніи и отчасти къ Щигровскому уѣзду Курской губерніи. Площадь Ливенскаго уѣзда имѣетъ видъ параллелограмма, протянутаго отъ сѣвера къ югу.

По вычисленію генеральнаго штаба, сдѣланному на основаніи военно-топографической съемки, площадь Ливенскаго уѣзда заключаетъ въ себѣ 4.922,4 кв. версты, или 512.750 десятинъ. Уступая въ отношеніи пространства одному Брянскому уѣзду, площадь котораго равна 5.970,9 кв. верстамъ, Ливенскій уѣздъ значительно превосходитъ затѣмъ уѣзды: Трубчевскій (4.593,6 кв. в.), Елецкій (4.330,3 кв. в.), Малоархангельскій (3.278,2 кв. в.), Карачевскій (3.181,3 кв. в.), Орловскій (2.706,8 кв. в.) и въ два съ лишкомъ раза обширнѣе уѣздовъ: Бодховскаго (2.279,3 кв. в.), Дмитровскаго (2.170,1 кв. в.), Мценскаго (2.133,4 кв. в.) и, наконецъ, Кромскаго, площадь котораго равняется 1.926,3 кв. в.. Въ отношеніи же пространства всей Орловской губерніи Ливенскій уѣздъ занимаетъ 12,0%. Такія границы и пространство Ливенскаго уѣзда установились при учрежденіи Орловской губерніи въ 1778 г.; до этого же времени, когда въ составъ Ливенскаго уѣзда входило верхнее теченіе

р. Сосны, отошедшее къ Малоархангельскому уѣзду, а также и сѣверная часть Щигровскаго уѣзда, съ самими Щиграми, площадь Ливенскаго уѣзда была еще обширнѣе.

Ливенскій уѣздъ расположенъ по восточному склону возвышенности, которая составляетъ самый выдающійся въ этомъ отношеніи пунктъ Орловской губерніи (въ Малоархангельскомъ уѣздѣ) и служитъ водораздѣломъ трехъ бассейновъ—Волжскаго, Дѣпровскаго и Донскаго, обозначаемого теченіемъ рѣки Сосны. Оттого поверхность Ливенскаго уѣзда волниста и только съ приближеніемъ къ рѣчнымъ русламъ перерѣзывается глубокими оврагами. Наибольшею возвышенностью и сплошными холмами отличается сѣверная половина уѣзда, лежащая по лѣвую сторону р. Сосны. Абсолютная высота Ливенскаго уѣзда опредѣляется въ 791 футъ, — на 50 футовъ ниже самаго возвышеннаго въ губерніи—Малоархангельскаго уѣзда и на 90 футовъ выше самаго низменнаго—Трубчевскаго уѣзда. Въ нѣкоторыхъ же своихъ пунктахъ, какъ напримѣръ въ селѣ Шатиловѣ, Троицкомъ тожъ, Ливенскій уѣздъ достигаетъ такой высоты (942 ф.), до которой не доходитъ ни одинъ изъ изслѣдованныхъ доселѣ пунктовъ даже Малоархангельскаго уѣзда и которую превосходятъ только двѣ мѣстности въ губерніи: село Суворово Мценскаго уѣзда (944 ф.) и Большая Жукова Брянскаго уѣзда (945 ф.). Второе по возвышенности мѣсто въ Ливенскомъ уѣздѣ принадлежитъ селу Росошному (930 ф.), а самое послѣднее—Жерину (701 ф.), ниже котораго встрѣчаются мѣстности лишь въ западныхъ уѣздахъ губерніи,—Брянскомъ, Трубчевскомъ и Сѣвскомъ, спускающіяся до 589 футовъ, какъ напримѣръ село Карповка Трубчевскаго уѣзда.

Въ геологическомъ отношеніи Ливенскій уѣздъ представляетъ изъ себя двѣ несходныя половины, раздѣляемыя рѣкою Сосною. Изъ нихъ сѣверная—нагорная половина, идущая вдоль лѣваго берега Сосны, представляетъ полное развитіе *девонской* формации, прикрытой лишь слоемъ чернозема, но при множествѣ овраговъ и рѣчныхъ ложбинъ часто обнажающейся. Известняки этой формации во многихъ мѣстахъ образуютъ обрывы до 30-ти саженъ высоты, какъ напримѣръ при селѣ Крутомъ, и достигаютъ еще большихъ размѣровъ по берегамъ рѣкъ—Любовши, Кривца и Большой Чернавы, какъ то въ селахъ и деревняхъ: Русскомъ Бродѣ, Рождественскомъ, Корытенкѣ тожъ, Васильевскомъ—Синковцѣ, Никитскомъ—Медвѣжьенѣ, Черемошномъ, Преображенскомъ и др. Южная-же половина уѣзда, расположенная на правомъ берегу Сосны, почти повсемѣстно прикрыта пластами *третичной* формации, преимущественно изъ плодороднаго чернозема, который, какъ и въ Малоархангельскомъ уѣздѣ, достигаетъ аршина толщины. Наиболѣе замѣчательныя обнаруженія известняковъ *девонской* формации находятся здѣсь близъ села Жерина, по вертикальному обрыву оврага Грачевыхъ Верховъ, между селами Навѣснымъ и Борками, а также по берегамъ р. Тима и ея притоковъ, начиная отъ села Долгаго внизъ по теченію этой

рѣки. Толщи известняковъ, мѣстами прикрыты красною глиною, образуютъ и въ этой части уѣзда значительныя возвышенности (до 20-ти и болѣе сажень), пересѣкаемая глубокими оврагами вдоль всей Тимской дороги до города Ливенъ. Въ юго-западной части уѣзда находятся значительныя залежи желѣзныхъ рудъ, которыя по Тимской дорогѣ, на протяженіи 36-ти верстъ къ г. Ливнамъ, выдаются даже на поверхность земли. Особенно богаты этими рудами окрестности деревень: Пятиной (около 5-ти десятинъ, на правомъ берегу р. Тима), Кудиновой, Евлановой и Вахиновой. Мѣловая формация находится въ трехъ верстахъ за селомъ Царевымъ, въ выселкѣ Семичаевомъ, расположенномъ на значительной возвышенности, и въ деревнѣ Ждановой, близъ села Семеновскаго. Наконецъ, во многихъ мѣстахъ южной полосы уѣзда залегаютъ торфъ, которымъ особенно изобилуютъ слѣдующія мѣстности: близъ села Борокъ (въ лощинѣ, въ двѣ версты длиною и до семи аршинъ толщины), въ окрестностяхъ села Царева (въ трехъ сходящихся низменностяхъ), въ деревняхъ Плоткѣ и Ивановкѣ, а также по берегамъ ручьевъ и рѣчекъ, впадающихъ въ р. Олымъ, на наземныхъ мѣстахъ, въ окрестностяхъ деревень — Олмы, Здвиженской и Линовца. Есть мѣстности въ области р. Олыма, гдѣ торфъ, по словамъ крестьянъ, достигаетъ пяти аршинъ глубины; такова лощина рѣчки Скакуна (на границѣ Ливенскаго и Землянскаго уѣздовъ).

Общая покатость Ливенскаго уѣзда къ востоку и даже къ юго-востоку, при отсутствіи лѣсовъ и болотъ, имѣетъ важное вліяніе на климатъ. Отличалась вообще сухостью, уѣздъ Ливенскій весьма нерѣдко подвергается, особенно въ южной своей части, дѣйствию юго-восточныхъ вѣтровъ, которые лѣтомъ производятъ засуху и вредятъ успѣшному произрастанію хлѣбовъ, а зимою поднимаютъ сильныя и продолжительныя мятели. Вълѣдствіе этого климатъ Ливенскаго уѣзда, по замѣчанію академика К. С. Васеловскаго, отличается отъ климата Курской губерніи такъ рѣзко, какъ будто-бы между этими сопредѣльными территориями заключалось пространство не въ одну сотню верстъ. Тогда какъ въ сосѣдней Курской губерніи могутъ на открытомъ воздухѣ произрастать грецкій орѣхъ, горькій каштанъ, шелковица, кизиль, а въ благопріятные годы — арбузы, дыни и даже виноградъ; о разведеніи этихъ растений въ Ливенскомъ уѣздѣ нечего и думать. Изъ деревьевъ въ Ливенскомъ уѣздѣ растутъ хорошо: дубъ, береза, кленъ, ясень, осина, орѣшникъ; хвойныхъ деревъ нѣтъ нигдѣ самородныхъ; въ садахъ разводятся: яблоки, груши, дули, бергамоты, черносливъ, инжиръ, крыженикъ, смородина, малина. Изъ полевыхъ растений водятся: пшеница, просо, гречиха, преимущественно — рожь, овесъ, ленъ, конопля. Изъ птицъ въ особенности много перелетовъ; дрохвы и стрепеты встрѣчаются рѣдко. Рѣки и рѣчки богаты рыбою, но преимущественно мелкою *).

*) См. „Орловская губернія. Списокъ населенныхъ мѣстъ по свѣдѣніямъ 1866 г. Изданъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“. — Также Орловскій Губернскій Вѣдомости 1860 года № 23.

Рѣка Сосна, орошающая три уѣзда Орловской губерніи — Малоархангельскій, Ливенскій и Елецкій, образуется изъ двухъ ручьевъ — Верхней Сосны и Нижней Сосны, которые берутъ начало въ дачахъ села Верхососенья (нынѣ Малоархангельскаго уѣзда) и скоро сливаются въ одно русло. Въ древности за этою рѣкою усвоено было названіе *Быстрой Сосны* — какъ по причинѣ быстрого ея теченія, такъ и въ отличіе отъ другой Сосны, которая течетъ южнѣе и впадаетъ также въ рѣку Донъ. Первыя обстоятельныя свѣдѣнія о бассейнѣ р. Быстрой Сосны сообщаютъ намъ „Книга Большому Чертежу или Древняя Карта Россійскаго Государства“, поновленная въ Розрядѣ и списанная въ книгу въ 1627 году. Здѣсь мы читаемъ: „Сосна рѣка вытекла... изъ тосей гряды (что и р. Ока, — отъ Раковыхъ колковъ)... изъ подъ Похнутовы дороги, отъ верху Оки верстъ съ 15-ты, и потекла подъ городъ подъ Ливны, а изъ подъ Ливенъ потекла подъ Елецъ, и пала въ Донъ, ниже Ельца верстъ съ 15-ты, а протоку Сосны рѣки верстъ со 180“. Въ то время, какъ составлялась и поновлялась „Древняя Карта Россійскаго Государства“, р. Быстрая Сосна считалась еще пограничною въ Московскомъ царствѣ, почему лѣвый ея берегъ назывался *Московскимъ*, а правый — *Крымскимъ* и *Ногайскимъ*. Съ лѣвой или Московской стороны въ Книгѣ — „Большомъ чертежѣ“ указываются слѣдующіе притоки Быстрой Сосны: 1) „р. *Труды* — отъ г. Ливенъ верстъ съ 15-ты, а ниже Трудовъ на Соснѣ *Нирпичный бродъ*, выше города Ливенъ версты съ 3, а въ рѣку Труды пала рѣка *Любовша*, отъ Ливенъ 20 верстъ; 2) рѣчка *Ливны*; 3) *Хмелевой колодезь* — ниже Ливны верстъ съ 6-ты; 4) рѣчка *Чернава* — отъ Ливенъ верстъ съ 30; 5) рѣчка *Есенокъ* (Ясенокъ) — ниже Чернавы версты съ 3; 6) рѣчка *Ворголь*; 7) рѣчка *Елецъ*. Отъ Ливенъ до Ельца 50 верстъ, а ниже города Ельца до устья р. Сосны 15 верстъ *). Съ правой или Крымско-Ногайской стороны въ Быструю Сосну впадаютъ: 1) рѣчка *Хвошна* (Хвошна) — отъ Ливенъ верстъ съ полъ 30 (т. е. съ 25); 2) рѣчка *Тимъ*, а въ рѣку Тимъ впали колодези: *Нобылей*, *Долгой*, да *Плоской* (межъ ихъ верстъ по 10), да *Савинской*, 3) *Щенева* — ниже Ливны версты съ 3; 4) рѣчка *Олымъ*, — отъ Ливенъ до устья Олымы 27 верстъ **). Такія именно свѣдѣнія о Соснинскомъ бассейнѣ имѣлись на Москвѣ въ концѣ 16-го и въ началѣ 17-го вѣка. Въ „Памятной Книжкѣ Орловской губерніи за 1860 годъ“ говорится: „Сосна, начинаясь въ селѣ Верхососенѣ Малоархангельскаго уѣзда, течетъ между возвышеннымъ лѣвнымъ и низменнымъ правымъ берегами, по Ливенскому и Елецкому уѣздамъ, и впадаетъ съ правой стороны въ Донъ (на границѣ Елецкаго уѣзда).

*) «А ниже устья р. Сосны, и ниже Донскія босды (т. е. мѣста сдѣланія на водохранимъ судахъ), съ Ногайскія стороны, верстъ съ 10-ты, пала въ Донъ Студенка колодезь. А ниже Студенка колодезь, 15 верстъ, съ Ногайской стороны, пала въ Донъ рѣчка Рѣнецъ (Репенець), а съ Крымской стороны, ниже Рѣнца верстъ съ 5, пала въ Донъ рѣчка Слова, а Слово вытекала отъ верху Олымы (Олымъ)».

**) Книга Больш. Черт., изд. 2, Сиб., 1838 г., стр. 4, 5, 42, 43, 44, 105 и 106.

На расстоянии 240 верст всего течения, она принимаетъ въ себя очень много рѣчекъ, изъ которыхъ пять наиболее значительны (это: Труды и Чернава—съ лѣвой стороны, и Тимъ, Кшенъ и Олымъ—съ правой стороны; первая текутъ съ сѣвера на югъ, а послѣднія съ юга на сѣверъ; верховья первыхъ находятся у границы Тульской губернии, а послѣднихъ—на границѣ съ Курскою и Воронежскою губерніями). Течение воды въ р. Соснѣ быстрое; глубина и ширина ея, по причинѣ устроенныхъ на ней мельничныхъ плотинъ, не одинаковы; въ окрестностяхъ городовъ Ельца и Ливенъ она имѣетъ въ ширину отъ 25 до 50 саженъ, а въ глубину отъ 3 до 4 аршинъ, которая, однако-же, отъ наносимаго весеннею водою песку и мелкихъ камней часто измѣняется. [Мельницы и плотины начали устраиваться на Соснѣ не раньше времени Петра Великаго; до этого же времени р. Сосна была судоходною; по ней свободно плавали на лодкахъ и стругахъ до р. Дона, сплавляли лѣсъ, доставляли съ Ливенъ и Ельца Донскимъ казакамъ хлѣбъ, сукна, порохъ, свинецъ и всякое оружіе; по этой же рѣкѣ, какъ гласитъ преданіе, совершалъ плаваніе и Святитель Алексій, Митрополитъ Московскій, во время своего путешествія въ Орду, для исцѣленія ханши Тайдулы. Впослѣдствіи судоходство по р. Соснѣ прекратилось какъ по причинѣ зарудки р. Дона при селѣ Парусномъ частною владѣльческою плотиною, такъ и потому, что на самой Соснѣ появилось множество мельницъ—крупчатокъ. Не смотря на то, что [Ливенскія и Елецкія крупчатки считаются лучшими во всей Россіи.] [вопросъ о возстановленіи судоходства по р. Соснѣ не разъ поднимался въ правительственныхъ учрежденіяхъ, и, въ одно особенно время, Главное Управленіе Путей Сообщенія вело дѣятельную переписку съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ объ устраниеніи препятствій къ судоходству. По этому поводу въ Памятной Книжкѣ Орловской губерніи за 1864 годъ высказывалось предположеніе, что „если возможно будетъ р. Сосну сдѣлать судоходною посредствомъ искусственной плотины и очищенія ея русла отъ засоренія, то для восточной стороны губерніи отроется непосредственное сообщеніе съ Азовскимъ моремъ, что, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть самыя благотворныя послѣдствія для промышленности и торговли этого края и сопредѣльныхъ съ нимъ уѣздовъ“^{*)}. Такимъ предположеніямъ не суждено было исполниться по многимъ причинамъ, между которыми немаловажною можно считать и недостатокъ лѣса, годнаго для устройства и поддержанія пристани у города Ливенъ. Но вмѣсто того, въ бассейнѣ р. Сосны скоро прошла желѣзная дорога и своею вѣтвю сблизила обитателей г. Ливенъ и его уѣзда съ новыми, удобными путями сообщенія, покрывшими уже необозримое пространство нашего отечества.]

У обитателей Верхососенья держится преданіе, что ихъ рѣка вытекла изъ—подъ *сосны*, почему и получила такое названіе. А что въ области р. Сосны залегалъ нѣкогда

^{*)} См. Орловскія Губернскія Вѣдомости за 1860 г. на стр. 331 и за 1863 г. № 12; Памятную Книжку Орловской губерніи за 1864 г. и «Сверную Почту» 1863 г. № 15.

красный лѣсъ. на это мы имѣемъ несомнѣнныя историческія данныя. Въ Книгѣ Большаго Чертежа говорится: „А подь городомъ подь Ливнами пала (въ Сосну) рѣчка Ливны съ Московской стороны, а вытекли Ливны, *Льсная* изъ *Краснаго* лѣсу, а *Полевая* Ливна прямо по Муравекой дорогѣ отъ Любовни, и пала въ Лѣсную подь Ливнами, выше острогу^{*)}. Кромѣ того, въ „Приправочной книгѣ“ 1615 года подробно указываются села, погосты, деревни, починки и займища, расположенныя подь *Краснымъ* лѣсомъ, а также колодези (Здоровецъ, Приснскій, Евлановъ, Рыбникъ, Бѣлый, Хвоцеватый или Песковатый), имѣвшіе свои источники въ *Красномъ* лѣсу равно и разныя урочища (Никольскій верхъ, Долгая поляна, Евлановъ рогъ и др.), лежавшія подь *Краснымъ* лѣсомъ^{**}). Прочія „переписныя книги“ времени царей Михаила Феодоровича, Алексѣя Михайловича и Феодора Алексѣевича, подобно „Приправочной“ 1615 года, свидѣтельствуютъ о существованіи подь города Ливенъ *Краснаго* лѣса, съ правомъ вѣзжать въ него служилымъ людямъ „по всякое лѣсное угодье“. Въ писцовой же книгѣ 1685 года мы находимъ слѣдующее, интересное для насъ, описаніе *Краснаго* лѣса и смежнаго съ нимъ *Жилева*: „А *Красный* лѣсъ межъ дву рѣчекъ—Полевой и Лѣсной Ливенокъ, которымъ помѣщикамъ и вотчинникамъ и казакамъ вѣзжать... по всякое лѣсное угодье, по старымъ писцовымъ книгамъ Ивана Малечкина 137 (1629) году, а по смѣтѣ и по старожильцовымъ сказкамъ въ длину отъ казачьей земли по рѣчкѣ по Полевой Ливенкѣ въ верхъ до деревни Косьяновой на 6 верстъ, а по Лѣсной Ливенкѣ по обѣ стороны рѣчки въ длину того *Краснаго* лѣсу отъ Ямской земли подь деревню Семенихию на 6 верстъ, а поперегъ межъ тѣхъ рѣчекъ—Полевой и Лѣсной Ливенокъ по одну сторону того *Краснаго* лѣсу на 4 версты, а по другую сторону 3 версты, и того 8,000 десятинъ; а тотъ *Красной* лѣсъ *черной*^{***}), а не пашенной; да въ томъ *Красномъ* лѣсу 4 прогорѣлыя полянки (изъ *краснаго* лѣсу), и тѣ полянки описаны на Великихъ Государей въ порозжія земли^{****}); да по концѣ полъ деревни Эдобной и деревни Хвоцеватой, а Потапова тожъ, къ становой межѣ Серболова стану *Жилева* лѣсу по обѣ стороны по верстѣ, а по концамъ по полуверстѣ, а по смѣтѣ и по старожильцовымъ сказкамъ 600 десятинъ, а тотъ *Жилевъ* лѣсъ *черной*, а не пашен-

^{*)} См. Кн. Вольм. Черт. стр. 43.—На 3-й же стр. Большаго Чертежа говорится: «Лѣсная Ливна пала близко города въ Полевою Ливну, а Полевая пала въ Сосну подь городомъ подь Ливнами». Очевидно, при составленіи древней карты Россійскаго Государства не знали, какую изъ двухъ Ливенокъ признавать главной.

^{**}) См. о *Красномъ* станѣ въ Приправочной книгѣ 1615 г. на стр. 45—179.

^{***}) *Черный* лѣсъ, т. е. казенный, ни въ чьемъ частномъ владѣніи не состоящій,—названіе «Государевъ», какъ, дѣйствительно, и называется *Красный* лѣсъ въ Ливенскихъ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ.

^{****}) Въ четырехъ «прогорѣлыхъ полянкахъ» съ двумя небольшими «прогарями» считалось болѣе «115 четей наши дикаго поля, а въ дву по тому-жъ», да сѣна свыше 420 копей.

ной *). В виду того, что въ Соснинскомъ бассейнѣ есть не мало поселеній подъ названіемъ „Сосенокъ“ и „Красныхъ“, а также и въ виду названія рѣчки *Ельчина*-сообщившаго свое имя городу Ельду **), можно думать, что въ Ливенскомъ уѣздѣ, кромѣ такъ — называемаго Краснаго лѣса, существовали нѣкогда и другіе лѣса хвой, ной породы. Если-же въ настоящее время „самородныхъ хвойныхъ деревъ нѣтъ нигдѣ въ Ливенскомъ уѣздѣ“, то это не доказываетъ еще того, будто бы хвойнаго лѣса и никогда здѣсь не было. Теперь и весь Ливенскій край имѣетъ уже характеръ степнаго пространства, такъ что по безлѣсному его виду трудно и предположить, чтобы когда-либо залегали здѣсь значительные лѣса; а между тѣмъ мы имѣемъ ясныя указанія на то, что даже въ 16-мъ и 17-мъ вѣкахъ, когда многіе изъ Ливенскихъ лѣсовъ могли сильно пострадать уже отъ степныхъ пожаровъ, производившихся съ цѣлью противодѣйствія набѣгамъ Крымскихъ Татаръ, теченіе р. Сосны было богато лѣсами, изъ которыхъ нѣкоторые назывались даже „большими“.

Въ „приправочной“ книгѣ 1615 года и въ другихъ „писцовыхъ“ Ливенскихъ книгахъ 17-го вѣка упоминаются слѣдующіе лѣса на пространствѣ тогдашняго Ливенскаго уѣзда: Красный, Жилевый, Сторожевой, Новосильскій, Присыпскій, Плотавый, Серболовъ, Маликовъ, Богдановъ, Ястребовъ, Ястребинскіе лѣски, Туровъ — Большой и Меньшій, Черный, Хмѣлевой, Вязовыяк — Большой и Малый, Ясеновъ, Святыцкій, Жериханскій, Дросковъ — Большой и Меньшій, Городецкій, Ильмовъ, Каменный, Хвощенскій, Татариновъ, Ровнецкій, Мокрецкій, Долгій, Плоскій, Середній, Лебедскій, Оберець, Кунацкая удеревъ и множество дубравъ, какъ-то: Осинная,

*) При проведеніи границъ между Краснымъ и соседними съ нимъ станами — Серболовымъ и Затруцкимъ, равно между вотчинными, помѣстными, отписными, порожками и церковными землями, меженики 17-го вѣка обыкновенно пользовались или естественными границами, такими: рѣки, рѣчки, колодези, раскаты, герчи, отаерки, вертепыны, болота и урочища, или же ямки, столбами и деревьями, съ ятками на послѣднихъ; въ числѣ примѣрныхъ деревьевъ упоминаются: дубъ („краковость, плотавъ, суховеръ, разваловатъ“), береза, кленъ, асень, осина, елька, яла, ямки, липа, яблоня и черемуха, но отнюдь не сосна или ель. Впрочемъ, меженики набирали для границъ только такіе деревья, которыя были рѣдки въ массѣ хвойнаго лѣса и, слѣдовательно, могли служить отчетливо признакомъ. Особенно, при насѣнкѣ границъ, дорожками дубами; когда же границы дубъ стѣпывали, то или указывали на его пень съ отростками, или стѣпывали у того мѣста столбъ (нѣкогда осинный или еловый) и выкапывали яму, но не переносили ятки на другой дубъ, что было бы естественно въ томъ случаѣ, еслибы этою порою деревья обиловали Красный лѣсъ. Въ подтвержденіе нашей мысли, приводимъ здѣсь часть описанія „Прогорѣлой поляны, что въ Красномъ лѣсу“, — сдѣланнаго межениками 1685 года: „Да мѣжа жь учинена Прогорѣлой поляны, почивъ отъ верха Вѣлова колодезя, что вѣдетъ изъ села Парихина къ тому колодезю по воду, у Вѣлова верха на востокъ стоитъ дубчикъ не великъ, на немъ насѣчена грань, подѣль ею яма, а дубчикъ стоитъ отъ верха на востокъ Вѣлова верха въ 7-ми саженахъ, по праву Красной лѣсы, а по лѣву прогорѣлая полянка... а отъ того дубчика и отъ ямы прямо подѣль Красной лѣсы, по лѣвую сторону отиенная прогорѣлая полянка, а по правую сторону Красной лѣсы... Въ становой межевой Красной и Серболова становой читался: «и тотъ старый дубъ выгнилъ и подѣль того дубъ поставленъ столбъ»; или: «а тотъ старый дубъ сгнился, и подѣль того мѣста поставленъ столбъ»; равно: «а старый кленъ выгнилъ, и подѣль того мѣста поставленъ столбъ»...

***) Въ бассейнѣ р. Сосны слѣды елового лѣса мы находимъ и въ мѣстности, извѣстной подъ названіемъ «Клей». Эта мѣстность охранялась въ царствованіе Іоанна Васильевича сторожами, высланными изъ украинскихъ городовъ: «а беречь направо до Гадушкина лѣса, а налѣво черезъ Ели до усть Полны 10 верстѣ».

Отсочная, Зеленая, Медвѣжья, Высокая, Ботвининская, Каменная, Вѣзжая, Косьянова, Жилевая, Становая и другія, которыми удоволены были всѣ служилые люди г. Ливень и мѣстные священно-церковно-служители. Степные пожары и особенно быстрое заселеніе Ливенскаго уѣзда въ 18-мъ вѣкѣ были причиною того, что многіе изъ этихъ лѣсовъ и дубравъ исчезли совершенно, а отъ нѣкоторыхъ до нашихъ дней уцѣлѣли лишь небольшія рощицы, да названія сель, деревень и урочищъ — Лѣсками, Борками, Дубравами и Дубровками, Дубовиками, Дубовцами и Дубовчиками, Ливовчиками, Сосенками, Березовыми, Осиновыми и Хмѣлевыми Верхами, — свидѣтельствующія, что когда-то всѣ эти поселенія тѣснились у лѣсныхъ чащъ. Правда, уже одно указаніе на множество лѣсовъ въ предѣлахъ Ливенскаго уѣзда, съ разными притокомъ именоваціями, показываетъ, что въ 17-мъ вѣкѣ Ливенскій уѣздъ не представлялъ изъ себя такого сплошнаго лѣснаго пространства, какимъ издревле славился западные уѣзды Орловской губерніи. Ливенскіе лѣса, опоясывавшіе берега р. Сосны и многочисленныхъ ея притоковъ, какъ достоверно извѣстно изъ лѣтописей, еще въ 15-мъ и 16-мъ вѣкахъ перемежались степными пространствами, или „дикими полями“. Это поле въ сѣверной половинѣ уѣзда представляло изъ себя нѣсколько степныхъ пространствъ, въ видѣ болѣе или менѣе широкихъ лентъ, извивавшихся между теченіемъ рѣкъ — Трудовъ, Любвиши, Орева и Чернавы и сходящихся между Полевою Ливною и Чернавою, у такъ-называвшейся Муравской дороги, а отсюда, по переправѣ чрезъ р. Сосну, та же степная лента развѣтвлялась снова и, образуя изъ себя нѣсколько степныхъ пространствъ, тянувшихся между рѣками — Тимою, Кшеневой и Олымю, терялась въ широкихъ южныхъ степяхъ, исконномъ привольѣ кочевниковъ. Потому-то за Соснинскимъ бассейномъ еще въ 16-мъ и 17-мъ вѣкахъ усвоено было на Руси названіе *польскихъ*, т. е. полевыхъ или украинскихъ мѣстъ.]

Древніе Ливенскіе лѣса обиловали всякимъ звѣремъ. Тутъ водились и туры, и медвѣди, и волки, и лисицы, и дикіе кабаны, и лоси, и олени, и бобры, не говоря уже о мелкомъ лѣсномъ и полевомъ звѣрѣ*). Отсюда, безъ сомнѣнія, произошли и самыя названія нѣкоторыхъ Ливенскихъ лѣсовъ Туровыми, колодезей — Медвѣжьими и Волчьими, дубровъ — Свиными и Медвѣжьими, а сель, деревень, поселковъ, верховъ и бродовъ на Соснѣ — Лисицыными, Волчьими и Медвѣжьими**). Многочисленные лѣса и дубровы питали въ себѣ много ключей, колодезей, рѣчекъ, болотъ и озеръ, чрезъ что дѣлали и самую р. Сосну болѣе многоводною, чѣмъ въ настоящее время. Тогда на быстрыхъ водахъ р. Сосны пестрѣли цѣлыя стада дикихъ утокъ, гусей и краси-

*) Въ Соснинскомъ бассейнѣ иногда выкапываются и выбрасываются весеннею водою оленины рога, огромные зубы и клыки неизвѣстныхъ животныхъ. Не такъ давно, въ области р. Ошана найдены были: зубъ вѣсомъ въ 6 фунтовъ и клыкъ величиною въ 18 четвертей. Объ этихъ находкахъ, имѣющихся у крестьянъ села Кастроного, сообщаетъ Воронежскому статистическому комитету дѣйствительный членъ его С. Е. Зѣревъ.

***) «А изъ Большаго Медвѣжья Верха вышелъ Медвѣжьій вывернець»... Объ этихъ урочищахъ, находящихся при деревнѣ Дутой, упоминается въ писцовой книгѣ 1685 г. подъ № 519.

ныхъ лебедей, на которыхъ (въ 13-мъ вѣкѣ) охотились какъ русскіе ловчіе, такъ и Монгольскіе соколяники; а надъ поверхностью всего Соснинскаго бассейна высоко парили царственные орлы, соколы, быстролетные журавли и ястребы. Съ истребленіемъ лѣсовъ многіе притоки Сосны обмелѣли, бывшіе рѣчки обратились въ ничтожныя ручьи, а колодези или ручьи пересохли и оставили по себѣ русла, наполняемыя лишь полою водою; тамъ-же, гдѣ были ржавцы (топи) и болота, прошла уже борозда пахаря, или залегаеетъ богатый торфъ. На память о господствовавшихъ здѣсь породахъ птицъ остались теперь одни названія мѣстностей, какъ — Орлово, Орлянка, Орлово Гнѣздо*), Сокольская, Соколы Горы**), Ястребинъ Колодезь, Ястребинки и Ястребовка. Известно также, что у береговъ Быстрой Сосны водились вѣогда и дорогіе бобры, на которыхъ, какъ „и на всякій звѣрь“, въ началѣ 17-го вѣка, охотились „посліе Ливенскіе люди, и за бобровые гоны давали оброкъ на Ливнахъ въ Розрядѣ***)“. Рѣка Кшень „съ упалами въ нее колодезями“, по указу царя Михаила Феодоровича, была предоставлена „съ бобровыми гоны и хмѣлевыми болоты“ игумену Ливенскаго Сергіева монастыря Харлазнію съ братею „въ вотчину на нищу и на свѣчи, и на ладонъ, и на вино церковное****)“, а доходы съ бобровыхъ гоней по рѣкамъ Олмы, Трудамъ и Любовшѣ поступали въ казну Государеву. Отсюда-то, какъ надо полагать, произошли и самыя названія вѣкоторыхъ поселеній на рѣкѣ Кшени: Бобровка (Александровка, Кобыля тожъ) и село Вобровка (Дмитріевское тожъ) при колодцахъ.

Плодородіе почвы, тучныя пастбища, обиліе воды, лѣса, богатые пушнымъ звѣремъ, и разнообразная дичь, — все это дѣлало бассейнъ Быстрой Сосны однимъ изъ прекраснѣйшихъ уголковъ обширной страны, известной впоследствии подъ именемъ Россіи, и еще въ глубокой древности привлекало къ нему разныхъ кочевниковъ, которые, тѣсясь и вытѣсняя другъ друга, не могли прочно осѣсть здѣсь и составить изъ себя культурное населеніе. О древности заселенія Соснинскаго бассейна свидѣтельствуютъ археологическія находки, относящіяся къ бронзовому вѣку. Такъ, напримѣръ, лѣтомъ 1891 года, въ области р. Олыма, на самой границѣ Ливенскаго и Землянскаго уѣздовъ, на глубинѣ трехъ аршинъ, найдены: „полукруглое долотце и два топорика, грубо отдѣланные, своимъ размѣромъ и общимъ видомъ напоминающіе подобныя-же топорки бронзоваго періода, хранящіеся въ Историческомъ Музеѣ, въ

*) Объ урочищѣ «Орлово Гнѣздѣ», въ области р. Любовши и Становаго колодезя, упоминается въ писцовой книгѣ 1685 г. подъ № 518.

**) Въ книгѣ Больш. Чертежа на стр. 42 читаемъ: «А на рѣкѣ въ Соснѣ, близко устья, съ лѣвья стороны, Соколы горы». Теперь на этомъ мѣстѣ находятся двѣ деревни Сокольскія — Сахаревки, въ 12 и 13 верстахъ отъ Ельи.

***) «Подлинная приправочная книга по городу Ливнамъ» 1615 г., на стр. 3.

****) Выписи Ливенскаго воеводы Игнатія Михнева да Федора Шинкина отъ 16 октября 1615 года, а также выписи и другія воеводъ.

Москвѣ*)». Возможно, что еще Древніе Скифы и Сарматы своими кочевьями достигали береговъ Быстрой Сосны, а потомъ уступили обладаніе этимъ краемъ воинственнымъ Остготамъ. Царство Остготское, какъ известно, въ 4-мъ вѣкѣ по Р. Хр., пало подъ ударами страшныхъ Гунновъ; но и эти варвары главною своею массою скоро схлынули на западъ Европы. Затѣмъ берега Сосны подпали господству жестокихъ Аваръ или Обровъ, которые также перебрались на западъ и, подобно Гуннамъ, исчезли изъ памяти народовъ. Тогда у Окскаго и Соснинскаго бассейновъ поселяются Финны. Въ числѣ Финскихъ племенъ были и *Ливы*, которые, быть можетъ, сохранили названіе не только Окѣ, но и нашимъ рѣчкамъ Ливнамъ, а чрезъ нихъ и самому городу Ливнамъ. Въ 9-мъ вѣкѣ рядомъ съ Финнами, въ области, названной *Лебедію*, которая такъ напоминаетъ соедѣній съ Соснинскимъ бассейномъ Лебедянъ (городъ Тамбовской губерніи), поселились Мадыры. Избѣгалъ Хозарской зависимости и нападенія со стороны Печенѣговъ, Мадыры ушли на юго-западъ, увѣковѣчивъ, быть можетъ, временное свое пребываніе въ Лебедіи названіемъ рѣки *Алыма* или *Олыма* **). Столько народовъ тѣснилось у живописныхъ береговъ Сосны, и ни одному изъ нихъ не суждено было составить здѣсь прочную колонизацію. Наконецъ, сюда пришло съ запада бодрое Славянское племя и вмѣстѣ съ верховьемъ р. Оки навсегда усвоило за собою бассейнъ р. Сосны, вытѣснивъ отсюда прежнихъ обитателей. Это, по единоголосному признанію историковъ, были Вятичи, пришедшіе сюда отъ береговъ Вислы съ родоначальникомъ своимъ Вятко ***).

Когда именно утвердились Вятичи на берегахъ Оки и Сосны — неизвѣстно; достоверно извѣстно только, что они поселились здѣсь еще до основанія Русскаго государства. Съ этого времени и до 12-го столѣтія Вятичи держались зачатка, обоготворяя разныхъ стихій и явленія видимой природы. Главныя ихъ божества были тѣ же, что и у другихъ южно-русскихъ славянъ. Это: *Перунъ* — богъ грома и молніи. *Волосъ* или *Велесъ* — податель земныхъ благъ и въ особенности покровитель домашняго скота. *Стрибогъ* — властитель вѣтровъ. *Дажбогъ* — богъ неба, виноделия всякаго богатства. *Нупало* — представитель водной стихіи. *Нояда* — божество мира и празднествъ. *Осладъ* или *Усладъ* — богъ веселья и всякихъ забавъ. *Ладо* и *Лели* —

*) Объ этомъ см. ниже печатное сообщеніе действительнаго члена Воронежскаго статистическаго комитета С. Е. Зябрева, отъ 26 іюня 1891 года.

**) См. «К. Вестужевъ-Рюминъ, Русская Исторія», Сиб. 1872, т. I, стр. 69 — 70.

***) Г. Артемьевъ въ своей статьѣ — «Городъ Ливны и Ливенскій уѣздъ» замѣчаетъ: «собственно говоря, въ лѣтописяхъ не находится прямыхъ указаній, что пространство, занимаемое нынѣ Ливенскимъ уѣздомъ, входило въ составъ земли Вятичей; но сомнѣваться въ этомъ, кажется, нельзя, а развѣ можно оспаривать такое предположеніе тѣмъ только, что эта мѣстность частью принадлежала и Сѣверѣ, жившей на сѣверо-западъ отъ Вятичей по рѣкамъ Сени и Деснѣ. Во всякомъ случаѣ рѣку Сосну, быть можетъ, нужно признавать межею, разграничившею земли этихъ двухъ племенъ». Съ своей стороны мы полагаемъ, что въ настоящее время опредѣлить границу соприкосновенія двухъ смежныхъ племенъ — Вятичей и Сѣверянъ не только на востокъ Орловской губерніи, но и на западъ ея, не возможно, а потому достаточно для насъ того убѣжденія, что къ главной массѣ населенія Орловской губерніи изъ Вятичей несомненно примѣшивалась и значительная часть Сѣверянъ.

божества молодости, красоты, любви и вместе семейного счастья. *Чурь*— верховный страж границ и межъ. *Чернобогъ*— виновникъ людскаго мора и скотскаго падежа. *Морена*— богиня смерти. *Нощей* и *Баба-Яга*— представители зимнихъ холодовъ, мятежей и бурь. *Кинимора*— божество сна. *Мать сыра земля* и др. Имена нѣкоторыхъ изъ этихъ языческихъ божествъ доселѣ еще слышатся въ устахъ простонародія. Такъ Ладо и Лели вспоминаются въ свадебныхъ или подвѣчныхъ пѣсняхъ; Чурь— слово общеупотребительное при воспрещеніи, божба сырою землею считается одною изъ страшныхъ клятвъ; Кощей и Баба-Яга вошли въ народныя сказки; Кикимору доселѣ призываютъ, когда хотятъ наслатъ на кого сонъ, или заставить замолчать, а празднества въ честь Коляды и Купала слишкомъ памятны еще для народа. Названія нѣкоторыхъ языческихъ божествъ, подъ вліяніемъ христіанства, превратились въ имена Святыхъ. Такъ Волосъ въ сознаніи простонародія принялъ имя Св. Власія, покровителя скота; но Волосу, какъ покровителю земледѣлія, доселѣ завиваютъ колосъ „на бородку“. Поклоненіе Перуну перешло на пророка Ілію; божеству солнца— на Егорія храбраго. Въ честь главныхъ божествъ приносились жертвы изъ мяса, плодовъ и разнаго печенья, а также совершались празднества и церемоніи, память о которыхъ доселѣ еще живетъ въ простонародіи, какъ напримѣръ: вылаканіе весны на Радуніцѣ (Юмино воскресенья), прыганіе черезъ огонь (праздникъ въ честь Купала), опахиваніе села (по случаю людскаго мора или скотскаго падежа) и т. под. Къ числу второстепенныхъ или неглавныхъ божествъ принадлежали: *Домовой*— покровитель семьи, олицетворявшій душу предка; *Льшіе*, обитавшіе въ лѣсахъ; *Водяные*, жившіе на днѣ рѣкъ, озеръ и болотъ; *Русалки*, населявшія поля и роши; *Буна*— страшнѣйшее съ необыкновенно длиннымъ языкомъ, которое днемъ гнѣздилось подъ мельничнымъ колесомъ, а ночью хватало неосторожныхъ дѣтей у воротъ двора. Цѣлые вѣка прошли уже съ тѣхъ поръ, какъ язычество на берегахъ Быстрой Сосны должно было уступить мѣсто христіанству, но представленіе о *льшихъ* и *домовыхъ* доселѣ держится въ простонародіи; говорятъ: „лѣшій тебя возьми; скотина не по двору пришла“, т. е. не по Домовому; Букою доселѣ страшатъ дѣтей, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мельничной пучинѣ усвоится даже названіе „буковища“ *). Душу умершаго человѣка язычники представляли то въ видѣ огня, пара и дыма, то подъ образомъ мотылька или бабочки, но во всякомъ случаѣ остающемуся на землѣ и принимавшему участіе въ судьбѣ своихъ живыхъ родственниковъ, друзей и сосѣдей; покойники были не безучастны къ радостямъ и скорбямъ живущихъ еще на землѣ своихъ родственниковъ,—они сами испытывали атмосферическія перемѣны, могли даже ѣсть и пить. Потому у изголовья покойниковъ ставили воду, медъ, кутью и т. под.;

*) Въ Орловской губерніи есть нѣсколько деревень подъ названіемъ Бука: Бука или Букима при Кошневскомъ болотѣ, въ 33 верстахъ отъ г. Болхова; Буки—при колодцахъ, въ 39 верстахъ отъ г. Карачева; есть также село Буковиче (Богородицкое—Шанино) при р. Везьминѣ въ Орловскомъ уѣздѣ.

отогрѣвали ихъ души во время сильныхъ морозовъ; предлагали въ пищу первый спеченный блинъ; клали въ гробъ деньги. (Въ отогрѣваніи покойниковъ, такъ недавно еще вышедшемъ изъ употребленія, нельзя не видѣть указанія и на древній обычай погребенія чрезъ сожженіе труповъ и собраніе пепла въ глиняные сосуды, такъ какъ и при отогрѣваніи душъ устраивался своего рода костеръ и употреблялся глиняный черепокъ. Домового знаютъ и до сихъ поръ; оставляя старый домъ и перебираясь въ новый, хозяйка беретъ горшокъ, въ которомъ никогда ничего не варили, кладетъ въ него уголья и вызываетъ Домового, говоря: „милости просимъ, дѣдушка, на новое жильѣ“. Различаютъ своего Домового, ласковаго къ домашнимъ, заботящагося объ ихъ животныхъ, и чужаго, который причиняетъ разныя проказы.

Первый русскій лѣтописецъ, преподобный Несторъ, въ такихъ чертахъ описываетъ бытъ и нравы первоначальныхъ обитателей нашего края: „Вятичи и Сѣверъ (Сѣверяне) одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто, и срамословіе (т. е., что сравно передать словами) въ нихъ предъ отцы и снохами; браци не бывають въ нихъ, но игрища межъ селы; схожахуся на игрища, на пласанье и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены себѣ, съ нею же кто совѣщашесе; имяху же по двѣ и по три жены; аще же кто умираше, творяху тризну надъ нимъ, и по семъ творяху кладу (костеръ) велику, и возлагаху на кладу мертвеца и сожигаху, и по семъ, собравши кости, влагаху въ сосудину малу и поставляху на столѣи на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ“,— добавляетъ лѣтописецъ въ концѣ 11-го или въ началѣ 12-го вѣка. При свѣтѣ этого лѣтописнаго свидѣтельства становятся болѣе понятными и многія бытвыя черты современныхъ намъ обитателей Соснинскаго бассейна, а именно: равнодушіе къ возможному комфорту въ домашней жизни и нечистоплотность; извѣстная игра молодыхъ людей „въ горѣлки“ и веселые хороводы на Красной горкѣ („Семики“) и въ Зеленыя святки (праздникъ Троицы); окупъ женихомъ своей невесты предъ ея родственниками и разныя свадебныя подарки; угнетенное положеніе снохъ предъ свекрами и брань „снохачествомъ“; обычай голосить надъ покойниками и поминать ихъ съ обильнымъ употребленіемъ опьяняющихъ напитковъ; разныя предразсудки относительно перекрестковъ на дорогахъ (ростыней) и т. п.

Первобытные обитатели р. Сосны, какъ и сосѣдней съ нею Оки, жили родовымъ бытомъ и управлялись своими старѣйшинами или князьями; но скоро они должны были подчиниться Козарамъ. Этотъ послѣдній народъ обиталъ между Волгою и Дономъ и, такимъ образомъ, являлся ближайшимъ сосѣдомъ Вятичей на востокъ. Представляя изъ себя довольно могущественное государство, подъ верховнымъ управленіемъ кагановъ. Козары находились въ союзѣ съ Византійской имперіей, иногда помогали ей своею конницею въ борьбѣ съ Персами, вели съ Греками торговлю и пользовались Греческими архитекторами для построенія городовъ. Между тѣмъ Вятичи, при своей многочисленности, распались на отдѣльные роды, иногда враждебные одинъ другому,

и потому не могли соперничать въ силѣ съ Козарами. Прежде другихъ данниками Козарь сдѣлались обитатели Быстрой Сосны и Оки, а за Вятичами подчинились Сѣверяне и Радимичи. Впрочемъ, господство Козарь, какъ народа, не вполне вышедшаго еще изъ кочеваго быта, было не особенно тяжело: Козары не посягали на вѣровнія, нравы, обычаи и родовое самоуправленіе подчиненныхъ имъ Славянскихъ племенъ, а довольствовались одною данью — „по бѣлкѣ и горностаю отъ жилаго дома“, какая дань, при обиліи пушнаго звѣря въ тогдашнихъ лѣсахъ, не могла считаться обременительною. Обитатели же Быстрой Сосны тѣмъ легче мирились съ Козарскою зависимою, что она пролагала для нихъ свободный путь къ Дону и способствовала сбыту естественныхъ ихъ произведеній въ другія руки, изъ которыхъ они, въ свою очередь, получали то, въ чемъ нуждались сами. При посредствѣ Козарскихъ и Греческихъ купцовъ древніе обитатели Ливенскаго уѣзда скоро познакомились и съ денежною системою, такъ что позднѣе самая дань ихъ Козарамъ, для большаго удобства, была переложена на деньги — „по шелягу отъ рала“, т. е. съ сохи. Денежная система, въ значительной мѣрѣ облегчавшая торговля сношенія, была для нашихъ предковъ важнымъ открытіемъ; а такъ какъ большинство монеты шло къ нимъ изъ Греціи, то съ понятіемъ о грекѣ у нихъ тогда уже возникло представленіе какъ о богатомъ человѣкѣ. „Онъ богатъ, какъ грекъ“; „у него денегъ, что у грека“, — говорятъ и доселѣ наши простолюдины, когда хотятъ назвать кого-либо богатымъ.

Въ 862-мъ году, когда Козары господствовали надъ южно-русскими Славянскими племенами, среди сѣверныхъ племенъ возникло Русское государство. Скоро центръ этого государства передвинуть былъ съ сѣвера на югъ, и платившіе дань Козарамъ Сѣверяне и Радимичи должны были подчиниться Русскому владѣтельству; между тѣмъ Вятичи, въ продолженіе цѣлаго столѣтія, оставались еще данниками Козарь. Послѣ Рюрика, основателя Русскаго государства, ни воинственный Олегъ, ни жадный къ добычѣ Игорь и мудрый супругъ его Ольга не могли достигнуть береговъ Оки, а тѣмъ болѣе — Быстрой Сосны, прикрытой со стороны Кіева дремучими лѣсами. Но вотъ, въ 964 году, у береговъ Оки и Сосны появляется воинственнѣйшій изъ Русскихъ князей — Святославъ Игоревичъ; онъ покоряетъ Вятичей и облагаетъ ихъ тою же данью, какую дотолѣ они давали Козарамъ, т. е., по шелягу съ сохи; потомъ вступаетъ въ область Дона, одерживаетъ блистательную побѣду надъ могущественнымъ Козарскимъ коганомъ, беретъ у него крѣпкій городъ Саркель, или Вѣлау Вѣжу, и, такимъ образомъ, упрочиваетъ за собою обладаніе берегами Оки и Сосны. Царство Козарское сокрушено. Казалось бы, Вятичамъ все равно, кому ни платить по шелягу съ сохи, — Козарамъ или Кіевской Руси. Но не то видимъ на дѣлѣ. Лишь только Святославъ вышелъ изъ земли Вятичей, какъ они отложились отъ него и дань въ Кіевъ не дали. Ясно, что для Вятичей Козарская зависимость была выгоднѣе Русскаго владѣтельства; съ первою они давно уже сжились и имѣли чрезъ нее торговля

выгоды, а послѣднее было для нихъ ново и притомъ, чрезъ погромъ Козарскаго царства, остановило ихъ торговлю на востокѣ, откуда получались ими и самыя шеляги. По видимому, такіа невыгоды Русскаго владѣтельства для Вятичей сознавалъ и самъ Святославъ Игоревичъ, когда, усмиривъ ихъ силою оружія, оставилъ за ними прежнюю дань, а не обложилъ ихъ большою данью, какъ поступали иногда Русскіе князья съ мятежными племенами. Однако-жъ великодушіе Святослава не примирило Вятичей съ Русскою данью: узнавши, что Святославъ ушелъ въ далекую Болгарію, они снова отложились и не платили дани какъ самому Святославу, такъ послѣ него и сыну его Ярополку. Только Владиміру Святославичу, послѣ двукратныхъ походовъ, удалось сломить непокорность Вятичей и обложить ихъ данью, которая теперь, за частыя ихъ возмущенія, была увеличена и состояла изъ двухъ шеляговъ съ сохи. Но и послѣ этого, считаясь данниками Руси, Вятичи не входили еще надлежащимъ образомъ въ составъ Русскаго государства и, въ теченіе цѣлаго вѣка, продолжали управляться своими родоначальниками, или князьями. Земля Вятичей была то же, что государство въ государствѣ, такъ что даже проникать въ нее считалось особеннымъ подвигомъ для Русскихъ князей. Даже такой воинственный и безстрашный князь, какъ Владиміръ Мономахъ, ставилъ въ числѣ своихъ подвиговъ и то, что ему удалось благополучно пройти „сквозъ Вятичь“; но, кромѣ того, враждебныя дѣйствія Вятичей заставили Владиміра Мономаха предпринимать противъ нихъ и военные походы — „на Ходату и на сына его и по Корьдну“. Весьма вѣроятно, что послѣдніе походы были обращены къ восточной вѣтви Вятичей, обитавшихъ по берегамъ Зуши и Быстрой Сосны, такъ какъ для нихъ (особенно же для жителей Соснинскаго бассейна) перемена Козарскаго владѣтельства на Русское была наиболѣе не выгодна; и если Вятичи, еще при Владимірѣ Святославѣ, искали союза съ степными Печенѣгами для совмѣстнаго дѣйствованія противъ Русскаго князя, то и такое предпріятіе ближе всего подходитъ къ обитателямъ р. Сосны, за которою къ югу тянулись необозримыя степи — приволье Печенѣговъ, а потомъ Половцевъ. Съ другой стороны, и самое христіанство, утвердившееся на Руси со времени Св. Владиміра, долго служило средствомъ между Русью и землею Вятичей, въ которой, по отзыву преподобнаго Нестора, царилъ глубокой мракъ язычества.

Прочное владѣтельство Руси по берегамъ Быстрой Сосны начало водворяться только послѣ Любецкаго сѣзда (1097 г.), когда обширная область Вятичей распалась между потомками внука Св. Владиміра, Святослава Ярославича, а бассейнъ Сосны примкнулъ къ Рязанскому княжеству, доставшемуся въ удѣлъ Ярославу Святославичу. Впослѣдствіи въ Рязанскомъ княжествѣ выдѣляются еще двѣ княжескія территоріи — Муромская и Провская, но теченіе Быстрой Сосны остается собственно подъ властію Рязанскихъ князей. Здѣсь же, въ первой половинѣ 12-го вѣка, насаждается и христіанство, которое окончательно примираетъ обитателей Соснинскаго бассейна съ

Русским владичеством и способствует тому, что самое название Вятичей постепенно исчезает из памяти народа. Вѣра Христова объединила всѣ крещенныя племена и усвоила за ними общее имя православной Руси. Честь просвѣщенія Вятичей всѣми историками приписывается Св. Кукшѣ, объ апостольской дѣятельности котораго Св. Симонъ, епископъ Владимірскій и Суздальскій, жившій въ началѣ 13-го вѣка, въ своемъ посланіи къ Печерскому черноризцу Поликарпу говоритъ слѣдующее: „Могу ли умолчать и о семъ священно-мученикѣ, черноризцѣ того же Печерскаго монастыря, Кукшѣ, о которомъ всѣ вѣдаютъ, како обѣмъ прогна и Вятичей крести, дождь спде и езеро изсуши, и много чудесъ сотвори, и по многихъ мукахъ уѣченъ бысть съ своимъ ученикомъ Никономъ^{*)}. Нетлѣнныя мощи Св. Кукши почиваютъ въ Киевскихъ пещерахъ, а память о немъ и его ученикѣ творится Церковію 27-го Августа. Хотя ни въ лѣтописяхъ, ни въ мѣстныхъ преданіяхъ не сохранилось указанія на то, гдѣ именно подвизался среди Вятичей Св. Кукша; но такъ какъ, по нѣкоторымъ историческимъ соображеніямъ, проповѣдь Св. Кукши въ землѣ Вятичей продолжалась болѣе двадцати лѣтъ^{**)}, то весьма вѣроятно, что среди апостольской дѣятельности не были оставлены имъ и берега Быстрой Сосны, какъ наиболее притомъ удаленные отъ просвѣтительныхъ центровъ (Кіева и Чернигова) и потому особенно нуждавшіеся въ ревностномъ проповѣдникѣ. И вотъ, вынужденные прежде силою оружія платить дань Кіеву, обитатели Соснинскаго бассейна тяготятъ теперь къ нему добровольно и въ видѣ смиренныхъ паломниковъ несутъ ему свои сердца, согрѣтыя чувствомъ благодарности къ той обители, откуда излился и впервые озарилъ ихъ лучъ небесной истины. То, что не додѣлано было на берегахъ Сосны священно-мученикомъ Кукшею, стало предметомъ попеченія епархіальной власти — сперва Черниговской, потомъ Рязанской и, при содѣйствіи мѣстныхъ владѣтелей, Рязанско-Елецкихъ и Ливенскихъ князей, довершено въ теченіе многихъ вѣковъ.

II.

Древность города Ливень и князя на Рязани, на Ливнахъ и на Воронежѣ.

Вопросъ о древности города Ливень въ ряду прочихъ городовъ Орловской губерніи. — Недавнее открытіе о существованіи города Ливень въ 12-мъ вѣкѣ. — Рязанскіе князья — Глѣбовичи на Ливнахъ и на Воронежѣ.

^{*)} Исторія Русской Церкви Пресвященнаго Макарія, т. 2, стр. 22.

^{**)} О Св. Кукшѣ и времени апостольской его дѣятельности см. рядъ замѣчныхъ статей, помѣщенныхъ въ Орлов. Епарх. Вѣдом. за 1880 и послѣдующіе годы.

жѣ. — Сосѣдство съ Половцами. — Судьба Ливенскихъ владѣтелей въ борьбѣ съ Владиміро-Суздальскими князьями. — Внутреннія крамолы въ Рязанскомъ княжествѣ и участіе въ нихъ Половцевъ.

Частія возстанія Вятичей противъ Русскаго владѣчества подъ предводительствомъ собственныхъ князей, пытавшихся создать изъ своего племени нѣчто въ родѣ независимаго государства, заставляютъ думать, что у этого воинственнаго и свободолюбиваго племени тогда уже были города, какъ опорные пункты въ борьбѣ съ могущественными соперниками и безопасныя резиденціи для родовыхъ князей. Такое предположеніе поддерживаютъ и упоминаемыя въ русскихъ былинахъ грозныя *заставы*, вслѣдствіе которыхъ прямобзкая дорога изъ Чернигова въ землю Вятичей „заколѣбла, замуравѣла“, такъ что проникать за тѣ заставы считалось дѣломъ величайшаго риска даже для такого могучаго богатыря времени Владиміра — Краснаго солнышка, каковъ былъ прославленный Илья Муромецъ. Особенно рельефно выступаетъ въ былинахъ домъ Соловья — разбойника, что стоялъ „на семи дубахъ да на семи веретахъ, а мимо его не пройти ни конному, ни пѣшему“^{*)}. Очевидно, подъ сказочнымъ домомъ Соловья разбойника разумѣется не что иное, какъ крѣпость, обнесенная дубовымъ частоколомъ, за которою владѣтель земли Вятичей, этой, по выраженію лѣтописца, „страны лѣсовъ“, думалъ отстоять свою независимость въ борьбѣ съ Владиміромъ Святымъ и его преемниками (особенно Владиміромъ Мономахомъ). Наконецъ, въ первой половинѣ 12-го вѣка, когда русскій лѣтописецъ нашелъ возможнымъ приподнять завѣсу, скрывавшую дотогѣ землю Вятичей отъ взора Кіевлянъ, то здѣсь оказалась уже дѣлая сеть городовъ, какую невозможно было возвести Чернигово-Сѣверскимъ и Рязанскимъ князьямъ въ короткій срокъ ихъ обладанія Вятичами, начавшагося фактически только послѣ Любецкаго съѣзда. Да и самыя названія нѣкоторыхъ городовъ, какъ напримѣръ — Карачева и Трубчевска^{**)}, свидѣтельствуютъ не о русскомъ ихъ происхожденіи и, слѣдовательно, заставляютъ относить возникновеніе ихъ къ болѣе раннему періоду. Какъ бы то ни было впрочемъ, во русскій лѣтописецъ, слѣдившій за походомъ Кіевского великаго князя Изяслава II-го противъ одного изъ владѣтелей Сѣверскаго княжества (Святослава Ольговича), подъ 1146 и 1147 годами на пространствѣ нынѣшней Орловской губерніи отмѣчаетъ уже слѣдующіе города: Карачевъ, Мценскъ, Брянскъ, Сіовскъ (Сѣвскъ), Волдыжъ, Кромы и Елецъ. Въ Ельцѣ еще раньше этого времени княжилъ Владиміръ Ярославичъ,

^{*)} Книга былинъ Авенариуса, изд. 1880 г., стр. 95—114.

^{**)} По объясненію знатоковъ Тюрскихъ нарѣчій, слово *Карачевъ* означаетъ черныя лѣсы, а *Трубчевскъ* — тѣлѣжнныя лѣсы. Возможно, что изъ этихъ лѣсовъ Обры, а потомъ и Козари, доставали себѣ тѣлѣжи. Известно преданіе, что Обры сапратили по пяти славянскихъ женщинъ въ тѣлѣгу и ѣздали. Не была ли такая ѣзда доставкою тѣлѣжныхъ даи, сопровождаемыхъ славянскими женщинами, при обремененіи мужчинъ усилленнымъ производствомъ самаго дѣла?..

жепниійся въ 1144 году на дочери Всеволода Мстиславича. Городъ Трубчевскъ во второй половинѣ 12-го столѣтія также восходитъ на степень удѣльнаго княжества. Въ Видикѣ, что нынѣ село Брянскаго уѣзда, было особое княженіе. Очень возможно, что, кромѣ указанныхъ городовъ, на пространствѣ нынѣшней Орловской губерніи находились и другіе города, о которыхъ не было повода упоминать лѣтописцу. Но вопросъ: существовалъ ли на ряду съ этими городами—ветеранами нашъ городъ Ливны?—вопросъ, полагаемъ, особенно интересный для того, кто почитаетъ Ливны своимъ роднымъ городомъ.

Жители Ливенъ до послѣдняго времени были того мнѣнія, что ихъ городъ не древнѣе царствованія Феодора Іоанновича, т. е. послѣдней четверти 16-го вѣка. Даже сто съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ, на мѣстѣ Ливенъ не сохранилось болѣе или менѣе яснаго представленія о древнѣйшей эпохѣ этого города. Такъ, когда, въ 1789 году, Ливенскому Духовному Правленію предписано было Орловскою Духовною Консисторіею доставить, между прочимъ, свѣдѣнія о городѣ Ливнахъ, то управители писали въ представленной ими *вѣдомости*, что „городъ Ливны построенъ въ 7094 (1586) году, въ степи, на рѣкѣ Соснѣ и Ливенкѣ, а для онаго построенія присланъ былъ бояринъ князь Владиміръ Кольцовъ—Мосальскій“. Известно еще, что въ 1886 году на Ливнахъ возникла мысль о празднованіи 300-лѣтняго юбилея своего города, и если такое торжество не состоялось, то отнюдь не потому, чтобы тогда уже выдвинулась относительно большая древность города Ливенъ. Правда, въ мѣстныхъ преданіяхъ сохранилось воспоминаніе о Татарской покорности и платежѣ дани, но эти преданія до того смутны, что не отличаютъ Монголовъ отъ Крымскихъ Татаръ, и притомъ такого общаго характера, что на основаніи ихъ никакъ нельзя еще заключить о существованіи города Ливенъ въ до-Монгольской періодъ. И исторія долго не могла пролить своего свѣта на древность города Ливенъ. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, существовали нѣкоторыя догадки. Такъ, извѣстный историкъ Татищевъ колеблется въ названіи Святослава *Липецкимъ* или *Ливецкимъ* княземъ (въ 13-мъ вѣкѣ), а извѣстный историкъ Соловьевъ какъ по этому поводу, такъ и особенно въ виду того соображенія, что территория княженія Святослава и самая его дѣятельность ближе подходятъ къ Ливнамъ, чѣмъ къ Липецку, ставитъ вопросъ: „не надобно ли въ этомъ мѣстѣ лѣтописнаго повѣствованія разумѣть вообще вмѣсто Липецка Орловскіе Ливны?“. Но такое предположеніе, какъ основанное на личномъ соображеніи обстоятельство, было высказано знаменитымъ историкомъ лишь въ сноскѣ, под чертою, такъ что онъ не рѣшился даже, подобно Татищеву, назвать Святослава Ливецкимъ или Ливенскимъ княземъ. Тѣмъ дѣльхъ вѣковъ раздвинулась предъ Ливнами только въ 1888 году, когда, благодаря счастливой случайности, члену Рязанской Ученой Архивной Комиссіи, С. Е. Звѣреву, удалось открыть одинъ рукопис-

*) Исторія Россіи Соловьева, т. 3, стр. 360.

ный сборникъ 17-го вѣка, свидѣтельствующій о существованіи города Ливенъ еще въ 12-мъ вѣкѣ *). Въ этомъ сборникѣ, составленномъ въ 1667 году, между прочимъ помѣщена родословная Рязанскихъ князей, въ которой (на 287 листѣ книги) говорится:

„А у князя Глѣба Ростиславича Рязанскаго (внука Ярослава Святославича, правнука Святослава Ярославича, умершаго въ 1177 году) дѣти:

Князь Романъ Рязанскій бездѣтнъ на Ливнахъ, и на Воронежѣ былъ же.

Князь Игорь на Рязанѣ, на Ливнахъ и на Воронежѣ.

Князь Владиміръ на Рязанѣ, на Ливнахъ и на Воронежѣ.

Князь Всеволодъ на Рязанѣ, на Ливнахъ и на Воронежѣ.

Князь Святославъ на Рязанѣ, на Ливнахъ и на Воронежѣ.

Глѣбовы дѣти Ростиславича Рязанскаго, Всеволодъ да Святославъ, сѣли на Ливнахъ, на Прони, и отъ нихъ пошли Пронскіе князья.

Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что Ливны принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ городовъ Орловской губерніи, такъ какъ они не только существовали въ 12-мъ вѣкѣ, но были тогда уже и княжескимъ городомъ. Можетъ быть, ученые изслѣдованія впоследствии раскроютъ и болѣе древнее время города Ливенъ, но пока мы знаемъ, что въ 12-мъ вѣкѣ онъ являлся уже оплотомъ Рязанскаго княжества противъ Половцевъ, которые обитали тогда на югѣ Россіи. Раскинувъ свои вѣжи между Довомъ и Дибиромъ, Половцы, какъ прежде Печенѣги, являлись ближайшими сосѣдями Рязанскаго княжества и постоянно угрожали своими набѣгами обитателямъ Быстрой Сосны. „Бывало, — говоритъ Владиміръ Мономахъ, — когда нашъ поселянинъ выйдетъ въ поле и станетъ пахать землю, — набѣжитъ на него злой Половчинъ, убьетъ его стрѣлою, лошадь возьметъ, жену и дѣтей заберетъ въ плѣнъ, да и гумно зажжетъ“. Если-бы на берегахъ Быстрой Сосны и не было городовъ до 12-го вѣка, то они должны были возникнуть теперь, какъ оплотъ противъ вражескихъ вторженій. И вотъ мы видимъ здѣсь Елецъ и Ливны, расположенные на такъ-называемыхъ Калмыцкой и Муравской дорогахъ, которыми приходили Половцы, а за ними впоследствии вторгались Ногайскіе и Крымскіе Татары. Для большей безопасности, въ этихъ городахъ сидятъ князья съ своею дружиною, и, по временамъ, съ успѣхомъ отражаютъ набѣги стениныхъ варваровъ. Такъ, наприѣрѣ, когда въ 1156 году Половцы напали на берега Быстрой Сосны, то Рязанскіе князья догнались за ними въ степи, настигли ихъ ночью, многихъ перебили и полонъ отняли**).

*) Преподаватель Воронежской Духовной Семинаріи и членъ Ученой Рязанской Архивной Комиссіи Стефанъ Егоровичъ Звѣревъ отыскалъ этотъ сборникъ въ 1888 г. въ частной библиотекѣ г. Муромцева въ селѣ Валовѣ Давыдовскаго уѣзда, Рязанской губерніи, и тогда же сообщилъ о своемъ открытіи Орловской Ученой Архивной Комиссіи, которая цѣна важности сообщенія, не замедлила единогласно избрать С. Е. Звѣрева своимъ членомъ. См. 5 выпускъ Орловской Ученой Архивной Комиссіи за 1889 г.

***) Исторія Рязанскаго княжества, Д. Иловайскаго, М. 1858 г., стр. 49.

строй Сосны, избѣгая Русскаго владычества, сами обращались къ Печенѣгамъ за помощью противъ Владиміра Святославича; теперь же, примирившись съ Русскою властью, благодаря особенно христіанству, они чуждаются Половцевъ, какъ „поганных“ (язычниковъ), и помогаютъ князьямъ отстаивать Русскую гражданственность. Но воюя противъ Половцевъ, Рязанскіе князья нерѣдко, во время своихъ междоусобій, вступали въ союзъ съ Половцами и тѣмъ причиняли много зла Русской землѣ. Такою пагубною политикою руководился какъ Глѣбъ Ростиславичъ, такъ и сыновья его, княжившіе на Ливнахъ и на Воронежѣ. Вотъ что сообщаетъ намъ исторія о Романѣ Глѣбовичѣ, княжившемъ на Ливнахъ, какъ видно, еще при жизни отца своего Глѣба.

Въ 1177 году Глѣбъ Ростиславичъ вмѣстѣ съ Половцами открылъ войну противъ великаго князя Владимірскаго Всеволода III-го; въ этой войнѣ долженъ былъ принять участіе и сынъ Глѣба Романъ. Они опустошили Суздальскую землю, сожгли Москву, ограбили церкви въ Боголюбовѣ, избили многихъ жителей, а женъ и дѣтей ихъ взяли въ плѣнъ; но подъ Коломною потерпѣли жестокое пораженіе и были взяты въ плѣнъ. Жители города Владиміра встрѣтили плѣнниковъ съ величайшимъ озлобленіемъ; собравшись вокругъ велико-княжескаго дворца, они кричали: „Государь! мы рады за тебя положить свои головы, только казни ихъ,—ослѣпи или выдай намъ въ руки“. Спасая своихъ плѣнниковъ отъ народной ярости, Всеволодъ волѣлъ заключить ихъ въ темницу. Между тѣмъ за плѣнныхъ князей вступился Черниговскій князь Святославъ и прислалъ съ ходатайствомъ во Владиміръ епископа Порфирія. Всеволодъ III, по просьбѣ Черниговскаго владыки, соглашался дать свободу Рязанскимъ плѣнникамъ, но съ тѣмъ, чтобы Глѣбъ Ростиславичъ отказался отъ княженія и уѣхалъ на жительство въ южную Россію; на что, однакожъ, Глѣбъ сказалъ: „лучше умру въ неволѣ!“ и умеръ въ плѣну. Злобясь на Глѣба за опустошеніе Суздальской земли, великій князь потребовалъ отъ Рязанцевъ, чтобы они доставили ему и брата Глѣбова, Ярополка Ростиславича, княжившаго тогда на Воронежѣ. Рязанцы не осмѣлились воспротивиться такому требованію и, думая спасти чрезъ то плѣнныхъ своихъ князей, сами привезли въ окопахъ Ярополка во Владиміръ. Какъ только Владимірцы узнали объ этомъ, то съ оружіемъ въ рукахъ окружили велико-княжескій дворецъ, разрушили темницу, гдѣ были заключены Ростиславичи, и звѣрки ослѣпили ихъ. Такъ какъ многіе полагаютъ, что такое злодѣіе совершилось не безъ намѣренія самого великаго князя, то послѣдній, желая оправдаться предъ общественнымъ мнѣніемъ, отпустилъ Романа на свободу.

Видѣнія плѣна не вразумили Романа. Возвратившись на родину, онъ сталъ тѣснить младшихъ своихъ братьевъ и отнималъ у нихъ удѣлы. Обиженные Глѣбовичи прибѣгли подъ покровительство великаго князя Владимірскаго, который пошелъ противъ Романа и осадилъ его въ Рязани. Романъ бѣжалъ въ „поле“, но скоро долженъ былъ вернуться и вмѣстѣ съ братьями призналъ надъ собою покровительство Всеволода III-го.

Рязанское княжество было раздѣлено между Глѣбовичами по волѣ великаго князя*). Ливны и Пронскъ достались Всеволоду и Святославу Глѣбовичамъ. Этотъ раздѣлъ перессорилъ Глѣбовичей. Три старшіе брата—Романъ, Игорь и Владиміръ задумали погубить младшихъ—Всеволода и Святослава; когда же тайный умыселъ ихъ не удался, тогда они пошли открыто на Всеволода и Святослава и осадили ихъ въ Пронскѣ. По просьбѣ осажденныхъ, Всеволодъ Юрьевичъ послалъ имъ на помощь часть своей дружины, человекъ триста, и кромя того волѣлъ присоединиться къ нимъ своему сыну Ярославу Владиміровичу и князьямъ Муромскимъ. Въ виду такой рати, старшіе братья отступили отъ Пронска; послѣ чего удалилась и рать великаго князя. Между тѣмъ старшіе Глѣбовичи, узнавъ, что одинъ изъ младшихъ ихъ братьевъ, Всеволодъ, уѣхалъ во Владиміръ, снова напали на Пронскъ, гдѣ оставался Святославъ. Они отняли у жителей города доступъ къ рѣкѣ и послали сказать Святославу: „не мори людей голодомъ; ты намъ братъ; дай городъ, а мы тебя не съѣдимъ; не приставай только къ Всеволоду“. Святославъ колебался; но, чтобы не лишиться своего удѣла, посоветовавшись съ боярами, уступилъ требованію старшихъ братьевъ и выдалъ имъ не только жену Всеволода съ его дружиною, но и Владимірскій гарнизонъ. Такимъ поступкомъ Святославъ вооружилъ противъ себя брата Всеволода, который сталъ теперь изъ Коломны мстить ему опустошеніемъ его волости, а вмѣстѣ возстановилъ противъ себя и великаго князя, требовавшаго отъ него возвращенія своей дружины, чего тотъ не могъ уже исполнить. Впрочемъ великій князь не сѣнилъ мести: онъ старался добрымъ совѣтомъ привести къ миру и старшихъ Глѣбовичей, но Романъ, Игорь и Владиміръ гордо отвѣчали, что они не нуждаются ни въ чьихъ совѣтахъ и вольны поступать по своей волѣ. Однако, опасаясь, что великій князь не оставитъ ихъ безъ наказанія, обратились къ посредству Черниговскаго епископа Порфирія. Вторичная побѣдка Порфирія во Владиміръ не имѣла успѣха. Великій князь отвергъ всякое предстательство за коварныхъ Глѣбовичей и отмстилъ имъ опустошеніемъ Рязанской земли. Мятѣжные Глѣбовичи должны были преклониться предъ волею великаго князя Владимірскаго и раздѣлились по своимъ удѣламъ.

Въ 1207 году Романъ Рязанскій и Святославъ, княжившіе въ Ливнахъ и на Воронежѣ, лишились своихъ удѣловъ и были уведены плѣнниками во Владиміръ. Это случилось такъ. Собираясь въ походъ противъ южной Россіи, великій князь Всеволодъ стоялъ съ войскомъ своимъ на берегу Оки; здѣсь, въ качествѣ союзниковъ его, находились Романъ и Святославъ Глѣбовичи съ нѣкоторыми другими Рязанскими князьями. Между тѣмъ великому князю донесли, что Рязанскіе князья хотя и участвуютъ съ нимъ въ походѣ, но тайно держатся стороны Черниговскихъ князей. Тогда великій князь рѣшилъ некончить съ мятѣжною Рязанью. Въ ставкѣ его готовился

*) —И раздѣли имъ власть комужде по старшинству... Повн. Собр. Русскихъ дѣл., т. 4, VIII. Лѣто по Вскр. сп., стр. 95.

обѣдъ; къ столу приглашены были и Рязанскіе князья. И вотъ, вошедши подъ шатеръ, великій князь ласково поздоровался со всѣми, обнявъ братски и Рязанскихъ князей, но вслѣдъ затѣмъ поспѣшно удался. Тутъ приближенный бояринъ его и Давидъ, князь Муромскій, стали уличать Рязанскихъ князей въ измѣнѣ; тѣ клялись, что ничего не знаютъ за собою; но къ обличителямъ присоединились и двое изъ Рязанскихъ князей—Олеѣ и Глѣбъ Владиміровичи. Великій князь, не входя въ дальнѣйшее разслѣдованіе дѣла, велѣлъ заковать въ цѣпи: Романа и Святослава Глѣбичей, съ двумя сыновьями послѣдняго, двухъ сыновей Игоря Глѣбовича и нѣкоторыхъ Рязанскихъ бояръ, и всѣхъ ихъ отвезти во Владиміръ. Послѣ этого Всеволодъ Юрьевичъ напалъ на Пронскъ, гдѣ княжилъ сынъ Всеволода Глѣбовича Михаилъ, женатый на дочери Всеволода Черняга. Михаилъ успѣлъ убѣжать къ своему тестю, а жители Пронска посадили у себя на княженіе Изяслава Владиміровича, брата Олега и Глѣба. Войско Владимірское не допускало жителей Пронска до воды; но они ходили къ рѣкѣ ночью. Уставъ объ этомъ, великій князь приставилъ къ воротамъ ночной караулъ; между жителями открылась смертность, и городъ вынужденъ былъ сдаться. Въ Пронскѣ посаженъ былъ Олеѣ Владиміровичъ. Отсюда великій князь пошелъ на Рязань. Рязанцы сдались безъ сопротивленія и выдали остальныхъ своихъ князей, съ ихъ женами и дѣтьми. Въ Рязани великій князь поставилъ своихъ намѣстниковъ и тѣнувъ, а потомъ прислалъ сюда на княженіе своего сына Ярослава. Новые плѣнники препровождены были къ прежнимъ—во Владиміръ, изъ котораго впоследствии всѣ они перевезены въ г. Петровъ (Ярославской губерніи). Всеволода Глѣбовича, который, послѣ плѣна Романа, оставался старшимъ въ семействѣ Глѣбичей, уже не было въ живыхъ; онъ умеръ въ самомъ началѣ этой печальной войны*).

Покорность Рязанцевъ была вынужденная. Сожалѣя о своихъ князьяхъ, томившихся въ плѣну, они неохотно подчинялись Ярославу Всеволодовичу и даже уморили нѣкоторыхъ Владимірскихъ бояръ. Тогда Всеволодъ Юрьевичъ рѣшился покончить съ мятежниками. Подступивъ къ Рязани, онъ велѣлъ выгнать отсюда всѣхъ жителей, городъ сжечь, а плѣнныхъ Рязанцевъ разослалъ по разнымъ мѣстамъ Суздальскаго княжества. Два Рязанскихъ князя Изяславъ Владиміровичъ и Михаилъ Всеволодовичъ, избѣжавшіе плѣна, пытались мстить великому князю опустошеніемъ окрестностей Москвы, но скоро и они были разбиты и вытѣснены съ береговъ При. За плѣнныхъ Рязанскихъ князей и княгинь съ малолѣтними дѣтьми вступился первосвятитель Русской церкви, митрополитъ Матѣй; но ему удалось исходатайствовать свободу только княгинямъ, а князья оставались въ плѣну до самой смерти Всеволода III-го и были выпущены на волю сыномъ его Юріемъ въ 1212 году**).

*) См. прим. къ III т. Исторіи Г. Р. Карамзина, стр. 101.

**) Исторія Госуд. Россійскаго Карамзина т. III, стр. 121, 123—124, 142.

Едва Рязанскіе князья получили свободу, какъ въ семьѣ ихъ открылись козни и злодѣянія. Тотъ самый Глѣбъ Владиміровичъ, который коварнымъ доносомъ Всеволоду III-му думалъ погубить своихъ дядей (Романа и Святослава) и двоюродныхъ братьевъ, согласился теперь съ братомъ своимъ Константиномъ перебить всѣхъ родственниковъ, чтобы имъ однимъ господствовать въ Рязанской области. Подъ благовиднымъ предлогомъ общаго примиренія, онъ пригласилъ Рязанскихъ князей на братскій съѣздъ, и, когда князья съѣхались съ боярами, устроилъ для нихъ роскошный пиръ. Во время веселья Глѣбъ, какъ хозяинъ, всѣхъ превосходилъ вниманіемъ и любезностью; никому и на мысль не приходило, чтобы тутъ скрывались козни. Вдругъ, среди пира, Глѣбъ и Константинъ обнажаютъ свои мечи; за ними дѣлаютъ тоже ихъ слуги; врываются еще наемные Половцы—и всѣ бросаются на пирующихъ... Шестъ князей съ ихъ боярами падаютъ жертвою гнуснаго заговора. Въ числѣ погибшихъ были: родной братъ Глѣба—добродушный Изяславъ, Михаилъ Всеволодовичъ, Ростиславъ, Святославъ, Романъ и Глѣбъ. Отъ общаго истребленія спасся одинъ Ингваръ Игоревичъ, княжившій въ старой Рязани. Глѣбъ хотѣлъ погубить и его и пошелъ на него войною, въ союзѣ съ Половцами, но потерпѣлъ неудачу. Тогда онъ отправился въ землю Половецкую и привелъ новую орду варваровъ; но Ингваръ, въ свою очередь, получилъ помощь отъ Владимірскаго великаго князя и на-голову разбилъ Глѣба съ Половцами. Послѣ этого, презираемый всѣми, Глѣбъ, подобно Святополку окаянному, окончилъ жизнь вдали отъ родины „въ безуміи“, а Ингваръ утвердился надъ всею Рязанскою областью.

Таковы были князья, княжившіе на Рязани, на Ливнахъ и на Воронежѣ въ послѣдней четверти 12-го и въ началѣ 13-го вѣка. Изъ того, что сообщаетъ о нихъ исторія, не возможно установить преемственнаго княженія ихъ на Ливнахъ и на Воронежѣ. Видно только, что княженіе здѣсь Глѣбичей, начавшійся вѣроятно еще при жизни ихъ отца, нарушалось какъ внутренними смутами Рязанскаго княжества, такъ и непосредственнымъ участіемъ великаго князя Всеволода III-го въ судьбѣ Рязанскихъ князей. Въ частности о второмъ сынѣ Глѣба Игорѣ извѣстно, что онъ княжилъ на Ливнахъ и на Воронежѣ еще при жизни старшаго брата своего Романа, такъ какъ умеръ въ 1195 году. Слѣдующіе за Игоремъ Глѣбичемъ братья—Владиміръ и Всеволодъ также умерли раньше Романа, и если имъ пришлось княжить на Ливнахъ и на Воронежѣ послѣ смерти Игоря, то время ихъ княженія здѣсь должно полагать между 1195 и 1207 годами, такъ какъ въ 1207 году скончался Всеволодъ; а Владиміра, по видимому, уже не было тогда въ живыхъ. Послѣдній изъ Глѣбичей Святославъ, какъ извѣстно, цѣлыхъ пять лѣтъ томился во Владимірскомъ плѣну съ бездѣтнымъ Романомъ (съ 1207 по 1212 г.), и когда ему пришлось княжить на Ливнахъ—до плѣна-ли, или по освобожденіи изъ него,—опредѣлять невозможно. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію то, что возвышеніе города Ливонъ на степень удѣльнаго княженія обуславливалось размноженіемъ семьи Рязанскихъ князей и совпало

съ самую мрачную эпоху этого обширнаго княжества. Частая сѣбѣ владѣтелей Рязани, ихъ взаимная вражда, внутреннія смуты и междоусобія, соперничество съ сильными Владиміро-Суздальскими князьями и вмѣшательство Половцевъ, — все это держало обитателей Быстрой Сосны въ постоянномъ напряженіи, требовало отъ нихъ жертвъ людьми и имуществомъ, поддерживало страстность и не благоприятствовало никакъ мирнымъ успѣхамъ гражданственности, такъ и спасительному вліянію христіанства. Каковы были князья на Ливнахъ, таковы, безъ сомнѣнія, были ихъ бояре и нещ подданные. Если Ливенскіе владѣтели, по своему характеру, были такъ далеки отъ духа христіанскаго, то вправдѣ ли мы думать, чтобы ихъ подданные водились этимъ духомъ? То было время, когда князь, бояре и простые люди неповѣдывали своими устами ия Божіе, а сердцемъ далеко отстояли отъ царства Божія, царства мира и любви; когда они влялись именемъ Божіимъ, и вслѣдъ затѣмъ нарушали свою клятву; мирились, и не отказывались отъ злобы въ сердцахъ; сходились для мира, и тутъ-же обнажали свои мечи другъ противъ друга; когда ни крестная присяга, ни братство, ни родство не спасали отъ козней и злодѣяній, а мелкая корысть руководила дѣйствіями людей и составляла, такъ сказать, самую душу ихъ жизни, когда подѣ личиной христіанства жилъ и дѣйствовалъ еще ветхій, изычскій человекъ, ходившій въ похотлхъ своего „необрѣзаннаго“ сердца. Внутреннее безміріе, родственныя крамолы и злодѣянія были тогда обычнымъ явленіемъ на Русской землѣ, но Рязанское княжество превзошло въ этомъ отношеніи всѣ княжества. За то ему же суждено было нести на себѣ и первые удары Татаръ, — этого грознаго посѣщенія гнѣва Божія. Судъ Божій начался съ береговъ Дона и Быстрой Сосны, а потомъ излился и на всю Русскую землѣ въ видѣ Монгольскаго погрома и тяжкаго двухъ-вѣковаго рабства.

III.

Ливенское и Воргольское княжества въ эпоху Монгольскаго владычества.

Опустошеніе Рязанской области Монгольскимъ завоевателемъ Батыемъ. — Князья на Ливнахъ и Ворглѣ. — Татарскія слободы въ окрестности г. Ливень. — Союзъ Ливенскаго князя съ Воргольскимъ и опустошеніе ими Татарскихъ слободъ. — Местъ баскака Ахмата. — Междоусобія въ Ливенскомъ и Воргольскомъ княжествахъ. — Послѣдующая судьба Соснинскаго бассейна и присоединеніе его къ Московскому государству. — Исчезновеніе города Ливень.

Въ 1236 году Татары, подѣ предводительствомъ Батия, приблизились къ Рязанскимъ предѣламъ и потребовали себѣ десятины отъ всего. Храбрые Рязанскіе князья отвѣчали, что „когда никого изъ нихъ не останется въ живыхъ, тогда все будетъ ихъ“. Въ то время старшимъ между Рязанскими князьями былъ братъ Ингваря — Юрій Глѣбовичъ. Онъ просилъ помощи во Владимірѣ и Черниговѣ, но никто не помогъ Рязанцамъ, потому что каждый думалъ только о себѣ. Юрій Глѣбовичъ послалъ къ Батію сына своего Феодора съ дарами, но онъ былъ убитъ. Тогда Юрій, не взирая на малочисленность своего войска, вступилъ въ битву съ Татарами и палъ со всѣми своими витязями. Изъ всѣхъ Рязанскихъ князей, кромѣ Олега Ингваровича, взятато въ плѣнъ, спасся одинъ только Ингоръ, потому что находился тогда съ бояриномъ Евпатіемъ Коловратомъ въ Черниговѣ. Возвратившись въ Рязанскую землѣ, Ингоръ нашелъ ее въ страшномъ запустѣніи. „Тамъ, гдѣ цвѣли города и селенія, остались единственно кучи пепла и труповъ, терзаемыхъ звѣрями и птицами. Убитые князья, воеводы, тысячи достойныхъ витязей лежали рядоми на замерзломъ ковылѣ, занесенные снѣгомъ. Только изрѣдка показывались люди, которые успѣли скрыться въ лѣсахъ и выходили оплакивать гибель отечества. Ингоръ, собравъ іереевъ, съ горестными священными пѣснями предалъ землѣ мертвыхъ. Онъ едва могъ найти тѣло князя Юрія, и привезъ его въ Рязань, а надѣ гробомъ Феодора Юрьевича, ибжной его супруги Евпраксіи и сына, младенца Іоанна, съ которымъ она, узнавъ о судьбѣ своего любимаго супруга, бросилась съ высокаго берега на землѣ и лишилась жизни, поставивъ каменные кресты, на берегу р. Осетра“ *)

Исторія не говоритъ о томъ, что случилось съ Ливнами въ грозное намѣщеніе Батия на Рязанскую область, — уцѣлѣлъ ли нашъ городъ отъ Татарскаго погрома, или

*) Карамзинъ т. III, стр. 276—277.

же, подобно соседним городам Курску и Ельцу, обращенъ былъ въ кучу пепла и развалинъ и уже послѣ возстановленъ былъ такъ или иначе... Во всякомъ случаѣ берега Дона подверглись большому запустѣнію и поселенія здѣсь стали очень рѣдки а надъ Соснинскимъ бассейномъ утвердилась даже новая княжеская вѣтвь изъ потомковъ Сѣверскаго князя Святослава Ольговича: это были Олегъ и Святославъ. Первый изъ нихъ княжилъ въ Ворголѣ, что нынѣ село Елецкаго уѣзда, а послѣдній, какъ предполагаетъ историкъ Соловьевъ (въ чемъ едва ли даже можно сомнѣваться послѣ открытія г. Звѣрева), — на Ливнахъ. Въ это время обитатели Быстрой Сосны были уже переписаны Татарскими чиновниками и надъ ними, для сбора дани, поставлены были десятники, сотники и темники. Дань собиралась при помощи „правеза“, безъ всякаго милосердія и состраданія къ бѣднымъ. На Ливнахъ доселѣ сохраняется преданіе о Татарской дани, доставлявшейся въ Ламскую слободу, гдѣ жили ханскіе чиновники; рассказываютъ о томъ униженіи, съ какимъ обитатели Ливенъ должны были кланяться языческимъ властителямъ и подносить имъ золото, серебро, дорогіе мѣха и т. п. Самое названіе Ламской слободы, какъ полагаютъ, произошло отъ того, что здѣсь жилъ *Лам*, языческой жрецъ *). Для Ливенцевъ — христіанъ такое близкое соседство язычниковъ было не менѣе тягостно, какъ и самое ихъ иго. Въ послѣдней четверти 13-го вѣка, дань съ Соснинскаго бассейна и соседнихъ мѣстъ была откуплена баскакомъ Ахматомъ, сыномъ Темира изъ Хивы. Онъ привелъ съ собою Татаръ и построилъ для нихъ двѣ большія слободы. Слободы эти выходились гдѣ-то между Ливнами и Курскомъ. Можетъ быть, въ числѣ этихъ слободъ была и Ламская, въ которой поселился самъ баскакъ. Но, кромѣ Ламской слободы, въ Ливенскомъ уѣздѣ находятся еще два сельца, носящія доселѣ Татарскія названія: это: сельцо *Татарна*, Зинженское тожъ, на ручьѣ *Татарскомъ*, въ 49-ти верстахъ отъ г. Ливенъ, и сельцо *Татарово*, или *Татарино*, при р. Фощиѣ (что впоследствии отошло къ Малоархангельскому уѣзду), на разстояніи 41 верста отъ города. Задумавъ обратить свои слободы въ города, Ахматъ открылъ въ нихъ свободный доступъ всѣмъ бѣглымъ и негоднымъ людямъ. Народонаселеніе въ Татарскихъ слободахъ быстро увеличивалось, и отъ разбоевъ этихъ насельниковъ не стало житья ни князьямъ, ни чернымъ людямъ. Къ большому несчастію, Золотая Орда въ то время распалась на части; въ одной изъ нихъ господствовалъ ханъ Телебуга, которому подчинялись Ливенскій и Воргольскій князья, а надъ другою властвовалъ Ногай, которому передался Ахматъ, почему и жаловаться на его притѣненія было теперь никому.

Ливенскій князь Святославъ и Воргольскій Олегъ, не смотря на соединявшее ихъ родство, не ладили между собою, тѣмъ болѣе, что и характера были различнаго: первый отличался горячностью и былъ не удержимъ въ своихъ рѣшеніяхъ, а послѣдній

*) Известно, что Монголы, въ первое время своего владычества надъ Русью, были язычниками и принимали чуждыя уже при Убекѣ, въ первой половинѣ XIV-го вѣка.

наблюдалъ осторожность и былъ дальновиденъ въ своихъ поступкахъ. Общая опасность отъ Ахмата и его покровителя Ногая заставила этихъ князей примириться; они цѣловали крестъ на томъ, чтобы думать одну думу, какъ избѣжать большаго зла. Когда же стало имъ тяжело отъ Ахмата и его слободскихъ разбойниковъ, то, по общему уговору, Олегъ отправился въ Орду съ жалобою. Ханъ Телебуга призналъ справедливость жалобы Олега и Святослава, и послалъ имъ на помощь отрядъ Монголовъ съ тѣмъ, чтобы они разорили слободы Ахматовы, а жителей ихъ вывели въ свои волости. Святославъ, еще до возвращенія Олега изъ Орды, жегилъ Ахмату ночными нападеніями на его слободы, только не могъ справиться съ ними; теперь же, съ помощію Татаръ и Воргольской дружины, онъ разгромилъ ненавистныя слободы, и своихъ и Олеговыхъ людей вывелъ оттуда, а другихъ законалъ въ цѣпи. Узнавъ о разореніи своихъ слободъ, баскакъ Ахматъ отправился къ Ногаю съ жалобою на Ливенскаго и Воргольскаго князей, и такъ говорилъ ему: „Князь Олегъ и родственникъ его Святославъ именемъ только князя, а на самомъ дѣлѣ разбойники, и тебѣ непрітели; если не вѣришь, то испытай: есть въ Олеговой волости много ловищъ лебединыхъ, — такъ пошли своихъ сокольниковъ, пусть наловятъ тебѣ лебедей, и князь Олегъ пусть съ ними же ловить, а потомъ пусть они позовутъ его къ тебѣ: если Олегъ послушается, придетъ къ тебѣ, — то я солгалъ, а Олегъ правъ“... Коварное предложеніе Ахмата было принято; Ногай послалъ своихъ сокольниковъ къ Олегу и звалъ его къ себѣ. Хотя Олегъ самъ и не грабилъ слободъ Ахматовыхъ, но люди его помогали грабить, а потому и не пошелъ къ Ногаю; онъ боялся сколько козней Ахмата, столько же и того, чтобы такимъ поступкомъ не раздражить Телебугу, врага Ногаева. Сокольники возвратились безъ лебедей и объявили Ногаю, что Ахматъ правъ, а Олегъ и Святославъ разбойничаютъ и повелѣнія хана не слушаютъ. Теперь, въ свою очередь, Ахматъ получилъ помощь отъ Ногая для опустошенія волостей Олега и Святослава. Былъ январь мѣсяцъ и стояли сильныя морозы, когда Ахматъ приближался къ берегамъ Сосны. Воргольскій и Ливенскій князья поспѣшно бѣжали: первый въ Орду, къ своему покровителю Телебугѣ, а второй — въ предѣлы Рязанскаго княжества, въ лѣса Воронежскіе. Воргольскіе бояре, спасавшіеся бѣгствомъ за своимъ княземъ, были схвачены, въ числѣ 11-ти или 13-ти человекъ, и представлены Ахмату, который тутъ же велѣлъ разсѣчь ихъ на части, и головы и руки ихъ возить повсюду для устрашенія непокорныхъ баскаку. Вместе съ боярами Татары захватили и *странниковъ*, купцовъ Нѣмецкихъ и Цареградскихъ; ихъ также привели къ Ахмату законанными въ нѣмецкія желѣза. Но Ахматъ, освободивъ ихъ отъ оковъ, приказалъ возвратитъ имъ пограбленные товары и даже наградить ихъ окровавленными одеждами убитыхъ бояръ; отпуская же *странниковъ* на всѣ четыре стороны, онъ сказалъ: „Вы, купцы, торгуете, ходите по всякимъ землямъ, такъ рассказывайте повсюду, что бываеъ тому, кто станеть спорить съ своимъ баскакомъ“. Двадцать дней стояли Татары

въ Воргольскомъ и Ливенскомъ княжествахъ,—восвали здѣсь села и деревни, развѣшивали по деревьямъ головы и руки казненныхъ бояръ, а добычу отправляли въ слободы Ахматовы.

Жители искали спасенія въ бѣгствѣ, прятались въ лѣсахъ и оврагахъ, отмораживали себѣ руки и ноги. Города Ворголь и Ливны съ окрестными селами опустѣли, а слободы Ахматовы опять наполнились людьми, скотомъ, хлѣбомъ и всякимъ богатствомъ. Возстановивъ свои слободы, Ахмать оставилъ въ нихъ двухъ своихъ братьевъ съ отрядомъ войска изъ Татаръ и Русскихъ, а самъ поселился въ Курскѣ. Очевидно, онъ опасался мщенія со стороны обиженныхъ имъ князей. Святославъ раньше Олега возвратился изъ своего убѣжища и сталъ вымещать за опустошеніе своего удѣла на слободахъ Ахматовыхъ; онъ перехватывалъ ихъ обозы, подстерегалъ людей и препятствовалъ сообщенію слободъ, такъ что братья Ахматовы находились въ постоянной отъ него опасности. Разъ, какъ-то по веснѣ, братьямъ Ахматовымъ случилось идти изъ одной деревни въ другую; съ ними было 35 человекъ русскихъ слугъ и нѣсколько Татаръ. Святославъ подстергъ ихъ съ своими боярами и легкой дружиною, напалъ на пробѣжныхъ и убилъ 25 человекъ русскихъ и двухъ Татаръ, а остальные съ братьями Ахмата успѣли спастись въ слободу. Святославъ гнался за ними и напалъ на самую Татарскую слободу; завязалась ожесточенная сѣча; съ той и съ другой стороны пало немало людей. Хотя братья Ахматовы и успѣли отбиться; но, не желая находиться въ постоянномъ страхѣ отъ Святослава, разсудили оставить слободы и перенести къ брату въ Курскъ, а за ними разбѣжались и остальные слобожане. Послѣ этого Ахмать предлагалъ даже мировую Святославу, но послѣдній не хотѣлъ вступать съ нимъ ни въ какіе переговоры и даже убилъ самаго посла.

Между тѣмъ изъ Орды возвратился Олегъ Воргольскій. Собравъ и успокоивъ народъ, онъ велѣлъ розыскать по лѣсамъ и дорогамъ члены убитыхъ бояръ и другихъ людей, все еще висѣвшіе по деревьямъ, и совершилъ надъ ними христіанское погребеніе. Въ то время, какъ Святославъ гордился разореніемъ Ахматовыхъ слободъ, Олегъ не одобрялъ этого поступка, будучи увѣренъ, что его не похвалятъ и въ Ордѣ. Во избѣжаніе опасности, онъ послалъ сказать Святославу: „Что это ты, братъ, сдѣлалъ,—правду нашу погубилъ! Доселѣ мы были правы, а теперь стали виноваты. Надлежало искать суда у хана, а ты не хотѣлъ ѣхать къ нему, укрывался въ темнотѣ лѣсовъ, какъ злодѣй, и наложилъ на меня и на себя имя разбойниче; знаешь обычай Татарскій, да и у насъ на Руси разбойниковъ не любятъ. Совѣсть моя чиста, а ты иди въ Орду, оправдайся предъ царемъ“. Иначе смотрѣлъ Святославъ на свои дѣйствія, а потому велѣлъ отвѣтить Олегу: „Изъ чего ты хлопочешь? какое тебѣ дѣло до меня, я самъ знаю про себя; что хочу, то и дѣлаю; а что баскаковы слободы грабилъ, въ томъ я правъ: не человекъ я обидѣлъ, а звѣря,—врагамъ своимъ отмстилъ; не буду отвѣчать ни предъ Богомъ, ни предъ людьми въ томъ, что поганыхъ кровоній-

цевъ избилъ“. Послѣ этого Олегъ рѣшился расторгнуть союзъ съ Святославомъ и велѣлъ объявить ему: „Мы цѣловали съ тобою крестъ на томъ, что ходить намъ по одной думѣ обомъ; когда рать была, то ты со мною къ царю не бѣжалъ, остался въ Руси, спрятался въ Воронежскихъ лѣсахъ, чтобы послѣ разбойничать; а теперь погубилъ и мою и свою правду, нейдешь ни къ своему царю, ни къ Ногаю ва исправу; такъ тебя со мною Богъ разсудитъ“. Объявивъ разрывъ Святославу, но не желая самоуправствовать, Олегъ отправился въ Орду и представилъ поступокъ бывшего своего союзника на усмотрѣніе хана. Въ Ордѣ и прежде не долюбивали Ливенскаго князя за то, что тотъ не ѣздилъ туда, не возилъ подарковъ, не искательствовалъ предъ ханомъ и его мурзами, а теперь сочли его еще ослушникомъ и разбойникомъ. Олегъ получалъ отъ хана отрядъ Татарскаго войска для наказанія Святослава. Такимъ образомъ, между двумя сосѣдними и родственными князьями открылось междоусобіе. Олегъ, съ помощью Татаръ, одолѣлъ Святослава и убилъ его; послѣ чего Ливенское княженіе досталось брату Святослава—Александрѣ. Новый Ливенскій князь рѣшился отмстить сопернику своего брата и дѣйствовалъ противъ него его же политикою. Онъ поѣхалъ въ Орду съ богатыми дарами, заслужилъ расположеніе хана и вельможъ, которые дали ему отрядъ войска въ помощь противъ Олега. Новое междоусобіе на берегахъ Сосны кончилось тѣмъ, что Олегъ Воргольскій былъ убитъ съ двумя своими сыновьями^{*)}. Такъ, къ бѣдствіямъ отъ Татаръ присоединились еще для обитателей Сосны смуты и пролитіе крови отъ своихъ владѣтелей. Не менѣ возмутительныя сцены совершались тогда и на другой половинѣ нынѣшней Орловской губерніи, на берегахъ р. Десны и Снѣжети. Въ Брянскѣ князь Василій, съ помощью Татаръ, убиваетъ родственника своего князя Святослава и сосѣда своего, князя Карачевскаго. Въ Карачевѣ князь Андрей Мстиславичъ надаетъ отъ руки своего племянника Василія Пантилѣевича. Вездѣ корысть и месть на первомъ планѣ.

Убийца Воргольскаго князя Олега Александръ, по видимою, былъ послѣднимъ княземъ на Ливнахъ. Послѣ того города Ливны и Ворголь, не разъ опустошенные, уступаютъ деревенство Ельцу, который, въ зависимости отъ Рязанскаго княжества, приобретаетъ господство на берегахъ Быстрой Сосны и имѣетъ собственныхъ князей. Отселъ все, что совершается въ Ельцѣ, такъ или иначе отзывается и на Ливнахъ. Въ то время уже начало усиливаться великое княжество Московское, и обитатели р. Сосны оказываютъ къ нему видимое тяготѣніе. Такъ, Елецкій князь Феодоръ принимаетъ участіе съ своимъ полкомъ въ походахъ Димитрія Донскаго и помогаетъ ему въ Куликовской битвѣ противъ Мамая^{**)}. Въ 1389 году Елецкій князь Юрій съ своими боярами и многими людьми встрѣчаетъ митрополита Пимена, на пути къ Царь-

*) Исторія Россіи Соловьева, т. 3, стр. 267—270. Караявизъ, т. IV, стр. 132—135.

**) Соловьевъ, т. 3, стр. 348.

граду, и оказываетъ ему въ своей области „радость и честь великую“ *). Берега Сосны поразили спутниковъ Пимена своею пустынною и дикостію: „не бѣ бо видѣти тамо,—говорится въ Хожденіи митрополита Пимена къ Царю-Граду,—ничто же, ни града, ни села, пустошь все и не населено, нигдѣ бо видѣти челоѣка, точію пустыня велия и звѣрой множество“. Скоро потомъ Соснинскій бассейнъ подвергся еще опустошенію отъ страшнаго Тамерлана, который взялъ въ плѣнъ Елецкаго князя и стоялъ здѣсь около пятнадцати дней **). О томъ бѣдствіи, какому подверглись теперь обитатели Сосны, можно судить на основаніи угрозы Саншъ-Гирея, снустя почти пятьдесятъ лѣтъ хвалившася сдѣлать и съ Пронскомъ то же, что сдѣлалъ Тамерланъ съ Ельцомъ ***). А между тѣмъ Татары долго еще не переставали нападать на берега Сосны. Въ 1415 году, подъ предводительствомъ своего цара, они воевали Елецкую землю, взяли городъ Елецъ и убили его князя ****); при чемъ, конечно, пострадало и верховье Сосны. Въ 1472 году Татары опять воевали окрестности Сосны и сожгли Алексинъ. Въ 1480 году ханъ Золотой Орды Ахматъ опустошилъ берега Зуши и, слѣдовательно, проходилъ по сѣверной границѣ Ливенскаго уѣзда. На Ливенскихъ поляхъ не разъ кипѣлъ бой между Ордынскими набѣдниками и Русскими отрядами. Объ одной изъ такихъ битвъ мы находимъ слѣдующее сказаніе въ Исторіи Татищева: „1492 года мѣсяца Іюня въ 10 день, приходили Татарове, Ордынскіе казаки, въ головахъ приходилъ Темешемъ зовуть, а съ нимъ 220 казаковъ, во Алексинъ, на волесть на Вошанъ, и пограбивъ, поидоша назадъ, и придоша погоя Великаго Князя на ними, Федоръ Колтовской, да Горяинъ Сидоровъ, а всѣхъ ихъ 64 челоѣка, и учинился имъ бой въ полѣ промежъ Трудовъ и Быстрыя Сосны, и убиша погани Великаго Князя 40 челоѣкъ, а Татаръ на томъ бою убили 60 челоѣкъ, а иные, идучи Татарове во Орду ранены, на пути изомроша“ *****). Вообще умалчиваніе лѣтописцевъ о Ливнахъ въ теченіи 14 и 15 вѣковъ, при совершавшихся многихъ важныхъ событіяхъ у береговъ Быстрой Сосны, можно принимать за несомнѣнное доказательство того, что если въ то время и не угасла совершенно жизнь у верховья Сосны, то, во всякомъ случаѣ, у устья Ливенъ не было уже города, видимому не удѣлѣло и какого—либо поселенія; здѣсь все стало „дикимъ полемъ“, заросло травой и мелкимъ кустарникомъ, за которымъ, по берегамъ Лѣсной и Полевой Ливны, сейчасъ же видѣлся Красный лѣсъ.

*) Русскій Врежливникъ, ч. I, стр. 244.

***) Бараннинъ, т. V, стр. 166.—Соловьевъ, т. V, стр. 22.

****) Соловьевъ, т. V, стр. 73.

*****) Русскій Врежливникъ, ч. 2, стр. 282.

*****) Исторія Россійская Татищева, кн. V, стр. 114.

IV.

Присоединеніе Соснинскаго бассейна къ Московскому государству и сторожевое значеніе его въ виду Крымскихъ набѣговъ.

Переходъ Соснинскаго бассейна подъ власть Московскихъ государей.— Крымскія дороги въ области Ливенскаго уѣзда: Муравская, Калміюская и Пахнутцова.— Слѣды этихъ дорогъ въ настоящее время.— Сторожевое положеніе Ливенскаго края.— Набѣги Крымцевъ и преслѣдованіе ихъ Московскими воеводами.— Сторожи на Ливнахъ и по всему Соснинскому бассейну въ царствованіе Ивана Васильевича Грознаго.— Выжиганіе Ливенскихъ степей.— Усиленіе Ливенской сторожи въ 1575 году.— Олѣды стоянки воеводъ на Ливнахъ предъ устройствомъ „большаго острога“.

Послѣ Монгольскаго владычества, обратившаго Присоснинскій край въ дикую пустыню, жизнь у завѣтнаго устья Ливенъ стала обнаруживаться лишь съ переходомъ Соснинскаго бассейна подъ власть великихъ князей Московскихъ, что совершилось при Іоаннѣ III-мъ (1462—1505). Этотъ государь передалъ, по духовному завѣщанію, сыну своему Василію Іоанновичу „всѣ Елецкія мѣста“ *), подъ которыми, безъ сомнѣнія, разумѣлись и берега Лѣсной и Полевой Ливенъ; а при смѣнѣ этого послѣдняго государя, царь Іоаннъ Васильевичъ, здѣсь должна была возникнуть новая жизнь, полная бранной тревоги и кипучей дѣятельности. Этому способствовало появленіе на политическомъ горизонтѣ Россіи новыхъ враговъ—Крымскихъ Татаръ.

Крымское царство, какъ извѣстно, образовалось изъ Татарскихъ улусовъ, расположенныхъ по сѣверному берегу Чернаго моря. Когда Золотая Орда стала клониться къ паденію, Крымскіе ханы, изъ династіи Гиреевъ, рѣшились отложиться отъ нея и верѣдно вступили по этому случаю въ союзъ съ Московскими государями. Такъ было особенно при Іоаннѣ III. Но лишь только Крымцамъ удалось на развалинахъ Золотой Орды утвердить свою независимость, какъ они изъ союзниковъ сдѣлались непримиримыми нашими врагами и иногда простирали свои набѣги до самой столицы.

Обыкновенно, Крымскіе Татары пользовались четырьмя дорогами для вторженія въ предѣлы Московскаго государства: *Муравскою, Калміюскою, Пахнутцовой* или *Пахнутцую* и *Свиною*, изъ которыхъ три первыя пролегали по Ливенскому уѣзду и сходились у устья Ливенъ. *Муравская* дорога пролегала въ области рѣкъ—Кщеневой (нынѣ Кшень) и Тима. Обѣ эти рѣки берутъ начало въ нынѣшней Курской

*) См. примѣчаніе 222 къ V тому Исторіи Соловьева.

губернии и впадаютъ въ р. Быструю Сосну: первая— „выше г. Ливень версть съ 15“, а вторая— „ниже г. Ливень версты съ 3“^{*)}). Пролетая между ними, Муравская дорога держалась ближе р. Кщеневои, чѣмъ Тима, и шла отъ нея „верстахъ въ 3 или 4“, такъ что *колодези* Кобылей, Долгой и Плоской находились по лѣвую сторону этой дороги; далѣе, пролетая между Сосною и Кщеневою, она приводила къ переправѣ чрезъ р. Сосну „подъ городомъ Ливнами“, поднималась къ верховьямъ рѣчекъ „Лѣснои Ливни“ и „Полевой Ливни“ и, оставляя отъ себя лѣво р. Любовшу, а вправо р. Чернаву, направлялась къ рѣчкѣ Воргоду, гдѣ вступала уже въ Елецкій уѣздъ. Въ книгѣ Большаго Чертежа направление *Муравснаго шляха* описывается съ сѣвера на югъ, отъ г. Тулы до Крыма. Приводимъ это описаніе Муравской дороги на пространствѣ лишь Ливенскаго уѣзда: „а пробѣхавъ верховыя рѣки Мечи, черезъ дорогу течетъ въ рѣку Мечу колодезь Гоголь, да Гоголька; а отъ колодезя отъ Гоголя къ рѣчкѣ къ Воргоду; а переѣхавъ Ворголь, по правой сторонѣ дороги, верховыя рѣки Зуши, да рѣки Любовши; и ѣхавъ Муравскою дорогою къ верху рѣчкамъ Ливнамъ... А подъ Ливнами переѣзжи рѣку Сосну подъ городомъ и ѣхавъ Муравскою дорогою въ верхъ по рѣчкамъ, по Тиму да по Кщеневои; а рѣка Тимъ по праву Муравскія дороги, а Кщенева по лѣву Муравскія дороги. А ѣдучи въ верхъ гѣми рѣками, на правѣ, подлѣ Муравскія дороги колодезь Кобылей, отъ города Ливень версть съ 15. А по лѣвой сторонѣ Муравскія дороги отъ Кобыля колодезя, колодезь Долгой, да колодезь Плоской, межъ ихъ версть по 10. А по лѣву Муравскія дороги рѣка Кщенева-я. А отъ Плоскова колодезя ѣхати къ Росходецкой дубравѣ, а та дубрава по обѣ стороны Муравской дороги, а въ Росходецкой дубравѣ два озера, а отъ Плоскаго до озеракъ версть съ 30. А отъ Росходецкія дубравы и озеракъ ѣхати къ Савинскому колодезю, а Савинской колодезь на правѣ Муравскія дороги, а налѣ тотъ колодезь въ Тимъ. А межъ Росходецкія дубравы и Савинсково колодезя версть съ 20. А отъ Савинского колодезя ѣхати къ Становымъ лѣскамъ, а между того пробѣду версть съ полтретьятцать (25), а въ Становыхъ лѣскахъ вода куда дождевал. А отъ Становыхъ лѣсковъ ѣхати къ Пузацкому лѣсу“.

Калміюская дорога вела Крымскихъ Татаръ съ Валуйки на Осколь къ р. Олым; потомъ, по переправѣ черезъ р. Олымъ, шла въ области Олыма и Кщеневои, а по переправѣ чрезъ послѣднюю сходилась съ Муравскою дорогою и выводила къ Ливнамъ. Въ Книгѣ Большаго Чертежа, показывающей направленіе этой дороги съ сѣвера къ югу, говорится: „Дорога-жъ отъ Ливень на Осколь, да на Валуйку, да въ Царевъ-Городъ, Калміюская: ѣхати съ Ливень. Подъ Ливнами передежи Сосну, и рѣку Кщеневоу перелести. А переѣхавъ рѣку Кщеневоу, ѣхати къ рѣкѣ Олымъ, да рѣка Олымъ перелести. А отъ рѣки отъ Олымъ, по правой сторонѣ Калміюскія дороги, рѣчка Горосимъ, пала въ Осколь выше города Оскола“... Кромѣ переправы подлѣ

*) См. Книгу Большаго Чертежа.

Ливнами, Калміюская дорога имѣла и другой бродъ, ниже Ливенскаго: „ниже Олыма версты съ 3, пала въ Сосну рѣка Чернава, а на устьѣ рѣки Чернавы, на Соснѣ, бродъ: Калміюская дорога“.

Пахнутцова дорога касалась западной границы Ливенскаго уѣзда и шла по той его части, которая позднѣе отошла къ Малоархангельскому уѣзду; здѣсь Муравская и Изюмская дороги сходились съ Пахнутцовой: „а приходятъ тою Пахнутсковою дорогою Татарови съ Муравскія и съ Изюмскія дороги отъ Сеи, отъ Мѣлового броду... А на устьѣ Луковца колодезя (притокъ р. Сосны съ Ногайской стороны) Татарской перелезъ, бродъ въ Русь. А ниже Луковца пала въ Сосну рѣчка Хвошна (Хвоцна) отъ Ливень версть съ полъ 30 (т. е. съ 25), а на устьѣ Хвошни бродъ на Соснѣ, ходятъ Татара въ Русь... А ниже Трудовъ на Соснѣ *Кирпичной* бродъ, выше города Ливень версты съ 3“.

Такимъ образомъ, Крымскіе Татары на пространствѣ Ливенскаго уѣзда имѣли пять „перелезовъ“ или бродовъ чрезъ р. Сосну: усть Луковца, усть Хвошни, усть Трудовъ, усть Ливень и усть Чернавы; изъ нихъ первые три принадлежали Пахнутцовой дорогѣ, четвертый Муравскому шляху, а пятый Калміюской дорогѣ. Что-же касается четвертой—*Свиной* дороги, то она вела Татаръ отъ Рыльска до Болхова. „А тою Свиною дорогою,—говорится въ Книгѣ Большаго Чертежа,—прихаживали (перехаживали) отъ Днѣпра Бѣлогородскіе (т. е. Аккерманскіе) Татарове, на Рыльскіе, и на Карачевскіе, и на Орловскіе, и на Болховскіе уѣзды, хаживали Вокай мурза, какъ не было польскихъ (т. е. со стороны поля) городовъ“^{*)}). Калміюская дорога,—говоритъ г. Артемьевъ,—теперь совершенно забыта и потеряна. Муравская и Изюмская еще извѣстны и донынѣ подлѣ именовъ „Муравки“, хотя и не вездѣ пролегаютъ чрезъ тѣ самыя урочища, какія упоминаются въ книгѣ Большаго Чертежа. Часть Муравской дороги, идущая отъ Ливень на сѣверъ, къ Тулѣ, хотя также потерялась изъ памяти народа, однако и теперь названія нѣкоторыхъ мѣстностей прямо указываютъ ея направленіе и разныхъ вѣтвей ея: дорогъ Лѣснои, Свиной, Пахнутцовой. Такъ, на нынѣшней Новосилской дорогѣ, въ 22 верстахъ отъ Ливень, при р. Любовшѣ, есть деревня Русскій Бродъ, а нѣсколько далѣе—сельцо Татарскій бродъ. По дорогѣ къ г. Ефремову, въ 5 верстахъ отъ Ливень, ниже соединенія Лѣснои и Полевой Ливенокъ, на берегахъ видны остатки старинныхъ укрѣпленій. Упоминаемые въ Книгѣ Большаго Чертежа „татарскіе перелезы“ или броды чрезъ р. Сосну въ настоящее время существуютъ тамъ же, гдѣ были описаны 300 лѣтъ назадъ. Выше города: на устьѣ р. Луковца, въ нынѣшнемъ Малоархангельскомъ уѣздѣ; при устьѣ р. Фошни, на самой границѣ Ливенскаго уѣзда съ Малоархангельскимъ; близъ устья р. Трудовъ, который и называется, какъ встарину, Кирпичнымъ; наконецъ бродъ въ самомъ го-

*) См. въ Книгѣ Большаго Чертежа о *Муравской* дорогѣ стр. 2—14, 17, 19, 87, 115; о *Калміюской*—4, 19—23, 31, 36, 43, 46; о *Пахнутцовой*—4, 87, 106, 107; о *Свиной*—83, 84, 107, 108, 113.

родѣ; далѣе, ниже города—бродъ черезъ р. Кинень, при впаденіи ея въ Сосну, потомъ бродъ черезъ рѣку Олымъ *).

Такимъ образомъ берега Быстрой Сосны, составлявшіе южную окраину Московскаго государства, первые подвергались нападенію Крымскихъ и Ногайскихъ Татаръ **, а отсюда бѣдствія Татарскаго нашествія проносились уже и внутрь государства. Для Московскаго правительства весьма важно было вовремя освѣдомляться о появленіи враговъ, чтобы принимать противъ нихъ соотвѣтственныя мѣры. Съ этою цѣлію еще съ XIV вѣка на Быстрой Соснѣ ставились караулы или сторожи для наблюденія за Ордынцами. Такъ, въ 1380 году, великій князь Московскій Дмитрій Ивановичъ посылалъ своихъ „оружниковъ Родіона Ржевскаго, Андрея Волосатаго, Василя Тупина и иныхъ крѣпкихъ на сіе и мужественныхъ, и велѣлъ имъ на Быстрой и Тихой Соснѣ стеречь со великимъ опасеньемъ и подъ Орду ѣхать языка добывать и истину увидать Мамаева хотѣнія“ ***). Когда же посланные замедлили извѣстіемъ, то великій князь отправилъ новыхъ сторожей: Климента Поленика, Ивана Святослава и Григорія Судока. 5 сентября пришли со сторожъ Петръ Горскій и Карпъ Алексинъ и привели въ языкъ одного изъ вельможъ Мамаевыхъ, а чрезъ день прибѣжали къ великому князю еще 7 сторожей съ вѣстями о движеніи Мамаа. Выше было упомянуто нами, что, когда въ 1492 году Татары грабили Алексинскую волость, то станичники, дѣти боярскіе, Федоръ Колтовскій и Горяинъ Сидоровъ, всего 64 человекъ, догнали Татаръ между рр. Трудами и Быстрою Сосною и вѣдѣли съ ними бой; значить, и при Іоаннѣ III-мъ берега Быстрой Сосны были на виду у Московскаго правительства. О выслаемыхъ сюда Московскихъ сторожахъ мы знаемъ и изъ дипломатической переписки Іоанна III-го съ Польско-Литовскимъ королемъ, которому принадлежалъ г. Мценскъ. Когда король жаловался на захватъ и опустошеніе сосѣднихъ Литовскихъ волостей подданными Великаго Князя, Іоаннъ Васильевичъ велѣлъ отвѣтить ему: „свои убытки (шкоды) поминашь, а о нашихъ забылъ, сколько нашихъ именитыхъ людей твои люди побили; ѣздали наши люди на поле оберегать христіанство отъ басурманства, а твои люди на нихъ напали изъ Мценска, перебили сторожей нашихъ на Донцѣ, ограбили сторожей Алексинскихъ“ ****). При великомъ князѣ Василю Ивановичѣ бдительность Московскаго правительства по отношенію къ берегамъ Быстрой Сосны и вообще къ украиннымъ мѣстамъ должна была увеличиться: въ это время Крымскіе Татары изъ года въ годъ открываютъ губительные свои набѣги, при чемъ р. Сосна служила для нихъ своего рода воротами въ Московское го-

*) См. «Орловскія Губернскія Вѣдомости» 1860 г., № 24.

**) Такъ-называемыя Малые Ногаи, по паденіи Золотой Орды, занимали степи отъ Кавказскихъ горъ къ Юбу, Мангчу, Азовскому и Черному морямъ.

***) Чтен. Москв. Общ. истор. и др. Росс. 1846 г. № 4, стр. 6, прим. 3.

****) Еще раньше этого случая, около 1380 года, въ грамотѣ Митрополита Алексія къ Чераленнѣ Ярѣ, упоминается о караулахъ по Хопру и Дону.

****) Соловьевъ, т. V, стр. 133—134.

сударство. Извѣстно, что въ 1507 году, по вѣсти, что „идутъ многіе люди Татарове на полѣ, а чають ихъ приходу на украину, на Бѣлеву и на Бѣлевекія мѣста, и на Одоевскія и на Козельскія“, великій князь послалъ изъ Москвы къ Бѣлеву воеводъ, князя Ивана Холмскаго и князя Константина Ушатаго, съ которыми должны были соединиться князья: Василій Одоевскій, Иванъ Михайловичъ Воротынскій, да наместникъ Козельскій князь Александръ Стригинъ. Когда къ воеводамъ пришло извѣстіе, что „Татарове, поймавъ на украинѣ много полону, прочь пошли, и воеводы, положивъ упованіе на Бога, поидоша за ними въ погоню на поле и угониша ихъ на Окѣ, и Божією милостію, и Государевымъ здравіемъ, и счастьемъ великаго князя Василя Ивановича всея Русіи, многихъ Татаръ побиша, а иныхъ живыхъ поймаша, а полонъ весь назадъ возвратиша, и топили ихъ до рѣчки до Рыбницы, мѣсяца Августа въ 9 день, въ понедѣльникъ“ *). Въ 1512 году Крымскій салтанъ Махмудъ перешелъ черезъ р. Быструю Сосну и устремился къ Рязани; но на пути узналъ, что его поджидаютъ Московскіе воеводы со многими людьми, и „воротился съ украины, а воеводы Великаго Князя за нимъ ходили на поле до Сернавы (Чернавы), да его не дошли“. Это было въ Іюль мѣсяцѣ, а въ Октябрѣ того же года сынъ Менгли-Гирея, салтанъ Бурнашъ-Гирей, проникъ до Рязани и „острогъ взялъ“ **). Въ 1517 году Крымцы, въ числѣ 20000 человекъ, опять воевали за Сосною, но походъ этотъ былъ особенно неудаченъ для нихъ. Главные Московскіе воеводы, князь Василій Семеновичъ Одоевскій да князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій, послали противъ Татаръ дѣтей боярскихъ съ немногими людьми, „Ивашку Тутыхина, да Волковскихъ князей, и велѣли имъ со всѣхъ сторонъ Татарамъ мѣшати, дабы не воевали, а сами пошли за ними на Татаръ; прежніе же люди, Ивашка Тутыхинъ съ товарищи, пришедъ, начали мѣшати Татарамъ со всѣхъ сторонъ, и не дали имъ воевать; да у нихъ многихъ людей побили. Татарове же, послышавъ Великаго Князя воеводъ, скоро возвратилися, а напередъ ихъ сокрылися по лѣсамъ пѣшіе люди немногіе украинные, да имъ дороги заѣзкоша, и многихъ Татаръ побиша, а напередъ люди отъ воеводъ прислѣвшие конные, начали Татаръ топтати, и по бродомъ и по дорогамъ побивати, а пѣшіе люди украинскіе по лѣсамъ ихъ бити, и Божіимъ пособіемъ многихъ Татаръ плѣнили и побили, а иные многіе по рѣкамъ истопоша, а иныхъ живыхъ поймаши; такова бо бѣше тогда Божією помощію на Татаръ побѣда, якоже слышахомъ отъ достовѣрныхъ, паче же и отъ самихъ Татаръ, которые приходили послѣди того изъ Крыма, яко отъ 20,000 мало ихъ въ Крымъ явилось, но и тѣ пѣши, босы и наги“ ***). Въ 1521 году Крымскій ханъ Магметъ-Гирей осаждалъ самую Москву, а черезъ два года Савшъ-Гирей „приходилъ на Рязань и посады пожегъ“, но былъ скоро обращенъ

*) Татищевъ, кн. V, стр. 157.

***) Тамъ-же, стр. 167—168.

****) Тамъ-же, стр. 180—181.

въ бѣгство. Въ малолѣтство царя Ивана Васильевича было тоже. Даже зима не удерживала Крымцевъ отъ набѣговъ. Такъ въ Декабрѣ 1545 года Крымскій царевичъ Иминъ-Гирей приходилъ войною „на украинскія мѣста, Бѣлевскія и Одоевскія и поплашилъ многихъ людей“ *). Особенное вниманіе Москвы обращено было на Соснинскій бассейнъ во второй половинѣ 16-го вѣка; въ это время, обыкновенно въ лѣтнюю пору, стали высылать сюда сторожевые отряды со станичными головами, строили здѣсь острожки, заграждали переправы черезъ рѣчки, дѣлали лѣсные завалы по дорогамъ, поджигали степь, чтобы лишить непріятели подножнаго корма, и т. под. Въ 1571 году царь Иванъ Васильевичъ Грозный, желая болѣе обезпечить южныя границы своего государства отъ внезапныхъ набѣговъ Крымцевъ, поручилъ завѣдываніе сторожевою и станичною службою боярину князю Михаилу Ивановичу Воротынскому съ товарищами — княземъ Михайломъ Тюфякинымъ и дьякомъ Ржевскимъ **). Изъ разнесённыхъ, сдѣланныхъ ими станичникамъ и сторожамъ, оказалось, что въ числѣ 73 сторожей была сторожа на р. Соснѣ усть Ливень, на которой стояло 10 человекъ сторожей, по два сторожа отъ каждаго изъ пяти соедѣнныхъ городовъ: Данкова, Елифанни, Дѣдилова, Новосили и Мценска, а стерегли они „съ усть Ливень на право до усть Трудовъ 6 верстъ, а на лѣво до усть Куноча 15 верстъ“. Кромѣ того, на пространствѣ Ливенскаго уѣзда были сторожи: на усть Чернавы, гдѣ стерегли изъ тѣхъ же городовъ по два человека, съ разбѣдомъ на — право до усть Куноча 15 верстъ, и на — лѣво до Радушкина лѣса 8 верстъ, а „та Чернавская сторожа отъ усть Ливенскія сторожи“; на Любовшѣ усть Корытцова стояло 4 сторожей изъ городовъ Мценска и Новосили, по 2 человека отъ города, съ переѣдомъ „на право усть Любовши верстъ съ семь“; на Соснѣ усть Рѣчицы стерегло 6 человекъ изъ тѣхъ же городовъ, а берегли они „на лѣво по Соснѣ на подолю до усть Трудовъ верстъ съ 10, а на право вверхъ по Соснѣ до Вязовика верстъ съ семь“; на Соснѣ до устья Хвошны стояло 6 человекъ изъ тѣхъ же городовъ, охраняли „на лѣво до Вязовика до Нижняго Рогу верстъ съ шесть, а на право вверхъ по Соснѣ до Моклока колодезя верстъ съ семь“; усть Колпны стерегли изъ Мценска 6 человекъ „на лѣво внизъ по Соснѣ до усть Моклока верстъ съ семь, а на право вверхъ по Соснѣ до усть Кобылы верстъ 13“; наконецъ, — на Соснѣ въ Луковцѣ стояло 6 человекъ, по 3 человека изъ Мценска и Орла, чтобы „беречь имъ на лѣво до усть Кобылы, а на право вверхъ по Соснѣ до Губки, на болото и до ржаной Сосны“ ***). Все эти сторожи въ 1571 году осмотрѣны были товарищами Воротынскаго — княземъ Тюфякинымъ и дьякомъ Ржевскимъ, которые опредѣляли для нихъ разбѣды и оставили мѣтки для ѣздоковъ, гдѣ имъ събѣжались другъ съ

*) Тамъ же, стр. 253—254.

***) См. Истор. Р. Соловьева, изд. 4, т. 7, стр. 25 и д.

****) См. статью Вѣлева «О сторожевой, станичной и полевой службѣ».

другомъ. Въ томъ же 1571 году, послѣ набѣга Крымскаго хана Девлетъ-Гирей, чтобы лишить Крымцевъ возможности скрывать свои движенія отъ нашихъ степныхъ сторожей, велѣно было выжечь все степныя пространства Соснинскаго бассейна. Станицы изъ Далкова жгли степь „по правой сторонѣ Дону до усть Мечи и до усть Сосны Быстрыя“. Изъ Дѣдилова и Кропивны выжигали поле „по Любовшѣ на подолю до усть Орива (Орва), а по Ориву на гору и до верховья“ *, а съ верховья Орива да по верхъ Локотцовъ да къ верхъ Смейка большого ***) и къ верхъ Чернавы, а сверхъ Чернавы межъ Турова и Богданова (лѣсовъ) къ усть Куночу до Быстрыя Сосны; да межъ Мечи и Быстрыя Сосны отъ Зелёкова броду до усть Воронежа межъ всёхъ рѣчекъ жечь не пропуская; да за Сосну межъ Оломи (Олыма) и Кизневы (Киченевой или Кшени) и межъ Кизневы и Тима и до верховья тѣхъ рѣкъ“. Изъ Новосили: „до усть Грязскія Зуши и Любовши и къ усть Ориву, да по Ориву на гору и до верховья, да къ верхъ Локотцакимъ верхамъ, да къ верхъ Смейку и къ верхъ Чернавы, да по Соснѣ на гору до усть Хвошны, да отъ Сосны Хвошненскою дорогою до Неручи и до усть Озерны; тѣ мѣста выжечь всё сряду не пропуская“. Изъ Мценска „жечь отъ усть Озерень по Неручи на гору и до верховья, да поперекъ Липовицы и Куноча и до Росткова и до Сосны и до усть Хвошны, да за Сосну до усть Тима, и по Тиму на гору до верховья и поперекъ Косожи и Щигра“ ****). Роспись мѣсть, подлежавшихъ пожару, составляетъ древнѣйшее указаніе на степныя пространства въ предѣлахъ Ливенскаго уѣзда.

Между Соснинскими сторожами особеннымъ вниманіемъ правительства пользовалась та, которая находилась усть Ливень. Въ 1575 году царь Иванъ Васильевичъ Грозный послалъ сюда воеводами Михаила Долматовича Карнова да посла Иванкина, съ которыми находились станичные головы, станичники, вожи и сторожа. Въ 1576 году воеводами „на Сосну усть Ливень“ назначены были князь Иванъ Охлябининъ и Михайло Назарьевъ. Обязанность Ливенскихъ воеводъ состояла въ доставленіи наскорѣйшихъ вѣстей о приходѣ воинскихъ людей. Но такъ какъ оказалось, что Ливенскіе стоялые головы не могли въ этомъ отношеніи предупреждать Оскольскихъ и другихъ головъ, то въ 1577 году Государь воеводамъ и головамъ „на Соснѣ усть Ливень бытъ не велѣлъ“, и съ того времени они были отягчены. Однакожъ, двухлѣтнее пребываніе воеводъ съ значительнымъ числомъ служилыхъ людей не могло не оставить своего слѣда на Ливнахъ. Такимъ слѣдомъ, по всей вѣроятности, нужно признать тотъ „малый острожокъ“, который послѣ охваченъ былъ большимъ острогомъ и служилъ своего рода кремлемъ для послѣдняго. Въ этомъ острожкѣ, какъ увидимъ да-

*) У ручья Оривскаго нинѣ стоитъ село Орво. Въ писцовыхъ книгахъ 17 вѣка ручей этотъ называется рѣкою: „устья тоо жъ рѣчи Орвы, что впаа въ рѣку Любовшу“.

***) „Смеицкой и Локотцкй верхъ“ составляли впоследствии границу между Красными и Серболовскими станицами Ливенскаго уѣзда.

****) См. тамъ же.

лѣе, было четыре церкви, изъ которыхъ двѣ, спустя двадцать девять лѣтъ послѣ основанія большаго острога, называются уже ветхими, тогда какъ въ это время не успѣла обветшать ни одна изъ церквей большаго острога; равно и на кабацкомъ дворѣ въ маломъ острожкѣ избы были ветхи: ясно, что „малый острожокъ“ древнѣе по своему устройству большаго острога. Кромѣ того, нѣкоторыя изъ церквей малаго острожка были „строеныя поповскаго“, арендовались „у вдовъ попадь“ и не имѣли при себѣ панихи и покосовъ, тогда какъ причты новыхъ посадившихъ острожныхъ церквей были удовлетовлены и „паханою землею“, и „сѣбными покосами“. Ко времени же царя Іоанна Васильевича можетъ быть отнесено и заселеніе Вѣломѣстной казачьей слободы, „что за р. Сосною, на десятинной землѣ, что пахали на Государя города Ливень посадомъ и уѣздными людьми“. Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что городъ Ливни, послѣ долгаго исчезновенія изъ памяти исторіи, возванъ былъ къ новой жизни царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, а преемнику его, царю Ѳеодору Іоанновичу, принадлежить честь только большаго расширенія, укрѣпленія и населенія не только города, но и всего Верхососеня.

V.

Устройство и населеніе города Ливень въ концѣ 16-го вѣка.

Обстоятельства возникновенія города Ливень и укрѣпленіе его сторожами. — Древнѣйшее описаніе города Ливень. — Малый острожокъ: церкви, дворы, лавки и столы, кузницы, дворъ кабацкій, розрядная изба, Ливенская тамга. — Большой острогъ. — Слободы въ острогѣ: Стрѣлецкая, Пушкарская, Ямская и Казачья. — Сергіевскій монастырь: его церкви, братія, крестьяне и вотчины съ угодьями. — Вѣломѣстная слобода. — Государева мельница. — Составъ населенія г. Ливень. — Земли и угодья Ливенскихъ служилыхъ людей. — Общее число церквей и приходскихъ дворовъ въ г. Ливнахъ. — Мирный договоръ на Ливнахъ съ Крымцами.

Во второй половинѣ 16-го вѣка Крымскіе Татары, подъ вліяніемъ мести за покореніе царствъ Казанскаго и Астраханскаго, особенно усилили свои набѣги на Московскую Украину; область Быстрой Сосны была испещрена ихъ *саннами* (слѣдами). Уже въ самый годъ покоренія Казани (въ 1552 г.) Крымскій ханъ Девлетъ — Гирей по Муравскому шляху пробрался до Тулы, но былъ остановленъ нашими воеводами и отброшенъ въ степи, за Сосну. Въ слѣдующемъ году хана опять ожидали на

Украинѣ, почему онъ предпочелъ идти „на Черкасы“; тѣмъ не менѣе отрядъ Крымцевъ, въ числѣ 50 человекъ, появился въ окрестностяхъ г. Мценска; Мценскій воевода отразилъ смѣльчаковъ и пять человекъ изъ нихъ послалъ „съ языками“ въ Москву. Въ 1555 году было новое, большое нашествіе Татаръ на Ливенскія и Новосильскія мѣста. Въ это время царь Іоаннъ Васильевичъ послалъ на стада Крымскія, въ Мамай лугъ, воеводу Ивана Васильевича Шереметева съ товарищами, и „велѣлъ имъ промыслить, на стада послать Крымскія, а самимъ того беречи“. Воеводы шли Муравскою дорогою, усть Ливень. Тутъ прибѣжалъ къ нимъ сторожъ отъ Св. горъ да станичникъ Лаврентій Ростовскій съ вѣстью, что Крымскій царь перешелъ уже Донецъ и съ многими людьми идетъ на Рязанскія или Тульскія украинны. Воеводы, давъ знать о томъ Государю, немедленно „воротились, а пошли подъ сакму“. Царь Іоаннъ Васильевичъ самъ выступилъ въ походъ. Въ Тулѣ его застало извѣстіе, что Шереметевъ, „идучи за царемъ (ханомъ), послалъ на его конь (обозъ) головы, а съ ними дѣтей боярскихъ многихъ, Ширия Кобыкова, да Григорія Желябова съ товарищи, и головы на царевъ конь пришли, и кони взяли, лошадей съ 60000, да армамаковъ (лошадей Кабардинской породы) 200, да 180 верблюдовъ, и 20 языковъ къ воеводамъ прислали. И воеводы пошли за царемъ насытъ его сакмою, и встрѣтились съ царемъ на Судбищехъ (у верховья р. Любовши, на границѣ Ливенскаго и Новосильскаго уѣздовъ), и бились до вечера, и передовой полкъ царевъ, и правую руку и лѣвую потоптали, и знамя взяли Ширинскихъ князей, и бились до ночи, и тутъ стояли полки черезъ всю ночь *). И воеводы послали назадъ по головы и по дѣти боярскіе, чтобъ къ нимъ сѣѣшили, а они со царемъ бьются, и прискакали къ нимъ немногіе, а всѣ поворотили къ украинѣ со всѣмъ конемъ, куда ближе, на Рязань и во Мценскъ; и на утро въ четвергъ бились до пятого часа дни, полки на полки напущали жестокии, крѣпкимъ боемъ, и много крымцевъ въ его полкахъ передовыхъ побилъ. И царь Крымской съ своимъ полкомъ пришелъ и со всѣми людьми, да воеводу разгромилъ и людей побилъ многихъ, а самъ къ Тулѣ шелъ во всю ночь“. Между тѣмъ, изъ разсѣявшихся воеводъ околичій Алексѣй Даниловичъ Баскаковъ да Стефанъ Зюзинъ, „наѣхавъ въ Друбовъ кони своихъ полковъ, велѣли бить по набату и въ сурну (трубу) играти, и къ нимъ съѣхались многіе дѣти боярскіе, и боярскіе люди и стрѣльцы, тысячъ съ пять или съ шесть, и тутъ отсѣклись, и царь къ нимъ приступалъ со всѣми людьми, и съ пушками и съ нищалами, и до вечерни, Божіимъ милосердіемъ далъ Богъ, Алексѣй Даниловичъ тутъ отъ царя отсидѣлся, и изъ луковъ и изъ нищалей многихъ Татаръ побилъ; и которыхъ Крымскій царь поймалъ дѣтей боярскихъ, тѣ ему сказали, что Царь и Великій Князь на Тулѣ,

*) Въ мѣшевой Ливенской градской писцовой книгѣ 1685 года сказано: „по праву земля градкой межи Новосильскаго уѣзду села Судбишь Фрола Рогачева съ товарищи, а по лѣву земля градкой межи Ливенскаго уѣзду Краснаго стану села Новосильскаго Матвѣя Сагорева съ товарищи“.

и царь Крымскій пошелъ назадъ насѣхъ, и Сосну перелѣзъ на завтра^а. Перепранившись чрезъ рѣку Сосну, Татары обѣжали такъ поспѣшно, что царь Иванъ Васильевичъ не могъ преслѣдовать ихъ, и изъ Тулы возвратился въ Москву^{*)}. Въ 1558 году Крымскій ханъ Девлетъ—Гирей опять приходилъ войною на Украину, но былъ отброшенъ съ Красной Мечи и преслѣдуемъ до Оскола. Въ слѣдующемъ году опустошалъ Украину Ногайскій мурза Диви. Въ 1563 году Крымскій ханъ Девлетъ—Гирей, съ двумя своими сыновьями, царевичами Магметомъ и Адаломъ, осаждалъ городъ Мценскъ. Татары стояли здѣсь трое сутокъ „и къ посаду приступали, а по Мценской уѣздъ войну распустили“, но подлѣ самаго Мценска успѣли сжечь только нѣсколько дворовъ, стоявшихъ поодаль отъ посада. Заслышавъ, что Московскіе воеводы находятся въ сборѣ, Девлетъ—Гирей поспѣшно снялъ осаду и удалился. Воеводы, сторожившіе Крымцевъ въ Серпуховѣ, не заставъ подлѣ Мценскомъ хана, гнались за нимъ „до Коломака и до Мерчика, и не сошли царя Крымскаго, потому что пошелъ отъ Украины спѣшно“. Отдѣлившись отъ хана мурзы Девей и Мустафа, чтобы грабить Болховскія и Вѣлевскія мѣста, были отбиты Карачевскимъ воеводою Василюемъ Андреевичемъ Бутурдинымъ вмѣстѣ съ Болховичами.

Во время своихъ набѣговъ, Крымцы оставляли свой *воишъ* (обозъ) обыкновенно „на Осколѣ, и межъ Щенева (Кшевъ) и Алимъ, или далѣе или ближе“, и потому на—легкѣ переправлялись за Сосну и налетали на русскіе города. Кромѣ Крымцевъ и Ногайцевъ, набѣгали на нашу Украину „воры Черкасскіе“, какой-то Мишукъ съ товарищами, „жившемъ жившимъ по Осколу и по Семи“; они постоянно угоняли стада изъ—подъ Рыльска и даже изъ—подъ Новосиля^{**}).

Наиболѣе дѣйствительною мѣрою противъ внезапныхъ набѣговъ Крымскихъ Татаръ было построение на украинѣ городовъ. Извѣстно, что въ царствованіе Иоанна Васильевича Грознаго съ этою цѣлью построены были города—Болховъ и Орель. Премникъ его, царь Феодоръ Ивановичъ, велѣлъ продолжить линію укрѣпленій далѣе къ югу, и такимъ образомъ на пространствѣ нынѣшней Орловской губерніи явились еще три города—Ливны, Елецъ и Кромы. Городъ Ливны, построенный въ 1586 году, обязанъ своимъ возникновеніемъ знаменитому боярину и родственнику царскому Никитѣ Романовичу Юрьеву, завѣдывавшему сторожевою и станичною службою послѣ Воротинскаго съ 1574 года^{***}).

По усмотрѣнію этого новаго начальника сторожевой линіи, Государь Царь Иванъ Васильевичъ еще въ 1575 году повелѣлъ „отсутить на Сосну усть Ливенъ воеводу Михаила Долматовича Карнова да посла Ивашкина“, а въ слѣдующемъ году „Марта въ 15-й день бояринъ князь Иванъ Феодоровичъ Мстиславскій, да князь Петръ Да-

*) Татищевъ, кн. V, стр. 423—425.

***) Не по имени ли этого вора Мишука и называлась въ древности деревня Зубцова, что въ Красномъ ечанѣ, въ Долгой Полянѣ, на р. Лѣвой Ливнѣ,—„Мишутинно“ или „Мишутинно“?.

***) Истор. Р. Соловьева, изд. 4, т. 7-й, стр. 25.

ниловичъ Пронскій, да Микита Романовичъ Юрьевъ, да дьяки Андрей да Василій Щелкаловы приговорили: на Соснѣ усть Ливенъ воеводѣ и головамъ (быти)... А людемъ съ воеводою на Соснѣ усть Ливенъ и съ головами на полѣ быти изъ украинскихъ городовъ по росписи дѣтямъ боярскимъ добрымъ съ большихъ и среднихъ статей, да казакамъ съ ручницы (т. е. пицалами, винтовками). И по приговору на Сосну воеводы князь Иванъ Охлябининъ да Михайло Назарьевъ и головы по мѣстамъ по срокамъ посланы“. Хотя въ 1577 году „на Соснѣ усть Ливенъ воеводѣ и головамъ Государь быти не велѣлъ, потому что Донецкіе и Оскольскіе и Донскіе головы стоять на полѣ далѣ Ливенскихъ воеводъ и вѣсти отъ тѣхъ головъ про Крымскихъ и про Ногайскихъ людей къ Государю напередъ Ливенскихъ воеводъ бьвають“; но на этотъ постъ скоро опять обращено было серьезное вниманіе. Именно, „94 (1686) году марта въ 1-й день бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ приговорилъ: на Осколѣ усть Убли и на Дону на Богатомъ Затонѣ стоялымъ головамъ не стоять по Государеву Цареву и Великаго Князя Феодора Ивановича всея Русіи указу, и, по приговору бояръ, князя Феодора Ивановича Мстиславскаго съ товарищи, на Соснѣ, не дожидая Оскола два днища, поставить велѣно городъ Ливны, а на Дону на Воронежѣ, не дожидая до Богатаго Затону два днища, велѣно поставить городъ Воронежъ. А быти на Ливнахъ—городъ ставити воеводѣ князю Володимеру Васильевичу Колцову Мосальскому да Лукьяну Хрущову, на Воронежѣ воеводѣ Семену Феодоровичу Сабурову да Ивану Судакову, да Василю Биркину; и каковы будутъ вѣсти на Ливнахъ про приходъ воинскихъ людей на Государевы украинны, и съ Ливенъ посылати съ вѣстми на Воронежъ, а съ Воронежя по тому-жъ на Ливны съ вѣстми посылати; а вѣсти которыми дорогами поближе и бережнѣе; а сторожи воеводамъ поставити, присмотра въ которыхъ мѣстахъ пригоже; и станицы по тому-жъ посылати присмотра, да о томъ отписати къ Государю“).

Въ то время, какъ ставился городъ Ливны, строители его, по надлежащемъ осмотрѣ мѣстности, составили слѣдующую роспись Ливенскимъ сторожамъ, должествовавшимъ служить цѣлямъ города:

„1-я сторожа подлѣ Котельскимъ лѣсомъ, а быти на ней сторожемъ 6 чел. съ Ливенъ; а переѣзжати имъ на лѣво до Погорѣлово лѣсу и до верхъ Дѣвиць, а проѣзду днище, а назадъ тожъ.

2-я сторожа въ Пузацкомъ лѣсу, а быти на ней сторожемъ съ Ливенъ 6 чел., а переѣзжати на право внизъ по Семи до Высады, а проѣзду полднища, а назадъ тожъ; а на лѣво до верхъ Осколца; а съѣзжати имъ съ тѣми сторожами, которые стоять съ Ливны-жъ на Семи у Мѣлового броду, а проѣзду днище, а назадъ тожъ.

*) См. Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Издѣд. Баллена, стр. 33 и примѣчаніе 55.

3-я сторожа на Семи у Мѣлового броду, а бити на ней сторожемъ съ Ливенъ 6 ч.; а переѣзжати имъ внизъ по Семи верстъ съ 15-ть до Индинского городища; а въ верхъ по Семи до Высады: а съѣзжатца имъ съ Пузацкими сторожами, а проѣзду днище, а назадъ тожь.

4-я сторожа въ верхъ Долгово колодези на Муравскомъ шляху, а бити на ней сторожемъ съ Ливенъ 3 чел.; а переѣзжати имъ на лѣво къ Щеновой верстъ съ семь, а на право беречи къ Тиму.

5-я сторожа верхъ Спешень, а бити на ней сторожемъ 4 чел. съ Ливенъ, а переѣзжати имъ на право до Олыми верстъ съ 20, а на лѣво до верхъ Снавъ Донскихъ, а переѣзда ихъ до верхъ Снавъ верстъ съ 20-ть.

6-я сторожа на Муравской же дорогѣ подъ Мокрецкимъ лѣсомъ, а бити на ней сторожемъ съ Ливенъ 3 чел.; а беречи имъ Муравской дороги.

7-я сторожа на Соснѣ усть Трудовъ выше города, а бити на ней сторожемъ 3 чел. съ Ливенъ; а беречи имъ на лѣво внизъ по Соснѣ съ Рѣчицкими сторожами, а переѣзжати до Рѣчицы, верстъ съ 10.

8-я сторожа *смѣсная* *) на Соснѣ усть Рѣчицы, а стояти на ней сторожемъ съ Ливенъ 2 чел., да изъ Мценска да изъ Новосила по 2 ч.; а переѣзжати имъ въ верхъ по Соснѣ до Хвощенскихъ сторожей верстъ съ 15-ть, а внизъ по Соснѣ до усть Трудовъ.

9-я сторожа смѣсная на Соснѣ усть Хвощны; а бити на ней съ Ливенъ 2 чел., изъ Мценска да изъ Новосила по 2 ч. изъ города; а переѣзжати имъ вверхъ по Соснѣ до усть Колпны, а внизъ по Соснѣ до усть Рѣчицы.

10-я сторожа смѣсная на Соснѣ усть Колпны, а бити на ней сторожемъ съ Ливенъ 2 чел., да изъ Новосила да изъ Мценска по 2 ч. изъ города, а переѣзжати имъ вверхъ по Соснѣ до Луковца.

11-я сторожа смѣсная на Соснѣ въ Луковцѣ; а бити на ней сторожемъ 2 ч. съ Ливенъ, да изъ Мценска да съ Орла по прежнему по 2 ч.; а переѣзжати имъ внизъ по Соснѣ до усть Колпны.

12-я сторожа на Соснѣ усть Кунача ниже города отъ города верстъ съ 10-ть, а бити на ней сторожемъ 3 ч. съ Ливенъ, а переѣзжати имъ внизъ по Соснѣ до Чернапскихъ сторожей, а переѣзду ихъ въ верхъ верстъ съ 15-ть.

13-я сторожа на Соснѣ усть Чернавъ, а бити на ней сторожемъ 4 ч. съ Ливенъ, да изъ Дѣдилова, да съ Кропивны, да съ Донкова, да изъ Новосила по 2 ч. изъ города; а переѣзжати имъ внизъ по Соснѣ до Радужкина лѣсу.

И всего Ливенскихъ 13 сторожей, а сторожей на нихъ на одну статью 46 человекъ.

Постройка города и усиленіе Ливенской сторожевой линіи продолжалась, какъ

*) *Смѣсная*, т. е. сѣзжательная съ сторожами изъ другихъ городовъ.

видно, и въ 1587 году. — „А 95 г. Марта въ 1 день воевода князь Володимиръ Кольцовъ Мосальскій сказывалъ послати съ Ливенъ станицы къ Донцу Сѣверскому, а другую къ верхъ Семи къ Масленому долу, проѣзду недѣля; а послати проущая межъ станицъ по три дни; да съ Ливенъ же послати станица къ Карпову сторожевию, а проѣзду съ Ливенъ всего недѣля, а стояти имъ по верхъ у Карпова сторожевию недѣля по верхомъ и гдѣ будетъ пригожь. Да съ Ливенъ же посылають станицы на Тихую Сосну къ Каменному броду, проѣзду недѣля“ *). Въ 1591 году, по случаю нападенія Малороссійскихъ казаковъ на Путивльскія станицы и сторожи, состоялся еще слѣдующій боярскій приговоръ отъ 16 Апрѣля: „Учинити на Ливнахъ двѣ станицы добрыя, и съ ними vybrати вожей изъ казаковъ, или изъ какихъ людей пригоже. Да одну станицу добрую послати къ Донцу Сѣверскому Царевую дорогою Муравскимъ шляхомъ; а другую станицу послати къ Донцу же Сѣверскому до Изюмского кургана межъ Донца и Оскола, а переѣзжати той станицѣ на Донцѣ перевозки Банкинской, да Шабалинской, да Булуклейской, да Савианской, да Изюмской. А водити тѣмъ двѣмъ станицамъ тѣми двумя дорогами безпрестанно встрѣчаясь, и вѣстей провѣдывать и ждать большихъ вѣстей съ Ливенъ, чтобъ Крымскій царь и царевичи и большіе люди на Государевы украинны безвѣстно не пришли, чтобъ про царя и про царевичей и про воинскихъ людей вѣсть была за — долго до приходу“ **). Около того же времени сторожевая линія на Быстрой Соснѣ укрѣплена была построениемъ новаго города Ельца, съ котораго ставилось 9 сторожей, расположенныхъ частію въ низъ и въ верхъ по Быстрой Соснѣ, а частію за Сосною, въ степи, верстъ за сорокъ отъ города; при чемъ, однакожь, Ливны, безспорно, превосходили Елецъ въ стратегическомъ отношеніи ***). Въ 1594 году Ливенскіе станичники утѣшены были милостивымъ указомъ царя Θεодора Иоанновича, по которому велѣно было „станичнымъ головамъ, станичникамъ и вожакамъ за службу и за изронъ, и за полонъ давать Государеву жалованье: за конь по 4 р., а за меринъ по 3 р., а котораго станичника или вожа на подѣ въ станицѣ убьютъ, и за его службу, и за убійство, и за изронъ давать Государеву жалованье, женамъ и дѣтямъ ихъ по 4 рубли“ ****). Съ 1595 года сторожевая линія на Соснѣ вошла еще въ непосредственное сношеніе съ новымъ городомъ Кромами, изъ котораго ставилось 7 сторожей: „на Быстрой Соснѣ, въ верхъ Тускоря и Теробужа, на Рудѣ въ верхъ Очки, за Выдскимъ лѣсомъ подъ погорѣлыми лѣсками, на рѣкѣ на Очкѣ на Быстрой, на Соснѣ усть Турей и въ верхъ Боброка, на рѣкѣ на Очкѣ усть Рокитны“. Въ томъ же году думный дворянинъ Вельяминовъ-Воронцовъ сдѣлалъ близъ Ливенъ засѣку.

*) См. Чтения въ Императ. Общ. Неп. и древн. Рос. при Моск. Унив., прил. 56.

***) Тамъ же прим. 57.

****) Изъ Ельца ставилось сторожи: усть Воргла, подъ Радужнымъ лѣсомъ, усть Чернавъ, вер. В Гольского лѣса, усть Палы, усть Талыца, на Козьмѣ горѣ, свѣрхъ Попковца и подъ Котельскимъ лѣсомъ, рхъ

*****) Тамъ же стр. 36.

Но обратимся къ самому городу Ливнахъ. Для насъ интересно было бы читать описаніе его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ — подъ рукъ своего строителя, князя Владиміра Кольцова-Мосальскаго; но такое описаніе не дошло до насъ. Сохранилась только переписная книга отъ 1615 года, знакомящая насъ съ внѣшнимъ видомъ этого города въ то время, когда отъ основанія его протекло уже около тридцати лѣтъ, но, какъ легко примѣтить, безъ особенныхъ измѣненій въ его устройствѣ.

Городъ Ливны построень былъ въ 1586 году на томъ же мѣстѣ, на которомъ находится и теперь, т. е. на лѣвомъ, возвышенномъ берегу рѣки Сосны, при впаденіи въ нее рѣчки Ливны (поздѣе—Ливенки), которая составилась изъ двухъ рѣчекъ: Лѣсной Ливны и Полевой Ливны. Въ Книгѣ Большаго Чертежа говорится: „Городъ Ливны стоитъ на рѣкѣ Соснѣ, на лѣвомъ берегу“; кромѣ того, мѣстонахожденіе города Ливень определяется теченіемъ рѣчекъ Ливень: „Лѣсная Ливна вытекла изъ Краснаго лѣсу, отъ города Ливень съ 10-ть верстъ, и пала въ Полевую Ливну близко города, а Полевая Ливна пала въ Сосну подъ городомъ Ливнами“ *). Какъ видно изъ приправочной книги 1615 года, городъ Ливны состоялъ: изъ *малаго острожня*, что внутри города Ливень, и изъ *большаго острога*, въ которомъ заключался и *посадъ*. Въ маломъ острожкѣ находились слѣдующія церкви:

1) Соборная церковь во имя Святыя Живоначальныя Троицы, да другая церковь придѣльная Рождества Пречистыя Богородицы, „древна *кльѣтци* (т. е. съ куполомъ на подобіе кльѣтки), ветха, а образы въ той церкви въ Соборной Живоначальныя Троицы... Рождества Пресвятныя Богородицы обложены серебромъ, штилистовой (шестистюловой), съ вѣнцы сканне (изъ свани, волочнаго золота и серебра, суценнице)... на престольная на прозелени..., да двери царскія.. За соборными поны Живоначальныя Троицы, что на Ливнахъ внутри города, за двумя человекъ, за Васильемъ да за Максимомъ, земли выше Засосенскія Бѣломѣстныя слободы у Попова верха отъ рѣки отъ Сосны вверхъ Попову верху: пашни паханныя и дикого поля 20 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; сѣна по дикому полю и Попову верху 40 копенъ“ **).

2) Церковь Святаго Пророка Іліи, да придѣль Стратотерца Христова Дамитрія Солунскаго, „древна кльѣтци, ветха, а въ церкви образы и свѣчи, и книги, и колокола и всякое строенье церковное поновское, а служить у той церкви попъ Иванъ, дворъ его на погостѣ у церкви Св. Пророка Іліи, а земли къ той церкви нѣтъ“.

3) „Церковь Святыя Великія Христовы Мученицы Параскевы, нарицаемая Пятиница, древна кльѣтци, а въ церкви образы и свѣчи, и книги и всякое церковное строенье города Ливень посадскихъ и уездныхъ людей, а у той церкви попъ Герасимъ, дворъ ево у той церкви на погостѣ, а земли къ той церкви нѣтъ“.

*) См. Книгу Большаго Чертежа, на стр. 3 и 4.

**) Земля за соборными понами почему-то записана въ приправочной книгѣ посадъ всѣхъ церквей на Ливнахъ (на 43 листѣ). Очевидно, она или отведена была помяну помяну построения большаго острога, или же принадлежала и прежде, а теперь только занесена въ книгу.

4) „Въ маломъ же острожкѣ церковь Никола Чудотворца, древна кльѣтци, да другая церковь теплая — Обновленіе храма Воскресенія Господа нашего Ісуса Христа, древна кльѣтци, а въ церквахъ образы и свѣчи, и книги, и всякое церковное строенье и колокола пона Карна; а служить у тѣхъ церквей попъ Игнатій изъ найму у вдовы понады пона Карна у Овдотьи; земли къ тѣмъ церквамъ въ рядѣ съ Стрѣлецкою землею по Новосильской дорогѣ, подъ Краснымъ лѣсомъ: пашни паханныя добрыя земли 5 чети да дикого поля 5 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; сѣна по дикому полю и по логомъ, и по верхомъ, и по дубровамъ за рѣкою за Трудами, въ рядѣ съ стрѣльцами жъ, 20 копенъ, да съ приходскими понами за рѣкою за Сосною за Мининою удеревью: дикого поля 10 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; сѣна по верхомъ и по дубровамъ 20 копенъ; и всего къ тѣмъ церквамъ земли въ рядѣ съ Стрѣлецкою землею и съ приходскими понами пашни паханныя и дикого поля 20 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ, сѣна 40 копенъ.

× Въ острожкѣ жъ изба Розрядная *)... Въ острожкѣ жъ дворы: соборнаго пона Максима, Мосея Коширшинова, Ивана Павлова. Въ острожкѣ жъ *лавни*: пушкаря Офоньки Мартинова, пушкаря Малика Опосова, казака Петрушки Аметова, затинщика Семена Золотаря, пушкаря Олеси Турвогина, казака Остафа Головина, ящичка Ортемья Бѣшенцева, стрѣльца Овдрѣя Расторгуя, стрѣльца Офимы Савкова, Еремы Гвѣздилова..., ящичка Василья Кулака, ящичка Ивашки Дериглаза, стрѣльца Ивана Мартинова, казака Медвѣдева, вдовы Татьяны затинщикова Гаврилова, жены Бѣлевцовы, воротника Малика Меланьева, казака Васюка Наумова, стрѣльца Федора Кривобрюха, ящичка Васьки Вырѣзуба, Олешки Сахарова..., Радіонова, чернова старца Сергіева монастыря, что на Ливнахъ, Евфимья Бобкина, сапожника Исака Сергѣева, стрѣльца Карна Чепоса, Крымскаго жожака..., вдовы Овдотьи Клеменовы жены Толстова, стрѣльца Кузьмы Хрылева, пушкаря Ивана Колуженина, стрѣльца Федора Максимова, Сидора Токмакова, сапожника Мишки Жукова, казака Василья Добродѣва, казака..., вдовы Рожкова“... Всего 37 лавокъ. — „Столы: столъ затинщика Семена Золотаря, столъ затинщика Антими Галактіонова, столъ пушкаря..., и столъ Мартинова“... Всего 4 стола. — „Кузницы: кузница Гриши охотника, к. Богдана Рыжева, к. Петрушки Офонасьева сына Трегубова, к. Ивашки Иванова, к. Ивашки Сароченка, к. Мартина Кондратьева, к. Дронки Орленина, к. Фоки Трегубова, и всего 8 кузницъ. А оброку съ лавокъ и столовъ и кузницъ на годъ даютъ по 20 рублевъ. — Въ острожкѣ же дворъ кабацкой, а на дворѣ двѣ избы ветки, да погребъ, да ледникъ, а держатъ тотъ кабакъ да Ливенскую тамгу (пошлину) на вѣрѣ цѣловальники: Ливенскіе пушкаря Мартинъ Шейнъ, Олексій Турьинъ, Маликъ Опосовъ, а по сказкѣ тѣхъ цѣловальниковъ и по вопросу стороннихъ людей тотъ кабакъ и Ливенская тамга были въ откупъ по ркг (123) (7123,—1615) годѣ по мѣсяцъ

*) Разрядная изба, гдѣ производился судъ.

Октябрь, а отдавали тотъ кабакъ въ откупъ на Ливнахъ изъ Розряду, а откупу было по рѣ (110) рублей на годъ.—На Ливнахъ же и въ Ливенскомъ уѣздѣ рѣка Сосна да рѣка Олымъ, да рѣка Труды, да рѣка Любовша, а по сказкѣ городскихъ и уѣздныхъ людей съ тѣхъ рѣкъ за рыбныя ловли и за бобровыя гоны и за хмелевыя болота и за полевой всякой звѣрь даютъ оброку города Ливенъ всякіе люди посадомъ и уѣздомъ на Ливнахъ изъ Розрядѣ по 50 рублей на годъ^{*}).

„На Ливнахъ же около (т. е. вокругъ) посаду острогъ большой,—ставленъ тынъ дубовой, а подлѣ острогу *тарасы рублены*^{**}), а около острогу копанъ ровъ, да около же острогу *надолбы*^{***}), а у острогу ворота: Егорьевскія, Афанасьевскія, Пятницкія, Никольскія, Успенскія, Покровскія, да къ рѣкѣ Соснѣ ворота *потайныя*, а на воротахъ башня.—Въ острогѣ два двора воеводскихъ, да дворы дѣтей боярскихъ: Ивана Драчова, Шерона Коширенинова, Парфирра Онисимова, Мартина Выканова, да у рѣки у Ливны дворы дѣтей боярскихъ: Василія Потапова, Лари да Максима да Курдюма Овсянниковыхъ; въ острогѣ жъ—соборнаго пона Василія, соборнаго дьякона Оксена Левонтьева, соборныхъ же церковныхъ двѣ кельи, а въ нихъ живутъ пономарь да проскурница; дворъ вдовы попадыи Овдотьи Никольскія, что въ маломъ острогѣ; въ острогѣ же дворъ богадѣленной, да у рѣки у Ливны подъ горою пять келлій, а въ нихъ живутъ нищіе,—питаются по міру^{****}).

Р. Артемьевъ въ своей статьѣ: „Городъ Ливны и Ливенскій уѣздъ“ такъ описываетъ древнюю крѣпость г. Ливенъ: „Собственно „городъ“ или крѣпостной острогъ (кремль), окружность котораго простиралась до 350 сажень, расположенъ былъ на довольно кругомъ мысѣ, образуемомъ впаденіемъ рѣки Ливенки въ Сосну; теперь большая часть этого пространства занята частными постройками, а также торговую площадью, общественнымъ садомъ и солянымъ магазиномъ. Кремль съ востока и юга, т. е. по берегамъ Ливенки и Сосны, укрѣпленъ былъ землянымъ валомъ, а съ сѣвера и запада отдѣлялся отъ слободъ высокими деревянными полицадомъ, къ внутренней сторонѣ котораго, въ самой крѣпости, пристроены были крытыя накатъ съ башнями. Кромѣ того, кремль окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ рвомъ, глубиною въ 2½ сажени. Изъ кремля на берегъ Ливенки существовалъ тайникъ,—подземный ходъ къ колодцу, сохранившемуся и доселѣ, изъ котораго брали воду, когда крѣпость нахо-

^{*} Къ сожалѣнію, перга по древности Приправочная книга города Ливенъ отъ 1615 года сохранилась до нашего времени безъ начальныхъ листовъ; притомъ на первомъ сохранившемся листѣ чернила выцѣдѣли такъ, что текстъ его не можетъ быть прочтѣнъ сполна. Кромѣ отрицательныхъ фразъ касательно Соборной церкви, здѣсь можно разобрать кое-что изъ перечисляемаго склада оружія въ маломъ острогѣ: „да пичаль (т. е. пушка малого калибра) скорострѣльная, да 2 пичали волконки (малокалиберныя, короткія), да 26 пичалей затинныхъ, да 2 пичали затинныя испорченныя на стрѣльбѣ... въ маломъ же острогѣ Иба Розрядина“. Описание малаго острога (безъ первыхъ утраченныхъ листовъ) занимаетъ 4 листа Приправочной.

^{**} *Тарасы*—своего рода ящички, туго набитые землею и служившіе защитою.

^{***} *Надолбы*—бревна или брусья съ продолбленными концами, надѣтыми на обтесанные столбы.

^{****} (ч. 5 листъ Приправочной).

дилась въ осадѣ^{*}). Всѣ эти крѣпостныя постройки въ 1779 году были въ весьма ветхомъ состояніи, потому что существовали около двухсотъ лѣтъ[†]. Но это описаніе не вполне приложимо къ городу Ливнамъ, построенному въ 1586 году и описываемому Приправочною 1615 года. Во—первыхъ, въ описаніи Артемьева не упоминается о *маломъ острогѣ*; во—вторыхъ, *тайникъ* показанъ выходящимъ къ Ливенкѣ, а не къ Соснѣ; въ—третьихъ, слободамъ отводится мѣсто за острогомъ, тогда какъ по Приправочной онѣ находились въ большомъ острогѣ: „въ острогѣ жъ слободы: Стрѣлецкая“... и т. д. Очевидно, у Артемьева описывается не первоначальный острогъ, который, какъ онъ говоритъ, „въ 1779 году былъ въ весьма ветхомъ состояніи, потому что существовалъ около двухсотъ лѣтъ“, а болѣе поздній, поставленный послѣ сожженія стараго въ 1618 году и потомъ, быть можетъ, не разъ еще перестроенный и обновленный. Но послѣдуемъ за Приправочною 1615 года.

„Въ острогѣ жъ слободы“... Всѣхъ слободъ было четыре: Стрѣлецкая, Пушкарская, Ямская и Казачья.

1. *Стрѣлецкая слобода*. Въ ней „церковь Великія Христовы Мученицы Параскевы, нарицаемыя Пятницы, да другая церковь Св. Василія Блаженнаго—древяныя клѣтци; строенье тѣхъ церквей и въ церквахъ образы и свѣчи, и книги, и колокола, и всякое церковное строенье поповское, а на монастырѣ дворъ поповъ Андреевъ да четыре кельи, а въ нихъ живутъ нищіе,—питаются отъ церкви Божіи; наши паханья церковныя: добрыя земли, въ рядъ съ стрѣльцами, 2 чети, да дикою поля 8 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ; сѣна по логомъ и по верхомъ, въ рядъ съ стрѣльцами жъ, 20 копенъ, да въ рядъ съ приходскими—жъ понами, за Мининою удеревью, дикою поля 10 четей въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по дикому полю 20 копенъ; и всего церковныя земли: наши паханья и дикою поля 20 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 40 копенъ. Въ слободѣ жъ дворы стрѣлецкіе..., всего 2 двора пятидесятниковъ, да 8 дворовъ десятниковъ, да 90 дворовъ стрѣлецкихъ, а людей въ нихъ тожъ“.

2. *Слобода Пушкарская*^{**}). Ее населяли: пушкарі (артиллеристы) въ числѣ 13-ти дворовъ, затинники (стрѣлки изъ затинной пичали) въ числѣ 17-ти дворовъ и воротники (караульные при крѣпостныхъ воротахъ) въ количествѣ 12-ти дворовъ. Всего въ Пушкарской слободѣ находилось 42 двора, съ такимъ же количествомъ людей; слобода эта не имѣла особой церкви.

^{*} На Красной площади, которая входила прежде въ составъ кремля, находится въ настоящее время итѣнный докъ, лѣвѣйшій подъ названіемъ *Горылаго*. Народное преданіе утверждаетъ, что кабакъ названъ такъ отъ того, что горѣлъ во время нападенія Ордынцевъ на Ливны (см. «Орловскія Губерн. Вѣдомости», 1860 г. № 26).

^{**} „А въ слободѣ дворянъ пушкарскіе: дворъ Мартина Шенна, Алексѣя Турягина, Язана Оносова, Ивана Калужанина, Павла Занена, Третьяка Губина... Дворянъ городовыхъ воротниковъ: Григоріи Подымова, Ковдрата Потапова, Гаврила Суеткина... Въ той же Пушкарской слободѣ дворянъ затинниковъ: дворъ Семена Золотара, Ивана Иванова, Федора Пустогина, Олфера Михайлова Борденкова“... (См. 10—12 листы Приправочной).

3. *Слобода Ямская*. Въ ней жили ямщики—охотники, исполнявшие обязанности извоза и почтовой гоньбы: „а въ ней дворы охотнички, старосты Даниила Алексеева, Михаила Трубицына... всего 12 дворовъ ямскихъ охотниковъ, а людей въ нихъ 13 человекъ, да 8 мѣстъ дворовыхъ порожжихъ ямскихъ охотниковъ, и тѣ охотники померли, а иные съ бѣдности разбрелись“ (листы 13—14).

4. *Слобода Казачья* состояла изъ пяти слободъ: Егорьевской, Афанасьевской, Никольской, Покровской и Успенской. Изъ нихъ *Егорьевская* и *Афанасьевская* принимались за одну слободу съ церквами: Стратотерица Христова Георгія и Св. Афанасія Александрійскаго — „древянными клѣтки; строенье тѣхъ церквей и въ церквахъ обрамы и свѣчи, и книги, и колокола, и всякое церковное строенье приходское; а у тѣхъ церквей служатъ: у Егорья попъ Гаврило, а у Афанасія попъ Дементій; а дворы ихъ у тѣхъ церквей на погостехъ; пашни паханья и перелогъ) и дикого поля тѣхъ церквей, въ рядъ съ казаки той же слободы, 20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, по 10 чети къ церкви; сѣна въ рядъ съ казаками жъ 40 копень, да съ приходскими жъ понами за рѣкою за Сосною за Мининою удеревью 20 чети, по 10 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по дубровамъ и по дикому полю и по логомъ и по верхомъ 40 копень; и обоего тѣхъ церквей въ рядъ съ казаки и съ приходскими понами: пашни паханья съ перелогомъ и дикого поля 40 чети, по 20 чети къ церкви въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 40 копень. Въ слободѣ-жъ дворъ казацкаго головы да дворы казацкіе: пятидесятниковъ: Лари Старова, Василия Данилова, Радьки Долгова, десятниковъ: Самсона Макарова, Омельяна Нашабурова, Семена Шатылова, Василия Добродѣева, Андрея Боландина, Марка Дручилина, Тонины Терехова, Павла Воронковского, Гриши Бурцова, Микиты Стрѣльникова, Михайла Петрова, Митьки Паршина, Олексія Кушова, Даниила Картацова, Прони Андреева..., всего въ Егорьевской и Афанасьевской слободѣ 180 дворовъ казачьихъ, а людей въ нихъ тожь число, да 18 мѣстъ дворовыхъ убылыхъ казковъ, да 2 мѣста дворовыхъ казачьихъ сотниковъ“ (листы 15—22).

Въ слободѣ *Никольской* было двѣ церкви: „Николи Чудотворца да другая церковь Св. Мучениковъ Фрола и Лавра, деревянныя клѣтки; строенье тѣхъ церквей и въ церквахъ обрамы и свѣчи, и книги, и колокола, и всякое церковное строенье приходское; а служить у тѣхъ церквей попъ Антонъ, дворъ его у тѣхъ церквей на погостѣ; пашни тѣхъ церквей, въ рядъ съ казаками тожь Никольскія слободы, паханья добрыя земли 2 чети, да дикого поля 3 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна, съ казаки въ рядъ, по логомъ 10 копень, да въ рядъ съ ямщиками пашни паханья добрыя земли 3 чети, да дикого поля 4 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по логомъ 14 копень, да за рѣкою за Сосною отъ верхка отъ Липовна къ Мининой удереви и отъ Мининой удереви къ колодезю къ Ольшанцу и на

*) *Перелог*—заросшая и одеревявшая пашня, вновь вспаханная.

колодезю по Ольшанцу до рѣки до Кщенивой воще съ приходскими понами дикого поля на пашнѣ 8 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по дикому полю 16 копень, и всего пашни паханья и дикого поля 20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 40 копень. Въ той же въ Никольской слободѣ дворы казачьи *)... всего 110 дворовъ, а людей въ нихъ тожь, да 20 мѣстъ дворовыхъ убылыхъ казковъ, да мѣсто дворовое казачье воротника“ (листы 22—27).

Х *Покровская* и *Успенская* казачьи слободы, находившіяся „за рѣкою за Ливною въ большомъ острогѣ“, имѣли каждая по двѣ церкви. Въ первой изъ нихъ: „церковь Покрова Пресвятыя Богородицы да другая церковь Мученика Христова Никиты, деревянныя клѣтки; строенье въ тѣхъ церквахъ и въ церквахъ обрамы и свѣчи, и книги, и всякое церковное строенье пона Степана; дворъ его у тѣхъ церквей на погостѣ, да на погостѣ жъ двѣ келліи пономарскія, да проскурницы, да три келліи, а въ нихъ живутъ нищіе: Сережка Тихоновъ, Микитка Теремеєвъ, Демка Игнатовъ, а питаются отъ церкви же. Въ тѣхъ же слободахъ церковь Успенія Пресвятыя Богородицы да церковь Архангела Михаила, стоитъ безъ цѣвня; строенье тѣхъ церквей и въ церквахъ обрамы и свѣчи, и книги, и всякое церковное строенье пона Афанасія; дворъ его у тѣхъ церквей на погостѣ, да на погостѣ же двѣ келліи, а въ нихъ живутъ нищіе: Епашка Гончаръ, Ивашка Горбунъ, Ивашко Долгой, а питаются отъ церкви Божіей. Пашни паханья тѣхъ церквей: Покрова Пресвятыя Богородицы и Мученика Христова Никиты, да Успенія Пресвятыя Богородицы да Архангела Михаила въ рядъ съ казаками Успенской же да Покровской слободы дву понамъ 10 чети, да дикого поля 10 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да съ приходскими понами за рѣкою за Сосною за Мининою удеревью 20 чети, по 10 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по дикому полю и по логомъ и по дубровамъ 40 копень, и всего (за этими церквами) пашни паханья и дикого поля 40 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, за двумя поны по 20 чети. Въ тѣхъ же слободахъ дворы казачьяго головы и казачьи **)... всего въ казачьихъ за—Ливенскихъ слободахъ—въ Успенской и въ Покровской 234 двора казачьихъ, а людей въ нихъ тожь, да 36 мѣстъ дворовыхъ казачьихъ выбылыхъ казковъ, да 3 мѣста дворовыхъ казачьихъ сотниковъ“ **).

Приправочная 1615 года сообщаетъ намъ древнѣйшія свѣдѣнія и о Ливенскомъ Сергіевскомъ монастырѣ. По мѣстному преданію, этотъ монастырь первоначально былъ основанъ не въ самомъ городѣ Ливнахъ, но версты за четыре отъ города—вверхъ по р. Соснѣ, на другой сторонѣ этой рѣки, выше Ламской и Георгіевской слободы, на горѣ, называемой Удеревь, гдѣ теперъ земля помѣщика Баркова,

*) Пятидесятниковъ: Василия Волтенца, Марки Ворожева, десятниковъ: Радьки Клешина, Ивана Гыжкова, Тихихъ Гербачева, Ивана Данилова, Никола Семенова, Евстрата Гулевскаго...

**) См. Приправочную книгу на л. 27—36.

а въ городъ Ливны перенесенъ онъ отъ набѣговъ непріятельскихъ, хотя и неизвѣстно когда" *). Мы не имамъ отвергать вовсе это преданіе, такъ какъ оно не могло возникнуть безъ какого—либо къ тому повода, и, притомъ, съ такою ясностью указывается на мѣсто, гдѣ первоначально находился будто бы Сергіевъ монастырь. Очень возможно, что на указываемой мѣстности „Удеревь“ былъ когда-то монастырь, только не предъ построеньемъ города Ливень въ 1586 году, когда, по причинѣ Крымскихъ набѣговъ, Ливенскій край представлялъ изъ себя пустынную мѣстность, а въ болѣе древнюю эпоху, когда на Ливнахъ княжили еще Рязанскіе князья, или когда этотъ городъ имѣлъ собственныхъ князей изъ потомковъ Святослава Ольговича; а слѣдовательно, это былъ и не Сергіевъ, а другого именовація монастырь, такъ какъ Св. Сергій Радонежскій жилъ въ 14-мъ вѣкѣ и прославленъ Россійскою Церковію уже впоследствии. Съ другой стороны, ни въ одной изъ жалованныхъ грамотъ Сергіеву монастырю, дошедшихъ до насъ въ воеводскихъ выписяхъ конца 16-го и начала 17-го вѣковъ, не дѣлается никакого намека на то, чтобы этотъ монастырь существовалъ гдѣ—либо раньше построенья города Ливень въ 1586-мъ году, или владѣлъ кокою—либо вотчиною до 1592 года, когда въ 1-й разъ „блаженныя памяти Царь и Великій князь всея Русіи пожаловалъ въ Сергіевъ монастырь на церковное строенье.... рѣку Тимъ со всѣми угоды“. Выраженіе „на церковное строенье“, приводимое только въ этой древнѣйшей выписи, по видимому, указываетъ на то, что около этого времени и началъ устраиваться Сергіевъ монастырь въ городѣ Ливнахъ.

Кто интересуется судьбою Сергіева монастыря на Ливнахъ, тому не безинтересно будутъ дѣлаемы здѣсь выписки изъ Приправочной и другихъ писцовыхъ книгъ времени царя Михаила Феодоровича, какъ древнѣйшіе и самые достовѣрные источники исторіи этого монастыря, своимъ почти двухсотлѣтнимъ существованіемъ оставившаго неизгладимую память въ городѣ Ливнахъ.

Вотъ что читаемъ мы о немъ въ Приправочной Михаила Иванова Савенкова и Матюшки Феодорова подъ 1615 г.: „Въ большомъ же острогѣ монастырь Сергіевъ, а въ монастырѣ церковь Великаго Чудотворца Сергія Радонежскаго, да другая церковь теплая—Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, древяна клѣтчики, а въ церкви у Чудотворца у Сергія образы мѣстные: образъ Чудотворца Сергія, подица штилетоголая, обложенъ серебромъ, вѣнца сканьные, да образъ Сергія жъ Чудотворца на прозелени; образъ Николая Чудотворца Можайскаго на рѣзи въ кіотѣ; образъ Стратотурецвъ Христовыхъ Бориса и Глѣба на прозелени; образъ Пречистыя запрестольныя, да Деисусъ (т. е. три иконы, ставимыя вмѣстѣ и изображающія Спасителя, Богоматерь и Іоанна Предтечу), да двери церковныя на прозелени, да двѣ свѣчи поставимыя не велики; у Благовѣщенія Пресвятыя въ церкви: образъ мѣсной Благовѣщенія Пречистой Богородицы на золотѣ, образъ Пресвятыя Богородицы запрестольной,

*) См. «Описание мужскаго монастыря въ Ливнахъ» («Орл. Епарх. Вѣдом.», 1871 г. № 17, стр. 1198).

да двери церковныя, да книги: Евангеліе письменно тетръ *) да Апостоль письменной..., да два Октоя печатные, да Тріодъ цѣлѣтная печатная, да Тріодъ посная письменная, Служебникъ письменной, Псалтирь да Часовникъ да Миней Общая печатные; да ризы да стихарь полотняные, да кадило мѣдяное, да сосуды церковные оловяные; да на монастырѣ ворота Святыя, а на воротахъ Деисусъ на прозелени писаны на оба лица, да на колокольѣхъ 6 колоколовъ“.

Таковъ былъ въ 1615 году Сергіевъ монастырь съ его церквами и внутренними ихъ достояніемъ: 8 иконъ—въ двухъ церквахъ (въ настоящей и теплой), 10 церковныхъ книгъ, изъ которыхъ 4 были не печатныя, а письменныя (въ томъ числѣ Евангеліе и Апостоль), одиѣ священническія ризы, одинъ стихарь, одно кадило (мѣдное), сосуды же оловяныя! О составѣ монашескихъ въ той же Приправочной читаемъ: „А въ монастырѣ игумень Харлампій, да попъ черныи, да 11 чел. братья, живутъ по кельямъ“. Приводимъ теперь выписи на вотчины, коими владѣлъ Ливенскій Сергіевъ монастырь. 1) „Сергіева монастыря за игуменомъ за Харлампіемъ съ братьемъ по выписи воеводы Игнатія Михнева да Феодора Шишкина 123 (т. е. 1615) году Октября 16 дня, что по Государевѣ Царевѣ и Великаго Князя Михаила Феодоровича всея Русіи грамотѣ, за приписью думнаго дьяка... Васильева, а отдали онѣ въ вотчину въ Сергіевъ монастырь на свѣчи и на ладонь и на вино церковное игумену съ братією на пищу въ Ливенскомъ уѣздѣ рѣку Кшеневу, а въ нее впади двѣ рѣчки Кшеневка и съ упалыми колодези, что впади въ рѣчку Кшеневку, и съ бобровыми тоны и съ хмѣлевыми болоты, которые все-жъ на рѣчкѣ Кшеневкѣ, и дуги береговые и со всѣми угоды“. 2) „Сергіева жъ монастыря за игуменомъ за Харлампіемъ съ братією по выписи письма... князя Михайла Путятина да подьячаго Микиты Харламова 107 (1599) году, что въ прошломъ 100 (1592) году Генваря въ 25 день блаженныя памяти Государь Царь и Великій Князь Феодоръ Ивановичъ всея Русіи пожаловалъ въ Сергіевъ монастырь на церковное строенье, на ладонь и на свѣчи, и на вино церковное въ Ливенскомъ уѣздѣ рѣка Тимъ со всѣми угоды, а въ нее впаде рѣчка Косожа“. 3) „Да за игуменомъ же за Харлампіемъ съ братією въ вотчинѣ слободка за рѣкою за Сосною, отъ города отъ Ливень внизъ по рѣчкѣ по Соснѣ по концю Вѣломѣстныя Казацкія слободы на рѣчкѣ на Соснѣ, подъ слободкою же у рѣки у Сосны на берегу озерко, а въ слободкѣ крестьяне: Ефимъ Степановъ, Феодоръ Гавриловъ да бобылей: Савка Олексѣевъ, Филиппъ Павловъ, Феодка Титовъ, Самошка Кохоновъ (шесть дворовъ); крестьяне и бобыли селятся **); новой пашни паханья добрыя земли осина да дикого поля 69 чети съ осиною, обогого—пашни паханья и дикого поля 70 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по

*) *Евангеліе тетръ*—значить четвероевангеліе, или книга, заключающая въ себѣ Евангелія 4-хъ Евангелистовъ, написаныя по тому порядку, въ какомъ оныя писаны Евангелистами, а не по церковному изъ нихъ выбору отдѣлений для воскресныхъ и праздничныхъ чтеній.

**) *Бобыли*—крестьянинъ, не имѣющій тягла и собственной земли.

дикому полю и межъ полъ по логамъ и по верхомъ 140 копенъ, а сошного письма въ живущемъ и въ пустѣ полчети сохи и не дошло въ сошное письмо 5 чети пашни, а платитъ ему съ живущаго съ осмины" (листы 37—40). 4) „Да за игуменомъ же за Харлампиемъ съ братією вотчина въ Красномъ стану, по выписи воеводы Степана Исленьева *)), что онъ по Государевѣ Царевѣ и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи грамотѣ отказалъ въ Сергіевъ монастырь Никитинской починокъ Семенова подъ Краснымъ лѣсомъ подъ Евлановымъ Рогомъ, на Евлановѣ колодезѣ, по правую сторону Евланова колодезя, а въ немъ мѣсто дворовое Никитинское, да дворъ бобыль Карпинъ Васильевъ селится заново; пашни перелогомъ четверть да дикого поля 29 чети, обоего... 30 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по рѣкѣ по Присыку и по дикому полю и по дубровамъ 60 копенъ, а възжати ему по селитовой и по дровяной лѣсъ—въ Красной лѣсъ, въ рядъ съ помѣщики". 5) „Да за игуменомъ за Харлампиемъ съ братією вотчина у города у Ливенъ у посаду" **). 6) Сверхъ того, какъ увидимъ ниже, за Сергіевымъ монастыремъ была и мельница, о двухъ колесахъ, на р. Ливнѣ. Въ Ливенскихъ платежныхъ книгахъ письма и дозору Немира Ѳеодоровича Кирѣевского да подъячаго Василия Ключарева говорится: „Въ Красномъ стану вотчина Сергіева монастыря, что на Ливнахъ, за игуменомъ за Харлампиемъ въ трехъ деревняхъ по жеребью, да за нимъ же, за игуменомъ за Харлампиемъ, въ вотчинѣ подъ Ливнами слободка въ живущемъ четверть, а въ трехъ деревняхъ четверть же; да въ Мокрецкомъ стану монастырскія вотчины двѣ четверти пашни".

Въ писцовыхъ Ливенскихъ книгахъ Ивана Малечкина да подъячаго Тимофея Семенова 7135, 7136 и 7137 (1627—1629) г.г. читаемъ: „Въ 1618 году Титовское помѣстье Иванова сына Бровина, что (въ Мокрецкомъ стану) былъ починокъ на рѣкѣ на Соснѣ усть рѣки Кщеневи, на Мивинюмъ удереви, дано Сергіева монастыря, что на Ливнахъ, игумену Харлампью съ братією за 70 чети, да игумену жъ Харлампью съ братією дана пустошь, что былъ починокъ Елизарьевской Старухина, а въ пустоши дикого поля на пашню 100 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по дикому полю 200 копенъ, а въ приправочныхъ книгахъ Петра Есинова съ товарищи 1615 года тотъ Елизарьевской починокъ Старухина прописанъ, а въ сказкѣ своей, какову онъ игуменъ сказку на монастырскую вотчину и на угоды за своею рукою далъ, тѣхъ починокъ за монастыремъ не написалъ, и потому тѣ починки за монастыремъ и не написаны".

Въ тѣхъ же писцовыхъ книгахъ Малечкина находимъ и обстоятельное указаніе на вотчину Сергіева монастыря съ его крестьянами и бобылями. Вотъ оно: „Сергіева монастыря, что на Ливнахъ, за игуменомъ за Харлампиемъ съ братією, по припра-

*) Степанъ Ивановичъ Исленьевъ былъ на Ливнахъ воеводою въ 1614 году.

***) См. Приправочную № 232.

вочнымъ книгамъ Петра Есинова и по выписи Немира Кирѣевского съ товарищи 1615 и 1620 года, слобода за рѣкою за Сосною, отъ города отъ Ливенъ внизъ по рѣкѣ по Соснѣ по конецъ Вѣломѣстныя казачьи слободы на рѣкѣ на Соснѣ, подъ слободою жъ у рѣки у Сосны на берегу озерко, а въ слободѣ дворъ монастырской, а въ немъ живутъ дѣтениши *); Ѳедотка Титовъ, да Уварка Ивановъ, да Олешка Бердинъ, да крестьяне—9 дворовъ, да крестьянскихъ пустыхъ 5 дворовъ, а тѣ крестьяне въ 1629 году сошли безвѣстно, да 8 дворовъ крестьянъ, а тѣ крестьяне въ 1630 году написаны на Ливнахъ въ казаки, 17 мѣстъ дворовыхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ, а тѣхъ крестьянъ и бобылей въ 1618 году побили Литовскіе люди, и всего за игуменомъ за Харлампиемъ съ братією въ вотчинѣ слобода, а въ ней: дворъ монастырской, а въ немъ живутъ дѣтениши, 2 двора крестьянскихъ, людей въ нихъ тожъ, 7 дворовъ бобыльскихъ, а людей въ нихъ 12 человекъ, 13 дворовъ крестьянскихъ пустыхъ, 17 мѣстъ дворовыхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ; пашни паханія монастырскія и крестьянскія добрыя земли 12 чети съ осминою, да дикого поля 57 чети съ осминою, обоего... 70 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по дикому полю и по логамъ и по верхомъ 140 копенъ, а възжати имъ по селитовой и по дровяной лѣсъ въ Красной и въ Серболовѣ лѣсъ рядъ съ помѣщики; а сошного письма въ живущемъ и въ пустѣ полъ чети сохи, и не дошло въ сошное письмо 5 чети пашни; въ живущемъ четь съ четверикомъ; да примѣрныя земли, что вымѣрено сверхъ монастырскія дачи лишка пашни и дикого поля 75 чети, обоего—монастырскія пашни и съ примѣрною землею 145 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; а сошного письма въ живущемъ и въ пустѣ четь сохи, и не дошло въ сошное письмо 5 чети пашни.—За игуменомъ же за Харлампиемъ съ братією вотчина въ Ливенскомъ уѣздѣ, что дано въ Сергіевъ монастырь на свѣчи и на ладонѣ и на вино церковное и игумену съ братією на пищу,—рѣка Кщенева, а въ нее впади—Кщенева съ упальми колодези, что впади въ рѣку Кщеневу, и съ бобровыми гоня и съ хмѣлевыми болоты... и луги береговне со всеми угоды, да рѣка Тимъ со всеми жъ угоды, а въ нее впади рѣка Косожа, а писаны тѣ угоды за игуменомъ за Харлампиемъ съ братією по приправочнымъ книгамъ Петра Есинова съ товарищи 1615 года".

Къ городу Ливнамъ должно отнести и *Вѣломѣстную слободу*, хотя она считалась собственно въ Красномъ стану. „Слобода Вѣломѣстныхъ (т. е. свободныхъ отъ городской подати, отъ оброку) казаковъ за рѣкою за Сосною, противъ города Ливенъ, на Государевѣ Царевѣ и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи на *десятинной* **) землѣ, что нахали на Государя города Ливенъ посадомъ и уѣздными людьми; а въ слободѣ церковь Великомученика Христова Димитрія Солунскаго, дре-

*) Дѣтениши—младшіе члены въ семействѣ монастырской слуги.

**) Десятинники—крестьяне, жившіе на землѣ князя и платившіе десятину... Вѣломѣ, стр. 123.

вина кѣтки, а въ церкви образы и свѣчи, и всякое церковное строенье помянутого Василья; а у той церкви на погостѣ дворъ поповъ Васильевъ, да дворъ дячкова Лукьяновъ Афанасьевъ, да дворъ пономаря Степана. Въ той же слободѣ дворы: сотника казачьева Іева Головина, да пятидесятника Фирса Ѳеодорова, да 5 дворовъ десятниковыхъ..., да 53 двора рядовыхъ казковъ, всего 60 дворовъ, а людей въ нихъ тожъ" (листы 41—42).

"На Ливнахъ на посадѣ въ большомъ острогѣ на рѣкѣ Ливнѣ мельница, а на ней 2 колеса, а строена та мельница изъ Государевой казны, и та мельница отдана была въ Сергіевъ монастырь, что на Ливнахъ на посадѣ, игумену Харлампію съ братією, а въ нынѣшнемъ въ 124 (1616) году, по Государеву Цареву и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи указу, ту мельницу велѣно отписать на Государя и велѣно ее вѣдати на Государя въ Приказѣ Большаго Двора" *).

Такимъ образомъ переписная 1615 г. знакомитъ насъ не только съ внѣшнимъ видомъ города Ливенъ, какой получилъ оный въ 1586 года, но и съ первоначальнымъ его населеніемъ. Это населеніе, за исключеніемъ священно-церковно-служителей, монастырской братіи и крестьянъ, бобылей, охотниковъ, ямщиковъ, бѣломѣстныхъ казаковъ и нищихъ, питавшихся отъ церквей и отъ міра, — состояло изъ людей служивыхъ, военныхъ, которые взяты были на Государеву службу изъ разныхъ городовъ — Кошири, Орла, Калуги и др., и надѣлены здѣсь пахатною землею и сѣнными покосами. Такъ, за стрѣльцами, жившими особою слободою подъ непосредственнымъ управленіемъ своихъ пятидесятниковъ и десятниковъ, въ числѣ ста дворовъ и въ такомъ же количествѣ человѣкъ, значилось: „пашни подъ Краснымъ лѣсомъ по обѣ стороны по Новосильской дорогѣ къ Крутому верху и за Крутой верхъ подлѣ Краснаго лѣсу паханья добрыя земли 355 четей въ полѣ, да дикого поля 457 четей, обоего — пашни паханья и дикого поля 812 четей въ полѣ, а въ дву по тому жъ; за пятидесятники по 10 четей, а за десятники по 9 четей, а за рядовыми стрѣльцами по 8 четей за человѣкомъ; да сѣнныхъ покосовъ по логомъ и по верхомъ и по рѣкѣ по Трудамъ и за рѣкою за Трудами по дубровамъ и по дикому полю 1700 копенъ". — Пушкарки, затинчики и воротники имѣли за собою „пашни паханья добрыя земли (смежной съ казацкою и землями за — Ливенской слободы и Казачьей Никольской слободы) къ Серболову лѣсу 340 четей въ полѣ, а въ дву по тому жъ; пушкарки и затинчики по 10 четей, а воротники по 5 четей на человѣка; сѣна у рѣки Серболовки и по логомъ и по верхомъ 550 копенъ". — За воротниками состояло: „пашни подъ Краснымъ лѣсомъ Сторожевая поляна по обѣ стороны рѣки Полевой Ливны паханья 36 четей, да дикого поля 86 четей, обоего — пашни паханья и дикого поля 120 четей въ полѣ, а въ дву по тому жъ, — по 10 четей за человѣкомъ; сѣна по рѣкѣ по Полевой Ливнѣ и по верхомъ и по логомъ и по дикому полю

*). Приправочная, листъ 36.

240 копенъ, по 20 копенъ человѣку". — Надлѣ Ямскихъ охотниковъ, во главѣ которыхъ стоялъ староста, былъ богаче другихъ служивыхъ людей: за ними было „пашни подъ Краснымъ лѣсомъ вверхъ по рѣкѣ по Ливнѣ паханья добрыя земли 60 четей, да дикого поля 170 четей, обоего — пашни паханья и перелогу и дикого поля 280 четей въ полѣ, а въ дву по тому жъ, по 20 четей за ямщикомъ; да имъ же дано на выпускъ животины за рѣкою за Ливною, противъ рѣчки Лѣснаго Ливенки, 5 десятинъ; Ямскія жъ слободы охотничьей порожней земли 8-ми человѣкъ пашни съ перелогомъ 40 четей, да дикого поля 120 четей, обоего — пашни съ перелогомъ и дикого поля 160 четей въ полѣ, а въ дву по тому жъ; и всего Ямскія слободы за охотники и порожія Ямскихъ охотниковъ земли — пашни паханья и перелогу и дикого поля 300 четей въ полѣ, а въ дву по тому жъ; да Ямскія жъ слободы охотниковъ 20 человѣкамъ дано на сѣно... покосовъ за рѣкою за Кценевою по обѣ стороны колокъ 50 десятинъ сѣна, ставится 1000 копенъ, по 20 копенъ на десятину, а владѣть Ямскія слободы охотники тою землею и сѣнными покосы по писцовой выписи Суда Каменного да подъячга Василья Мартеньинова 112 (1604) году". — За казаками Егорьевско-Авдасьевской слободы было: „пашни паханья добрыя земли вверхъ по рѣкѣ по Соснѣ 1200 четей, да дикого поля 2540 четей, обоего — пашни паханья и дикого поля 3740 четей въ полѣ, а въ дву по тому жъ, по 20 четей за человѣкомъ; сѣна по дикому полю и по логомъ и по верхомъ 7480 копенъ; да 13-ти человѣкъ убылыхъ казаковъ пашни перелогомъ 110 четей, да дикого поля 200 четей, обоего — пашни перелогомъ и дикого поля 260 четей въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да дву человѣкъ сотниковъ казацкихъ порожней земли — пашни перелогомъ и дикого поля 100 четей въ полѣ, а въ дву по тому жъ". — Во владѣніи казаковъ Никольской слободы находилось: „пашни паханья добрыя земли вверхъ по рѣкѣ по Ливнѣ межъ Пушкарскія земли и межъ Ямскихъ охотниковъ земли 700 четей, да дикого поля 150 четей, обоего... 2200 четей въ полѣ, а въ дву по тому жъ, по 20 четей за человѣкомъ; сѣна по дикому полю и по логомъ и по верхомъ 4400 копенъ; да 20 человѣкъ убылыхъ казаковъ порожней земли — пашни перелогомъ 100 четей, да дикого поля 300 четей, обоего... 400 четей въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да сотничьи порожней земли — пашни перелогомъ и дикого поля 50 четей въ полѣ, а въ дву по тому жъ". — Во владѣніи казаковъ за — Ливенскихъ Покровской и Успенской слободъ состояло: „пашни паханья добрыя земли отъ посады внизъ по рѣкѣ по Соснѣ, по обѣ стороны Елецкой дороги, 2340 четей, да дикого поля 2340 четей, обоего... 4680 четей въ полѣ, а въ дву по тому жъ, — по 20 четей за человѣкомъ; да 36-ти человѣкъ выбылыхъ казаковъ пашни перелогомъ и дикого поля 720 четей въ полѣ, а въ дву по тому жъ; да трехъ человѣкъ сотниковъ казацкихъ порожней земли — пашни перелогомъ и дикого поля 150 четей въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна казакомъ и порожнихъ выбылыхъ казаковъ межъ полъ по логомъ и по верхомъ, и по дикому

полю, и по дуброваль 5400 копенъ".—За Вѣломѣстными казаками было: „пани за сотникомъ и за пятидесятиникомъ и за казаки 600 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ,—по 10 чети за челоуѣкомъ; сѣна по дикому полю и по логотъ и по заполицамъ 1200 копенъ, по 20 копенъ челоуѣку".

Въ началѣ 17-го вѣка на Ливнахъ находилось 15 церквей, а съ четырьма придѣльными—19, не включая сюда Дмитріевской церкви, что въ Вѣломѣстной слободѣ—за рѣкою Сосою.—Приходскихъ жилыхъ дворовъ въ большомъ острогѣ—на посадѣ—въ разныхъ слободахъ, кромѣ Разрядной избы, Кабацкаго и Богадѣннаго дворовъ, также домовъ священно-церковно-служительскихъ (15), воеводскихъ (2), дѣтей боярскихъ (8), разныхъ келлій (18), въ которыхъ жила пономари, просвирици и нищие, и келлій Сергіевскаго монастыря,—считалось 676, а съ Вѣломѣстною слободою—736.

Построеніе г. Ливень на Быстрой Соснѣ было для Крыма какъ бы своего рода бѣломомъ на глазу *). Крымцы все еще считали правый берегъ Сосны своимъ, а городъ Ливни какъ бы пограничнымъ пунктомъ между Московскимъ государствомъ и Крымскимъ царствомъ. Здѣсь сѣзжались для переговоровъ Московскіе и Крымскіе послы, заключались мирные договоры, происходилъ размѣнъ пословъ и т. под. Такъ, послѣ оустошительнаго нападенія Крымцевъ на Московскую Украину въ 1592 году, царь Феодоръ Ивановичъ, отправляя въ Крымъ своего посла и оставляя на Москвѣ Крымскаго—Алабердея мурзу, велѣлъ передать хану: „Когда нашъ посланникъ Семенъ Везобразовъ и твои гонцы въ Крымъ къ тебѣ придутъ, то ты тотчасъ отпусти къ намъ своего гонца легкаго и отпизи, какого своего добраго челоуѣка варидишь къ намъ въ послахъ и какого большаго своего челоуѣка пошлешь къ намъ въ провожатыхъ, который съ нашимъ добрымъ челоуѣкомъ у Ливень будетъ говорить о вѣчномъ мирѣ; напиши, къ какому сроку быть имъ къ Ливнамъ и взять нашего посла и твоего посла Алабердея съ большими поминками и запросными деньгами; мы къ тому сроку пришлемъ при своемъ послѣ, князь Меркурій Щербатовъ, и своего добраго челоуѣка, который съ твоимъ ближнимъ великимъ челоуѣкомъ о всякихъ дѣлахъ приговорятъ и размѣняется послами по прежнему обычаю: нашъ посоль, князь Щербатовъ, и твой посоль Алабердей пойдутъ къ тебѣ, а твой новый посоль и нашъ старій посланникъ Везобразовъ пойдутъ къ намъ" **). Въ ноябрѣ 1593 года вмѣстѣ съ княземъ Щербатовымъ отправились въ Ливни: бояринъ князь Феодоръ Яковлевичъ Хворостининъ да оружничій Богданъ Ивановичъ Вѣльскій для переговоровъ о вѣчномъ мирѣ съ ханскимъ уполномоченнымъ Ахметъ-пашею. Приѣхавши въ Ливни, Хворостининъ послалъ сказать Ахметъ-пашѣ, чтобъ тотъ ѣхалъ къ нимъ за рѣку Сосну на переговоры. Ахметъ отвѣчалъ, что ему ѣхать за рѣку невѣдомо: прежде приѣзжалъ

*) Истор. Рос. Соловьева, изд. 4, т. 7, стр. 318.

**) Исторія Россіи Соловьева, т. 7, изд. 4, стр. 320.

въ Путивль большой его братъ Муратъ князь, а съ Москвы приѣзжалъ тогда на размѣну пословъ Андрей Нагой, который приѣзжалъ за р. Сеймъ къ Мурату князю въ шатеръ; потому теперь оуъ, Ахметъ-паша, государя своего имени потерять и прежняго обычая нарушить не хочетъ. Хворостининъ возражалъ, что Андрей Нагой былъ дворянинъ обычный и великаго такого дѣла тогда не было, а теперь для великаго дѣла посланы люди великіе. Ахметъ отвѣчалъ, что и оуъ у своего государя челоуѣкъ именитый же, да и служба его къ царю Феодору Ивановичу вѣдома, и ему отъ хана приказъ—за Сосну не ѣздить. Когда Хворостининъ далъ знать объ этомъ затрудненіи царю, то получилъ грамоту: „Сами знаете, что по ту и по сю сторону Сосны все наша земля, и вы бы приказали къ Ахметъ-пашѣ, что вы для добраго дѣла и мимо нашего указа свой сѣзжій шатеръ на ихъ сторонѣ велите поставить, только бы Ахметъ-паша приѣзжалъ къ намъ на сѣзжѣ въ вашъ шатеръ". Но Хворостининъ урядился съ Ахметъ-пашею иначе: поладили сѣзжаться на серединѣ рѣки на мосту. Ахметъ далъ шерть за хана и царевичей—быть въ прямой дружбѣ и братствѣ съ царемъ, а Хворостининъ обѣщаль: „если ханъ, калга и всѣ царевичи въ своей правдѣ устоятъ, лѣтомъ 1594 года на Московскія украинны воевать не будутъ, то государь осенью пословъ своихъ и другую половину запроса къ хану пришлетъ (первую половину везъ Щербатовъ), и впередъ поминки станутъ посылать ежегодно; государя нашего слово нико не будетъ, въ томъ вѣрите намъ". Ахметъ отвѣчалъ: „я вашимъ словамъ вѣрю". Потомъ Ахметъ сталъ говорить, чтобъ государь велѣлъ казаконъ съ Дона свести, а къ Дербенту и Шемахѣ дорогу велѣлъ очистить. Хворостининъ отвѣчалъ, что „на Дону живутъ казаки воры бѣсные люди, и живучи на Дону, сложасъ съ запорожскими черкасами, Азовъ тѣснятъ безъ государева вѣдома и государевныхъ посланниковъ не слушаютъ; а теперь, какъ вашъ государь съ нашимъ государемъ укрѣняется, то государь нашъ пошлетъ на Донъ рать свою, и велитъ тѣхъ воровъ, донскихъ казаконъ, перехватать и перевѣшать, остальныхъ съ Дона сослать, и впередъ на Дону не будетъ ни одного челоуѣка; а на Терку государь пошлетъ воеводамъ крѣпкій наказъ, чтобъ турецкимъ людямъ тѣсноты и помѣшки нигдѣ не дѣлали" *). Щербатовъ же отвезъ въ Крымъ 10,000 р. хану и 17,000 деньгами для раздачи калгѣ, князьямъ, мурзамъ и уланамъ. Въ царствованіе Феодора Ивановича, Крымскихъ гонцовъ отпускали изъ Ливень съ провожатыми; царь же Борисъ запретилъ оказывать такую честь ханскимъ посламъ, потому что они провожатыхъ бьютъ и въ полонъ берутъ **).

*) Тамъ-же, стр. 322—323.

**) Исторія Россіи, Соловьева, т. 8, стр. 38.

Станы, села, деревни, погосты, слободы, займища и починки на пространствах Ливенского уезда в началѣ 17-го вѣка.

Значеніе города Ливень для обитателей бассейна р. Сосны.—Мѣстность первыхъ поселковъ и древніе станы въ Ливенскомъ уездѣ: Красный, Серболовъ, Затруцкій и Мокрецкій. Разныя поселенія въ каждомъ станѣ.—Общее количество поселеній, дворовъ, людей, пашни и сѣнныхъ покосовъ за помѣщиками и крестьянами.—Древніе помѣщики, какъ пионеры и колонизаторы Ливенскаго уезда.—Ихъ матеріальное обезпеченіе и семейный бытъ.

Построеніе города Ливень имѣло важное значеніе для всего верхняго бассейна Быстрой Сосны. Подъ защитою городовыхъ укрѣпленій и бдительною охраною сторожъ, раскинутыхъ по берегамъ Быстрой Сосны и ея притоковъ, этотъ край, дотошъ пустынный и дикій, началъ замѣтно оживляться и пріобрѣтать работниковъ для своего культивированія. Хотя бранная тревога не прошла еще здѣсь, и надъ обитателями Сосны по прежнему пронеслись военныя бури, обращавшія въ прахъ мирныя „починки“ и займища, деревни и слободы; за то нападенія непріятелей не были уже такъ внезапны, и, на случай появленія Татаръ, теперь можно было найти безопасное убѣжище, укрыть отъ плѣна и меча жену и дѣтей, спасти отъ разграбленія и самое „животы“, т. е. скотъ и вообще движимое имущество. Такимъ надежнымъ убѣжищемъ служило именно городское укрѣпленіе, съ постояннымъ въ немъ гарнизономъ и воеводою во главѣ. На обязанности воеводы лежало охраненіе не только города, но и всего уезда. Поэтому, какъ только приходили на городъ вѣсти о приближеніи „воинскихъ людей“ (т. е. Крымскихъ и Ногайскихъ Татаръ), воевода высылалъ въ уездъ, во все его станы и волости, дѣтей боярскихъ и приказныхъ съ объявленіемъ, чтобы все служилые и неслужилые люди, дѣти боярскіе съ женами и дѣтьми, вдовы и недоросли, спѣшили тотчасъ въ городъ—„въ осаду“, а кто въ осаду не пойдетъ или не пойдетъ и возьмутъ его Татары, и тотъ будетъ выкупаться изъ плѣна и выкупать свою родню самъ, а изъ Государевой казны ему выкупа не ожидать; ослушниковъ сажали въ тюрьму и выпускали изъ нея только за крѣпкими письменными поруками, что въ нѣмѣстный срокъ они доставятъ свои семейства въ осаду; кромѣ того, за ослушаніе наказывали сыскомъ проговоровъ, потраченныхъ на ихъ поиски и доставку въ городъ, были кнутомъ и батогами. Особенно строго отвѣчали за несвоевременную явку, по вѣстямъ, служилые дѣти боярскіе: „а дѣти бы боярскіе по вѣстемъ по домогъ не

мѣшкали, тотчасъ были на Государевѣ службѣ у воеводъ въ полкахъ со всею службою; а которые дѣти боярскіе по вѣстемъ про воинскихъ людей у воеводъ въ полкахъ тотчасъ не будутъ, а воеводамъ будетъ въ тѣ поры которое Государево дѣло съ воинскими людьми, и тѣмъ дѣтемъ боярскимъ... бити казненнымъ смертію, а хотя... ни котораго Государева дѣла и не будетъ. ... и тѣхъ дѣтей боярскихъ... за ослушанье бити кнутомъ, а помѣстей и денежнаго жалованья убавливати по Государеву указу“.

Воевода наблюдалъ также, чтобы все, собравшіеся въ городъ, были своевременно переписаны, чтобы ихъ почаще осматривали и никому не дозволяли выходить изъ города по одиночкѣ „во все дѣло, чтобы ихъ Татарове не взяли“. Высшее правительство всеми мѣрами покровительствовало заселенію украинскихъ мѣстъ; оно щедро награждало земельными участками служилыхъ людей, выдавало имъ и семействамъ ихъ за изрощъ, плѣны и смерть денежное жалованье, позволяло селиться на ихъ земляхъ всякимъ „охоцкимъ“ и „гулящимъ людямъ“, бобылямъ, выходцамъ изъ Черкасъ и т. п. И вотъ, за массою служилыхъ людей какъ въ городѣ Ливняхъ, такъ и въ его уѣздѣ селятся еще ихъ братья и племянники, разные свойственники, половинщики, захребетники, сосѣди и подсосѣдники, колоняники, пищѣ, ходящіе и шатающіеся „межъ дворъ“. Тревожна была жизнь на Ливняхъ; но за то, кто желалъ трудиться, тотъ зналъ, что здѣсь всякій трудъ съ избыткомъ вознаграждался плодородіемъ почвы и обиліемъ всякихъ угодій; что на берегахъ Сосны всякаго неосторожнаго Татары легко могутъ ограбить, убить и взять въ плѣнъ, но что усердному труженику невозможно здѣсь умереть съ голоду, а человѣку нилкому, не уживающемуся почему-либо на своемъ мѣстѣ, провинившемуся гдѣ бы то ни было и ищущему новаго мѣста для поселенія—удобно найти пріютъ, проявить свою удалъ на службѣ Государевой и даже, что называется, выйти въ люди. Что еще такъ недавно, на памяти многихъ, былъ для Русскаго государства Кавказъ, то, въ описываемое нами время, представлялъ изъ себя для Московскаго царства Ливенскій сторожевой, станичный край.

Исторія не сохранила намъ яснаго указанія на то, гдѣ, въ какихъ именно мѣстахъ на Быстрой Соснѣ и ея притокахъ сохранялись поселенія до построенія города Ливень въ 1586 году. Изъ того, что въ царствованіе Ивана Васильевича Грознаго выжигалось поле силою между Чернавой, Любовшей и Трудами, а также между Тимошъ, Кшенью и Олымомъ, мы имѣемъ право заключать, что здѣсь не было тогда поселеній; эта мѣстность, по которой имѣли обычай „перехаживать Татары“, очевидно, была открытою, лежала впускъ. Если и уцѣлѣли здѣсь поселенцы отъ прошлаго времени, то до построенія города Ливень въ 1586 году они должны были ютиться вдали отъ главныхъ Крымскихъ дорогъ, у чащи дѣсовъ, подъ прикрытіемъ топей и овраговъ, которыхъ Крымцы обыкновенно старались избѣгать на своемъ пути въ Русь*).

*) Есть преданіе, что однажды Татары, попавъ въ болото при деревнѣ Дутой, всею погрузили.

Отсюда и всё станы, образованные в Ливенскомъ уѣздѣ, получили свои названія отъ лѣсовъ. Всѣхъ становъ было четыре: Красный, Серболовъ, Затруцкій (т. е. за р. Трудями по отношенію къ г. Ливнамъ) и Мокрецкій. Въ станѣ находилось сперва лишь по одному селу, по нѣскольку селецъ, погостовъ, деревень, слободъ, займищъ и починокъ, и всё эти поселенія тѣснились подъ тѣмъ или другимъ лѣсомъ, у какового-нибудь „рога“, оврага, „отвершка“, или „крутаго верха“, или „ржавца“, при рѣчкѣ или колодезѣ, озерѣ или болотѣ. Чтобы ближе познакомиться съ древнѣйшими поселеніями Ливенскаго уѣзда, изъ которыхъ впоследствии многимъ суждено было вырасти въ людныя села, мы воспользуемся „Приправочною книгою 1615 года по г. Ливнамъ и его уѣзду“, какъ древнѣйшимъ топографическимъ документомъ этой мѣстности, и сообщаемъ здѣсь свѣдѣнія изложимъ въ порядкѣ становъ.

А) *Красный станъ*. Этотъ станъ, ближайшій къ городу Ливнамъ, расположенъ былъ на лѣвомъ берегу рѣки Сосны и ея притоковъ—Лѣсной и Полевой Ливны, Чернавы и ихъ притоковъ (колодезей): Здоровца, Евланова, Вѣлаго, Хвоцеватаго (Песковатаго тожъ) и Хрущеватаго, Ребинскаго, Жилеваго, Присыскаго и Кривецкаго, въ области лѣсовъ: Краснаго, Сторожеваго, Жилеваго и Присыскаго. Въ Красномъ стану находились слѣдующія поселенія:

1) Деревня Здоровецъ, усть Никольскаго Верха, при колодезѣ Здоровецѣ, подъ Краснымъ лѣсомъ*).

2) Деревня Зубцова въ Долгой Полянѣ, что былъ починокъ Вунзевскій, Минутвино тожъ, на рч. Лѣсной Ливнѣ, подъ Краснымъ лѣсомъ.

3) Погостъ на Государевѣ Царевѣ и Великаго Князя Михаила Феодоровича всея Русіи землѣ, на рч. Лѣсной Ливнѣ, въ Долгой Полянѣ, подъ Краснымъ лѣсомъ, а на погостѣ церковь Никола Чудотворца, да придѣлъ Св. Мучениковъ Фрола и Лавра, древяна клѣтцки; отъ войны 1613 года стоитъ не освящена; строенье та церковь пона Назарья; на погостѣ дворъ вдовья попады пона Назарья Парасковьяны съ дѣтьми; нашии паханья церковныя земли 2 чети, да дикого поля и дубравы нашенныя 18 чети, обоого—20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна—въ Красномъ лѣсу полянка Гуляевская на р. на Лѣсной Ливнѣ 2 десятины, сѣна косятъ 40 копенъ, по 20 копенъ на десятинѣ **).

*) Въ настоящее время, близъ церкви села Здоровца, въ 10 верстахъ отъ Ливенъ, на берегу рч. Лѣсной Ливны есть урочище—*Лугъ Ертарова*. По преданію, названіе это происходитъ отъ того, что во время Ливенскаго похода Петра Великаго на этомъ лугу останавливались рейтары (всадники).

***) Въ писцовыхъ Ливенскихъ книгахъ 1626—1629 гг. говорится объ этой церкви: „а строены та церковныя Анурова отца Назарья, на погостѣ дворъ пона Анура, ниже стрѣлца, на Поклонной торѣ, на подохъ, по рѣчкѣ по Лѣсной Ливнѣ, да бобылей 5 дворовъ; нашии паханья церковныя земли отъ церкви съ одну сторону въ верхъ по рѣчкѣ по Лѣсной Ливнѣ по Иванову землю Красова съ товарищи деревни Зубцова, а съ другую сторону внизъ по рѣчкѣ по Лѣсной Ливнѣ къ усть Вѣлому колодезю 9 чети, да дикого поля дубровы нашенныя 11 чети, обоого: нашии паханья и дикого поля и дубровы паханья 20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна въ Красномъ стану полянка Гуляевская Григорьева, Малая тожъ, на рѣчкѣ на Лѣсной Ливнѣ, 2 десятины, сѣна на ней косятъ 40 копенъ, по 20 коп. на десятинѣ; да церковныя жъ земли по выписи воеводи князя Михайла

4. Деревня Евлановъ Рогъ, подъ Краснымъ лѣсомъ.

5. Деревня, что было займище *) Присова, подъ Евлановымъ Рогомъ, на р. Лѣсной Ливнѣ.

6. Деревня Семенихина подъ Краснымъ лѣсомъ, подъ Евлановымъ Рогомъ.

7. Деревня Присыскъ подъ Присыскомъ—лѣсомъ на колодезѣ Присыскѣ, по большой Новосильской дорогѣ.

8. Деревня Роговая подъ Краснымъ лѣсомъ подъ Евлановымъ Рогомъ.

9. Деревня Лопашина, сверхъ Евланова колодезя, подъ Краснымъ лѣсомъ.

10. Деревня, что было займище Алексѣя Зайцева, сверхъ Евланова колодезя, подъ Краснымъ лѣсомъ.

11. Село Пятницкое, что была деревня Парахина, сверхъ Евланова (Вѣлаго) колодезя, подъ Краснымъ лѣсомъ, а въ селѣ церковь Св. Великомученицы Парасквы, нарицаемая Пятница, древяна клѣтцки: строенье той церкви и въ церкви образы и книги и всякое церковное строенье приходское; въ селѣ дворъ поповъ Васильевъ, да на погостѣ жъ живутъ нищіе, питаются отъ церкви Божіей (кромѣ того еще 3 двора); при церкви наши паханья, да перелогъ, да дикого поля 20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по дикому полю и по логомъ и по верхомъ, врьдъ съ помѣщиками Парахиними, 40 копенъ подъ Краснымъ лѣсомъ **).

12. Деревня Орлова, Хвоцеватое тожъ, сверхъ Хвоцеватаго и Хрущеватаго колодезя, подъ Краснымъ лѣсомъ.

13. Деревня Чюнахина, Чюнова тожъ, на Полевой Ливнѣ, у Краснаго лѣса.

14. Деревня Косынова на отвершку у Краснаго лѣса, на Рогѣ.

15. Деревня Плотовая, Лута тожъ, на Полевой Ливнѣ, подъ Краснымъ лѣсомъ.

16. Погостъ на Государевѣ... землѣ подъ Краснымъ лѣсомъ, межъ дву отчериковъ на рч. на Полевой Ливнѣ, а на погостѣ церковь во имя Стратотерца Христова Егорья, древяна клѣтцки; строенье—та церковь и въ церкви образы мѣстные и Деисусы и книги и всякое церковное строенье пона Саввы ***), да на погостѣ дворъ поповъ Саввинъ, да на погостѣ жъ дворъ пономаря Ивана, да на погостѣ жъ живутъ

Волконскаго, 181 (1623) году мая въ 5 день, что дано подъ придѣлъ св. мученикъ Фрола и Лавра, по ковецъ поля той жъ церковныи Никольскія земли съ одну сторону рѣчки Лѣсной Ливны, да помѣстныя и вотчинныя земли Ливенца Мишки Терьева, да казачья сына Тришки Васлонова, нашии паханья церковныи добрыи земли чети, да дикого поля и дубровы нашенныя 9 чети, обоого... 10 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по дикому полю 20 копенъ; и всего церковныи нашии паханья и дикого поля и дубровы нашенныя 30 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; лѣсъ Красной вопче съ помѣщиками*).

*) „Займище“—мѣсто, назначенное подъ расчетку для нашихъ или угодьевъ.

***) По писцовымъ книгамъ 1626—29 гг. въ этомъ селѣ: „дворъ пола Нефодья, дворъ плевны попады (вѣроятно—Васильевой) Марьи, дворъ церковнаго дьячка Лучки Исена, дворъ пономаря Иванки Иковлева, да бобыльскихъ 3 двора“. Кромѣ вышеуказанной пропорціи земли, въ это время при церкви села Пятницкаго считалась еще „причѣтныя земли 15 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, и та причѣтныя земли отѣбренъ ирды съ томъ жъ церковною землемъ“.

****) Въ писцовой 1626—1629 гг. добавлено: «и приходскихъ людей».

ниці: Андрюшка Кобцовъ, Сидорка Шеталовъ, питаются отъ церкви Божіей; наши паханныя церковныя добрыя земли 2 чети, да перелогу 3 чети, да дикого поля 15 чети, обоего — 20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, а писана та церковная земля и дорога въ Серболовъ лѣсъ письма Михайлы Неѣлова да подъячаго Гордѣя Бабакина во 108 (1600) году *). И пошъ Савва на ту церковную землю тоя выписи положилъ.

17. Деревня Пашкова на рч. Полевой Ливнѣ, на колодезѣ на Рыбникѣ (Рыбницѣ), подъ Краснымъ лѣсомъ.

18. Деревня Хвощевата (Хвощевка), Потапова тожъ, на рч. на Полевой Ливнѣ, усть Хвощеватаго колодезя, подъ Краснымъ лѣсомъ.

19. Деревня, что было займище Присада, поздѣе — Костомарова, подъ Краснымъ лѣсомъ, на р. Полевой Ливнѣ, усть Хвощеватаго колодезя, Песковатаго тожъ.

20. Деревня Жилова, подъ Жилевымъ лѣсомъ, на Жилевѣ колодезѣ.

21. Сельцо (Щречистенское) на Рогу подъ Сторожевымъ лѣсомъ, на Кривецкомъ колодезѣ (за рѣкою за Чернавою), а въ немъ церковь Пресвятыя Богородицы, древлна клѣтчки, на Государевѣ... землѣ, строенье — та церковь и въ церкви образы и книги и всякое церковное строенье приходское, а на погостѣ дворъ поповъ Ѳеодоровъ, да мѣсто дворовое просвирицино, да мѣсто дворовое пономарское; наши паханныя церковныя земли 2 чети, да наши перелогомъ 3 чети, да дикого поля 15 чети, обоего... 20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по дикому полю 40 копенъ; лѣсъ Сторожевой общѣ съ помѣщики.

22. Деревня Золотухина, подъ Сторожевымъ лѣсомъ.

23. Деревня Соловьева, подъ Сторожевымъ лѣсомъ.

24. Деревня Чернянская, подъ Сторожевымъ лѣсомъ **).

Итого въ Красномъ стану въ 1615 году состояло: 1 село, 1 сельцо и 22 деревни, полагая въ томъ числѣ и 3 погоста. Сверхъ того, въ общемъ итогѣ „Переписной книги“ показывается: „деревня безъ жеребья, да починокъ ***) живущихъ, да пустошь, да въ пустоши 7 жеребьевъ. А въ селѣ и въ сельцѣ и въ деревняхъ и въ починкѣ 200 дворовъ помѣщиковыхъ, да 105 дворовъ крестьянскихъ, да 15 дворовъ бобыльскихъ; а людей въ нихъ: помѣщиковъ 191 чел., да 20 вдовъ, да 48 недорослей ****); крестьянъ 106 чел., бобылей 15 чел. Пашни паханныя помѣщиковы и

*) Къ 1626 году на этомъ погостѣ произошла слѣдующія перемѣны: пошъ Савва овдовѣлъ, и вмѣсто него поповъ былъ Аонасій; пономаря Ивана не стало, и его мѣсто занималъ Игнашка Ивановъ; мѣсто нищихъ на погостѣ жили особыми дворами 5 бобылей; обработка церковной земли подинулась такъ, что „добрыя земли считалось уже 5 чети съ осминою, перелогу 8 чети, а дикого поля только 6 чети; на сѣножать отведено было 3 десятины, — и на нихъ косятъ 60 копенъ“; кромѣ вышеозначенныхъ 20 чети, въ это время значилось еще „прикѣрныя церковныя земли 25 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ“.

**) О Красномъ станѣ въ Приправочной книгѣ см. стр. 45—179.

***) Починокъ — на вновь расчищенномъ лѣсомъ мѣстѣ, или поселокъ.

****) Недоросль — не достигшій совершеннолѣтія.

крестьянскія 227 чети, да перелогу и дикого поля 15272 чети, обоего — 15499 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ... Да церковныя земли въ селѣ, да въ сельцѣ, да въ дву погостехъ наши паханныя и перелогу и дикого поля 80 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна 180 копенъ“ (въ томъ числѣ 60 копенъ, вѣроятно, погоста Егорьевскаго, о сѣнныхъ покосахъ котораго не упомянуто въ „Приправочной“).

В) *Серболовъ станъ*. Онъ находился по теченію р. Чернавы и многочисленныхъ колодезей, каковы: Жилевой, Полой, Куначъ, Хмѣлевой, Шиловъ, Дайминновъ и Туровецъ, въ области лѣсовъ — Серболова, Оберецкаго, Богданова, Хмѣлеваго, большаго и меньшаго Туровца, большаго Кривецкаго, Плоскаго и Середняго. Въ этомъ стану были слѣдующія поселенія:

1. Деревня Малахова, подъ Серболовымъ лѣсомъ, у Полова колодезя.

2. Деревня Оберецъ, что былъ починокъ Оберецъ, подъ лѣскомъ Оберцомъ (нынѣ село Покровское).

3. Деревня Островъ, подъ Серболовымъ лѣсомъ, сверхъ Полова колодезя (нынѣ село).

4. Погостъ на Государевѣ... землѣ подъ Серболовымъ лѣсомъ, сверхъ Половой воды съ правой стороны, на суходолѣ, а на погостѣ церковь Преображеніе Спасово, древлна клѣтчки; строенье той церкви и въ церкви образы и свѣчи и книги и всякое церковное строенье Степана Мишина да дѣтей его, Семена да попа Ивана, да на погостѣ дворъ Степана Мишина съ дѣтьми — Семеномъ да съ попомъ Ивановомъ, да дворъ пономаревъ Сени Филатова, да на погостѣ живутъ нищіе: Микифоръ Васильевъ, Ивашко Сѣдой, Мишка Терентьевъ, а питаются отъ церкви Божіей; наши паханныя церковныя добрыя земли 3 чети, да перелогомъ 5 чети, да дикого поля 12 чети, обоего — 20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по логомъ и по верхомъ 40 копенъ; лѣсъ Серболовъ общѣ съ помѣщики *).

5. Деревня Прилѣпы, подъ Серболовымъ лѣсомъ, сверхъ Полова колодезя.

6. Деревня Сторожевая, подъ Серболовымъ лѣсомъ, сверхъ Полова колодезя.

7. Деревня Гниловоды, подъ Серболовымъ лѣсомъ и на Гниломъ озерѣ.

8. Деревня Куначъ Вышній, подъ Серболовымъ лѣсомъ, сверхъ колодезя Кунача.

9. Деревня Чернянская, подъ Богдановымъ лѣсомъ, сверхъ Хмеленскаго колодезя.

10. Село Егорьевское, подъ Богдановымъ лѣсомъ, верхъ Хмеленскаго (Хмелеваго) колодезя, на Верхней Плоти, а въ селѣ церковь Страстотерца Христова Егорія, древлна клѣтчки; строенье той церкви и въ церкви образы и свѣчи и книги и всякое церковное строенье все приходское; въ селѣ дворъ поповъ Ивановъ, да дворъ поповъ Іосифовъ, да дворъ пономаревъ Прохоровъ; наши паханныя церковныя добрыя

*) Къ 1626 му году пошъ Иванъ овдовѣлъ, и вмѣсто него священнодѣйствовалъ уже пошъ Маркелъ; дьячкомъ былъ Митка Семеновъ, а пономаревъ Петрушка Семеновъ (очевидно, внуки помѣщика Мишина и племянники бывшаго попа Ивана); на погостѣ же вмѣсто нищихъ жили дворами 6 бобылей; обработка церковной земли подинулась всего на одну четь съ третинокъ добрыя земли.

земли 5 чети, да дикого поля 15 чети, обоего—20 чети, а въ дву по тому-жь; сѣна по дикому полю и по логомъ и по верхомъ 60 копенъ; лѣсъ Богдановъ обще съ разными помѣщиками *).

11. Деревня Новосильская, подъ Богдановымъ лѣсомъ, верхъ Хмѣлеваго колодезя.

12. Деревня Крутая, подъ Туровымъ лѣсомъ, на Крутомъ Верху.

13. Деревня Сторожевая, подъ Туровымъ лѣсомъ.

14. Деревня Быкова, подъ Туровымъ лѣсомъ и на Шилово колодезѣ.

15. Село Пречистенское, подъ Большимъ Туровымъ лѣсомъ, на Дайминовѣ колодезѣ, а въ селѣ церковь Рождества Пресвятыя Богородицы, древяна клѣтцки; строенье той церкви и въ церкви образы и свѣчи и книги и всякое церковное строенье пона Ивана, да въ селѣ дворъ поповъ Ивановъ, да просвирицы Офимья, да дворъ пономаревъ Карповъ, да на погостѣ живутъ нищие, питаются отъ церкви Вожией: Мишифоръ Игнатовъ, Федька Матвѣевъ; пашни паханныя церковныя добрыя земли 2 чети, да дикого поля 18 чети, обоего—20 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жь, да сѣнныхъ покосовъ и межъ *поль* **) и по логомъ и по верхомъ и по дубровамъ и по ржавцамъ ***) по р. по Чернавѣ и за р. за Чернаву 60 копенъ, а по селитовой и по дровяной лѣсъ вѣзжать ему въ Большой Туровъ лѣсъ ****).

16. Деревня Кутенова, подъ Туровымъ лѣсомъ, на Дайминовомъ Отвѣршкѣ.

17. Деревня Городилова, подъ лѣсомъ Меньшимъ Туровцемъ, на рѣкѣ Чернавѣ.

18. Погостъ на Государевѣ ... землѣ подъ лѣсомъ Меньшимъ Туровцемъ, а на погостѣ церковь Архангела Михаила, древяна клѣтцки; строенье той церкви и въ церкви образы и свѣчи и книги и всякое церковное строенье пона Филата*****); пашни паханныя церковныя земли 2 чети, да дикого поля 18 чети, обоего—20 чети; сѣна межъ полъ по логомъ и по верхомъ и по дикому полю и по дубровамъ 60 копенъ; по селитовой лѣсъ вѣзжать ему въ Малой Туровецѣ.

19. Деревня Нетесова, на колодезѣ Туровцѣ, подъ лѣсомъ Меньшимъ Туровцемъ.

20. Деревня Юрова, подъ Большимъ Туровымъ лѣсомъ, на Крутомъ Верху.

*) Въ 1626 году въ составѣ причта села Егорьевскаго произошли значительныя перемены, вслѣдствіе которыхъ установились новыя отношенія между владѣльцами церковной земли. Именно: за вдовымъ попомъ Ивановымъ большимъ («на трети») съ дячкомъ Кленкою 7 чети безъ третника, а за попомъ Ивановымъ меньшимъ съ пономаремъ Дронкою 13 чети съ третникомъ; сѣна (изъ 40 копенъ) вдовому попу Ивану съ дячкомъ Кленкою 18 копенъ съ третъ копною, а Ивану меньшему съ пономаремъ Дронкою 27 копенъ безъ третъ коппы, «а въ полѣ и въ дачахъ равняется имъ межъ себя самихъ по записямъ—вдовому попу Ивану съ дячкомъ трети, а Ивану меньшему съ пономаремъ 2 трети».

**) *Поль*—берегъ, сторона.

***) *Ржавцы*—болотина, топь.

****) По писцовымъ книгамъ 1626—1629 гг. причтъ села Пречистенскаго составляли: два попа—Иванъ и Григорій, дячокъ Парфенъ Лукинъ и пономарь Василь Агѣевъ; на погостѣ было мѣсто проскуриницко, да бобыльскихъ 2 двора; пашни паханныя добрыя земли считалось уже (вмѣсто 2 ч.) 5 чети.

*****) По писцовой 1626—1629 г.—«попа Иосифа (очевидно, преемника Филатова); при попѣ Иосифѣ «пашни паханныя церковныя добрыя земли по верху къ Соснѣ» считалось уже не 2, а 3 чети съ осинкомъ.

21. Деревня Ясная Поляна подъ Туровымъ лѣсомъ.

22. Починокъ Волчья Поляна подъ Туровымъ лѣсомъ.

23. Деревня Грязцы, на Черной Грязи, подъ Богдановымъ лѣсомъ, верхъ Хмѣлеваго колодезя.

24. Починокъ Мухортовъ въ деревнѣ Грязцы.

25. Деревня Хмѣлевая подъ Хмѣлевымъ лѣсомъ, на Хмѣлевомъ колодезѣ.

26. Деревня Нижній Куначъ, подъ Серболовымъ лѣсомъ, на Лѣсномъ Куначкомъ колодезѣ*).

Итого въ Серболовомъ стану: 2 села, 16 деревень, 4 деревни безъ 7-ми жеребевъ, 2 починка живущихъ, да 4 пустоши на дикомъ полѣ; дворовъ: помѣщичьихъ 268, крестьянскихъ 39, бобыльскихъ 4; людей: помѣщичьихъ 261 ч., да 8 вдовъ, да 37 недорослей; крестьянъ 39 ч., бобылей 4 ч.; пашни: паханныя помѣщичьихи и крестьянскія добрыя земли 269 чети съ осиною и съ четверикомъ, да перелогъ и дикого поля 15114 чети съ четверикомъ въ полѣ, а въ дву по тому-жь, — обоего... 15374 чети безъ полуосинны; сѣна 29262 коппы... Да церковныя земли въ 2-хъ селахъ да въ 2-хъ погостехъ: пашни паханныя и перелогъ и дикого поля 80 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жь; сѣна 220 копенъ.

В) *Затруціній станъ* занималъ верхнее теченіе р. Сосны, въ области рѣчекъ—Фошня, Вязовика, Жерихани и колодезей: Плоскаго, Лѣснаго и полеваго Дросково, Никольскаго, Липовца и Теляжля, питаемыхъ лѣсами—Святицкимъ, большимъ и меньшимъ Вязовикомъ, Ястребовскимъ, большимъ и малымъ Дросковымъ, Жериханскимъ, Городецкимъ, Ясеновымъ, Ильмовымъ, Ровнецкимъ, большимъ Никольскимъ, Фошнянскимъ и Татариновымъ. Здѣсь поселенія:

1. Сельцо Нижній Вязовикъ, что было займище, подъ лѣсомъ Большимъ Вязовикомъ, на рч. Вязовикѣ; въ немъ церковь Св. Чудотворца Николы, строена на Государевѣ землѣ, а въ церкви образы и свѣчи и книги и всякое церковное строенье поповское, а на погостѣ той церкви дворъ поповъ Григорьевъ, да на погостѣ жъ келья, а въ ней живетъ пономарь; пашни паханныя церковныя добрыя земли 2 чети, да дикого поля 18 чети, обоего—20 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жь; сѣна по р. по Соснѣ и по рч. по Вязовику и по дикому полю межъ полъ по логомъ и по верхомъ 40 копенъ; лѣсъ Большой Вязовикъ обще съ помѣщиками **).

2. Деревня Середній Вязовикъ, подъ Большимъ Вязовикомъ лѣсомъ, на рч. Вязовикѣ.

3. Деревня Вышній Вязовикъ, подъ лѣсомъ Меньшимъ Вязовикомъ, на рч. Вязовикѣ.

*) Приправочныя, стр. 332—474.

***) Въ 1626—29 годахъ попомъ въ селѣхъ Нижнемъ Вязовикѣ былъ Логвинъ, при которомъ все церковное строенье считалось уже приходскимъ; пономаремъ былъ Василь Дементьевъ; на погостѣ жили дворами 2 бобыли; пашни паханныя церковныя добрыя земли, вмѣсто 2 чети, значилось уже 5 чети съ третникомъ.

4. Деревня подъ Святитцкимъ лѣсомъ, по лѣвую сторону Святитцкаго Верха.
5. Деревня подъ Святитцкимъ лѣсомъ, по правую сторону Святитцкаго Верха.
6. Деревня на усть Святитцкаго Верха, подъ Святитцкимъ лѣсомъ.
7. Село Богоявленское, на р. Хвошиѣ, на усть Плоского колодезя, подъ Среднимъ лѣсомъ, а въ селѣ церковь Богоявленія, древяна клѣтци, стоитъ на Государевѣ землѣ, отъ войны не освящена; строенье той церкви и всякое строенье въ ней поповское (Иваново), а на погостѣ дворъ поповъ Ивановъ; пашни паханья церковныя добрыя земли 1 четъ, да дикого поля 19 чети, обоого—20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ: сѣна по дикому полю и по дубровамъ и по р. Хвошиѣ 60 копенъ; лѣсъ Средній обще съ помѣщиками *).
8. Слободка, что было займище, на усть рч. Жерыхани, по правую сторону Жерыханскаго лѣса.
9. Слободка сверхъ Жерыханскаго лѣса, на рч. Лѣсной Жерыхани.
10. Деревня Кленцова, сверхъ Плоскова колодезя, подъ Плоскимъ Среднимъ лѣсомъ.
11. Деревня верхъ Плоскова колодезя, подъ Среднимъ лѣсомъ.
12. Деревня подъ Большимъ Дросковымъ лѣсомъ, на Лѣсномъ Дросковѣ колодезѣ.
13. Деревня въ Большой Полянѣ и въ Хмѣлевомъ Куначѣ.
14. Деревня Харечкова, на Лѣсномъ Дросковѣ колодезѣ, подъ Большимъ Дросковымъ лѣсомъ.
15. Деревня Банкатова, подъ Большимъ Дросковымъ лѣсомъ, на Лѣсномъ Дросковѣ колодезѣ.
16. Деревня верхъ Дроскова Лѣснаго колодезя, подъ Большимъ Дросковымъ лѣсомъ, на Брусовомъ Верху.
17. Деревня Шварева, подъ Дросковымъ лѣсомъ, на Среднемъ Отвершку.
18. Сельцо Архангельское, что было займище, подъ Дросковымъ лѣсомъ, на Брусовомъ Верху, а въ селѣ церковь Архангела Михаила, древяна клѣтци, стоитъ на Государевой землѣ; строенье той церкви и въ церкви образы и свѣчи и книги и всякое церковное строенье попа Семена, да на погостѣ дворъ поповъ Семеновъ, да дворъ пономаревъ Ивановъ; пашни паханья церковныя земли четверть съ осминою, да перелогу да дикого поля и дубровы 19 чети съ осминою, обоого—20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ: сѣна по дикому полю и дубровамъ 60 копенъ; лѣсъ Большой Дросковъ со всѣми помѣщиками **).

*) По писцовой 1626—1629 гг. причтъ села Богоявленскаго составляли: поплъ Дмитрій, ирежники „пржежняго Ивана“, и дьячекъ Юшка Ивановъ; строенье церкви называется уже „пржежняго попа Ивана и приходскихъ людей“; доброй пашенной земли значилось уже не 1 четъ, а 5 чети, дикого же поля убавилось—изъ 19-ти до 15-ти чети.

**) Въ 1626 году въ селѣ Архангельскомъ была тотъ же поплъ Семень; дьячкомъ состоялъ Митрошка Иванъ, а пономаремъ Тимоша Артемьевъ; при погостѣ жили дворами 2 бобыля; церковной пашенной доброй земли считалось уже 4 чети съ осминою.

19. Починокъ верхъ Дроскова Верха, подъ Большимъ Дросковымъ лѣсомъ.
 20. Деревня Муратова, верхъ Дроскова Полеваго колодезя, подъ Меньшимъ Дросковымъ лѣсомъ.
 21. Починокъ (Теряева) на Полевомъ Дросковомъ колодезѣ, подъ Меньшимъ Дросковымъ лѣсомъ.
 22. Деревня Сѣтенева, на Полевомъ Дросковѣ колодезѣ, подъ меньшимъ Дросковымъ лѣсомъ.
 23. Ивановской починокъ Гранкина подъ Меньшимъ Дросковымъ лѣсомъ, на Полевомъ Дросковѣ колодезѣ.
 24. Деревня Погонева подъ Меньшимъ Дросковымъ лѣсомъ, по правую сторону Дроскова колодезя.
 25. Починокъ подъ Большимъ Дросковымъ лѣсомъ, на Лѣсномъ Дросковѣ колодезѣ, въ Долгой Полянѣ.
 26. Деревня Морозова, подъ Большимъ Дросковымъ лѣсомъ на Рогу, на Дросковомъ Отвершку.
 27. Сельцо Дмитровское на р. Хвощиѣ подъ Городецкимъ лѣсомъ, а въ селѣ церковь Стратотерица Христова Дмитрія Солунскаго, строенье той церкви поповское, стоитъ на Государевой землѣ, безъ пѣнія отъ войны, а на погостѣ мѣсто дворовое поповское: пашни нерелогомъ церковной земли 2 чети, да дикого поля 18 чети, обоого—20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по дикому полю 40 копенъ; лѣсъ Городецкій обще съ помѣщиками *).
 28. Деревня усть р. Хвощны.
 29. Деревня на р. Соснѣ подъ Ильмовымъ лѣсомъ.
 30. Деревня Ровнецъ, подъ Ровнецкимъ лѣсомъ, да къ ней же пустошь, что было сельцо Егорьевское **).
- Итого въ Затруцкомъ стану: село безъ жеребья, да сельцо, да два сельца безъ жеребьевъ, да 13 деревень, да восемь деревень безъ 21 жеребья, да слободка, да двѣ слободки безъ шести жеребьевъ, да три починка, да починокъ безъ жеребья живущихъ, да въ дву пустошахъ четыре жеребья. А въ селѣ и въ сельцахъ и въ деревняхъ и въ починкахъ и въ слободкахъ 187 дворовъ помѣщиковъ, да 80 дворовъ крестьянскихъ, да 13 дворовъ бобыльскихъ. А людей въ нихъ: помѣщиковъ 166 человекъ, да 9 вдовъ, да 52 человекъ недорослей; крестьянъ 83 чел., бобылей 13 ч.—Пашни паханья добрыя земли помѣщиковы и крестьянскія 143 чети, да перелогу и дикого поля и дубровы пашенныя 12760 чети безъ третника, обоого—12903 чети

*) Церковь эта „разорена отъ Литовскихъ людей и отъ Татарскія войны въ 1616 году“; послѣ чего писцовая книга 1626—1629 г. обозначаетъ только мѣсто церковное да дворовое поповское.

**) Приравочная книга, стр. 475—532.

без третника въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна 24023 копны... Да церковныя земли въ селѣ да въ трехъ сельцахъ: пашни паханья да перелогу и дикого поля 80 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна 220 копенъ.

Г) *Мокрецкій станъ*. Опъ лежалъ на правомъ берегу р. Сосны, въ области ея притоковъ—Тима и Кщеновой и колодезей—Свинаго, Вѣлаго и Плоскаго, гдѣ залегали лѣса—Мокрецкій, Плоскій и Лебедскій съ удеревьями—Кунацкою и Минною. Это былъ наименѣ населенный станъ. Въ немъ:

1. Село Введенское, подъ Мокрецкимъ лѣсомъ, въ Долгой Полянѣ, а въ селѣ церковь Введенія Пречистыя Богородицы, древяна клѣтцки, на Государевѣ... землѣ, стоитъ безъ пѣнія отъ войны, строенье поповское, да на погостѣ дворъ поповъ Ждановъ, да на погостѣ жъ келья, а въ ней живетъ пономарь; пашни паханья церковныя земли четверть, да дикого поля 19 чети, обоего—20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна межъ полъ и по логомъ и по дубровамъ и по дикому полю и по р. Соснѣ 60 копенъ; лѣсъ Мокрецкій обще съ помѣщики *).

2. Деревня Свиная подъ Мокрецкимъ лѣсомъ.

3. Деревня Чесночная, верхъ Свинаго колодезя, подъ Мокрецкимъ лѣсомъ.

4. Деревня, что было займище Евлановское, на Рогу, подъ Мокрецкимъ лѣсомъ, но верхъ озера и Евланова Рога.

5. Деревня Сторожева (или Сторожиловая) подъ Мокрецкимъ лѣсомъ.

6. Деревня Вышняя Роговая подъ Мокрецкимъ лѣсомъ.

7. Деревня Кудинова, на Плоскомъ колодезѣ, подъ Плоскимъ лѣсомъ.

8. Деревня Патина на р. Тиму, подъ Плоскимъ лѣсомъ.

9. Деревня Шелохова, подъ Плоскимъ лѣсомъ, на р. Тиму.

10. Сельцо Рождественское, подъ Плоскимъ лѣсомъ, на р. Тиму, а въ селѣ церковь Рождества Христова, древяна клѣтцки, отъ Татарскія войны стоитъ безъ пѣнія, строенье той церкви приходское, стоитъ на Государевѣ... землѣ, а на погостѣ у той церкви мѣсто дворовое поповское, да мѣсто дворовое пономарское, да мѣсто дворовое просвирничино; пашни перелогомъ церковныя земли 2 чети, да дикого поля 18 чети, обоего—20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по дикому полю 40 копенъ; лѣсъ Плоской обще съ помѣщики **).

11. Деревня Лебедки, подъ лѣсомъ подъ Лебедками, на р. Тиму.

12. Починокъ на рѣкѣ Тиму.

13. Деревня на Среднемъ Острову на р. Соснѣ, подъ Кунацкою удеревью.

) Въ 1626—1629 годахъ здѣсь попами были уже Евлампій и Илья, пономаремъ Ефимъ Романовъ, просвирницей Дарница, жившіе особыми дворами; при нихъ 3 двора бобылей: изъ 20 чети теперь церковной доброй земли показано уже 5 чети съ осминою, а подъ дикимъ полемъ 14 чети съ осминою; да примѣрныя церковныя земли, что вымѣрено сверхъ церковныя дачи, пашни и дикого поля добрыя земли 23 чети съ осминою изъ полъ, а въ дву по тому жъ.

***) По писцовой книгѣ 1626—1629 гг. въ этомъ селѣ показана мѣсто церкви часовня; при ней дворъ пона Федора, мѣсто дворовое пономара Сергушки и мѣсто дворовое просвирничино; количество пашни прежнее.

14. Починокъ на р. Соснѣ усть Кщеновой, на Минной удеревь.

Итого въ Мокрецкомъ стану: „село, да 4 жеребья въ селѣхъ, да деревня, да 10 деревень безъ 18 жеребьевъ, да 2 починка живущихъ; а въ нихъ дворовъ: помѣщиковъ 76, крестьянскихъ 47, да 8 пустыхъ крестьянскихъ дворовъ, бобыльскихъ 6, а въ нихъ людей: помѣщиковъ 73 чел., да 4 вдовы, да 16 чел. недорослей; крестьянъ 48 чел., бобылей 6 чел. Пашни паханья добрыя земли помѣщиковы и крестьянскія 74 чети съ осминою, да перелогу и дикого поля 5986 чети съ осминою, обоего—6061 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна 10988 копенъ... Да церковныя земли: пашни паханья и перелогу и дикого поля 40 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна 100 копенъ.

Всего въ 1615 году, по Приправочной книгѣ, въ Ливенскомъ уѣздѣ состояло: „помѣщиковъ 574 чел., да 48 вдовъ, да 153 чел. недорослей; за ними въ помѣстьяхъ: 4 села, да 2 сельца, да 1 село безъ жеребья, да 52 деревни, да 24 деревни безъ сорока семи жеребьевъ, да 8 починковъ, да починокъ безъ жеребья, да въ дву починкахъ четыре жеребья, да слободка, да 2 слободки безъ шести жеребьевъ, да 5 пустошей, да въ трехъ пустошахъ одиннадцать жеребьевъ. А въ селлахъ и въ сельцахъ, и въ деревняхъ, и въ починкахъ, и въ слободкахъ 734 двора помѣщиковыхъ, да 271 дворъ крестьянскихъ, а людей въ нихъ 276 человекъ, да 38 дворовъ бобыльскихъ, а людей въ нихъ тожъ, да 25 дворовъ крестьянскихъ пустыхъ. Пашни паханья помѣщиковы и крестьянскія: добрыя земли 714 чети съ четверникомъ, да перелогу и дикого поля и дубравы пашенныя 49132 чети съ четверникомъ, обоего—43846 чети съ полуосминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна 92801 копна... Да монастырскія вотчинныя земли: пашни паханья добрыя земли осмина, да перелогу и дикого поля 99 чети съ осминою, обоего—100 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ... А положены въ Лив. уѣздѣ помѣсныя земли по Государеву указу въ соху по 800 чети. А напередъ сего въ Лив. уѣздѣ помѣсныя и монастырскія земли въ сошное писъмо были не положены. Да въ Ливенскомъ же уѣздѣ въ 4-хъ станахъ церковной земли 208 чети. Да помѣсныхъ порожжихъ земель 5521 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ“.

Такъ было бѣдно и малочисленно поселеніями верхнее и среднее теченіе р. Сосны въ началѣ 17-го вѣка, спустя уже тридцать лѣтъ послѣ того, какъ здѣсь положено было прочное начало новой гражданственности подъ защитою города Ливенъ: всего около ста разныхъ поселеній, включая сюда и такіе ничтожныя, часто однодворные поселки, какъ починки и займища; 1043 жилыхъ двора на весь уѣздъ, который охватывалъ тогда и значительную часть нынѣшняго Малоархангельскаго уѣзда; 1041 человекъ—помѣщиковъ съ недорослями (безъ 48 вдовъ), крестьянами и бобылями! Положимъ, „переписная книга“ имѣеть въ виду только людей служилыхъ, землевладѣльцевъ и сошныхъ, и не принимаетъ въ счетъ людей, не обязанныхъ службою и тяглою; но послѣдняго рода людей успѣло тогда собраться во вновь засе-

ляемъ край еще очень мало... Правда, переписная книга не беретъ въ счетъ свой и священно-церковно-служителей, т. е. поповъ, дячковъ и пономарей; но много ли ихъ было въ 13-ти селлахъ, сельцахъ и погостахъ?. Не считаются здѣсь и нищіе, что жили на церковныхъ земляхъ и питались отъ церквей Божіихъ; но такіе люди насчитывались здѣсь не сотнями, а десятками. И вотъ, если мы къ числу людей по „Переписной“ присоединимъ и всѣхъ такихъ жителей, какъ священно-церковно-служители, гулящие люди ^{*)}, нищіе, захребетники ^{**)}, сосѣди и подсосѣдники, даже съ ихъ женами и дѣтьми: то и тогда численность населенія Ливенскаго уѣзда, по всѣмъ вероятностямъ, не превыситъ трехъ-четырехъ тысячъ человекъ, а съ городомъ едва ли дойдетъ до шести тысячъ ^{***)}. Потому-то и посолъ Крымскаго хана Джанибека Гирей Ахметъ-паша Суленовъ, въ 1614 году, предъ уполномоченными царя Михаила Федоровича для заключенія мирнаго договора съ Крымомъ, находилъ возможнымъ угрожать плѣномъ на Ливнахъ не болѣе какъ тысячу человекъ ^{****)}.

Какъ бы то ни было, но съ возникновеніемъ города Ливенскій край сталъ постепенно заселяться. Старая борозда, успѣвшая подъ вліяніемъ политическихъ не-благой частью зарости кустарниками и дубровами, а частью обратиться въ дикое поле, начала опять проходить межъ лѣсовъ, лѣсковъ и дубровъ, у колодезей, рѣчекъ, озеръ и болотъ, на ржавцахъ, рогахъ, вершкахъ и отвершкахъ, а мѣстами выходила уже и въ дикое поле, которое, кромѣ того, служило для многихъ и сѣвными покосами. Главную услугу краю въ этомъ отношеніи оказывали служилые люди, дѣти боярскіе — помѣщики. На ихъ долю выпала здѣсь и первая борозда, и самое заведеніе починокъ, займищъ и деревень; отъ ихъ именъ и фамилій многія изъ поселеній получили свои названія, а нѣкоторые удерживаютъ эти названія и до настоящаго времени. Потому для насъ не безразличны самыя фамиліи первыхъ помѣщиковъ Ливенскаго уѣзда. — этихъ безстрашныхъ его пионеровъ, колонизаторовъ и первыхъ пахарей. Вотъ эти фамиліи, приводимыя нами въ алфавитномъ порядкѣ на основаніи *Приправочной* и *Переписныхъ* книгъ 17-го вѣка.

Абакумовъ, Абышкинъ, Авдѣевъ, Агаповъ, Агѣевъ, Адамовъ, Акульшинъ, Александровъ, Алехинъ, Алтисинъ, Алтухинъ, Альчуковъ, Амосовъ, Анисимовъ, Анненковъ, Аносовъ, Антиновъ, Аристовъ, Артемовъ, Афанасьевъ, Ахихинъ, Аширининъ, Ашихминъ.

*) „Гулящие люди“ — не владѣвшіе дворами и пашнями, а потому не вносимые въ писцовыя книги и не подлежащіе общественнымъ податямъ и повинностямъ.

**) „Захребетникъ“ — безземельный и бездомный крестьянинъ, работающій у другихъ, батракъ.

***) Такая цифра могла бы получиться въ томъ случаѣ, еслибъ въ каждомъ помѣщичьемъ, крестьянскомъ и боярскомъ дворѣ, подобно монастырскимъ дворамъ, было не менѣе четырехъ душъ мужскаго пола; но вѣрно, что монастырскіе крестьяне были домовитѣе крестьянъ помѣщичьихъ, а помѣщики не всѣ были люди семейные.

****) *Исторія Россіи* (Соловьева, т. 9, стр. 85).

Вабкинъ, Вагриновцевъ, Вагринцовъ, Вагулковцевъ, Байковъ, Бакулинъ, Барановъ, Барышовъ, Баскаковъ, Батинъ, Батраковъ, Бахтеяровъ, Бахтинцевъ, Бахтинъ, Бачуринъ, Башкатовъ, Безлѣпковъ, Безсоновъ, Бекетовъ, Визгинъ, Виркинъ, Вирловъ, Влысковъ, Вобровниковъ, Богатый, Богданчиковъ, Боевъ, Болдыревъ, Болотовъ, Болотцкій, Болтинковъ, Борзенковъ, Борисовъ, Бородинъ, Борценковъ, Бредихинъ, Бровинъ, Бровкинъ, Брыковъ, Вудогоцкій, Булавинъ, Булгаковъ, Вурновъ, Бурцовъ, Быкановъ, Быскаковъ, Бычищевъ, Бышановъ, Бѣжвинъ, Бѣлиховъ, Бѣловъ, Бѣлый, Бѣляевъ. —

Васютинъ, Ватутинъ, Вахнинъ, Веревкинъ, Вершиновъ, Викторовъ, Вляковъ, Власовъ, Волковъ, Волобовъ, Волобоевъ, Воробьевъ, Воронъ, Вороновскій, Выгаловъ, Выпоровъ, Выренинъ, Выриновъ. —

Гавриловъ, Гамовъ, Гладковъ, Глотовъ, Глухой, Глушковъ, Гнѣздиловъ, Гнѣзденевъ, Говоровъ, Голдаевъ, Голицкій, Головинъ (Замятня), Голодскій, Голощаповъ, Голубицкій, Гончаровъ, Горбатовъ, Горбуруковъ, Городниковъ, Гранкинъ, Грещовъ, Грибаповъ, Гриденковъ, Гридуновъ, Гриневъ, Губановъ, Гулевскій. —

Даньшинъ, Дворядинъ, Демидовъ, Демянъ, Добриковъ, Добродѣевъ, Докукинъ, Долгій, Должановъ, Долженковъ, Должиковъ, Домаревъ, Донской, Дорохинъ, Дороховъ, Дороеевъ, Драчевъ, Дромовъ, Дронинъ, Дружинъ, Дурисовъ, Дурищевъ, Дурневъ, Дурновъ. —

Егоровъ, Егурновъ, Екимовъ, Енинъ, Ереминъ, Еремѣевъ, Ермоловъ, Ершовъ, Есяновъ, Еськинъ, Еськовъ, Ефановъ. —

Жердевъ, Животовъ, Жидковъ, Жилинъ, Жильцовъ, Жиновинъ, Житковъ, Жихаревъ, Жуковъ, Журуховъ. —

Заболоцкій, Заборовъ, Завалищевъ, Завалишинъ, Занкинъ, Зайцевъ, Занинъ, Запцовъ, Зароченцевъ, Затякинъ, Затверчиковъ, Зягинцевъ, Зягивъ, Землянъ, Зиборовъ, Зиновьевъ, Злобинъ, Золотухинъ, Зубаревъ, Зубовъ, Зубцовъ, Зыбинъ. —

Иваниковъ, Иванововъ, Ивановъ, Иванинъ, Иванцевъ, Иванчиковъ, Ивашовъ, Игнатѣевъ, Извѣковъ, Изжеуровъ, Ильинъ, Ишневъ. —

Кавелинъ, Казанцевъ, Казначеевъ, Калининъ, Калугинъ, Каменевъ, Капустинъ, Карловъ, Карогадинъ, Карновъ, Карновъ — Кислой, Касторновъ, Карташевъ, Карцевъ, Басьяновъ, Катаоновъ, Каторгинъ, Кафоновъ, Кириловъ, Кирѣевъ, Кишкинъ, Кладовъ, Кливцовъ, Климовъ, Клодовъ, Клоковъ, Клущинъ, Кляковъ, Клячичковъ, Кобозевъ, Ковыринъ, Кожуховъ, Козминъ, Кокаревъ, Кологрѣевъ, Колшинъ, Кольцовъ, Коморовцевъ, Кондратьевъ, Кондуровъ, Кононовъ, Коноплевъ, Константиновъ, Кошловъ, Корниловъ, Коробецкій, Корогадинъ, Коршиковъ, Коршаневъ, Косовъ, Косой, Костомаровъ, Косторный, Косуровъ, Косяновъ, Котосоновъ, Кохаловъ, Кохоновъ, Кошаряиновъ, Крапивцевъ, Красиковъ, Красной, Красноуховъ, Красовъ, Кривцовъ,

Крюковъ, Кудрявой, Кузменковъ, Кузминъ, Куликовъ, Куновой, Куровъ, Курьяновъ, Кутафинъ, Кутеповъ, Куселевъ.—

Лагутинъ, Лагутовъ, Лазаревъ, Лакомовъ, Ларионовъ, Лахинъ, Лахтионовъ, Левикинъ, Левитный, Леоновъ, Леденевъ, Лелеховъ, Лениковъ, Лесковъ, Лигостаевъ, Липовскій, Лисинъ, Литвиновъ, Литовиновъ, Лиховинъ, Лобовъ, Лобынцевъ, Логачевъ, Логовчинъ, Ломакинъ, Лубаниновъ, Лубениковъ, Лукинъ, Лукьянчиковъ, Луневъ, Лыковъ, Лѣсной, Лютовъ (Лутовъ).—

Малыхинъ, Мальцевъ, Мансовъ, Мараховъ, Марковъ, Маслаковъ, Маслеховъ, Матвѣевъ, Махтинъ, Мащевъ, Медвѣдевъ, Мерунцевъ, Межиновъ, Мезенцевъ, Меховъ, Меренковъ, Меркуловъ, Мешеневъ, Микитинъ, Миклевъ, Миклаевъ, Микулинъ, Микульничковъ, Милдцевъ, Минаевъ, Минаковъ, Мишенковъ, Митусовъ, Митюнинъ, Митуревъ, Михайловъ, Михеевъ, Мишеневъ, Мишинъ, Мишуровъ, Мосеевъ, Молявигъ, Моначаровъ, Мясниковъ, Моногородъ, Москвитинъ, Москвитинъ, Мостенскій, Моховъ, Моценниковъ, Мухортовъ, Мягкій, Мясниковъ.—

Невзгодовъ, Невфровъ, Некрасовъ, Непотягинъ, Неснайковъ, Нестеровъ, Нето-совъ, Нехорошій, Новиковъ, Носовъ, Ностозинъ, Нѣгинъ.—

Овсянниковъ, Огарковъ, Огибаловъ, Озерковъ, Озеровъ, Окатовъ, Окороковъ, Окульшинъ, Окуневъ, Олехинъ, Оловяниковъ, Олсуповъ, Олтунинъ, Олтуховъ, Оляб-евъ, Омеляновъ, Онисимовъ, Оносовъ, Онсуновъ, Онусовъ, Опальковъ, Остаховъ, Офонинъ, Офремовъ, Очкасовъ, Очкиневъ.—

Павловъ, Панюковъ, Парахинъ, Пахомовъ, Пашковъ, Пасомовъ, Пенковъ, Переверзевъ, Переславскій, Перцовъ, Печерскій, Пещальниковъ, Пикаловъ, Пирезовъ, Пирозовъ, Писаревъ, Пихачевъ, Пишковъ, Пишовъ, Пишиновъ, Пищальниковъ, Пищулинъ, Платоновъ, Пleshковъ, Плохой, Повѣткинъ, Погоневъ, Подкозлинъ, Подольскій, Подорогинъ, Позняковъ, Полный, Подунинъ, Полухинъ, Польщиковъ, Полянскій, Пономаревъ, Поновъ, Поспѣловъ, Потловъ, Поцѣлуевъ, Проконовъ, Прохоровъ, Псаревъ, Пузиковъ, Пчельниковъ, Пыжовъ, Пѣшковъ.—

Равцевъ, Радкинъ, Радцевъ, Ракинъ, Ревакинъ, Ремезовъ, Реутовъ, Решетовъ, Рияшинъ, Ровенскій, Rogozинъ, Рогулинъ, Родіоновъ, Розанцевъ, Розниковъ, Розсиновъ, Росленевъ, Росцункинъ, Ртицовъ, Рудневъ, Русановъ, Рыбинъ, Рыковъ, Рыл-кинъ, Рылковъ, Рышковъ, Рѣдкинъ, Рѣшинъ.—

Сабаевъ, Сабѣевъ, Савеловъ, Савенковъ, Савиновъ, Сазоновъ, Салтыковъ, Самойловъ, Санковъ, Санюковъ, Сапрыкинъ, Сараевъ, Сахаревъ, Селеховъ, Селименовъ, Се-лицевъ, Семенихинъ, Сениотинъ, Сергѣевъ, Сидоровъ, Сижинцевъ, Силуановъ, Ситни-ковъ, Скороваровъ, Скорый, Скрылевъ, Скрыблянъ, Скуридинъ, Слѣпушкинъ, Смагинъ, Смотровъ, Смычковъ, Смѣшолоховъ, Созоновъ, Солоднѣевъ, Соложеницынъ, Солоповъ, Соновъ, Сотниковъ, Соходиловъ, Стародубцевъ, Старухинъ, Стохановъ, Страховъ, Стр-овъ, Стронковъ, Стрѣльниковъ, Стряшковъ, Студениковъ, Суриновъ, Суровцевъ, Суха-

новъ, Сухаревъ, Сухининъ, Сухинъ, Сухощубовъ, Сущковъ, Сычевъ, Сѣдой, Сѣмени-хинъ, Сѣриковъ, Сюлеменовъ.—

Таплыгинъ, Тарховъ, Тверитиновъ, Телѣгинъ, Теплинскій, Теплицкій, Терши-новъ, Теряевъ, Тимофеевъ, Титовъ, Тишининъ, Тишинъ, Товарковъ, Токаревъ, Тока-маковъ, Толстой, Топоровъ, Трикачовъ, Трубицынъ, Трубниковъ, Тулковъ, Тумаковъ, Тулицынъ, Туридинъ, Тучковъ.—

Уваровъ, Улановъ, Ульяновъ, Устьяновъ, Ухинъ, Ушаковъ, Ушатовъ.—

Фатѣевъ, Фаустовъ, Филатовъ, Филиповъ, Филипскій, Фроловъ, Фатѣевъ.—

Ханинъ, Харечковъ, Харитоновъ, Хвостовъ, Хитрово, Хлудовъ, Хмелевскій, Хмыринъ, Хороводовъ, Хорошиловъ, Хорошниковъ (Хорошенковъ), Хребтовъ.—

Чаплыгинъ, Челищевъ, Чельсовъ, Черенцевъ, Черниковъ, Черновъ, Черный, Чернышовъ, Чернятинъ, Четверткинъ, Чиковъ, Чубатой, Чумаевъ, Чупахинъ, Чури-линъ, Чуриловъ.—

Шабановъ, Шавовъ, Шавяковъ, Шадринъ, Шаловъ, Шаталовъ, Шатерниковъ, Шатовъ, Шаховской, Шацкій, Шевляковъ, Шевьяковъ, Шевичковъ, Шелизовъ, Шем-ринъ, Шепелевъ, Шехокинъ, Шетѣевъ, Шеховцевъ, Шеширинъ, Шигаревъ, Шиго-левъ (Шигоевъ), Шаропатой, Шишковъ, Шлоновъ, Шолоповъ, Шолоховъ, Шопу-ровъ, Штоповъ, Шуйскій, Шумовъ, Шумскій.—

Щегловъ, Щемкуновъ, Щербининъ.—

Юринъ, Юровъ, Юрѣевъ, Ютиловъ.—

Яднинъ, Ядышнй, Языковъ, Якимовъ, Ялдыковъ, Янинъ, Яхонтовъ.—

Федориковъ, Федоровъ, Фединковъ.—

По трудности украинской службы, на Ливнахъ селились большею частію люди незнатные, такъ—называемые *новини*, дѣти боярскіе „третьей статьи“, которымъ давалось помѣстья 150 чети и денегъ „съ городомъ по пяти рублей“, тогда какъ окладъ первой или большой статьи, лучшимъ новикамъ дѣтямъ боярскимъ, назначался „въ 300 ч., денегъ съ городомъ по 8 р.“, а второй статьи: „200 ч., денегъ съ городомъ по 6 р.“.

У многихъ изъ Ливенскихъ помѣщиковъ не было вовсе ни крестьянъ, ни бобы-лей, ни задворныхъ, пришлыхъ и дѣловыхъ людей, или работниковъ; сами же они не могли обработать своего земельного надѣла, такъ что несравненно большая часть ихъ иждивеній оставалась впускъ, подъ дикимъ полемъ. Въ приправочной книгѣ, по точномъ изслѣдованіи, записано, что изъ 49846 чети наши, состоявшей во владѣніи Ливен-скихъ помѣщиковъ, обрабатывалось, или, что то же, было пашенною доброю землею только 714 чети, съ четверникомъ, а 49132 чети съ четверникомъ значились подъ дикимъ полемъ, перелогомъ и пашенною дубровою. Понятно, что, при такихъ услови-яхъ быта, помѣщики мало чѣмъ разнились отъ крестьянъ, были бѣдны и не стѣсня-лись родниться съ крестьянами, женись не только на ихъ дочеряхъ, но и на вдо-

вахъ. Такъ, „Ливенецъ сынъ боярскій Левка Пантелѣевъ сынъ Болдыревъ“, изъ деревни Жеринной, женился на вдовѣ монастырскаго крестьянина „Фильки Алехина — Оетиницѣ“, хотя „Оетиница“ была уже не молодая, такъ какъ имѣла отъ перваго мужа трехъ сыновей: „Федосѣйка 11 лѣтъ, Савку 9 лѣтъ и Оську 5 лѣтъ“. Другой Ливенецъ, также „сынъ боярскій Петрушка Жилкинъ“, когда умеръ монастырскій крестьянинъ Семенъ Картавий, вступилъ въ бракъ съ женою его „Парасковьею“ *). Вдовы же помѣщиковъ были тѣмъ болѣе желанными невѣстами, и многія изъ нихъ, покидая помѣстья своихъ мужей, выходили замужъ. Такъ поступила по убіеніи Литовцами (въ 1618 г.) своего мужа Фомы Яковлевича Ушакова, помѣщика деревни Бекетовой Затруцкаго стана, вдова его Агафья. По случаю постоянной войны въ Ливенскомъ уѣздѣ, вдовы ежегодно умножались; тѣмъ не менѣе численность ихъ не увеличивалась, а сокращалась. Напримѣръ, въ 1615 году ихъ считалось въ уѣздѣ 48, а чрезъ десять лѣтъ было только 15. Конечно, нѣкоторые изъ нихъ могли умереть, другія перешли на жительство въ иные города (какъ вдова Григорія Печельника Оксиница съ сыномъ Петрушкою во Мценскъ въ 1617 году), но большинство вдовъ, по всей вѣроятности, сдѣлались вновь женами.

Не умѣя, въ большинствѣ случаевъ, ни читать, ни писать **), Ливенскіе помѣщики мало чѣмъ отличались отъ крестьянъ и по своему развитію. Иные помѣщики, нуждаясь въ рабочихъ рукахъ, выдавали своихъ дочерей, какъ говорится, за перваго встрѣчнаго. Помѣщикъ Борисъ Монуиловъ принялъ къ себѣ въ зятя Антошку Сермягина, и тотъ зять его „выбѣлъ“. Вѣднность заставляла нѣкоторыхъ помѣщиковъ бросать свои имѣнія и „бродить безвѣстно“. О многихъ сиротахъ и недоросляхъ помѣщиковъ замѣчено, что они „волочатся межъ дворъ“. За то были и такіе помѣщики, которые въ своихъ помѣстьяхъ строили церкви и снабжали ихъ иконами, книгами и другими принадлежностями на свой счетъ. Боярскій сынъ Степанъ Мишинъ построилъ церковь Спасова Преображеніе на погостѣ подѣ Серболовымъ лѣсомъ (сверхъ Полевой воды, на Суходолѣ) и одного изъ сыновей своихъ, Ивана, опредѣлялъ къ ней попомъ.

*) Въ то время въ Ливенскомъ уѣздѣ женщина была почти такъ же рѣдка и дорога, какъ и въ Кавказскихъ нашихъ укрѣпленіяхъ, до полнаго покоренія этого края; потому не всѣ Ливенскіе дѣти боярскіе были люди семейныя. По крайней мѣрѣ, о многихъ изъ нихъ Персепоналъ книга замѣчаетъ, что „послѣ нихъ (т. е. по смерти или убіеніи Татарамъ) жены и дѣтей не осталось“. Въ виду этого, всякая вдова крестьянская, даже не молодая, всегда могла рассчитывать на жениха не только изъ крестьянскаго сословія, но даже и изъ помѣщичьего, дворянскаго; если же къ тому у нея были дѣти отъ перваго мужа, то это обстоятельство только придавало ей болѣе цѣны въ глазахъ жениха: дѣти были тогда дорогимъ приданнымъ невѣстѣ — вдовѣ.

**) Въ числѣ депутатовъ при избраніи царя Михаила Феодоровича, вѣроятно, находились лучшіе изъ Ливенскихъ дѣтей боярскихъ, но за нихъ рукоприкладствовали „съ Ливень выборный Егорьевскій пошъ Гавріило“. — См. собр. государ. грам. и догов. ч. I, стр. 640—641.

Смуты на Ливнахъ въ эпоху Самозванцевъ и набѣги Крымцевъ.

Сборъ рати на Ливнахъ и слухъ о Самозванцѣ. — Ливенское ополченіе подѣ Кромами. — Мятежъ на Ливнахъ и убіеніе воеводы. — Мѣры царя Василія Ивановича Шуйскаго къ усмирению бунтовщиковъ. — Покорность Лжедмитрію II-му. — Участіе жителей г. Ливень въ избраніи на царство Михаила Феодоровича. — Осада г. Ливень атаманомъ Заруцкимъ и разграбленіе поселковъ въ Красномъ стану. — Набѣги Крымскихъ Татаръ на Ливенскія мѣста. — Жертвы Татарскаго погрома. — Запустѣніе сель и деревень. — Помѣщики — скитальцы. — Церкви безъ пѣнія. — Нищія на погостахъ. — Богатѣнный дворъ и кельи для нищихъ при городскихъ и сельскихъ церквахъ.

Въ то время, какъ обитатели Быстрой Сосны все свое вниманіе обращали на югъ, къ Крыму, и оттуда только чаяли себѣ бѣдствій, на ихъ родномъ небѣ стучалась грозная туча, имѣвшая пролить обильные потоки золь: то были смуты по поводу Самозванщины. При первой вѣсти о появленіи Самозванца, царь Борисъ Феодоровичъ Годуновъ велѣлъ на Ливнахъ собирать полки и прислалъ сюда воеводу Петра Ивановича Щереметева и Михаила Глѣбовича Салтыкова.

По обычаю, на Ливнахъ полагали, что готовится Крымская война; но скоро дѣло разъяснилось. Въ это время ѣхалъ чрезъ Ливны на Донъ царскій посолъ, дворянинъ Хрущовъ; онъ имѣлъ бесѣду съ Щереметевымъ и Салтыковымъ по поводу Ливенскаго ополченія, и, между прочимъ, услышалъ отъ нихъ: „насъ ожидаетъ не Крымская, а совсѣмъ иная война; но — добавляли они — трудно поднять руку на Государя природнаго“ *), т. е. на Лжедмитрія, который тогда выдавалъ себя въ Польшѣ за царевича Дмитрія, сына Иоанна Грознаго (какъ извѣстно, убитаго въ Угличѣ), и уже набиралъ войско противъ царя Бориса. Предположеніе воеводъ объ *иной войнѣ* стало ясно для всѣхъ на Ливнахъ, когда Татаръ не было видно, а между тѣмъ самозванный царевичъ появился уже въ Сѣверской украинѣ, и Кромчане съ Сѣвчанамъ, повязавъ своихъ воеводъ, послали ему бить челомъ на царство. Можетъ быть, тоже сдѣлали бы тогда и Ливенцы, тѣмъ болѣе, что пропавшая бѣглаго монаха Леонида среди обитателей Сосны, въ пользу спасшагося будто бы царевича Дмитрія, многихъ уже прельстила здѣсь, а царя Бориса почти никто не любилъ;

*) Карамз. т. X, стр. 358—360. — Соловьевъ, т. 8, стр. 100.

но на Ливнах стояла сильная царская рать. Вунтовать, подобно Кромчанамъ, было нельзя; и Ливенцевъ повели воеводы противъ ихъ же собрата по оружію и ближайшаго соуды—на городъ Кромы.

Неохотно шли Ливенцы ратью на Кромы, въ которыхъ затворилось около четырехъ тысячъ человекъ; не особенно радѣли царю Борису и самые ихъ воеводы—Шереметевъ и Салтыковъ. Они стояли подъ Кромами нѣсколько недѣль, успѣли ночью сжечь городовыя стѣны и башни, но не выбили Кромчанъ изъ землянаго вала. Вслѣдъ затѣмъ подошла къ Кромамъ и главная царская рать, тысячь въ семьдесятъ, подъ предводительствомъ князей Мстиславскаго и Шуйскаго. Казалось, Кромамъ теперь не устоять; но осада затянулась и велась безъ всякаго успѣха. Дѣло въ томъ, что, помимо неспособности главнаго воеводы Мстиславскаго, товарищи его Шереметевъ и Салтыковъ, что собирали рать на Ливнахъ и съ нетвердыми мыслями шли подъ Кромы, когда замѣтили ту же шатость и въ ратныхъ людяхъ, ливо стали „поровить окаянному Гринкѣ“, т. е. самозванцу и его приверженцамъ—Кромчанамъ. Салтыковъ, начальствовавшій надъ царскою артиллеріею, во время одного приступа, самовольно, безъ вѣдома главныхъ воеводъ, велѣлъ свезти „нарядъ“ съ „городовой осми“, и тѣмъ избавилъ Кромчанъ отъ „тѣсноты велией“. Въ другой разъ, когда у Кромчанъ не доставало „зеленой казны“, услужливый Московскій воевода выставляетъ на шанцахъ дѣлме мѣшки съ порохомъ, и Кромчане уносятъ ихъ въ свое подземелье на виду у Московскихъ караульных! Такъ шла осада маленькаго городка Кромъ, безъ стѣнъ и башенъ, пока живъ былъ Борисъ и пока преемникъ его, юный царь Ѳеодоръ Ворисовичъ, не смѣнилъ неспособныхъ воеводъ Мстиславскаго и Шуйскаго. Новый же главный царскій воевода, Петръ Ѳеодоровичъ Басмановъ, уминый и доселѣ преданный дѣду Годуновыхъ, сразу увидѣлъ настроеніе умовъ въ царскомъ войскѣ, сошелся въ мысляхъ съ воеводами Ливенскаго ополченія и вмѣстѣ съ ними передался на сторону самозванца. Петръ Ивановичъ Шереметевъ и Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ поспѣшили на встрѣчу къ самозванному царевичу, прибывшему изъ Путивля въ Кромы, пировали съ нимъ на Кромскомъ пенелищѣ и отсюда, уже безпрепятственно, проводили его чрезъ городъ Орель и Тулу на царство въ Москву.

Кто изъ Ливенскихъ людей не умеръ подъ Кромами отъ смертоноснаго „мята“, свирѣпствовавшаго въ царскомъ войскѣ, а также и отъ мѣткой стрѣльбы Кромскихъ сидѣльцевъ, и возвратился къ своей украинской службѣ, тотъ много кое-чего могъ разсказать своей братьи по оружію—и о молодечествѣ своихъ сосѣдей Кромчанъ, съ козакомъ Корелею во главѣ, и о бѣдствіяхъ великой царской рати отъ свирѣпствовавшей животной боли, и о переходѣ войска на сторону „прирожденнаго государя“, а главное—о рыцарской доблести новообрѣтеннаго царя, его милости и привѣтливости ко всѣмъ ратнымъ людямъ, и особенно о томъ, какъ они, Ливенцы съ Ельчанами и Рязанцами вообще, способствовали водаренію „истиннаго природеннаго царя Ди-

№ 12 г. Ливны.

Общій видъ.

• Ливны. Вторая половина XIX века.

№ 1 г. Ливны. Станция.

№ 2 г. Ливны. Акаатовская улица.

№ 3 г. Ливны. Ливны Соборная.

№ 4 г. Ливны.

Красная улица.

№ 8 г. Ливны. Вокзалъ.

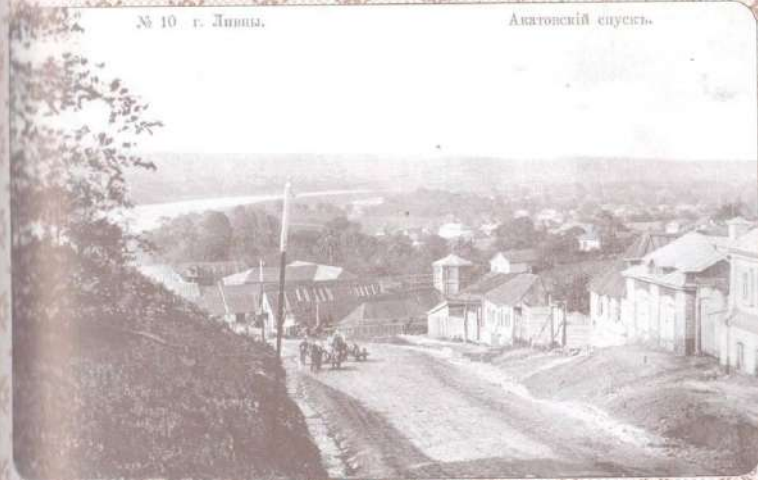
№ 9 г. Ливны.

Базарная площадь.

№ 10 г. Ливны.

Александровскій мостъ.

№ 11 г. Ливны.

Николаевская улица.

№ 15 г. Ливны.

Общій видъ.

№ 16 г. Ливны. Соборная.

№ 17 г. Ливны. Гимназія.

№ 18 г. Ливны.

Общій видъ.

№ 22 - г. Ливны. Общий видъ и р. Сосна.

Ливны

Новая Никола.

г. Ливны. Русско-Азовскій банкъ.

митрія Ивановича“... *). Слухи о воинственности царя Дмитрія усилились на Ливнах и Ельцѣ еще болѣе, когда начали свозить сюда нарядъ и собирать ратныхъ людей изъ другихъ городовъ, чтобы идти на Турскаго султана, взять Азовъ и завоевать въ конецъ царство Крымское. Тогда не страшились войны такъ, какъ въ настоящее время. Война на Ливнахъ была постоянная; рѣдкій годъ не приходили сюда Крымскіе Татары. Но тогда Крымцы вносили войну, а теперь сами Ливенцы пойдутъ на нихъ съ огнемъ и мечемъ, пѣномъ и грабежемъ... Вообще, говорятъ, а нападать и идти на приступъ—не такъ страшно, какъ стоять и защищаться; а нападать на такого врага, который пользуется оплошностью и беззащитностью другого, никому не оказываетъ пощады, все жжетъ, рубитъ и беретъ въ *полонъ*,— есть своего рода ратный праздникъ, общее веселье... И вотъ, среди такихъ чашій, на Ливны приходитъ вѣсть, что новаго, не бывалаго еще на Руси по широтѣ своихъ замсловъ, царя не стало, что онъ оказался будто бы монахомъ—разстригою, еретикомъ и чернокнижникомъ, и что, потому, его убили, а на Москвѣ воцарился князь Василій Ивановичъ Шуйскій, которому и должны теперь всѣ приносить присягу. Понятно, съ какимъ недоумѣемъ и нерасположеніемъ отнеслись на Ливнахъ къ такимъ вѣстямъ и требованіямъ изъ Москвы; и, наоборотъ,—какую радость породилъ между Ливенцами слухъ, шедшій изъ Путивля и Кромъ, что желанный царь вовсе не убитъ, а спасся отъ враговъ Московскихъ бояръ и собираетъ противъ нихъ новыя силы. Не одобровать Шуйскому! думали на украинѣ, и тотчасъ все Присосенье стало за одно съ Трубчанами, Кромчанами, Ельчанами и прочими сосѣдями, отказавшимся отъ покорности Москвѣ съ ея нелюбимымъ царемъ. Мятежъ на Ливнахъ, какъ и по другимъ украинскимъ городамъ, не обошелся безъ кровопролитія. Въ то время воеводою на Ливнахъ былъ мужественный Алексѣй Плещеевъ. Давъ присягу царю Василію, онъ желалъ остаться ему вѣрнымъ, склонялъ къ тому же своихъ подчиненныхъ и погибъ за противодѣйствіе мятежу **). Можетъ быть, голосъ воеводы и не былъ одинокъ; можетъ быть, съ нимъ пострадали и лучшіе изъ дворянъ, цѣпившихъ присягу, какъ дѣло Божіе,—только некому было предать ихъ имена на память родовъ и поколѣній, когда мятежники возобладали надъ городомъ. Одинъ дѣтонисецъ, наблюдавшій издали за тѣмъ, что происходило тогда на Ливнахъ и по другимъ городамъ, исчисливъ важнѣйшія жертвы бунта, ограничивается общимъ указаніемъ на тѣ роды мученій, какимъ бунтовщики предавали воеводъ и многихъ дворянъ: „иныхъ—говоритъ онъ—съ башни метяху, иныхъ—съ мосту въ ровъ, иныхъ вверху ногами вѣшаху, иныхъ по стѣнамъ распинаху, руки и ноги гвоздіемъ пробивше, изъ пищалей разстрѣляху; они—жъ, яко мученики прежніе, ни въ чей ужасухуся, ихъ ворожь обличаху, и, отнюдь на ихъ вражью прелесть не лыстящеса, вси помяра за правду“.

*) См. Историческое описаніе г. Кромъ, Г. П., издавіе Кромской Земской Управы, 1890 г.

***) Караянцъ т. XII, стр. 30—38. Соловьевъ, т. 8, стр. 172—173.

Вѣроятно, одною изъ такихъ жертвъ пострадалъ и Ливенскій воевода... Это было въ 1606 году; а спустя потомъ девять лѣтъ производился дозоръ Ливенскимъ служивымъ людямъ, изъ которыхъ объ однихъ записано, что они умерли, о другихъ,— что ихъ убили, или взяли въ плѣнъ Татары, а о вѣкоторыхъ (именно: Агѣѣ Лыковѣ, Сидорѣ Зубовѣ, Григорѣ Безлѣвкѣ, Степанѣ Васильевичѣ Гридуновѣ, Меншовѣ Лаврентьевичѣ Вискаковѣ, Исѣѣ Парфеновичѣ Гридуновѣ, Иванѣ Григорьевичѣ Казначеевѣ, Вагтракѣ Борьановѣ, Зыбѣ Писаревѣ, Иванѣ Бычищевѣ, Федорѣ Лобинцевѣ, Федорѣ Рагозинѣ, Пронѣ Михайловѣ и Нехорошемъ Ишковѣ) сказано только, что „ихъ не стало“: можетъ быть—въ числѣ этихъ людей загадочной судьбы были и пострадавшіе на Ливнахъ отъ руки своей же брата, но писецъ, желая, можетъ быть, къ чести самихъ Ливенцевъ, быть краткимъ, удовлетворился общою, ходячею фразою для показанія того, что ихъ нѣтъ болѣе въ живыхъ... Не слѣдуетъ также упускать изъ вниманія и то, что наследники вѣкоторыхъ изъ поименованныхъ помѣщиковъ (накъ наприимѣръ Алешка Агѣевъ сынъ Лыковъ), „тѣ отцевъ своихъ помѣсты покиня, сошли безвѣстно“. Если наше предположеніе относительно указанныхъ помѣщиковъ вѣроятно, то понятнымъ становится и отреченіе сыновей ихъ отъ наследства, и безвѣстное исчезновеніе послѣднихъ съ Ливенъ: они не могли ужиться въ добромъ согласіи съ убійцами своихъ отцевъ, а у самихъ убійцъ смыкались уста для дачи точнаго показанія призывнымъ о томъ, когда и по какому случаю кого не стало, или куда и по какой причинѣ кто выбылъ... Когда страсти стихаютъ, тогда нѣтъ охоты и вспоминать о томъ, что творилось подъ ихъ вліяніемъ. Другое дѣло вспоминать и давать *сказки* объ убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ Татарями: тутъ было чѣмъ вспомнить себя и другихъ,—и на Ливнахъ помнили даже самыя годы такихъ жертвъ, не только мужчинъ, но и женщинъ.

Царь Василій Ивановичъ Шуйскій, узнавъ, что происходитъ на берегахъ Быстрой Сосны, думалъ подѣйствовать на мятежныхъ жителей мирными убѣжденіями и религиозными мѣрами. Для этого онъ послалъ къ нимъ изъ Москвы Крутицкаго митрополита Пафнутія и боярина Нагого съ образомъ св. Царевича Дмитрія и съ письмомъ матери его, Царицы-инокини Марыи, въ которомъ она свидѣтельствовала, что собственными глазами видѣла мученическую смерть своего сына въ Угличѣ и достойную казнь савозанца на Москвѣ, совѣтовала не вѣрять злосамѣреннымъ слухамъ о спасеніи мнимаго царя и обѣщала полное прощеніе и милость отъ государя всѣмъ, кто придетъ въ разумъ и покореніе истинѣ *). Но посольство это не имѣло успѣха ни въ Ельцѣ, ни на Ливнахъ: здѣсь не хотѣли вѣрить ни митрополиту, ни Нагому, считая ихъ пособниками царя Василія, а о письмѣ царицы полагали, что оно сочинено самимъ Шуйскимъ для прельщенія ихъ. Тогда царь Василій Ивановичъ отправилъ войско подъ начальствомъ боярина Ивана Михайловича Воротынскаго (сына того знаменитаго Михаи-

*) Собран. госуд. грам. и догов. ч. I, стр. 316—318.

ла Ивановича Воротинскаго, съ именемъ котораго тѣсно связано возникновеніе г. Ливенъ) и стольника Юрія Трубецкаго. Трубецкой, отдѣлившись отъ Воротинскаго, съ 5-ю тысячами человекъ пошелъ на Кромы, а Воротинскій съ главными силами направился къ Быстрой Соснѣ и, расбѣжавъ на пути своемъ шайки мятежниковъ, осадилъ Елецъ. Между тѣмъ товарищъ его Трубецкой былъ разбитъ подъ Кромами и потерялъ почти весь свой отрядъ. Вѣсть объ этой неудачѣ смутила и людей Воротинскаго; они стали покидать его и расходиться по домамъ. Ослабленный такимъ образомъ, Воротинскій отказался отъ надежды взять Елецъ, снялъ съ него осаду и ушелъ въ Москву, оставивъ за собою не только Ливны и Елецъ, но и весь Орловскій край въ полномъ возстаніи.

Побѣдитель Трубецкаго, холопъ Болотниковъ, увеличивъ свой отрядъ Ливенцами и другими мятежниками, пошелъ къ самой Москвѣ, но вскорѣ былъ запертъ дѣрежъ Василенъ въ Тулѣ. Тутъ, въ 1608 году, въ числѣ другихъ были убиты: Ливенскій боярскій сынъ Аванасій Щетининъ, имѣвшій свое помѣстье въ Затруцкомъ стану водъ Каменнымъ лѣсомъ на Горемыкинѣмъ Верху, что была деревня Щетинина; Мокрецкаго стана, деревни Кудиновои, что подъ Плоскимъ лѣсомъ, на Коробецкомъ отгнршкѣ помѣщикъ Петръ Бухаринъ; да въ томъ же 1608 году убитъ подъ Каширою Затруцкаго стана, слободки Дурневои, сверхъ Жерыханскаго лѣса, на рѣчкѣ Лѣснои Жерыхани, помѣщикъ Федоръ Савенковъ. Кромѣ этихъ помѣщиковъ дѣтей боярскихъ, павшихъ жертвою самозванства, въ Ливенскихъ переписныхъ книгахъ упоминаются и многіе другіе, которыхъ въ 1608 году не стало. Возможно, что все это были сподвижники холопа Болотникова, ратовавшіе за тѣмъ Лжедмитрія I-го. Когда же появился Лжедмитрій II-й и на нѣкоторое время поселился въ Орлѣ, тогда у города Ливенъ установилось такое же сношеніе съ Орломъ, какое до того времени велось съ Москвою; только не Лжедмитрій жаловалъ Ливенцевъ, а они, въ ожиданіи будущихъ милостей, служили Тушинскому вору имуществомъ, деньгами и людьми. Такъ было до тѣхъ поръ, пока и втораго самозванца не стало въ Калугѣ *).

Понятно, какъ должна была смотрѣть Москва на нашъ край въ эпоху служенія его самозванному дѣлу. Москва прилагала все свое стараніе къ тому, чтобы обстроить, заселить, укрѣпить и сдѣлать его оплотомъ противъ вражескихъ нападений; и вотъ, этотъ оплотъ сталъ противъ нея, передался на сторону „воровъ“, сдѣлался центромъ мятежа, вступилъ въ открытую борьбу съ государствомъ! Съ этого времени Москва и всѣ, кто болѣе или менѣе оставался вѣрнымъ ей дѣлу въ смутную эпоху самозванцевъ, стали смотрѣть на обитателей нашего края, какъ на „воровъ“ и „искони погибшихъ людей“.

*) Замѣчательно, что въ то время, какъ Ливны были на сторонѣ Лжедмитрія II-го, нѣкоторые изъ служилыхъ людей этого города подвергались убійству отъ Литовцевъ. Такъ, подъ 1609 годомъ въ писцовыхъ книгахъ значится убійствѣ „Литовскими людьми подъ Орломъ“ Затруцкаго стана, деревни Вахтеаровой, сверхъ Плоскаго колодезя, подъ Серболовымъ лѣсомъ, помѣщика Петра Аисупова.

обозвали ихъ „кромольниками“, „проломленными головами“ и сложили о нихъ пословицы: „Орелъ да Кромы—первые вору; Елецъ—всѣмъ ворами отецъ; Карачевъ—на поддѣчу; и Дмитровцы—не выдавцы; а коли Амчанинъ къ тебѣ на дворъ—выноси скорый святахъ вонъ“... О жителяхъ Комарицкой (сѣвской) волости доселѣ поется извѣстная Комарицкая пѣсня, указывающая на измѣну ихъ своему барину, т. е. Борису Годуну, которому, какъ помѣщику, принадлежала эта волость; относительно же г. Ливенъ сложилась пословица: „Ливны—самимъ ворами дивны“. Г. Артемьевъ предполагаетъ, что къ сочиненію послѣдней пословицы послужило поводомъ важное сторожевое значеніе г. Ливенъ на Московской украинѣ. Но не видно, чтобы Ливны укрѣплены были болѣе всѣхъ городовъ Орловскаго края, какъ бы „на удивленіе всѣмъ ворами“. Въ этомъ отношеніи Мценскъ имѣлъ даже явное преимущество предъ Ливнами, такъ какъ крѣпость его возвышалась на самородной, каменной горѣ, съ трехъ сторонъ недоступной для неприятеля, а съ четвертой она отдѣлялась глубокимъ рвомъ, который, въ свою очередь, защищенъ былъ новою крѣпостью—„Вольнымъ острогомъ“. Кромѣ того, дѣлаемое г. Артемьевымъ объясненіе стоитъ внѣ всякой связи съ вышеприведенными пословицами относительно прочихъ городовъ Орловскаго края. Вѣрнѣе, надо полагать, понять смыслъ всѣхъ этихъ пословицъ одинъ Орловскій старожилъ, Дмитрій Ивановичъ Васовъ, прадѣдъ котораго поселился на Орлѣ вслѣдъ за смутнымъ временемъ; приведши въ своемъ описаніи Орловской старинѣ большую часть указанныхъ пословицъ, онъ проницательно замѣчаетъ: „значить, всю губернію похвалилъ“ *)! Вышеприведенныя пословицы, очевидно, рассчитаны на рѣму, но и въ самой рѣмѣ нельзя не видѣть характеристики жителей нашихъ городовъ въ смутное время. Такъ, Кромы прежде ознаменовали себя отчаянною борьбою противъ всего Московскаго войска; Орелъ былъ резиденціею втораго самозванца; Елецъ далъ въ своихъ стѣнахъ убѣжище всѣмъ бунтовщикамъ противъ царя Василя Ивановича и вызвалъ противъ себя походъ Московскои рати; а Ливны могли *удивить* самихъ бунтовщиковъ своею кровавою расправою съ воеводою и тѣми, кто былъ на сторонѣ Москвы: именно, тогда какъ прочіе города только вязали своихъ воеводъ, Ливенцы сами наложили на нихъ руки...

Со смертію Лжедмитрія II-го не прекратились еще смуты на Ливнахъ, какъ и по всея Московской государствѣ. Однако общія бѣдствія вразумили многихъ. Смирившись и Ливенцы предъ Москвою; и когда, по очищеніи ея отъ Поляковъ, происходило избраніе новаго царя, то вмѣстѣ съ жителями Брянска и Мценска отправили на Москву и Ливенцы своихъ выборныхъ, дѣтей боярскихъ и казаковъ, во главѣ съ Егорьевскимъ попомъ Гаврилою (изъ казачьей слободы, что въ большомъ острогѣ), который одинъ за всѣхъ своихъ товарищей, какъ вѣроятно не умѣвшихъ писать, и руку приложилъ къ грамотѣ. Въ этой знаменитой грамотѣ, писанной на большихъ Александрійскихъ листахъ, скрѣпленныхъ десятью восковыми печатями, значится между

*) См. „Орлов. Губ. Вѣдом.“ 1861 г. № 30,

другими и такая подпись: „съ Ливень Выборный, Егорьевскій поит Гавріило, и в дѣтей Боярскихъ и Козаковъ мѣсто, руку приложилъ“ *).

Въ то время, какъ Ливенскіе выборно находились въ Москвѣ и своею подписью утверждали избраніе на престолъ Михаила Феодоровича Романова, ихъ городъ подвергся осадѣ отъ казацкаго атамана Заруцкаго. Этотъ вѣрный слуга Лжедмитрія II-го, по убіеніи его, присоединился—было къ ополченію Минина и Пожарскаго для освобожденія Москвы отъ Поляковъ, а потомъ, принявъ подъ свое покровительство Марину Миницкѣ, вдову двухъ самозванцевъ, задумавъ утвердить на царствѣ маленькаго сына ея и свирѣпствовалъ съ шайкою Черкасовъ на югѣ Россіи. Какъ видно, онъ надѣялся на наше Присосенье, такъ усердно служившее прежде отцу „воренка Ивашки“; и если бы его надежды оправдались, то, быть можетъ, онъ и засѣлъ бы здѣсь съ Мариною, какъ поселъ утвердился въ Астрахани. Но Ливенцы, отправивъ уже депутацію въ Москву, не хотѣли болѣе знаться съ „ворами“. При появленіи Заруцкаго, они затворились въ городѣ и отбили всѣ приступы Черкасъ. Послѣ этого сланнаго дѣла, Ливенскій воевода Григорій Феодоровичъ Колтовскій, въ Маѣ 1613 года, доносилъ въ Москву, что „воръ Ивашко Заруцкій приступалъ къ городу Ливнямъ, но города не взялъ, и отсюда пошелъ къ Лебедюжѣ **). Заруцкій приступалъ также и къ Ельцу, но и Ельчане его отбили. Свою неудачу подъ Ливнами и Ельцемъ Черкасы выместили на ихъ беззащитныхъ селахъ и деревняхъ, и послѣ того своими грабежами долго еще держали жителей Сосны въ осадномъ положеніи ***).

Заруцкій, какъ видно, не проникалъ на правый берегъ Сосны и ограничился грабежами лѣваго ея берега, гдѣ расположенъ былъ Красный станъ. Въ *Приправочной книгѣ* 1615 года показываются совершенно запустѣвшими „отъ войны во 121 (т. е. 1613) году“ слѣдующія помѣстья Краснаго стана: 1) *Богдановское* Иванова сына Слѣпушкина, что былъ починокъ обще съ Васильемъ Зыбинимъ съ товарищи; 2) *Оксеновское* Ильино сына Руднева; 3) *Васильевскій жеребей* Савельева сына Леонова; 4) *Климовъ жеребей* Степанова сына Михайлова; 5) *Степановъ жеребей* Кузинно сына Харитонова; 6) *Игнатовъ жеребей* Гязова; 7) *Хмеровъ жеребей* Гамова; 8) *Федоровъ жеребей* Терлева; 9) *Елифановъ жеребей* Лихова въ починкѣ Харина помѣстья Мезенцева, да межъ Фадѣева помѣстья Гибдилова на рѣчкѣ на Полевой Ливнѣ ****). Во всѣхъ этихъ помѣстьяхъ, находившихся „подъ лѣскомъ“ подъ Присоскомъ по большой Новосильской дорогѣ, не осталось никого и ничего; видны были только знаки дворовыхъ мѣстъ. Кромѣ того, въ *Приправочной книгѣ* замѣчено, что „на погостѣ, на рѣчкѣ на Лѣной Ливнѣ, въ Долгой Полянѣ подъ Краснымъ лѣсомъ, церковь Николаи Чудотворца да придѣлъ Св. мученика Фрола и Лавра, дре-

*) См. Собран. госуд. грам. и договор. ч. 1, стр. 640—641.

***) См. Разрядныя книги подъ 1613 годомъ.

****) См. тамъ же подъ 1614 г. и Исторію Россіи Соловьева, т. 9, стр. 19.

*****) Переписная книга №№ 233—241.

вна кѣлтцки, строенія поца Назарья, стоитъ не освящена отъ войны 121 (1613) году“. Такъ какъ при описаніи этой церкви не упоминаютъ ни о княгахъ, ни объ иконахъ, то, вѣроятно, все внутреннее ея „строеніе“ было разграблено, а потому и самая церковь не могла быть освящена „отъ войны 121 году“.

Въ *Приправочной книгѣ* упоминается еще, что многіе изъ Ливенскихъ помѣщиковъ и ихъ дѣтей, „остави свои помѣстья отъ войны, сонли безвѣстно“, или „волочатся межъ дворъ“, но то, вѣроятно, была уже другая „война“—Татарская.

Слуты самозванщины, раздиравшія Русское государство въ теченіе долгаго времени, были самою благоприятною порою для нападенія Крымскихъ Татаръ на Московскую Украину. Благодѣтельная цѣль станичныхъ разъѣздовъ и сторожевыхъ постовъ, созданная на Украинѣ бдительнымъ Московскимъ правительствомъ, теперь, въ эпоху общаго беззавѣдья и отпаденія отъ Москвы украинскихъ городовъ, естественно ослабла и не могла сдерживать жадныхъ до добычи Крымскихъ наѣздивковъ. Дорога отъ Крыма къ берегамъ Быстрой Сосны сдѣлалась открытою; дверь на Ливны со стороны грознаго вѣтра растворилась. И вотъ, съ того времени, какъ Русское государство вступило въ борьбу съ внутреннею крамолою и до утвержденія на престолѣ Михаила Феодоровича, не проходило года, чтобы Крымцы не побывали въ Ливенскомъ уѣздѣ и не оставили здѣсь опустошительныхъ своихъ слѣдовъ. Съ каждымъ годомъ на Ливнахъ не досчитывались многіхъ помѣщиковъ: кого изъ нихъ „убили Татарове“, кто съ женою и дѣтьми „попманъ ими въ полонъ“, кого „не стало отъ Татарскіи войны“, а кто, „покини отъ той войны свое помѣстье, смель безвѣстно“, или пербрался на Орель, ушелъ въ Мценскъ, Чернь, Новосиль, или же „скитается и волочится межъ дворъ“. Крестьяне нѣмѣли одинаковую участь съ помѣщиками: ихъ убивали и брали въ плѣнъ. Многіе починокъ, займища и деревни обезлюдѣли и обратились въ *пустоши*, на которыхъ, слутя пять—десять лѣтъ, видны были только слѣды дворовыхъ мѣстъ, а села обратились въ селыща и погосты. Не видно, чтобы Татары въ теченіе десятилѣтнихъ своихъ набѣговъ причинили какой—либо вредъ самому городу Ливнямъ; хотя, быть можетъ, они и не разъ держали его въ осадѣ, но для того только, чтобы дать возможность другимъ отрядамъ свободнѣе и безопаснѣе разбойничать въ уѣздѣ, или, какъ тогда говорили, — „роспусить войну“. Особенно страдали тогда отъ Татарскихъ погромовъ станы: Серболовъ, Затруцкій и Мокрецкій, какъ болѣе удаленные отъ города.

Приправочная книга 1615 года, по „разпросу мѣстныхъ старожильцевъ, сохранила слѣдующія жертвы Татарскаго меча, огня и плѣна между 1605—1615 годами.

Въ 1605 году „Татарове *взяли* Малаха Медвѣдева“, помѣстье котораго находилось въ Серболовомъ стану, въ деревнѣ Вышнемъ Вязовикѣ, подъ лѣсомъ Меньшимъ Вязовикомъ, на рѣчкѣ Вязовикѣ, обще съ Милемъ Красновымъ „съ товари-

ци"; послѣ Малаха „жены и дѣтей не осталось, и помѣстье его заустѣло".—Въ 1607 году Татарове *взяли* въ Затруцкомъ стану, въ слободкѣ Дурневѣ, помѣщика Якова Булгакова, и такъ какъ послѣ него жены и дѣтей не осталось, то помѣстье Яковлево заустѣло; въ томъ же году „отъ Татарскія войны" заустѣлъ починокъ въ Затруцкомъ стану подъ Ястребовскимъ лѣсомъ, на колодезѣ Теляжѣ, гдѣ жили четыре помѣщика, дѣти боярскіе: Тимошей Степановъ сынъ Боевъ, Степанъ Юрьевъ сынъ Межановъ, Федоръ Васильевъ сынъ Сайковъ и Иванъ Васильевъ сынъ Теплевинъ"; за ними въ дачахъ было 200 чети, по 50 четей за человѣкомъ; тогда же „отъ Татарскія войны" заустѣлъ починокъ Татариновъ въ Затруцкомъ стану, на рѣкѣ Фоши, подъ Фошинскимъ Татариновымъ лѣсомъ, гдѣ жило помѣщиковъ дѣтей боярскихъ 5 человѣкъ.—Въ 1608 году Крымцы опустошили деревню Ровнецъ въ Затруцкомъ стану и убили двухъ помѣщиковъ: Федора Ефимова и Григорія Озарова Есиповыхъ.—Въ 1609 году въ Затруцкомъ же стану „убили Татарове Василья Брыкова съ женою и дѣтьми", а помѣстье его находилось „въ деревнѣ по правую сторону Святитцкаго верха, подъ Святитцкимъ лѣсомъ, и отъ его помѣстья осталось „дворовое мѣсто"; „*взяли* Ермака Данилова сына Чурилова", помѣстье коего находилось „верхъ Дроскова Лѣсного колодезя подъ Дросковскимъ лѣсомъ, на Брусномъ верху"; послѣ Ермака остался сынъ, и „онъ, то помѣстье покинулъ, шель въ Новосиль".—Въ 1610 году „Татарове убили Онтоя Михайлова сына Власова" въ Затруцкомъ стану, въ починокъ подъ Ясеновымъ лѣсомъ, противъ Громкина Затона, а въ Мокрецкомъ стану, въ деревнѣ Хорошевой подъ Плоскимъ лѣсомъ, на р. Тиму, *взяли* помѣщика Мухортюна.—Въ 1611-мъ году „Татарове *взяли* Карпа Омелянова" — помѣщика въ Мокрецкомъ стану деревни Шолоховой подъ Плоскимъ лѣсомъ, на р. Тиму, совмѣстнаго владѣнія съ Кодратомъ и Осипомъ Старухиними.—Въ 1612 году „Татарове *взяли* *) Мивиту Межинова" — въ Затруцкомъ стану помѣщика деревни Ровнеца подъ Ровнецкимъ лѣсомъ, а послѣ него осталась жена вдова Тимошка, и онъ, покинулъ то помѣстье, отъ войны волочится межъ дворъ"; въ Мокрецкомъ стану „убили Татарова Олиса Чупахина" — помѣщика деревни Кудиновой подъ Плоскимъ лѣсомъ, на Плоскомъ колодезѣ, общаго владѣнія съ Федоромъ Студениновымъ.—Въ 1613 году Татары опустошили Красный станъ и взяли въ плѣнъ помѣщиковъ: Оксева Ильина Руднева, Клима Степанова Михайлова, а Федора Теряева убили; пограбили: въ Серболовомъ стану — „Любимово помѣстье Лобово въ деревнѣ Гниловодахъ подъ Серболовымъ лѣсомъ, на Гниломъ озерѣ, и Любима убили"; въ Затруцкомъ стану — „Савино помѣстье Мартинова сына Олферова въ деревнѣ Ровнецъ, подъ Ровнецкимъ лѣсомъ... и Савну взяли Татарове"; — починокъ Вороно на колодезѣ Линовѣ, „а по сказкѣ стороннихъ людей, въ томъ починокъ было помѣщиковъ дѣтей боярскихъ 9 человѣкъ: Федоръ да Василій Максимови дѣти Воровы, Потанъ да Третьякъ Омель-

*) По переписной 1626—1629 гг.—„убили"...

иновы дѣти Звягинцевы, Семенъ Максимовъ сынъ Дурисовъ, Илья Васильевъ сынъ Медвѣдѣвъ, Илья Ивановъ сынъ Быскаковъ, Микита Колугинъ, Томело Савенокъ, и тѣхъ дѣтей боярскихъ *поимали* Татарове съ женами и съ дѣтьми; Федорово помѣстье Красникова въ деревнѣ Ровнецъ подъ Ровнецкимъ лѣсомъ... и Федора убили Татарове"; — въ Мокрецкомъ стану: „Сенькино помѣстье Лютова въ деревнѣ, что было займище Евлановское на ругу подъ Мокрецкимъ лѣсомъ, промежъ озера... и Сеньку убили Татарова; Герасимово помѣстье Чюмаева въ деревнѣ Сторожевой подъ Мокрецинымъ лѣсомъ, обще съ Дмитріемъ Позняковымъ да съ Емелькомъ Волотскимъ съ товарищи... и Герасима взяли Татароя; Гришино помѣстье Власово въ деревнѣ Кудиновой на Плоскомъ колодезѣ, подъ Плоскимъ лѣсомъ, обще съ Федоромъ Студениновымъ съ товарищи... и Гришку убили Татарове; Сергѣево помѣстье Крапивенцева въ деревнѣ Роговой подъ Мокрецинымъ лѣсомъ, обще съ Фаддѣемъ Игнатовымъ да съ Иваномъ Кисловымъ, и Сергѣя взяли Татарова".—Въ 1614 году обращены въ пустоши помѣстья: въ Серболовомъ стану — „Алексѣевское Голощагово въ деревнѣ Оберцѣ подъ лѣсомъ подъ Оберцомъ, обще съ Самоиломъ Черново да съ Власомъ Щегловымъ съ товарищи... и Алексѣя взяли Татарове, а послѣ его осталась жена вдова Атафья да сынъ Олферко 14 лѣтъ, да дочь дѣвка Парасковья, и жена его и дѣти отъ войны, покинулъ помѣстье, сошли во Мценскъ; — Даниловское помѣстье Батицево въ деревнѣ Оберцѣ... и Давила взяли Татарове, а послѣ его осталась жена вдова Олешка, и онъ, покинулъ то помѣстье отъ войны, шель безвѣстно"; въ Затруцкомъ стану: „Перво помѣстье Нечаева сына Иваньчикова въ деревнѣ Ровнецъ подъ Ровнецкимъ лѣсомъ... да Ивановское помѣстье Григорьева сына Казначеева и Черново и Ивана убили Татарове"; въ Мокрецкомъ стану; „Логвиновское помѣстье Галактионова сына Остахова въ селцѣ Рождественскомъ, и Логвина убили Татарова"; послѣ Логвина остались двѣ дочери, и онъ „отъ войны помѣстье отдалъ своему покинул".

Только подъ 1606 годомъ *Приправочная книга* 1615 года и переписныя послѣдующихъ лѣтъ вовсе не упоминаютъ объ опустошеніяхъ отъ Татаръ *), но за то „приправочная" пополняетъ списокъ заустоженныхъ Татарами мѣстъ и убитыхъ и ваятыхъ въ плѣнъ помѣщиковъ отъ неизвѣстныхъ лѣтъ; таковы помѣстья: въ Затруцкомъ стану: „Григорьево Титанино, что была деревня Луговая на рѣкѣ на Хвоцкѣ подъ Середнимъ лѣсомъ (что осталось за роздачею у Михайла Рогулина обще съ Михайломъ же Рогулинымъ да съ Лезовъ Карловымъ съ товарищи)..., а Григорья убили Татарове; — Сергѣево помѣстье Лахтионово въ деревнѣ Воровой подъ Дросковскимъ лѣсомъ на Середнемъ отернику, обще съ Вуріемъ Тучковымъ да съ Григоріемъ Ивановымъ съ товарищи..., а по сказкѣ стороннихъ людей Сергѣя *взяли* Татарове съ женою и съ дѣтьми его; Григорьево помѣстье Щербинина жеребей въ селцѣ

*) Это именно въ царствованіе Лжедмитрія 1-го, когда онъ самъ готовилъ на украйнѣ средства для войны съ Турками.

Дмитровскомъ на рѣчкѣ на Хвоцѣ, подѣ Городецкимъ лѣсомъ... и по сказкѣ стороннихъ людей Григорья убили Татарове, а послѣ ево остался сынъ Куземка, и онъ, отъ войны покиня то помѣстье, шель въ Чернѣ. Въ Мокрецкомъ стану: „Ортемовское помѣстье Климова въ селцѣ Рождественскомъ, и Ортема убили Татарове; Васильевское Шилова въ томъ же селцѣ Рождественскомъ... и Василля взяли Татаровя; Гришино помѣстье Быканово въ деревнѣ на Среднемъ Острову на р. Соснѣ подѣ Кунацкою удеревью, обще съ Лукою Жихоревымъ съ товарищи... и Гришу взяли Татарове“.

Кромѣ того, отъ Татарской войны запусѣли помѣстья и дворы: въ Серболовомъ стану—„Гавриловское Гулевско въ деревнѣ Крутой подѣ Туровымъ лѣсомъ, на Крутомъ верху, обще съ Оксеномъ Онисимовымъ съ товарищи... дворъ помѣщиковъ пусть; Васильевского помѣстья Пчелинско, что осталось за роздачею у Саввы Данишина за 40 четими въ селѣ Егорьевскомъ“... Въ Затруцкомъ стану: „Минино Яковлева сына Савелова, что былъ починокъ подѣ Ясеновымъ лѣсомъ, противъ Гримишкина Затону, вверхъ по рѣчкѣ по Соснѣ противъ Мокреца; Ларина помѣстья Пыжова, что осталось за роздачею у Агѣя Самойлова да у Кузмы Каймова въ селѣ Боговляевскомъ, на рѣчкѣ на Хвоцѣ, по лѣвую сторону Плоского колодезя подѣ Среднимъ лѣсомъ; Куприна помѣстья Ортемова сына Колшина въ слободкѣ; что было займище на усть рѣчки Жерыхани, по правую сторону Жерыханскаго лѣсу, обще съ Курбатовъ Бекетовымъ да съ Олою да съ Кирѣемъ Прокоповыми, да Степаномъ Монниковымъ съ товарищи..., опрѣчь того, что изъ того жъ Куприна помѣстья за Олою Ушаковымъ, а по сказкѣ стороннихъ людей, на томъ помѣстьи Купринѣ селдись, и пропали безвѣстно; Вьяево помѣстье Будоготцково въ той же слободкѣ, что было займище на усть рѣчки Жерыхани, по правую сторону Жерыханскаго лѣсу, обще съ Курбатовъ Бекетовымъ да Степаномъ Монасековымъ съ товарищи; Осново помѣстье Мишапово въ той же слободкѣ, что было займище на усть рѣчки Жерыхани, обще съ Курбатовъ Бекетовымъ да Степаномъ Монасековымъ съ товарищи; Оедоровское помѣстье Савенкова, что осталось за роздачею Павла Шатохина и съ тѣмъ, что дано было Нехорошему Уланову въ слободѣ сверхъ Жерыханскаго лѣсу на рѣчкѣ на Лѣсной Жерыхани съ Замятнею Кашириновымъ да съ Григорьемъ Токмаковымъ съ товарищи дикого поля 100 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; Ананьинскаго помѣстья Краснокова треть, что осталось за роздачею Данила Сапрокова въ деревнѣ Плоскаго колодезя подѣ Среднимъ лѣсомъ, обще съ Микиткою Бахтеяровымъ да Даниломъ Сапроковымъ съ товарищи; Петрухинскаго помѣстья Онсупова вверхъ Плоскова колодезя подѣ Среднимъ лѣсомъ, обще съ Микиткою Бахтеяровымъ съ товарищи, что осталось за роздачею у Микитки да Гришки Черныхъ, да у Ивана Мостенского; Ульянова помѣстья Иванова сына Власкова въ починокѣ подѣ Большимъ Дросковымъ лѣсомъ, на Рогу, на Лѣсномъ Дросковымъ колодезѣ, обще съ Кузюю Васютинымъ

да съ Семеномъ Лавоновымъ“. Въ Мокрецкомъ стану: „Гришина помѣстья Юрѣва, что, по сказкѣ стороннихъ людей, осталось Матвѣя Доросеева треть въ деревнѣ верхъ Свиного колодезя подѣ Мокрецкимъ лѣсомъ, обще съ Матвѣемъ же Доросеевымъ да съ Леономъ Головинымъ; Оедькино помѣстье Иванова сына Трубицина въ деревнѣ Нижней Роговой, подѣ Мокрецкимъ лѣсомъ, подѣ Нижнимъ Рогомъ, обще съ Осипомъ Кшикинымъ съ товарищи; Минино помѣстье Сидорова сына Баранова въ деревнѣ Вышней Роговой подѣ Мокрецкимъ лѣсомъ, обще съ Оадѣемъ Ушатова Еислова; Ивановское помѣстье Остахова въ селцѣ Рождественскомъ подѣ Плоскимъ лѣсомъ на рѣчкѣ на Тиму“.

Многихъ Ливенскихъ помѣщиковъ въ описываемое время, по выраженію Припачной,—„не стало“ (умерли ли они естественною смертью, пострадали-ль отъ своей же браны въ мятежное время на Ливнахъ, сложили ли свои головы въ борьбѣ съ Москвою за самозванцевъ, или убиты и захвачены въ плѣнъ Татарами,— неизвѣстно), и послѣ нихъ помѣстья ихъ запусѣли. Именно, въ Серболовомъ стану: „Агѣевское Лыкова—въ деревнѣ Хяблевой, обще съ Андреемъ Гладкимъ да съ Иваномъ Мальцовымъ съ товарищи, а послѣ Агѣя остался сынъ Олешка, и онъ, то отца своего помѣстье покиня, шель безвѣстно“; въ Затруцкомъ стану: „Сидорово Зубова—въ деревнѣ на усть Святитцкаго верха подѣ Святитцкимъ лѣсомъ, обще съ Иваномъ Сухонубовымъ да съ Малахомъ Бородинымъ; Ортюшкино Лахтинова—въ деревнѣ Вороной подѣ Дросковымъ лѣсомъ на Среднемъ отверику, а послѣ Ортема осталось два сына: Дениско да Корнялко, и они, то помѣстье отъ войны покиня, живутъ въ Новосили; Григорьево Велѣикова—въ селцѣ Дмитровскомъ на рѣчкѣ Хвоцѣ подѣ Городецкимъ лѣсомъ; Степановское Васильева сына Гридунова—въ деревнѣ Ровнецѣ, обще съ Иваномъ Извѣковымъ и съ товарищи; Исаево Порфенова сына Гридунова—въ той же деревнѣ Ровнецѣ подѣ Ровнецкимъ лѣсомъ; Ивановское Григорьева сына Казначеева—въ той же деревнѣ Ровнецѣ; Меньшово Лаврентьева сына Вискакова—въ той же деревнѣ Ровнецѣ; Семеново Иванова сына Извѣкова, и Семена не стало лѣтъ съ двѣнадцать (около 1603 г.), а послѣ ево осталось два сына: Онтонъ да Иванъ, и они, то отца своего помѣстье покиня отъ войны, живутъ во Мценску“; въ Мокрецкомъ стану: „Нехорошено Ишково—въ деревнѣ Кудиновой на Плоскомъ колодезѣ подѣ Плоскимъ лѣсомъ, обще съ Оедоромъ Студениновымъ съ товарищи; Пронино Михайлова—въ той же деревнѣ Кудиновой, обще съ Оедоромъ Студениновымъ съ товарищи; Батраково Барьянова—въ деревнѣ Пятиной подѣ Плоскимъ лѣсомъ, обще съ Богданомъ Пятниа; Зыбино Писарева—въ деревнѣ Шолоховой подѣ Плоскимъ лѣсомъ на рѣчкѣ Тиму; Ивановское Выщидова—въ селцѣ Рождественскомъ подѣ Плоскимъ лѣсомъ на р. Тиму; Оедоровское Лобынцева—въ деревнѣ Лебедкахъ подѣ лѣсомъ подѣ Лебедками; Оедоровское Рогозина—въ той же деревнѣ Лебедкахъ, а послѣ Оедора остался сынъ, и онъ, то отца своего помѣстье отъ войны покиня, шель безвѣстно“.

Покидали поместья не только вдовы и осиротевшие дети помещиков, но и сами помещики, и уходили или на Ливны, под защиту городских укреплений, или переселялись на жительство в другие города, или исчезали *безвѣстно*, или же *во-лочились, снитались и бродили межъ дворъ*. Такъ, въ 1613 году побросали свои поместья въ Красномъ стану: Богданъ Ивановичъ Слѣдущкинъ и Игнатъ Гамонъ и переселились во Мценскъ, а Степанъ Кузминъ Харитоновъ и Миронъ Гамонъ „отъ войны сошли безвѣстно“. — Серболова стана помещики: „Фирсъ Левиинъ, деревня Хмѣлевой, обще съ Андреемъ Гладкимъ да съ Иваномъ Мальцевымъ съ товарищи, покины свои поместья, обрели безвѣстно, а Яковъ Левиинъ, взявъ поместье въ деревнѣ Хмѣлевой же, обще съ Андреемъ Гладкимъ да съ Иваномъ Мальцевымъ съ товарищи, не селился на пень“. — Затруцкаго стана: помещикъ Иванъ Олферовъ сынъ Сидоровъ, покинувъ свое поместье, что было починокъ подъ Ясеновымъ лѣсомъ противъ Грамыкина Затону, вверхъ по р. Соснѣ, противъ Мокреда, обще съ Олфимомъ Миклаевымъ, — „волочился межъ дворъ“; Перной Кишкинъ, покины свое поместье, что было Кишкинъ жеребей — деревня Логовая на рѣкѣ Хвоциѣ подъ Среднимъ лѣсомъ, обще съ Леою Карповымъ да съ Кузюю Аверкиевымъ сыномъ Климова съ товарищи, — 1608 года смель на Елецъ; Степанъ Екимовъ сынъ Осиповъ, покины свое поместье въ деревнѣ Ровнецъ, смель на Орель въ 1602 году; Яковъ Хининъ, помещикъ слободы Дурневой, что сверхъ Жерыханскаго лѣса, въ 1607 году „смель во Мценскъ“; туда же сошли и два сына помещика Семена Извъкова — „Онтонъ да Ивашка“, лишившіеся отца въ 1602 году; Яковъ Дмитриевъ сынъ Леоновъ, покины поместье, что было починокъ подъ Хвоценьскимъ лѣсомъ, — жилъ на Ливнахъ на посадѣ. — Мокрецкаго стана: села Рождественскаго помещикъ Гриша Кондратьевъ Кураговъ, покины свое поместье, что подъ Плоскимъ лѣсомъ, на р. Тиму, въ 1613 году смель на Осколь; осиротѣвшее въ 1615 году семейство помещика Фатѣя Сергѣева, деревня Шолоховой подъ Плоскимъ лѣсомъ на р. Тиму (общаго владѣнія съ Кондратомъ да Осипомъ Старухиними, да съ Оверкою Смишолоховымъ съ товарищи), именно — жена Фатѣева и двѣ дочери „волочатся межъ дворъ“.

Замѣчательно, что въ то время, какъ отъ Татарской войны Ливенскіе села, деревни и починокъ пустѣли, такъ что, въ большинствѣ случаевъ, оставались отъ нихъ только слѣды дворовыхъ усадьбъ, — церкви стояли на погостахъ невредимыми. Ни въ Приправочной 1615 года, ни въ писцовыхъ Ливенскихъ книгахъ послѣдующаго времени нѣтъ указанія на то, чтобы та или другая церковь была сожжена или разрушена Татарами. Есть только одно замѣчаніе относительно Дмитриевской церкви села Дмитровскаго (что на рѣкѣ Фочиѣ подъ Городецкимъ лѣсомъ, въ Затруцкомъ стану), гласящее, что та церковь „разорена отъ Литовскихъ людей и отъ Татарскія войны въ 1616 году“, но и это замѣчаніе не даетъ намъ права утверждать, чтобы разо-

рненіе Дмитриевской церкви послѣдовало именно отъ Татаръ, а не отъ Литовскихъ людей. Выраженіе — „отъ Татарской войны“ — весьма неопредѣленно и можетъ указывать только на то, что, по разореніи этой церкви Литовцами, она не могла быть скоро восстановлена. Но такъ какъ въ 1615 году Дмитриевская церковь несомнѣнно „стоила“, хотя и „безъ пѣнія“ (потому что при ней не было пона), а впоследствии указывается уже только мѣсто ея; то возможно, что на совершенное разореніе ея имѣла вліяніе и Татарская война. Вообще же, въ виду сохранности церквей, когда вокругъ ихъ вздымалось пламя огня и видѣлись слѣды всеобщаго опустошенія, невольно приходитъ на мысль, что Крымскіе Татары какъ будто нарочно оставляли безъ вреда эти святини Русскаго народа для того, чтобы посредствомъ ихъ на опустошенныя земля снова собрать разбѣжавшихся жителей, или привлечь новыхъ поселенцевъ, и, такимъ образомъ, имѣть возможность предаться новому грабежу и пѣну. И не удивительно: частыя удачи въ набѣгахъ могли приучить Крымцевъ смотрѣть на Ливенскій уѣздъ, какъ на свой приходъ и доходъ! Однакожь, по случаю ли оскверненія храмовъ Татарами и испроверженія престоловъ, гдѣ враги могли рассчитывать на сокрытыя сокровища, съ ограбленіемъ другихъ внутреннихъ принадлежностей церкви, или же по инымъ какимъ либо причинамъ, только нѣкоторыя уѣздныя церкви „отъ той войны оставались безъ пѣнія“, хотя на погостахъ ихъ жили поны и пономари (очевидно, исполнявшіе по преимуществу дьячковскія должности). Таковы: въ Красномъ стану — „на погостѣ на рѣкѣ на Лѣсной Ливнѣ въ Долгой Полянѣ, подъ Краснымъ лѣсомъ, церковь *Никола Чудотворца* да придѣлъ *Фрола* и *Лавра* отъ войны 121 (1613) года стоитъ не освящена“; въ Затруцкомъ стану: въ селѣ Богоявленскомъ на р. Хвоциѣ, на усть Плоскаго колодезя, подъ Среднимъ лѣсомъ, — церковь Богоявленія Христова „отъ войны не освящена“; а въ селѣ Дмитровскомъ на р. Хвоциѣ, подъ Городецкимъ лѣсомъ, — *церковь страстотерца Христова Дмитрія Солунскаго* „стоитъ безъ пѣнія отъ войны“; въ Мокрецкомъ стану: въ селѣ Введенскомъ подъ Мокрецкимъ лѣсомъ, въ Долгой Полянѣ, — *церковь Пречистыя Богородицы* „стоитъ безъ пѣнія отъ войны“; въ селѣ Рождественскомъ подъ Плоскимъ лѣсомъ, на р. Тиму, — *церковь Рождества Христова* „отъ Татарскія войны стоитъ безъ пѣнія“). Въ самомъ городѣ Ливнахъ, за рѣкою Ливною въ большомъ острогѣ, въ Казачьей Успенской слободѣ, *церковь Успенія Пречистыя Богородицы да церковь Архангела Михаила* стояла почему — то также безъ пѣнія, хотя и строитель ея попъ Аонасій, и образы, и свѣчи, и книги и всякое церковное строеніе были налицо. Достоинно замѣчанія и

*) Въ 1615 году строится этой церкви пона Назаръ уже не было въ живыхъ, а въ дворѣ попомомъ жила вдова его пощады Парасковья съ дѣтми, въ ожиданіи, конечно, что кто-нибудь возьметъ „церковное строеніе“ ея мужа въ аренду и позаботится объ освященіи церкви, какъ арендовалось тогда церкви и въ самомъ городѣ Ливнахъ.

**) При этой церкви не было ни пона, ни попова двора, а только дворовое мѣсто поповское.

***) На Рождественскомъ погостѣ были только дворовыя мѣста: поповское, попомарское и проскурицкино.

то, что въ Приправочной Ливенскаго уѣзда вовсе не упоминается о плѣнѣ поповъ, даже ихъ женъ и дѣтей: щадили ли ихъ Татары въ тѣхъ же видахъ, какъ и церкви, или же поны съ пономарями умѣли лучше своихъ прихожанъ избѣгать плѣны и меча Татарскаго? Повидному, огонь Татарскій не касался и ихъ жилищъ, такъ какъ изъ 14-ти погостовъ только на двухъ не было поповскихъ дворовъ, да и объ этихъ двухъ нельзя утвердительно сказать, чтобы они сожжены были именно Татарами. Предполагать же, что поны, какъ болѣе обезпеченные люди, могли скорѣе другихъ приходскихъ людей возстановлять свои дворы послѣ ихъ разрушенія, не позволяеть самая сохранность при нихъ церквей. Вѣроятно думать, что Татары, въ своихъ соображеніяхъ, щадили вообще погосты церковные съ ихъ строеніями и людьми, а за понами и пономарями въ большей или меньшей мѣрѣ могли укрываться и „прескурницы“ и „нищіе“, что „питались отъ церкви Божіей“. Все это были какъ-бы люди Божіи.

Подъ нищими, прежде всего, разумѣлись, конечно, люди бѣдные, снискивавшіе себѣ пропитаніе милостынею, подаваніемъ, также слѣпые, хромые, увѣчные, извѣстные подъ общимъ именемъ убогихъ, равно престарѣлые, малолетныя, разнаго рода „порченныя“ и юродствующія, иногда подъ названіемъ „благенныхъ“. Какъ ни грубы были нравы на Ливнахъ время самозванщины, и какъ ни склонны были тогдашніе люди на проявленіе самаго широкаго эгоизма, своеволія, насилія, противленія власти и даже нарушенія присяги, но присутствіе при многихъ церковныхъ погостахъ, городскихъ и сельскихъ, „богадѣльныхъ дворовъ“ или „келлій“ для нищихъ обнаруживаетъ въ нихъ высокое уваженіе къ христіанской милостынѣ и заботливую участливость къ судьбѣ бѣдомныхъ, голодныхъ и не защищенныхъ отъ холода. Въ городѣ Ливнахъ, вѣроятно со времени еще построенія большаго острога, находился „богадѣльный дворъ, да у рѣки у Ливны подъ горою пять келлій, а въ нихъ жили нищіе, питались по міру“. Это былъ главный пріютъ нищенства и убожества на Ливнахъ. Кромѣ того, Ливенскіе стрѣльцы въ своей слободѣ, при церкви Великомученицы Параскевы, нарицаемаи Пятницы, имѣли четыре келліи для нищихъ, чтобы они питались отъ церкви Божіей. Въ двухъ Казачьихъ слободахъ—Покровской и Успенской, что въ большомъ же острогѣ „за рѣкою за Ливною“, при каждой изъ двухъ церквей находилось по три келліи для нищихъ; при Покровской жили нищіе: Сережка Тихоновъ, Микитка Геремеевъ и Демка Игнатовъ, а при Успенской: Епифанъ Гончаръ, Иванка Горбуновъ и Иваншко Долгой. Такіе же пріюты для убожества созданы стараніемъ поповъ и благотворительностію приходскихъ людей и при многихъ сельскихъ погостахъ. Именно, въ Красномъ станѣ: на погостѣ села Пятницкаго, что была деревня Парахина, и на Егорьевскомъ погостѣ „подъ Краснымъ лѣсомъ межъ дву отвершковъ на рѣчкѣ на Полевой Ливнѣ“, гдѣ жили нищіе: Андрюшка Кобцовъ да Сидорко Штатовъ; въ Серболовомъ стану—на Преображенскомъ погостѣ „подъ Серболовымъ лѣсомъ сверхъ Половой Воды съ правой стороны“ жили нищіе: Микифоръ Васильевъ, Иваншко Сѣдой

и Мишка Терентьевъ *), и на погостѣ села Пречистенскаго при церкви Рождества Пречистыя Богородицы „поповскаго строенія“.

Повидному, келлія для нищихъ считалась необходимою принадлежностію каждой церкви; а гдѣ не было такихъ келлій, тамъ обычнымъ пріютомъ для нищихъ служили дворы поповскіе. И къ этому, кромѣ обычнаго состраданія, были у поповъ особые виды. Такъ какъ при уѣздныхъ церквахъ кромѣ попа, пономаря и прескурницы, обязанность которой состояла единственно въ приготовленіи просфоръ, не было ни дячковъ, ни дячковъ; то вѣроятно будетъ предположить, что нѣкоторые изъ нищихъ исполняли обязанности пономарскія, давая чрезъ то пономарямъ возможность пѣть и читать, т. е. отправлять дячковскую должность, а, быть можетъ, нѣкоторые изъ нищихъ, не въ концѣ убогими, поны и пономари пользовались и для обработки своихъ пациентовъ и сѣбныхъ покосовъ. Такія услуги нищіе могли охотно оказывать священно-церковно-служителямъ какъ за получаемое ими отъ причта покровительство, такъ и въ чаяніи, что когда они помрутъ, поны и пономарь похоронятъ ихъ безмездно. Тоже можно предполагать и относительно видовъ городского духовенства на нищихъ, такъ какъ и при городскихъ церквахъ были только поны да пономари (послѣдніе при большинствѣ церквей почему-то даже не упоминаются *переписною*), а дячекъ съ пономаремъ были при одной только церкви Св. Дмитрія Солунскаго, что въ Вѣловской казначей „за рѣкою за Соною противъ города Ливень“ слободѣ, подобно тому, какъ и одинъ дячекъ (именно Соборной церкви) Оксень Левонтьевъ на весь городъ съ уѣздомъ. Здѣсь нищіе были еще нужнѣе, чѣмъ по селамъ, сельцамъ и погостамъ: кромѣ нѣкоторыхъ пономарскихъ услугъ по церкви и хозяйственныхъ по нахатному, сѣнокосному и дворовому дѣлу поповскому, они могли наблюдать ночной караулъ той церкви, отъ которой питаются сами, сопровождать пона при хожденіи по приходу съ „христіанскимъ“, доставлять по назначенію вѣсти и распоряженія десятиначальника или поповскаго старосты, и наоборотъ, и т. п. Очень можетъ быть, что нѣкоторымъ изъ нищихъ, наиболѣе честнымъ и расторопнымъ, поручались тогда и нѣкоторыя ктиторскія обязанности, какъ—продажа въ церкви свѣчей, приобретаемыхъ попомъ на свой счетъ, а потому и доставляющихъ ему личный доходъ, за которыми нужно было досматривать близкому къ попову двору человѣку, если даже не самой попадѣ.

*) Этотъ пріютъ, какъ и самая церковь, устроены помѣщикомъ Степаномъ Мишинымъ съ словеніями его, Семеновъ да попомъ Ивановъ.

Городъ Ливны и его уѣздъ въ царствованіе Михаила Теодоровича.

Слѣды Смутаго времени въ г. Ливнахъ и его уѣздѣ. — Заслуги Ливенскихъ служилыхъ людей въ очищеніи Русской земли отъ внутреннихъ ея враговъ. — Жалованная вотчины Ливенскимъ казакамъ „за Московское осадное сидѣніе въ Королевичевъ приходъ“ — Договоръ съ Крымцами на Ливнахъ и новые ихъ набѣги. — Взятіе и сожженіе Ливенъ Запорожскими казаками. — Помѣщики, павшіе при защитѣ города Ливенъ и разбѣжавшіеся по разнымъ мѣстамъ. — Пустоши. — Возстановленіе города Ливенъ и его сторожъ. — Обязанности Ливенскихъ воеводъ въ военное и мирное время. — Новые погосты и поселенія въ Ливенскомъ уѣздѣ. — Численность населенія. — Осадные головы на Ливнахъ. — Милостивое слово Государеву Ливенскимъ воеводамъ. — Численность Ливенскаго гарнизона. — Участіе Ливенцевъ въ солдатскихъ походахъ, въ охраненіи усть-Чернавскаго острога и въ сопровожденіи Московскихъ и Крымскихъ пословъ. — Усиленіе сторожевой линіи по р. Соснѣ и образованіе Черкасскихъ слободъ въ окрестности г. Ливенъ. — Торговля и промыслы на Ливнахъ. — Бѣдность уѣздныхъ людей и недовольство ихъ своимъ положеніемъ. — Общія свѣдѣнія объ уѣздныхъ церквахъ и причтахъ.

Смутное время оставило по себѣ глубокіе слѣды опустошенія какъ на Москвѣ, такъ и по всему государству. Что же касается г. Ливенъ, то, говоря относительно, онъ былъ еще счастливѣе многихъ городовъ Московскаго государства: его стѣны съ башнями, церкви, торговыя лавки, *столы* и кузницы оставались цѣлы и невредимы; только церковь Успенская съ придѣломъ Архангела Михаила, что въ Казачьей слободѣ, стояла безъ пѣнія, да посадъ не досчитывался нѣсколькихъ десятковъ дворовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и многихъ изъ своихъ жителей, тогда какъ, по мысли и цѣлямъ правительства, этотъ городъ долженъ былъ съ каждымъ годомъ расти и множиться своимъ населеніемъ. Именно, въ періодъ Смутаго времени на Ливнахъ запусгло: въ Ямской слободѣ 8 дворовъ, въ Казачьихъ — Егорьевской и Аванасьевской 15 дв., Никольской 21 дв., Покровской и Успенской 39 дв., всего 83 двора. Но положеніе уѣзда, который въ царствованіе Теодора Ивановича началъ быстро заселяться, было теперь печальное. Населеніе его не только не подвинулось впередъ, какъ желало того Московское правительство, но и значительно сократилось противъ прежняго. Цѣлыя десятки помѣстій, представлявшіе изъ себя деревни, теперь запусгали совершенно. Напримѣръ: въ Красномъ стану считалось такихъ пустошей 9, въ Серболовомъ 8,

въ Затруцкомъ 35, въ Мокрецкомъ 24, всего въ Ливенскомъ уѣздѣ ко времени царствованія Михаила Теодоровича значилось пустошей 76. Кромѣ того, изъ 14-ти сель — четыре обратились въ погосты, пять сдѣлались сельцами, а уцѣлѣвшія пять сель представляли собою ничтожныя деревушки.

Между тѣмъ, со вступленіемъ на престолъ Михаила Теодоровича, бѣдствія не прекратились еще какъ для всего государства, такъ въ частности и для Ливенскаго края. Въ то время совѣй угрожали государству войною Поляки, Шведы и Крымскіе Татары, а внутри его тѣснились многочисленныя шайки Литовцевъ и Малоросійскихъ и Донскихъ казаковъ, бродили всякіе *воры* и разбойники, и все разсчитывали на легкую добычу. Царская казна была пуста; ратныхъ людей стало мало. Надо было прежде всего очищать государство. Въ этомъ великомъ дѣлѣ участвовали и наши Ливенцы: дѣти боярскіе и казаки. Такъ, въ 1614 году, Ливенскій воевода Степанъ Ивановичъ Исленьевъ былъ въ товарищахъ знаменитаго воеводы Дмитрія Михайловича Пожарскаго, преслѣдовавшаго Литовскаго наѣздника Лисовскаго, и участвовалъ въ битвѣ подъ городомъ Орломъ, но былъ обращенъ въ бѣгство; только благодаря мужеству самого Пожарскаго одержана была подъ Орломъ побѣда надъ Литовцами, и Лисовскій вытѣсненъ былъ изъ предѣловъ Орловскаго края *).

Въ 1616 году въ походѣ съ Пожарскимъ было Ливенскихъ дѣтей боярскихъ 300 человекъ, да 300 человекъ казаковъ, изъ которыхъ, вѣроятно, немногіе уже возвратились на Ливны, такъ какъ съ тѣхъ поръ число дѣтей боярскихъ и казаковъ показывается на Ливнахъ значительно меньше противъ 1616 года. Именно, въ Разрядной росписи 1616 года говорится: „На Ливнахъ Игнатій Ермолаевъ сынъ Михень да Федоръ Григорьевъ сынъ Шинкинъ; и Февраля Игнатій и Федоръ отпущены, а на Ливнахъ велѣно быть воеводѣ Тимошею Васильеву сыну Измайлову, да Петру Прокофьеву сыну Данилову; а съ ними Ливенцевъ дѣтей боярскихъ 744 ч. и изъ нихъ велѣно быть съ бояриномъ со княземъ Дмитріемъ Пожарскимъ 300 ч., а за тѣмъ 444 ч., съ головами 520 ч. казаковъ и изъ нихъ велѣно быть съ бояриномъ со княземъ Дмитріемъ Пожарскимъ 300 ч., съ сотникомъ 100 ч. стрельцовъ, съ атаманомъ Михайломъ Головиннымъ 60 ч. казаковъ. И всего на Ливнахъ 824 человекъ“. Кромѣ того, изъ Ливенскихъ *писцовыхъ книгъ* извѣстно, что Ливенскіе казаки участвовали въ оборонѣ Москвы отъ Поляковъ, осаждавшихъ ее въ 1618-мъ году подъ предводительствомъ королевича Владислава, и „за Московское осадное сидѣніе въ Королевичевъ приходъ“ пожалованы были, въ придачу къ прежнимъ помѣстьямъ, вотчинами. Такими были вотчины: въ *Красномъ* стану — за Третьякомъ Романовымъ на Здоровецкомъ отвершку, у Краснаго лѣса, 45 чети; за Гришкой Баслановымъ въ Долгой Полянѣ на Евлановомъ колодезѣ, на р. Лѣсной Ливнѣ, 54 чети; за Осипомъ Харитоновымъ 50 чети, за Евимомъ Михѣевымъ 99 чети; за ка-

*) См. „Историческіе очерки г. Орла“ Г. П., стр. 64—66.

зачи́мъ сыномъ Васкою Бурковымъ 54 чети. Всѣ эти вотчины находились въ 3-хъ деревняхъ: Лопониѣ, Орловой и Здобной. — Въ *Серболовомъ* стану: за Степаномъ Лукьяновымъ сыномъ Сотникова подь Серболовымъ лѣсомъ, сверхъ Полова колодезь, въ вотчинѣ и помѣстьѣ 152 чети; за Богданомъ Васильевымъ подь Серболовымъ лѣсомъ, на Лѣсномъ Кунацкомъ колодезѣ, 37 чети съ осминою; за Исаемъ Григорьевымъ сыномъ Ушакова, по двумъ жалованнымъ вотчиннымъ грамотамъ, 123 чети съ осминою; за Третьякомъ Романовымъ 45 чети. Вотчины эти находились въ деревняхъ: Сторожевой, Нижнемъ Куначѣ, Грязѣ и въ селѣ Егорьевскомъ. — Въ *Затруцкомъ* стану: за казачьимъ сыномъ Васкою Бурковымъ по Государевой жалованной вотчинной грамотѣ, за подиисью дьяка Герасима Мартемьянова 1620 г. Октября 20 дня, что отцу его дано было за Московское осадное сидѣние въ Королевичевъ приходъ. Нѣкоторые же изъ такихъ вотчинниковъ, познакомявшись съ Московскою службою, не захотѣли уже оставаться на Ливнахъ и сошли въ Москву. Такъ, казакъ Иванъ Ѳеодоровъ, „покиня свою вотчину (жеребей сельца Нижняго Вязовика), шель въ Москвѣ и на Москвѣ сталъ въ стрѣльцѣ“.

Въ то время, какъ значительная часть Ливенскаго гарнизона была отпущена для походной службы и постепенно истаявала въ битвахъ съ внутренними и внѣшними врагами отечества, самый Ливенскій уѣздъ не зналъ покоя отъ Крымскихъ набѣдниковъ. При тогдашнихъ обстоятельствахъ Московскаго государства, невозможно было принять какихъ—либо рѣшительныхъ мѣръ противъ Крыма, и царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, въ огражденіе украинъ отъ Крымскихъ набѣговъ, рѣшился сдерживать враговъ посредствомъ мирныхъ договоровъ, съ обѣщаніемъ даже платить имъ такъ—называемые *поминки*^{*)}. Съ этою цѣлью, въ 1614 году, на Ливнахъ съѣхались Московскіе уполномоченные и посланникъ Крымскаго хана Джанибекъ—Гирей Ахметъ паша Сулеймовъ. Ахметъ бывалъ на Ливнахъ и прежде. Еще въ 1593 году онъ прѣзжалъ сюда для переговоровъ о прекращеніи съ обѣихъ сторонъ непріязненныхъ отношеній, съ освобожденіемъ плѣнниковъ, и имѣлъ тогда совѣщаніе съ Московскими уполномоченными, княземъ Ѳеодоромъ Хворостининымъ и Богданомъ Вѣльскимъ, на мосту, перекинутомъ черезъ р. Сосну. Но въ то время Ахметъ—паша былъ створчичѣе, и общіе переговоры окончились утвержденіемъ мира и союза, какъ говорилось, „на вѣки“^{**)}; теперь же онъ требовалъ, чтобы Московскій царь ежегодно присылалъ хану кромѣ *рухляди* (т. е. дорогихъ шѣховъ) 10,000 рублей. Русскіе послы представляли ему бѣдность своего государства и истощеніе царской казны по случаю Смутнаго времени; но Ахмету пашѣ не было нужды до Московской бѣдности; онъ твердилъ одно и угрожалъ: „я на однихъ Ливнахъ вымещу; хотя возьму тысячу плѣнныхъ, и за каждаго возьму по 50 рублей, то у меня будетъ 50,000 рублей... Со

*) Поминки—дирь, подарокъ въ знакъ памяти.
**) Карамзинъ, т. X, стр. 195—196.

мною два дѣла,—говорилъ онъ русскому уполномоченному,—доброе и лихое: выбирать!“ Въ концѣ концовъ Сулеймовъ согласился, конечно, взять всего 4000 рублей, но съ условіемъ, чтобы рано по веснѣ Государь прислалъ въ Крымъ еще большіе поминки^{*)}. Съ тѣхъ поръ русскіе послы часто возили въ Крымъ черезъ Ливны и Елецъ денежную казну и рухлядь; только Московское золото и соборы мало приносили пользы: Крымцы, охотно принимая то и другое, всегда находили какой—либо поводъ къ разрыву съ Москвою и оправданію своихъ враждебныхъ нападеній на украину, да и на самые поминки смотрѣли не иначе, какъ на лишнюю взятку со стороны слабаго сосѣда. Уже на другой годъ по заключеніи Ливенскаго договора, въ бытность воеводъ на Ливнахъ Игнатія Истомина сына Михнева да Ѳеодора Шишкина, да осаднаго головы Ѳеодора Стрѣшнева, Татары успѣли оставить слѣды своихъ набѣговъ въ Ливенскомъ уѣздѣ, опустошили въ Затруцкомъ станѣ деревню Щетинину, что было помѣстьемъ Аванасія Щетинина (убитаго подь Тулою), и, по сказкѣ стороннихъ людей, въ „123 (1615) году жену его взяли въ плѣнъ“^{**)}.

„Отъ Татарскія войны“ 1616 года запустѣла деревня Соловьева Краснаго стана, въ коей помѣщиковъ—боярскихъ дѣтей было 8 человекъ, а Затруцкій помѣщикъ Мина Яковлевичъ Савеловъ „отъ войны 1616 году шель въ Вѣлгородъ“. Въ 1617 году, въ Серболовомъ станѣ изъ деревни Кутеловой, что подь большими Туровыми лѣсомъ на Дайминовомъ отвершкѣ, Татары взяли въ плѣнъ помѣщика Максима Яковлевича Чернатина. Известно также, что въ 1617 году, кромѣ боя съ Татарами въ Бодховскомъ уѣздѣ въ Октябрѣ мѣсяцѣ, по донесенію Ливенскихъ воеводъ, была степная битва за 30 верстъ отъ Оскола. Въ 1618 году Августа 23-го дня бѣлся съ Татарами Ливенскій воевода князь Никита Ивановичъ Егуповъ—Черкасскій, а 27-го Августа Татары стояли подь Мценскомъ; въ томъ же году 8-го Октября была опять степная битва въ 120 верстахъ отъ Ливенъ, а 11-го Октября—новая битва за 50 верстъ отъ Ливенъ^{***)}.

Подь 1618 годомъ въ Ливенскихъ писмовыхъ книгахъ значится нѣсколько помѣщиковъ, убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ Татарами; это были: въ Красномъ станѣ—Неустрой Ѳеодоровичъ Окатовъ и Гаврилъ Ивановичъ Шаталовъ; перваго Татары увели въ плѣнъ, а втораго убили; убили также и Лукьяна Григорьевича Дружина, что жилъ въ деревнѣ Черянской подь Сторожевнымъ лѣсомъ, за рѣкою Чернавою. Многие служилые люди, получивъ въ этомъ году помѣстья, не захотѣли вовсе селиться; а другіе отказались отъ готовыхъ уже имѣній и разбрелись—кто куда.

Набѣги Крымцевъ не прекращались. Въ 1619 и 1620 г.г. отъ войны сошли съ своихъ имѣній безвѣстно: Илья Ивановичъ Гладковъ, Андрей Степановичъ Осми-

*) Соловьевъ, т. 9, стр. 85.

**) Приписочная 1615 г. № 743.

***) Вѣдоль, стр. 59.

никовъ, Антоновъ Кузмичь Леоновъ, Василій Ермоловъ, Максимъ Харламовъ и многіе другіе. Въ 1621 году Ливенская *переписная* приурочиваетъ особенно разгромъ деревни Кудиновой въ Мокрецкомъ станѣ, подъ Плоскимъ лѣсомъ, на Плоскомъ колодезѣ: „по скаакѣ старожильцовъ стороннихъ людей“, Кудиновскіе помѣщики Федоръ Прокофьевичъ Студениковъ и другіе „бродятъ межъ дворянъ, а Гришку Студеникова взяли Татарове“. Подъ 1625 годомъ *переписной* значится убитымъ отъ Татаръ помѣщикъ Мокрецкаго стана Кирианъ Григорьевичъ Кологривовъ.

Въ своей статьѣ „о городѣ Ливнахъ и его уѣздѣ“ г. Артемьевъ, на основаніи Воронежскихъ Актовъ, говоритъ, что „въ 1624 и 1625 г.г. Татары разорили Ливны и весь уѣздъ и доходили до Новосиль, откуда увели немало полоняниковъ“^{*)}. Но изъ „Воронежскихъ Актовъ“ видно только, что въ 1625 году Татары напали на Ливенскій уѣздъ и, послѣ битвы съ Ливенскими воеводами, пошли войною на Новосиль. Именно, Ливенскіе воеводы, стольникъ Андрей Артемьевичъ Измайловъ да Данило Моисеевичъ Яблочковъ, 20-го Юля доносили въ Москву Государю, что „Юля въ 17 день, въ раннюю вечерню, приходили Татаровя въ Ливенской уѣздъ, человекъ съ пятьсотъ, и они на Татаръ выходили и съ Татары бились, и Татаровя съ бою пошли въ Руецъ къ Новосиль“^{**)}. Очевидно, Ливенскимъ воеводамъ удалось отстоять городъ; но они не могли преградить Татарамъ пути къ Новосиль и, слѣдовательно, избавить Ливенскій уѣздъ отъ разоренія. Потому-то Московское правитель-ство, въ помощь Ливенскимъ воеводамъ, стало назначать еще городовыхъ или осадныхъ головъ, которые обязаны были защищать городъ въ осадное время, тогда какъ воеводы промышленны надъ неприятелемъ въ уѣздѣ.

Вообще, набѣги Крымцевъ, не прекращавшіеся въ смутное время, были особенно часты въ первые и послѣдніе годы царствованія Михаила Феодоровича. Въ 1639 году Крымскіе Татары два раза были подъ Новосилемъ, и, слѣдовательно, проникали черезъ Ливенскій уѣздъ; въ 1640 году они опять воевали здѣсь въ Апрѣлѣ, Маѣ и Юнѣ; въ 1641 году они опустошили Затруцкій станъ, гдѣ, въ деревнѣ Евиной, одного бобыля, Сережку Иванова, взяли въ полонъ, а двухъ—Якушку да Оленку (всѣ они жили въ помѣстьѣ Якова Семеновича Харитоновъ) убили, и изъ деревни Муратовой, вверхъ Дроскова колодезя, взяли въ плѣнъ бобыля Сережку Тарасова, бывшаго за помѣщикомъ Петромъ Леоновымъ.

1618-й годъ былъ особенно несчастенъ для города Ливень. Въ это время, кромя нападенія отъ Татаръ, онъ подвергся еще разгрому отъ Малороссійскихъ казаковъ. Польскій королевичъ Владиславъ, избранный на Московское государство въ смутное время Россіи, задумалъ теперь отнять корону у Михаила Феодоровича и двинулся съ польскимъ войскомъ къ Москвѣ; при этомъ ему должны были вспоможе-

*) См. „Орловскія Губернскія Вѣдомости“ 1880 г. № 24.

**) См. Воронежскіе Акты, ч. II, стр. 16. Сообщилъ С. Е. Зибрехъ.

ствовать и Малороссійскіе казаки подъ предводительствомъ гетмана Коношевича—Сагайдачнаго. Сагайдачный шелъ къ Ливнамъ съ юга. Разгромивъ Путивль и Бѣлгородъ^{*)}, онъ, въ первыхъ числахъ Сентября, напалъ на Ливны, гдѣ въ то время воеводами были: князь Никита Ивановичъ Егуповъ—Черкасскій и Петръ Прокофьевичъ Даниловъ, служившій здѣсь въ товарищахъ съ 1616 года.

Ливенскіе воеводы, во—время извѣщеніе о движеніи Черкасскій, укрѣпили осаду и собрали въ городѣ, кромя осадныхъ людей, 940 человекъ гарнизона; въ токъ число было: дѣтей боярскихъ 302 человекъ, казаковъ съ головами и сотниками 248 чел., пѣшихъ стрѣльцовъ 100 чел. Но что значили эти силы противъ превосходныхъ силъ Сагайдачнаго! Опытный въ ратномъ дѣлѣ, Ливенскій воевода не дался въ обманъ Черкаскамъ, подобно Елецкому воеводѣ Андрею Богдановичу Полеву („которому ратное дѣло было не за обычай“), и рѣшился не выходить изъ осады. Но вотъ что повѣствуется въ лѣтописи о судьбѣ Ливень и Ельца, этихъ стражей украинъ: „Приде же ивъ—за Порога гетманъ Саадашной въ Украйне города съ запорожскими казаками, и приде къ городу Ливнамъ, и городъ Ливну взяша *взятіемъ* **), воеводу князь Никиту Черкаскаго взяша въ полонъ, и товарища его Петра Даниловича ***), убиша, и многихъ людей побина, и городъ *выжгоша*. И взявъ Ливны, поидоша къ Ельцу, и, пришедъ подъ Елецъ, стаху на малое время, и Елецъ взяша обманомъ, спереди выманивъ немногихъ людей. Воеводѣ же бывшу въ тѣ поры Андрею Полеву, и осадное сидѣніе ему не за обычай; и онъ со всіми людьми изъ города на нихъ выиде. Саадашной же, со всіми людьми пришедъ сзади, городъ взя. Въ токъ время посланы быша послы въ Крымъ, Степанъ Хруцовъ да подъячей Семенко Бредехинъ; да тутъ же было Крымскихъ Татаръ 50 человекъ; да съ ними же послано было мягкія казны на 10 тысячъ. Черкасы-жъ ту казну взяша, и того Степана Хруцова и подъячею Семенку взяша въ плѣнъ; а Крымскихъ пословъ иныхъ поймаху живыхъ, а иныхъ побина многихъ, и воеводу Андрея Полева убиша, а жену его въ полонъ взяша, а городъ Елецъ разориша и выжгоша, и многихъ людей въ полонъ поймаша, и казну государеву всю взяша. Пословъ же тѣхъ Русскихъ и Крымскихъ вымѣниша подъ Москвою“^{****)}. Въ одномъ древнемъ рукописномъ (полууставнаго письма) описаніи Ливенскаго Сергіевского монастыря говорится, что тогда „канъ самый городъ Ливны, такъ и слобода монастырскихъ крестьянъ была отъ Литовскихъ людей, подъ предводительствомъ Сагайдачнаго гетмана, разорена и 17 человекъ крестьянъ той слободы

*) «А Бѣлгородъ стоялъ на Дониѣ, на Бѣлой горѣ, на правой сторонѣ Дони, и *послѣ Литовского разоренія* перенесенъ на другую сторону Дони, съ лѣвнѣ стороны Бѣлаго колодезя, отъ берега отъ Дони, отъ стараго городца 380 сажень». Кн. В. Черг. на стр. 24.

**) *Взятіе*—приступъ, штурмъ.

***) Въ Разрядныхъ книгахъ: Петръ Прокофьевичъ Даниловъ.

****) Выѣстъ съ Ливнами и Ельцомъ пострадалъ и г. Лебедянъ. Обремененный добычею, Сагайдачный соединился съ Королевичемъ въ Тушинѣ, а въ ночь на 1-е октября они повели уже приступъ къ Москвѣ.

побиты и дворы опустошены" *). Разорение Литовцами монастырской слободы подтверждается, как мы видели, и писцовыми книгами. Впрочем, сожжение города Ливень казаками Сагайдачного, по—видимому, ограничивалось только городскими стѣнами и башнями и не коснулось церквей, такъ какъ многія изъ церквей этого города, существовавшія въ 1615 году, упоминаются и въ Переписной 1646 года. По крайней мѣрѣ, трудно предполагать, чтобы сожженныя на Ливняхъ церкви могли возникнуть вновь въ теченіе столь короткаго времени. Съ другой стороны, если Малороссійскіе казаки, особенно въ виду упорной обороны Ливенскаго гарнизона, готовы были выместить свою злобу, за павшихъ своихъ товарищей, на городъ и его защитникахъ съ ихъ имуществомъ; то вѣтъ еще основанія думать, чтобы они простерли свою месть и на церкви Божіи, которыя всегда свято почитались ими.

При оборонѣ города Ливень отъ Литовскихъ людей, въ 1618 году, вмѣстѣ съ товарищемъ воеводы Петромъ Прокофьевичемъ Даниловымъ пало много и помѣщиковъ, дѣтей боярскихъ. Изъ нихъ мы можемъ указать только на тѣхъ, которые упоминаются въ писцовыхъ книгахъ 1626—1629 годовъ. Это были— въ *Красномъ* станѣ: Василій Печяевъ сынъ Зыбинъ, Иванъ Родіоновъ Павловъ и Иванъ Третьяковъ Ханинъ; въ *Серболовомъ* станѣ: Зиновій Кузминъ Орѣховъ; въ *Мокрецовомъ* станѣ: Наузъ Максимовъ Олтуховъ, Михайло Потаповъ Литвиновъ, Денисъ Васильевъ Лобынцевъ, Федоръ Лобынцевъ и Федоръ Рагозинъ, а также: Лукьянъ Сидоровъ Жихаревъ, Мелехъ Васильевъ Говоровъ, Ортюшка Федоровъ Толстой и Гришка Быкановъ; въ *Затруцкомъ* станѣ: Олфимъ Борисовъ Микляевъ, Ожа Яковлевъ Ушаковъ, Матвій Никитинъ Кобызевъ, Софонъ Ефимовъ Азаровъ и Мартинъ Лаврентьевъ Выкановъ. Многіе помѣщики отъ Литовскаго разоренія сошли безвѣстнѣ, а иные разбѣжались по другимъ городамъ: Кондратъ Исаевъ Стрликовъ сбѣжалъ на Елецъ, Кондратъ Григорьевъ—на Лебедянь, Ерофей Ивановъ Крюковъ—на Орель, братья—Ивашко, Власко да Терешко Омельяновы дѣти Власовы—безвѣстнѣ.

Даже спустя десять лѣтъ послѣ Литовскаго разоренія, сопровождавшагося впрочемъ и набѣгами Крымцевъ, переписная Краснаго стана насчитываетъ 21 помѣстье „въ порозжихъ земляхъ“; пустоши эти лежали: на Здровецкомъ отвѣрку, подъ лѣсомъ Присыномъ на большой Новосильской дорогѣ, въ селѣхъ Пречистенскомъ подъ Сторожевымъ лѣсомъ (за рѣкою Чернавою) и у деревень—Золотухиной, Соловьевой и Черянской. Въ Серболовомъ станѣ значились пустоши: за р. Чернавою по Кривцу, въ деревнѣ Нижнемъ Куначѣ подъ Серболовымъ лѣсомъ, въ деревнѣ Черянской подъ Богдановымъ лѣсомъ, въ деревняхъ—Кутеновой, Крутой, Гордиловой и Волчьей Полянѣ. Въ Мокрецовомъ станѣ: въ деревнѣ Вышнемъ Изрогѣ, Баранова тожъ; въ деревнѣ Черяну, Плашкова тожъ, въ деревнѣ Шолоховѣ подъ Плоскимъ лѣсомъ на р. Тиму, въ деревнѣ Пятиной, Кудиновой, въ селѣхъ Рождественскомъ, въ деревняхъ—

*) См. „Орловскія Епархіальныя Вѣдомости“ 1871 г. стр. 1199.

Лебедкѣ и на Среднемъ Острову. Въ Затруцкомъ станѣ: въ селѣхъ Нижнемъ Вязовинѣ, въ деревнѣ Дурневѣ, въ слободкѣ Бекетовой, въ деревняхъ—Бахтеяровой, Луговой, Непочатой, Ровнецѣ.

Послѣ нашествія Сагайдачнаго, въ 1619-мъ году, при воеводѣ Григоріѣ Васильевичѣ Измайловѣ, Ливенскій гарнизонъ значительно убавился; здѣсь состояло теперь на лицо: дѣтей боярскихъ Ливенцевъ 286 ч., казаковъ 186 ч., стрѣльцовъ 29 ч., пушкарей 13 ч., затинщиковъ 27 ч., итого—541 человекъ; а въ 1620 и 1622 годахъ, при воеводѣ Михайлѣ Григорьевичѣ Козловскомъ, которому въ 1622 году приданъ былъ въ товарищи Федоръ Грековъ, и подъ 1623 и 1624 годами, при воеводахъ князѣ Иванѣ Петровичѣ Засѣкинѣ да Иванѣ Ивановичѣ Язнецовѣ, въ Разрядныхъ книгахъ какъ на Ливняхъ, такъ и въ Ельцѣ повсе не дѣлается переноса служилымъ людямъ. Очевидно, въ то время шло возобновленіе сожженнаго Сагайдачнымъ города Ливень, а также возстановлялись и сторожи, разстроенныя Смутнымъ временемъ на Руси. Въ возобновленномъ городѣ на посадѣ находились тѣ же церкви, что и въ прежнемъ, только безъ указанія на большой острогъ, такъ что можно думать, что теперь возобновленъ былъ только малый острожокъ, а посады защитены былъ лишь ровомъ и землянымъ валомъ. Что же касается сторожъ, то, по Росписи 1623 года, съ Ливень опять ставилось 17 сторожъ: 1-я на горѣ по р. Соснѣ на Киричномъ броду, отъ города 3 версты; 2-я усть Трудовъ, отъ города 6 версты; 3-я на усть Рѣчицы, отъ города 8 версты; 4-я на усть Фошии, отъ города 40 версты; 5-я на усть Колпыи, отъ города 40 версты; 6-я на усть Луковца, отъ города 40 версты; 7-я по Бѣлогородской дорогѣ за рѣку Выструю Сосну въ Болки, отъ города 4 в.; 8-я подъ Мокрецовымъ лѣсомъ, отъ города 15 версты; 9-я подъ Долгимъ лѣсомъ, отъ города 30 версты; 10-я подъ Котельскимъ лѣсомъ, отъ города 170 в.; 11-я подъ Пузетцкимъ лѣсомъ, отъ города 150 в.; 12-я на р. Соснѣ на Мѣловомъ броду, отъ города 150 в.; 13-я внизъ по р. Соснѣ на усть Бшеневой, отъ города 5 в.; 14-я на усть Кунача, отъ города 7 в.; 15-я на усть Хмѣлеваго колодезя, отъ города 15 версты; 16-я на усть Чернавы, отъ города 20 версты; 17-я вверхъ Свиневъ, отъ города 30 версты *). Изъ 17-ти Ливенскихъ сторожъ—на 13-ти сторожахъ стояло по 2 человекъ дѣтей боярскихъ и по 2 человекъ казаковъ, а на четырехъ сторожахъ, наиболѣе удаленныхъ отъ города Ливень, какъ-то: Усть—Луковецкой, подъ—Котельской, подъ—Пузетцкой и на Мѣловомъ броду, стояло по 3 чел. дѣтей боярскихъ и по 3 ч. казаковъ. Всего высылалось изъ Ливень на сторожи дѣтей боярскихъ и казаковъ 76 человекъ. Разъѣзды сторожей были тѣ же, что и прежде; они простирались отъ 3-хъ до 150 версты.

Рядомъ съ Ливенскими сторожами по берегамъ Выстрой Сосны и ея притоковъ содержались караулы изъ городовъ—Дѣдилова, Енифани, Донкова, Кропивны, Ново-

*) См. Книги Разрядныя, т. I, стр. 263—264.

сили и особенно изъ Мценска. Изъ Мценска сторожили: „усть Чернавь, на Рѣчицѣ, на усть Колпны, усть Луковна, верхъ Очки на Рудѣ, на Долгомъ колодезѣ, на Любовшѣ и верхъ Олешень“,—на каждой сторожѣ по 4 человѣка, а всего—на 9-ти сторожахъ—36 человѣкъ. Изъ Новосиля: „усть Чернавь, верхъ Любовши противъ Судбища, усть Оревскаго, на Любовшѣ усть Корытнова, усть Рѣчицы (до усть Трудовъ, а по другую сторону на гору по Соснѣ верстѣ съ 6-ть до Святаго Камени), усть Хвоцны до колодези до Вязовика, въ Туровицкихъ дубровахъ (сверхъ колодези Залегоща и сверхъ Скородилова по Ливенской дорогѣ) и усть рѣчки Колпны“; на всѣхъ этихъ сторожахъ стояло по 4 человѣка дѣтей боярскихъ и казаковъ. Нижнее же теченіе Быстрой Сосны охранялось сторожами изъ Ельца и Донкова. Вообще берега Быстрой Сосны были обставлены сторожами такъ, что стоило только прискакать сторожу „съ вѣстями“ на одну изъ нихъ, какъ конскій топотъ стражниковъ раздавался уже по всѣмъ сторожамъ и вѣсти неслись отъ города къ городу до самой Москвы. Тогда, въ виду бранной тревоги, начиналась кипучая дѣятельность на Ливнахъ и по всему Верхососенью.

Одновременно съ укрѣпленіемъ сторожевой украинской линіи составленъ былъ новый уставъ для сторожевой и станичной службы, который, выѣстѣ съ разрядными росписями сторожъ, разосланъ былъ ко всѣмъ воеводамъ украинскихъ городовъ отъ 1-го Марта 1623 года. По этому уставу Ливенскій воевода обязанъ былъ: 1-е) станичниковъ посылать съ 25 марта, или какъ откроется весна; 2-е) предъ отправленіемъ на службу долженъ собрать въ съѣзжую избу всѣхъ станичниковъ, дѣтей боярскихъ, атамановъ, ѣздоковъ и вожей, и пересмотрѣть ихъ по спискамъ и списки своего осмотра отправить въ Москву; 3-е) всѣхъ станичниковъ раздѣлить на двѣ половины, изъ коихъ первую посылать на сторожи съ 25-го Марта до Августа, а вторую съ 1-го Августа до 15-го Ноября; 4-е) чтобы въ каждой станицѣ было по сыну боярскому, да по атаману, да по 6-ти человѣкъ ѣздоковъ, да по два вожа, и чтобы у каждаго станичника было по два коня или къ коню по доброму мерину; 5-е) при самомъ отправленіи станицъ давать имъ наказныя памяти за воеводскою печатью, чтобы они ѣздили бережно и осторожно, доѣзжали до урочищъ и привозили къ воеводамъ доѣздыныя памяти въ доказательство, что они на урочищахъ были; а ежели гдѣ переѣдутъ какую сакму, то немедленно посылали-бы въ городъ своихъ товарищей, человѣка два или три съ вѣстями, а сами-бы продолжали путь до урочищъ, назначенныхъ въ разрядной росписи, и доѣздивались подлинныхъ вѣстей про Татаръ и про Черкасъ; ежели же гдѣ найдутъ на сакму воинскихъ людей, то, объѣхавши и рассмотря людей до точности, сколько и какіе люди, и въ какую сторону ѣдутъ, сами бы съ подлинными вѣстями ѣзжали къ воеводѣ; 6-е) по пріѣздѣ станичниковъ съ такими вѣстями, воевода, разспрося ихъ подробно, долженъ немедленно отправить гонцовъ въ Москву и въ сосѣдніе города, дабы всѣ были готовы къ отраженію непріятеля.

Относительно *сторожей* Ливенскіе воеводы обязаны были: 1-е) высылать ихъ на караулы одновременно со станичниками, т. е. съ 25 Марта, или смотря по открытію весны; 2-е) по отправленіи сторожей въ назначенныя мѣста,—отправить росписи сторожъ въ Москву, съ прописаніемъ—сколько человѣкъ отправлено на которую сторожу, сколько верстѣ которая сторожа отъ города и сколько прѣзда отъ одной сторожи до другой; 3-е) отправляя сторожей,—наказывать имъ настрого, чтобы они стояли на караулахъ осторожно день и ночь и дѣлали бы частые разѣзды отъ одной сторожи до другой, чтобы провѣдать вѣрнѣе про воинскихъ людей; 4-е) какъ можно чаще посылать дозорчиковъ, чтобы они смотрѣли за исправностію сторожей.—Если станичники и сторожа являлись неисправными,—первые не доѣзжали до указанныхъ имъ урочищъ, а послѣдніе оставляли свои караулы, не дождавшись сѣмни; то воевода имѣлъ право ихъ наказывать, смотря по винѣ; а ежели которыхъ станичниковъ или сторожей погромить Татары или Черкассы, то воевода немедленно долженъ писать объ этомъ въ Москву, съ означеніемъ, какой уронъ потерпѣли станичники или сторожа.—Наконецъ, воевода обязанъ былъ смотрѣть за исправностію городскихъ укрѣпленій и, по вѣстямъ, собирать въ осаду всѣхъ уѣздныхъ жителей, писать ихъ въ особые списки, въ которыхъ должно быть означено, кто съ какою боемъ будетъ сражаться противъ непріятеля, на какомъ мѣстѣ въ городѣ или въ острогѣ, и подъ чьимъ начальствомъ, такъ чтобы великій зналъ свое мѣсто во время непріятельскаго нападенія и исполнялъ приказанія своего ближайшаго начальства; долженъ былъ наблюдать, чтобы въ городѣ довольно было колья и камня, чтобы *нарядъ* *) былъ въ исправности и чтобы въ осадѣ можно было сидѣть безстрашно. Въ то время, какъ, при вѣсти, уѣздные жители сѣбѣнили молотить хлѣбъ, сыпала его по ямамъ и, оставивъ у своей *животины* (скотины) немногихъ людей, сѣбѣнили въ осаду, воеводы посылали въ уѣздъ къ *засѣкамъ* **) благонадежныхъ головъ изъ дворянъ, которые должны были подѣлать засѣкъ собрать уѣздныхъ людей со всякимъ боемъ, худыя мѣста въ засѣкахъ подѣлать,—засѣкъ и завалить гѣсомъ, а въ иныхъ мѣстахъ рвы подкопать, у воротъ и у башенъ худыя мѣста подѣлать же, рвы почистить и столы на засѣкахъ съ оборными людьми съ великимъ береженіемъ, чтобы воинскіе люди чрезъ засѣкъ не прошли и уѣзда не повоевали. Головы должны были постоянно пересматриваться между собою на засѣкахъ и о всемъ извѣщать воеводъ. При появленіи же непріятеля у засѣкъ, товарищъ большаго воеводы или голова съ сотнями промышляли надъ нимъ на засѣкахъ, въ мѣстахъ укрѣпленныхъ и тонкихъ, вообще представлявшихъ препятствія для нападающихъ и выгодныхъ для защищающихся.

Стоя во главѣ города и уѣзда во всякое время, воевода былъ выѣстѣ съ тѣмъ

*) *Нарядъ*—артиллерія.

**) *Засѣка*—мѣсто, названное гѣсомъ, перекопанное рвами и прегражденное валобами, либо острогомъ, для пресѣченія прохода.

и главнымъ начальникомъ въ гражданскомъ управленіи. По прибытіи въ городъ, новый воевода вступалъ въ отправленіе своей должности съ того, что принималъ отъ прежняго воеводы, или отъ своего товарища, если послѣдній по выбитіи первого занималъ его мѣсто, ключи городовые и острожные, и на городъ и на острогъ парядъ, и въ казѣ *зелье* *) и свинець, и всякіе пушечные запасы, и деньги, что есть въ сборѣ, и всякія Государевы дѣла (бумаги). Приявши все это по описямъ и провѣривши по приходнымъ и расходнымъ книгамъ, воевода обязанъ былъ смотрѣть, чтобы все Государево было цѣло, какъ-то: эдаши, оружіе, всякіе запасы, казна и бумаги, и чтобы вездѣ были надежные сторожа. Вѣстѣ съ тѣмъ воевода долженъ былъ наблюдать, чтобы всѣ подати и доходы Государевы съ города, съ посада и со всего уѣзда исправно и въ цѣлости доставлялись въ казну. Неправныхъ плательщиковъ обыкновенно приводили въ приказную избу и били на правѣжъ палками по ногамъ; если же это не дѣйствовало, то бросали въ тюрьму и dopravляли на ихъ *животахъ*. Воевода былъ судьей во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ; на немъ лежала обязанность охранять общественный порядокъ, правду и чистоту нравовъ: „да и тово ему беречь, накрѣпко, чтобы на посадѣ и въ слободахъ и въ уѣздѣ воровства, грабежу и убійства, и татбы, и разбою, и бл... ***) и насильства ни отъ кого никому не было“; если же кто обвинится въ такихъ преступленіяхъ, „и тѣмъ чинить наказаніе, смотря по винѣ“. Для предохраненія отъ пожаровъ, воеводамъ повелѣвалось накрѣпко, чтобы „въ лѣтніе дни въ городѣ никакіе люди избѣ и ямленъ (бани) не топили и съ огнями не сидѣли, а ѣсть бы варили и хлѣбъ бы пекли въ новарняхъ въ печаль; а у кого поварень нѣтъ, и тѣмъ велѣть ѣсть варить и хлѣбъ печь за городомъ и въ городѣ въ печаль, чтобы не близко города и хоромъ“. О такомъ распоряженіи воеводы, съ наступленіемъ теплыхъ весеннихъ и лѣтнихъ дней, *биричи* ****) ежегодно извѣщали горожанъ и жителей посада, послѣ чего избы и бани запечатывались, а люди должны были забираться въ клѣти. За тщательнымъ исполненіемъ такого приказанія наблюдали поставленные для того обязанные головы.

Благодаря разнымъ мѣрамъ правительства, Ливенскій уѣздъ скоро приобрѣлъ себѣ новыхъ поселенцевъ. Спустя десять лѣтъ послѣ нашествія Сагайдачнаго, здѣсь возникли разныя поселенія:

Въ Красномъ станѣ — *погостъ* въ деревнѣ Здобной, на помѣстной порозжей землѣ, въ починкѣ Степана Лыкова, — „церковь Св. Георгія, древяна клѣтчки, строенье попа Оксена да приходскихъ людей, на погостѣ дворы — пона Оксена, пономари Овнисиа Васильева, да дворъ обывалъ; пашни паханныя добрыя земли церковныя 2 чети съ осминою, да дикаго поля 8 чети съ осминою, сѣна 22 копы, лѣсъ Красной обще

*) *Зелье* — порохъ огнестрѣльный.

***) Т. е. распутныхъ доновъ и вообще распутства.

****) *Биричи* — публичный чтець, обнародовавшій указы и постановленія правительства на площадяхъ и другихъ открытыхъ мѣстахъ.

съ помѣщики. *Деревни* — на усть Никольскаго верха и по правую сторону Никольскаго верха. —

Въ Серболовомъ станѣ: *сельцо Пласное* подъ Пласкимъ Середнимъ Кривецкимъ лѣсомъ, у Гнилова озера, съ мѣстомъ церковнымъ, что была часовня по ила Іоанна Богослова, и съ дворовымъ мѣстомъ пона Ларіона; пашни передогомъ церковныя добрыя земли 2 чети съ осминою, да дикаго поля 17 чети съ осминою, сѣна по дикому полю и по дубовамъ до рч. Кривца 40 коненъ, лѣсъ Плаской Середиі Кривецъ обще съ помѣщики. *Погостъ* на помѣстной казачьей землѣ въ деревнѣ Гниловодахъ, подъ Серболовымъ лѣсомъ на Гниломъ озерѣ, а на погостѣ церковь Преображеніе, древяна клѣтчки, „стала въ 1624 году“, строенье пона Лукьяна да приходскихъ людей, на погостѣ-жѣ дворъ пона Лукьяна, а пашни къ той церкви „подавають“ на время тол-жѣ деревни Гниловодъ помѣщики изъ своихъ помѣстныхъ земель. *Погостъ* на Государевой землѣ подъ Серболовымъ лѣсомъ, на Кунакомъ колодезѣ, межъ деревень Вышняго и Нижняго Кунача, „стала въ 1618 году“, а на погостѣ церковь Св. Чудотворцевъ Козмы и Даміана, древяна клѣтчки, строенье вдоваго пона Антопа, а на погостѣ дворы: вдоваго пона Антопа, пона Федоса и пономаря Ивашки Васильева; пашни добрыя земли 5 чети, да дикаго поля 15 чети; сѣна 40 коненъ; лѣсъ Серболовъ обще съ помѣщики, а писана та земля къ церкви по выписи осаднаго головы Игнатія Кирѣвскаго въ 1624 году. Кромѣ сельца и двухъ погостовъ, въ томъ же станѣ деревни: *Шаталова* подъ Серболовымъ лѣсомъ, на Сухомъ верху, ниже Праворотья; *Соловьева* подъ Серболовымъ лѣсомъ, верхъ Жилева колодезя, на отвершку въ Приворотье; *Подползина* сверхъ Полага колодезя, на Суходолѣ, подъ Серболовымъ лѣсомъ; *Стоханова* подъ большимъ Кривецкимъ лѣсомъ, по лѣвую сторону Хлющеватаго верха; *Мулина* подъ большимъ Кривецкимъ лѣсомъ, по правую сторону Хлющеватаго верха. —

Въ Затруцкомъ станѣ: *погостъ* на помѣстной порозжей землѣ въ Долгой Полянѣ, подъ большимъ Дросковымъ лѣсомъ, на лѣсномъ Дросковѣ колодезѣ, поверхъ деревень Ениной и Васютиной, а на погостѣ церковь Архистратига Михаила да придѣлъ Св. мученицы Параскевы, нарицаемая Пятницы, а та церковь ставлена въ 1626 году, строенье той церкви пона Ларіона да приходскихъ людей, на погостѣ дворъ пона Ларіона; пашни добрыя земли 2 чети съ осминою, да дикаго поля 17 чети съ осминою; сѣна 40 коненъ; лѣсъ большой Дросковъ обще съ помѣщики. Деревни: *Лобова* сверхъ Святницкаго верха, подъ Святницкимъ лѣсомъ; *Енина* подъ большимъ Дросковымъ лѣсомъ, на лѣсномъ Дросковѣ колодезѣ, въ Большой Полянѣ, на Хмѣлевой Кулягѣ; *Драчева* подъ большимъ Дросковымъ лѣсомъ, на лѣсномъ Дросковѣ колодезѣ; *Васютина* подъ большимъ Дросковымъ лѣсомъ на Рогу, на лѣсномъ Дросковѣ колодезѣ, въ Долгой Полянѣ; *Слободна*, что было займище, на усть рѣчки Жерихани, подъ Скопинымъ Гнѣздомъ, подъ Жериханскимъ лѣсомъ, по лѣвую сторону рѣчки Жерихани. —

Въ Мокрецкомъ станѣ: деревня *Нижняя Роговая*, Раткина тожъ, подѣ Мокрецимъ лѣсомъ, подѣ Нижнимъ Рогомъ; *деревня*, что было *займище*, подѣ Мокрецимъ лѣсомъ, на Вышнемъ Изрогѣ, Баранова тожъ. Нѣкоторыя же изъ деревень, упоминаемыхъ въ приправочной 1615 года, не встрѣчаются въ писцовыхъ книгахъ 1626—1629 г.г., потому что, по разореніи ихъ, еще не были заселены вновь. Это—въ Красномъ станѣ: *деревня*, что было *займище Присова*, на р. Лѣсной Ливнѣ, и деревня *Присыскъ* подѣ Присыскимъ лѣсомъ, на колодезѣ Присыскѣ, по большой Новосильской дорогѣ; въ Серболовомъ станѣ: починки — *Мухортовъ* въ деревнѣ Грязцахъ и *Волчья Поляна* подѣ Туровымъ лѣсомъ; въ Затруцкомъ станѣ: деревня въ Большой Полянѣ и въ Хмблевоу Куначѣ, деревня усть рк. Фошни; въ Мокрецкомъ станѣ: деревня *Вышняя Роговая* подѣ Мокрецимъ лѣсомъ; *Кудинова* на Плоскомъ колодезѣ, подѣ Плоскимъ лѣсомъ; *Патина* на рк. Тиму, подѣ Плоскимъ лѣсомъ; *Лебедни* подѣ лѣсомъ Лебедками, на рк. Тиму; *деревня* на *Середнемъ Остроу*, на рк. Соснѣ, подѣ Кунадкою удеревью.

Вообще, къ 1630 году въ Ливенскомъ уѣздѣ состояло: сель 5, селець 6, погостовъ 8, деревень 76 и слободокъ 3, кромѣ починковъ и пустошей. Эти поселенія распредѣлялись по станамъ въ такомъ количествѣ:—въ Красномъ: 1 село, 1 сельцо, 3 погоста, 19 деревень; въ Серболовомъ: 2 села, 1 сельцо, 4 погоста, 28 деревень; въ Затруцкомъ: 1 село, 2 сельца, 1 погостъ, 22 деревни, 3 слободки; въ Мокрецкомъ: 1 село, 1 сельцо, 7 деревень. Представляемъ здѣсь свѣдѣнія о населеніи сель и селець по писцовымъ книгамъ 1626—1629 г.г.—Краснаго стана въ селѣ Парахинѣ—Пятницкомъ жило: помѣщиковъ съ недорослями 22 чел., крестьянъ 7 ч., бобылей 19 ч., а всѣхъ дворовъ съ тѣми, что и на церковномъ погостѣ, 40, кромѣ пустыхъ; въ селѣ Пречистенскомъ: помѣщиковъ 13 чел., а дворовъ 9.—Серболова стана въ селѣ Егорьевскомъ: помѣщиковъ 14 чел., крестьянъ 5 чел., бобылей 8 ч., а всѣхъ жилыхъ дворовъ 28; въ селѣ Пречистенскомъ: помѣщиковъ 16 чел., крестьянъ 4 ч., а дворовъ 22; въ селѣ Плоскомъ: помѣщиковъ 19, а дворовъ 18.—Затруцкаго стана въ селѣ Боголюбленскомъ: помѣщиковъ 23 чел., крестьянъ 12 ч., бобылей 8 ч., а дворовъ 41; въ селѣ Нижнемъ Вязовикѣ: помѣщиковъ со вдовами, недорослями и помѣстными казаками 21 ч.; въ селѣ Дмитровскомъ: помѣщиковъ 15 ч., а дворовъ 14; въ селѣ Архангельскомъ: помѣщиковъ 5 ч., крестьянъ 1 ч., бобылей 1 ч., а всѣхъ дворовъ 11 ч.—Мокрецаго стана въ селѣ Введенскомъ: помѣщиковъ 12 ч., крестьянъ 7 ч., бобылей 6 ч., дворовъ 30; въ селѣ Рождественскомъ: помѣщиковъ 9 ч., дворовъ 8.—Деревни были еще бѣднѣ населеніемъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ жило по два и по три помѣщика, весьма часто безъ крестьянъ. Наибольше людными деревнями были: въ Красномъ станѣ—*Дутая* (22 помѣщика, съ 9 чел. крестьянъ и бобылей, всего 27 дворовъ), *Орлова* (21 помѣщикъ, 7 чел. крестьянъ и бобылей, всего 24 двора) и *Пашнова* (помѣщиковъ 22 чел., крестьянъ и бобылей 13 ч., а дворовъ 28).—Въ Сер-

боловомъ станѣ: *Нижній Куначъ* (26 пом., 25 ч. крестьянъ и бобылей, а дворовъ 46), *Крутая* (28 пом., 7 чел. крестьянъ и бобылей, а дворовъ 30), *Ясная Поляна* (пом. 21 ч., крестьянъ и бобылей 8 ч., а дворовъ 24) и *Нетесова* (25 пом., дворовъ 22).—Въ Затруцкомъ станѣ: *Сетенева* (пом. 20 ч., крестьянъ и бобылей 6 ч., а дворовъ всего 18).—Въ Мокрецкомъ станѣ самую населенную деревню считалась *Ревянина*, въ которой находилось 16 человѣкъ помѣщиковъ съ недорослями, 16 чел. крестьянъ и бобылей, а дворовъ 29, и потомъ—*Шолохова*, гдѣ жило 13 ч. помѣщ. (во вдовою и недорослемъ), 2 крестьянина и 1 бобыль, всего въ количествѣ 15 дворовъ.

Общее число помѣщиковъ—дѣтей боярскихъ, крестьянъ и бобылей въ Ливенскомъ уѣздѣ, по писцовымъ книгамъ Ивана Малечкина и подьячаго Тимофея Семенова (1626—1629 г.г.), было таково: въ Красномъ станѣ—помѣщиковъ 206 чел., крестьянъ 50 ч., бобылей 65 ч.; въ Серболовомъ—помѣщиковъ 331 ч., крестьянъ 105 ч., бобылей 120 ч.; въ Затруцкомъ—помѣщиковъ 219 ч., крестьянъ 96 ч., бобылей 102 ч.; въ Мокрецкомъ—помѣщиковъ 83 ч., крестьянъ 56 ч., бобылей 43 ч. А всего: помѣщиковъ 839, крестьянъ 307, бобылей 330, да дѣловыхъ людей 3 чел. Что же касается до количества дворовъ помѣщичьихъ, крестьянскихъ и бобыльскихъ, то оно по всѣмъ четыремъ станамъ Ливенскаго уѣзда было таково: помѣщичьихъ 901, крестьянскихъ 287, бобыльскихъ 294, да дѣловыхъ людей 3 двора, кромѣ пустыхъ дворовъ, которыхъ считалось: помѣщичьихъ 11, крестьянскихъ 200, бобыльскихъ 27, да дѣловаго человѣка 1 дворъ.

Въ царствованіе Михаила Феодоровича многіе изъ Ливенскихъ казаковъ, за свое участіе въ оборонѣ Москвы „въ Королевичевъ приходѣ“, сдѣлались, какъ это мы видѣли, помѣщиками. За ними, за 4 человѣками, въ трехъ деревняхъ Краснаго стана—Лопанинѣ, Орловой и Здобной, состояло: 4 двора вотчинниковыхъ, дворъ крестьянскій 1, дворовъ бобыльскихъ 5, людей въ нихъ 7 человѣкъ. Въ трехъ деревняхъ—Сторожевой, Нижнемъ Куначѣ и Грязцахъ и селѣ Егорьевскомъ Серболова стана считалось казаковъ—помѣщиковъ также 4 человѣка. Въ Затруцкомъ—9 чел.

Къ 1625 году городъ Ливны приведенъ былъ уже въ надлежащее оборонительное положеніе, такъ какъ, кромѣ воеводъ—Андрея Артемьевича Измайлова и Даниила Моисеевича Яблочкова, на Ливны присланъ былъ тогда въ *осадные головы* Ѳблденецъ Игнатій Кирѣевскій, котораго въ слѣдующемъ году смѣнилъ новый *осадный голова* болховитинъ Степанъ Ржевскій. Осадный голова былъ начальникомъ крѣпости, особенно въ осадное время; подѣ его командою находились пушкарни, затишники, воротники и разныя жилищныя люди. Въ 1625 году всѣхъ ратныхъ людей на Ливнахъ считалось 916 человѣкъ; въ томъ числѣ было: дѣтей боярскихъ Ливенцевъ и казаковъ помѣстныхъ 431 чел., стрѣльцовъ съ головою 66 ч., казаковъ конныхъ 284 ч., бѣломѣстныхъ казаковъ пѣшихъ 101 ч., пушкарей и затишниковъ 34 ч. Воевода

назначался на службу „съ городомъ“ или „осадинымъ головою“, обыкновенно, въ то время, когда ожидали большого прихода „воинскихъ людей“, и когда обычнымъ воеводамъ приходилось промышлять надъ неприятелемъ въ открытомъ полѣ. Въ такіе головы, въ 1628 году, назначенъ былъ на Ливны Лаврентій Ивановичъ Писаревъ, служившій предъ тѣмъ въ товарищахъ главнаго Ливенскаго воеводы Федора Васильевича Клепика—Бутурлина. И въ томъ же году Ливенскій воевода Клепикъ—Бутурлинъ писалъ въ Москву, что онъ посылалъ товарища своего, Ивана Рогозина, на Крымскихъ и Ногайскихъ людей, и что походъ этотъ сопровождался побѣдою надъ неприятелемъ и взятіемъ 53 человекъ въ плѣнъ. За это царскій стряпчій Дороей Флоровичъ Шиповъ привезъ Ливенскимъ воеводамъ, Бутурлину и Рогозину, „милостивое слово Государево съ червонцами“. Въ слѣдующемъ году, вѣроятно, ожидали опять Татаръ, и потому, при воеводахъ—князѣ Федорѣ Федоровичѣ Волконскомъ и Яковѣ Ивановичѣ Рчиновѣ, Ливенскій гарнизонъ достигаетъ небывалаго еще количества—1419 человекъ, а въ 1630 году, при тѣхъ же воеводахъ, доходить до 1491 чел. Наибольшій же составъ Ливенскаго гарнизона относится къ 1631 году, при тѣхъ же воеводахъ, когда здѣсь было ратныхъ людей 1556 человекъ, въ томъ числѣ однихъ Ливенскихъ дѣтей боярскихъ 1053 чел. Въ это время шла война съ Польшей, и Московское правительство напрягало всѣ свои усилія къ возвращенію г. Смоленска. Какъ можно заключать изъ приводимаго въ Разрядныхъ книгахъ перечня служивыхъ на Ливнахъ людей за 1632-й и слѣдующіе два года, въ походъ противъ Смоленска выступило изъ Ливенъ около 500 дѣтей боярскихъ и до 150 казаковъ конныхъ; а такъ какъ въ это время надобно было особенно сторожить и за приходомъ „воинскихъ людей“ на Украину, то къ оружію на Ливнахъ призваны были ямскіе охотники (17 чел.) и вся братья стрѣлцкая, казачья, пушкарская и ямская, также ихъ племянники, половинники и бобыли (227 ч.); послѣ чего Ливенскіе воеводы 1632—1633 годовъ, стольникъ Дмитрій Федоровичъ Колтовскій и Алексѣй Степановичъ *) Самаринъ, располагали гарнизономъ въ 1149 ч. Такой же, вѣроятно, составъ гарнизона поддерживался на Ливнахъ и въ 1634 году при воеводѣ стольникѣ Андрѣе Васильевичѣ Клепикѣ—Бутурлинѣ и его товарищѣ—Уланѣ Евсигнеевичѣ Щенинѣ. Известна судьба Смоленскаго похода. Тамъ погибла и вся почти Ливенская дружина. „Изъ дѣтей боярскихъ Ливенцевъ, которые были въ солдатской службѣ подъ Смоленскомъ“ спаслось во—время (и то, повидимому, бѣгствомъ) только „150 человекъ“, которые и присоединились къ Ливенскому гарнизону 1635 года. Потребовалось „верстанье *новиновъ*“ дѣтей боярскихъ; и съ братьей разныхъ служивыхъ людей, ихъ племянниками, половинниками и бобылями, которые вооружались *рога-*

*) Въ Дворцовыхъ Разрядахъ—Каварьевичъ.

тинами **) и топорами, составилъ гарнизонъ въ 1467 человекъ. Приблизительно такой же гарнизонъ поддерживался въ 1636 году при воеводѣ Яковѣ Оксеновичѣ Дашковѣ и при слѣдующихъ воеводахъ—Дмитріѣ Федоровичѣ Колтовскомъ (1638—1642 гг.), Федорѣ Михайловичѣ Бояшевѣ (1642 г.), Иванѣ Васильевичѣ Клепиковѣ—Бутурлинѣ (1643—1645 гг.) и Емельянѣ Ивановичѣ Солпикѣ—Бутурлинѣ (1648 г.). Впрочемъ, показываемое въ Разрядныхъ книгахъ число ратныхъ людей на Ливнахъ, въ царствованіе Михаила Федоровича, никогда не состояло въ наличности. Изъ общаго числа служивыхъ людей, прежде всего, отдѣлялась значительная часть въ солдатскіе полки, какъ это было въ походахъ Пожарскаго противъ Литовцевъ и—Шейна—подъ Смоленскъ. Кроме того, для охраненія отъ прихода „воинскихъ людей“, съ 1625 года изъ Ливенъ высылалось въ Усть-Чернавскій острогъ 100 чел. конныхъ и 50 ч. пѣшихъ, которые перемѣнялись по—мѣсячно и жили съ весны по все лѣто и до снѣговъ **); для посольской размѣны на Волуйкѣ часто находилось по 100 и 150 ч. Ливенскихъ служивыхъ людей; были также посланки служивыхъ Ливенцевъ и на Осколь. Въ такихъ посланкахъ участвовали обыкновенно дѣти боярскіе и казаки; численность Ливенскихъ казаковъ—помѣстныхъ, конныхъ и бѣломѣстныхъ доходила до 600 ч.

При неопредѣленномъ числѣ въ городѣ дѣтей боярскихъ и казаковъ, численность стрѣльцовъ, пушкарей, воротниковъ и затинщиковъ отличалась относительной устойчивостью, такъ какъ это были люди пѣшіе, обязанные только гарнизонною службою и „служившіе съ земель“. Обычное число стрѣльцовъ было 100; но иногда численность ихъ упала до 29 ч., какъ это было въ 1619 году, послѣ разгрома Ливенъ Сагайдачнымъ. Численность пушкарей и затинщиковъ (вѣроятно съ воротниками) не превышала 42 ч. Въ случаѣ осаднаго времени, въ защитѣ города участвовали и осадные люди, кто съ рогатиной, а кто съ топоромъ. Подъ 1617 и 1618 годами, по случаю вторженія Крымцевъ, въ составѣ Ливенскаго гарнизона упомянуты и „осадные люди“, только, къ сожалѣнію, безъ означенія числа. Надъ стрѣльцами непосредственнымъ начальникомъ былъ сотникъ, или *голова*, затѣмъ слѣдовали пятидесятники и десятники; надъ казаками (въ числѣ которыхъ были и Ливенскіе помѣшники), начальствовали есаулы, атаманы, сотники и головы, а надъ ямщиками—старосты.

По окончаніи Польской войны, царь Михайлѣ Федоровичѣ обратилъ особенное вниманіе на укрѣпленіе сторожевой украинской линіи. Между прочимъ, въ это время сильнѣе прелюбо укрѣплены были и берега Выстрой Сосны. Здѣсь, въ 1636 году, между Ливнами и Ельцею построены былъ новый городъ въ усть—Чернавскомъ ост-

**) *Рогатины*—острое, широкое копы, съ поперечною, насаженное на дерево; по были *рогатинами*—и родъ огнестрѣльнаго оружія: „какъ съ обѣихъ сторонъ воинскіе люди учнутъ вѣстѣ сходиться и тѣмъ рогатинамъ доведется у своихъ рогатинъ порохъ въ стволѣхъ запалити“ (Разг. Уст. XI, 137).

**) „А отъ Ливенъ 20 верста, между Ельца, въ лѣтнюю пору, на р. Соснѣ, на усть р. Чернавы, въ городѣхъ, стоятъ заставныя головы, сотники перемѣняея, на Каліинской дорогѣ“. Кн. В. Четр., стр. 4.

рогъ былъ уже свой постоянный гарнизонъ съ осаднымъ головою, лихвинцемъ Иваномъ Буиннымъ во главѣ; въ 1636 году здѣсь считалось съ головою 360 ч. служилыхъ людей да пушкарей 10 ч.*). Въ томъ же году поставленъ былъ ниже Ельца, на Талецкомъ броду, „полевой острогъ“, для прикрытія посылаемыхъ туда (съ Ельца) головъ и ратныхъ людей. Кромѣ того, Михаилъ Ѳеодоровичъ покровительствовалъ заселенію Ливенскаго уѣзда какъ посредствомъ переселенія разныхъ людей изъ внутреннихъ областей государства, такъ и чрезъ привлеченіе въ этотъ малонаселенный край Малороссійскихъ казаковъ (обыкновенно называвшихся тогда Черкасами), которые, терпя угнетеніе отъ Польскаго правительства, тѣмъ охотнѣе селились у береговъ Выстрой Сосны, что царь, сверхъ богатыхъ земель, назначалъ имъ и денежное жалованье на первоначальное обзаведеніе: атаману 7 рублей, есаулу 6 рублей, рядовымъ по 5 рублей, всѣмъ на лицо съ порукою, что Государеву службу служить, и Государевымъ жалованьемъ имъ на указанныхъ своихъ мѣстахъ на вѣчное житіе строитца, и пашню пахать и хлѣбъ сѣять“. Такимъ образомъ съ 1630 года въ составѣ Ливенскаго гарнизона являлись уже Малороссійскіе казаки—Ливенскіе помѣщики „съ атаманами и есаулами“ во главѣ**). Черкасы образовали нѣсколько слободъ въ Ливенскомъ уѣздѣ. Одна изъ нихъ находилась въ самомъ городѣ, на посадѣ, и вмѣстѣ съ Стрѣлецкою слободою составляла Пятницкій приходъ; прочія находились недалеко отъ города: на устьѣ рѣчки Трудовъ (по Орловской почтовой дорогѣ), въ 6-ти верстахъ отъ города, что нынѣ село Крутое; при р. Соснѣ—слобода Телячье, въ 9-ти верстахъ отъ города, и, наконецъ, при Соснѣ же—слобода Рѣчица (нынѣ село), въ 15-ти верстахъ отъ города***).

Польское правительство не могло, конечно, равнодушно относиться къ тому, что его подданные массами перебѣгаютъ въ Московское государство и населяютъ собою пустыни его пространства. Въ 1640 году Поляки, чрезъ особыхъ уполномоченныхъ, потребовали выдачи всѣхъ Черкасъ, но изъ Москвы отвѣчали на это требованіе, что въ *донончальныхъ*****) грамотахъ не сказано, чтобы выдавать перебѣжчиковъ*****).

Не смотря на постоянныя военныя опасности, жители города Ливень, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, занимались торговлею и разными промыслами: кузнечнымъ, ковальнымъ, плотничьимъ, сапожнымъ, рыбнымъ, звѣринымъ, гончарнымъ, селитреннымъ и т. п. Въ маломъ острожкѣ было 37 лавокъ и 4 стола; лавки и столы держали и служилые люди: стрѣльцы, пушкарки, затинщики, воротники, ямщики и казаки; были лавки и вдовья, и чернаго старца Сергіева монастыря (торгованшаго, нѣ-

*) См. Кн. Разрядн. т. II, 905 стр.

***) См. Книги Разрядныя подъ этимъ годомъ.

****) По 9-й ревизіи въ этихъ слободахъ съ принадлежащими къ нимъ хуторами считалось 477 дворовъ, а въ нихъ—2671 мужч. и 2999 женщ.; всѣ они причислены къ разряду государственныхъ крестьянъ.

*****) *Докончальней*—мирный, утвержденный окончательно.

*****) Исторія Россіи Соловьева, т. 9, 264—265.

роитно, иконами, крестиками, свѣчами, ладономъ, деревяннымъ масломъ, а можетъ быть и нѣкоторыми рукописными сказаніями); „а оброковъ съ лавокъ и столовъ и куницъ (числомъ 8) на годъ дають по 20 рублей“,—говорится въ *Приправочной* 1615 года. Кабакъ былъ одинъ на весь городъ и сдавался „въ откупъ изъ Розряду, а откупъ было по 110 рублей на годъ“; откупщики держали кабакъ „на вѣрѣ“ и назывались цѣловальниками. Мѣсто этого кабака обозначается нынѣшнимъ питейнымъ домомъ (что на торговой—Красной площади), извѣстнымъ подъ названіемъ Горѣлаго. Сохраняется преданіе, что названіе „Горѣлаго“ усвоено за этимъ кабакомъ потому, что во время одного нападенія ордынцевъ онъ горѣлъ. Нѣкоторые посадскіе и уѣздные люди занимались рыбнымъ промысломъ и звѣрловствомъ; они брали на откупъ рѣчки: Сосу, Олымъ, Труды и Любовшу „и съ тѣхъ рѣкъ за рыбнаго ловли, и за бобровые гоцы, и за хмѣлевья болота, и за полевой всякой звѣрь давали оброкъ на Ливнахъ въ Розрядѣ по 50 рублей въ годъ“. Кромѣ того, пушкарки и разные люди на Ливнахъ занимались приготовленіемъ селитры; они подражались на то въ Пушкарскомъ Приказѣ, и въ 1634 году брали за пудъ селитры по 2 р. и 10 *алтынъ*®). Были на Ливнахъ и такіе предприимчивые люди, что, не взирая на опасность отъ Татаръ, вели торговлю съ Дономъ и доставляли туда хлѣбъ и разные другіе запасы. Торговля эта велась на стругахъ и была такъ важна для Дона, что когда она остановилась въ 1657 году, то Донцы жаловались въ Москву на крайнюю свою нужду въ хлѣбныхъ и военныхъ запасахъ**). Иногда торговые люди заживались на Дону и принимали участіе въ походахъ Донскихъ казаковъ подъ Азовъ, чтобы сообща пограбить и поразбойничать на счетъ басурманъ. Въ 1662 году они вмѣстѣ съ Донцами разгромили Турецкіе караваны, шедшіе въ Азовъ, бились съ ними и возвратились домой съ добычей, къ неудовольствію, конечно, Московскаго правительства***). Вывали случаи, что Ливенцы навсегда приставали къ Донцамъ, а Донцы, не ужившіеся почему-либо съ своими собратьями, предпочитали Тихому Дону Выструю Сосну и селились на Ливнахъ. Такъ, въ послѣдніе годы царствованія Михаила Ѳеодоровича бѣжали „на Донъ въ казаки“ нѣкоторые изъ жителей деревни Вышняго Куначя, а изъ Дона вышли на Ливны: Максимко Васильевъ, Гришка Абрамовъ и Евстратка Петровъ; они пристали къ церковнымъ землямъ, а Максимко на свой счетъ построилъ себѣ дворъ; впоследствии эти Донцы поступили на Государеву службу, —кто въ стрѣльцы, а кто въ солдаты. Жили на Ливнахъ на церковныхъ земляхъ и Крымскіе полонинники; таковъ былъ Васыка Болдырь, очевидно, принявшій христіанство.

Тогда какъ жители города Ливень, помимо земледѣлія, находили себѣ средства къ жизни въ торговлѣ и разныхъ промыслахъ, уѣздные люди были вообще бѣдны и

®) Исторія Россіи Соловьева, т. 9, стр. 224—225.

***) Исторія Россіи Соловьева, т. II, стр. 13.

****) Тамъ-же, т. II, стр. 13 и т. 9, стр. 275.

часто терпѣли крайнюю нужду. Главное обезпеченіе Ливенскихъ помѣщиковъ состояло въ обработкѣ земельнаго надѣла; по этому препятствовали тогда и частые набѣги Татаръ, и недостатокъ рабочихъ рукъ. Помѣстья въ первые годы царствованія Михаила Феодоровича были такъ малолюдны, что на двухъ помѣщиковъ не доставало и по одному крестьянину. Впослѣдствіи, въ 1630-му году, благодаря разнымъ мѣропріятіямъ правительства, число крестьянъ и бобылей въ Ливенскомъ уѣздѣ значительно увеличилось (съ 314 до 637 чел.), но за то увеличилось и число помѣщиковъ (съ 775 до 1076 чел.), такъ что въ общемъ на двухъ помѣщиковъ могло приходиться почти только по одному крестьянину или бобылю. Новымъ приливомъ населенія далеко не пополнился ущербъ, причиненный Ливенскому уѣзду Смутнымъ временемъ и учащенными набѣгами Крымцевъ. Къ 1630 году все еще считалось здѣсь: 11 дворовъ и 240 мѣстъ дворовыхъ помѣщичьихъ пустыхъ, 200 дворовъ и 78 мѣстъ дворовыхъ крестьянскихъ пустыхъ, 27 дворовъ и 16 мѣстъ дворовыхъ бобыльскихъ пустыхъ, 1 дворъ пустой дѣловаго человѣка. За то съ 1615 и по 1630 годъ обработка земли сильно подвинулась впередъ, а именно — съ 714 чети съ четверникомъ до 3306 чети съ осминою; это — „пашни паханія помѣщичьими и крестьянскія земля“, послѣ чего еще считалось въ уѣздѣ „перелогъ и дикаго поля и дубравы пашенныя 53,699 чети*“.

Самый приливъ рабочаго населенія не обходился безъ непріятностей для помѣщиковъ. Обыкновенно, новыхъ поселенцевъ старались привлекать на свои помѣстья болѣе зажиточные помѣщики, а мелкопомѣстные владѣльцы страдали еще отъ вывода крестьянъ боярами и другими значительными помѣщиками. Нѣкоторые помѣщики отъ безлюдья бросали свои помѣстья и поступали въ казаки. О бывшемъ помѣщикѣ Затруцкаго стана изъ деревни Ровнеца Кирѣй Феодоровичъ Свѣдичъ замѣчено въ писцовой, что онъ „въ 1617 году сталъ на Ливнахъ въ казаки“. Вопросъ о томъ, какъ бы добыть себѣ крестьянина, бобыля или дѣловаго человѣка, былъ тогда насущною злобою дня, яблокомъ раздора между помѣщиками. Известная жалоба Елецкихъ помѣщиковъ, что имъ „отъ насильства людей и крестьянъ боярина Ивана Никитича Романова мочи не стало, жить невозможно, пуще стало Крымской и Ногайской войны“, — раздѣлялась отчасти и Ливенскими владѣльцами. По крайней мѣрѣ, одинъ Ливенскій помѣстный казакъ, Авдѣй Яковлевъ, не постѣснялся въ домъ своего крестьянина, при постороннихъ свидѣтеляхъ, говорить даже такіа рѣчи: „Государь насъ не жалуетъ, крестьянъ изъ-за насъ велитъ выводить; насъ въ заговорѣ человѣкъ съ пятьсотъ: кто изъ-за насъ крестьянъ выводитъ, у тѣхъ мы вотчины выжемъ, а крестьянъ побьемъ, а найдемъ — де иного государя**“.

* Всего по Приписочной 1615 года считалось помѣщичьей и крестьянскою землей въ Ливенскомъ уѣздѣ 49846 чети въ полѣ, а въ дву по тому-же, сѣна 92801 козна; по писцовымъ-же книгамъ 1626—1629 гг. — земля 56395 чети, сѣна 112527 копенъ.

** См. Дополненіе къ 9 т. Исторіи Россіи Соловьева, стр. 504—505.

серьезнаго заговора у него съ прочими помѣщиками, очевидно, не было, — было только общее недовольство бѣдностію, вслѣдствіе недостатка работниковъ, а отсюда и ожесточеніе противъ тѣхъ помѣщиковъ, которымъ удавалось такъ или иначе собрать на своихъ земляхъ сколько-нибудь крестьянъ и бобылей. Самый опасный элементъ въ помѣщичьемъ населеніи представляли тѣ разорившіеся служилые люди и ихъ недоросли, которые „бродили и волочились межъ дворянъ.“ Такими бродягами по писцовой 1626—1629 гг. были: въ Красномъ стану — Трофимъ Гавриловъ Шмодцовъ, Яковъ Евсѣевъ Митюревъ, Селька Моисеевъ Харитоновъ, Гришка Богдановъ Гревцовъ и неизвѣстный по имени сынъ Левона Ханина; въ Мокрецкомъ стану: бывшіе помѣщики деревни Кудиновой — Федька да Оверко Студениковы и Гаврилко Ядышнѣвъ; въ Затруцкомъ стану: бывшій Ровнецкій помѣщикъ Ларя Семеновъ сынъ Осиповъ. Число этихъ завѣдомыхъ бродягъ пополнялось еще многими изъ тѣхъ, кои, „взявъ помѣстья, не селились“ и исчезали неизвѣстно куда. Такіе люди, безъ сомнѣнія, могли сходиться въ мысляхъ съ помѣстными казакомъ Авдѣемъ Яковлевымъ. При бездомномъ положеніи, имъ недалеко было до явнаго воровства и разбоя. Были случаи, что разбоємъ занимались и домовитые помѣщики. Известно, напримѣръ, изъ писцовыхъ книгъ, что помѣщики Краснаго стана — Данилко да Филька Тимошеевы дѣти Ягурновы, имѣли свои помѣстья въ деревнѣ Присынкѣ, упражнялись въ разбоѣ и, будучи пойманы на томъ, „по сказкѣ старожиловъ — тутошнихъ и стороннихъ людей, за то воровство вкнуты въ 1629 году въ тюрьму.“ Если же бѣдствовали сами помѣщики, то могли ли благоденствовать ихъ бобыли и крестьяне?.. Впрочемъ, нѣкоторые бобыли, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ тогдашняго правительства, успѣвали дѣлать себѣ карьеру и становились помѣщиками. Такъ, напримѣръ, бобыль помѣщика Герасима Васильевича Михайлова (изъ деревни Драчевой, подъ Дросковнымъ лѣсомъ) „Петрушка Савельевъ сынъ Золотухинъ бѣжалъ на Луковецъ въ дѣти боярскіе;“ за нимъ туда же въ дѣти боярскіе сбѣжали и нѣкоторые изъ бобылей деревни Винной, что была за помѣщиками Евинымъ и Харитоновымъ. Были также случаи, что правительство записывало крестьянъ въ казаки и надѣляло ихъ землею и угодами, а въ казакахъ нѣкоторые изъ нихъ могли заслуживать и вотчины.

Взглянемъ также на бытъ уѣзднаго духовенства въ царствованіе Михаила Феодоровича. Около 1630 г. въ Ливенскомъ уѣздѣ считалось 19 погостовъ, изъ коихъ на трехъ: въ сельцѣ Пречистенскомъ Краснаго стана, въ сельцѣ Плоскомъ Серболова стана и въ сельцѣ Дмитровскомъ Затруцкаго стана не было ни церкви, ни часовни, ни поповъ „отъ войны“, а въ прочихъ погостахъ церкви стояли въ цѣлости и причты были на-лицо, почему здѣсь, безъ сомнѣнія, и совершалось богослуженіе *).

* При церкви сельца Пречистенскаго, Краснаго стана, показаны только „дворовыя мѣста попа Феодора, монашеское и проскуриничье“; слѣдствительно — попа не было.

очевидно, неполное богослужение, так как здесь на мѣстѣ бывшей церкви стояла часовня. При нѣкоторыхъ церквахъ, какъ въ селѣ Пречистенскомъ Серболова стана и Введенскомъ Мокрецкаго стана, было по два попа; въ другихъ, какъ на Георгіенскомъ погостѣ Краснаго стана, въ селѣ Егорьевскомъ и на погостахъ Преображенскомъ и Козьмодемьянскомъ Серболова стана, кромѣ настоящихъ поповъ были еще вдовье попы, а въ остальныхъ было по одному попу. Полные причты (т. е. поповъ, дячкочъ и пономарь) находились только при пяти церквахъ, а именно: въ трехъ селахъ—Парахинѣ Краснаго стана, Пречистенскомъ и Егорьевскомъ Серболова стана, въ одномъ селѣ—Архангельскомъ Затрудкаго стана и при погостѣ Преображенскомъ Серболова стана. При шести церквахъ служили попы съ пономарями, при одной (въ селѣ Богоявленскомъ Затрудкаго стана) поповъ съ дячкомъ, а при четырехъ—были одни попы. Обычною пропорціею церковной земли было „20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ,“ сѣна—40 копенъ; только при Георгіенскомъ погостѣ Краснаго стана, что въ деревнѣ Здобной, считалось почему—то всего 11 чети, а сѣна 22 копы, да о погостѣ Преображенскомъ Серболова стана замѣчено въ писцовой Малечкина, что „пашни въ той церкви подають на время той-жъ деревни Гниловодъ помѣщики.“ При четырехъ церквахъ, съ обычною пропорціею пашни, сѣна показано 60 копенъ; сто: въ селѣ Пречистенскомъ и при погостѣ Архангельскомъ Серболова стана, въ селѣ Богоявленскомъ и селѣ Архангельскомъ Затрудкаго стана. Нѣкоторыя же церкви, сверхъ обычной пропорціи, владѣли еще такъ—называемою „примѣрною пашенною землею“; именно: три церкви Краснаго стана—погосты Никольскій (10 чети) и Георгіенскій (25 чети) и Пятницкая церковь села Парахина (15 ч.), да ц. села Введенскаго въ Мокрецкомъ стану (23 чети съ осминою); при этихъ церквахъ сѣна кашивалось по 60 копенъ, кромѣ Парахинской, при которой „сѣножати“ было 40 копенъ.

Попы, дячки и пономари были, можно сказать, самыми усердными и притомъ наиболѣе прочными колонизаторами Ливенскаго края. Въ то время, какъ помѣщики часто сбѣгались по разнымъ случаямъ войны, службы и добровольнаго перемѣщенія въ другія мѣста, попы крѣпко сидѣли на своихъ погостахъ и старались обращать дикое поле въ пашни. Оттого, быть можетъ, и самые бобыли охотнѣе селились на церковныхъ земляхъ, нежели на помѣщичьихъ. По крайней мѣрѣ, изъ писцовыхъ книгъ извѣстно, что тогда какъ цѣлыя помѣщичьи деревни вовсе не имѣли бобылей, на погостахъ Краснаго стана жили дворами 14 бобылей. Погосты прочіихъ становъ были скуднѣе бобыльскими дворами, но и при нихъ, въ общей сложности, жило дворами 15 бобылей. При помощи бобылей, церковныя земли изъ дикаго поля все болѣе и болѣе превращались въ „добрія земли“. Напримѣръ, при Никольскомъ погостѣ Краснаго стана доброй пашенной земли считалось 9 чети, а подъ дикимъ полемъ 11 чети; здѣсь же обработана была и 1 четь „примѣрной“ земли. При 11 церквахъ обрабатывалось по 5 чети и болѣе въ полѣ, а въ дву по тому жъ; при прочіихъ же

церквахъ, гдѣ не было бобылей, воздѣлывалось лишь „по 2 или по 2 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ“. При нѣкоторыхъ церквахъ вдовье попы были „на трети“ пашни и сѣнныхъ покосовъ, что допускалось настоящими попами тѣмъ охотнѣе, что въ то время далеко не вся еще церковная земля была распахана. Вообще, поповскій бытъ представлялъ много выгоды предъ бытомъ помѣщичьимъ, почему нѣкоторыя помѣщики, ужьившіе грамотъ, рады были случаю сдѣлаться попами. Такъ о помѣщикѣ Затрудкаго стана Иванѣ Мартиповѣ, жившемъ подъ Ясеновымъ лѣсомъ, извѣстно, что онъ „сѣл въ попу“. А дѣти и внуки помѣщиковъ охотно становились дячками и пономарями, какъ это было именно на Преображенскомъ погостѣ Серболова стана, въ помѣстьѣ Степана Мишина. Въ занятіи поповскихъ мѣстъ усматривается и наследственность; напримѣръ, при Никольскомъ погостѣ Краснаго стана послѣ Андрея священствовалъ сынъ его Назарій. О состоятельности поповъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что изъ 16 церквей Ливенскаго уѣзда, о постройкѣ которыхъ упоминаютъ писцовыя книги, 4 были построены и снабжены во всемъ необходимымъ попами, 6 были построены попами съ помощію приходскихъ людей, 5—приходскими людьми и 1—помѣщикомъ^{*)}.

IX.

Положеніе города Ливень и его уѣзда въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

Перенесъ посадскихъ тяглыхъ людей и надворничества „на Ливнахъ въ городъ и за городомъ“. — Синскіе населенныхъ мѣстъ Ливенскаго уѣзда по переписи 1646 года.—Крестыне, бобыли и задворные люди въ городѣ и уѣздѣ.—Мѣры противъ Крымскихъ набѣговъ.—Большой сходъ воеводъ на Ливнахъ.—Полковые и городовые воеводы.—Мѣстничество и ревизія на Ливнахъ.—Укрѣпленіе Ливенской засѣки.—Нашествіе Крымскаго хана и слѣды Ханскаго погрома въ Ливенскомъ уѣздѣ.—Жертвы плѣна въ уѣздѣ и городѣ.—Бѣгство крестьянъ и бобылей отъ „разоренія Крымскаго хана“.—Взглядъ на колонизацію Ливенскаго края въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

Важнѣйшимъ источникомъ для исторіи г. Ливень и его уѣзда въ царствованіе Алексѣя Михайловича служитъ перенесенная книга 1646 года. Въ ней мы находимъ

^{*)} Всего въ Ливенскомъ уѣздѣ, по писцовой Малечкина, считалось „церковныя земли въ 5 селахъ, 3 безымянхъ, да въ 7 погостахъ (а въ 8-мъ погосту церковныя земли вѣтъ) пашни пашенныя и порологу и дикого поля и дубрава пашенныя, оирчь припашныя и порожки земли, 301 четь въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 704 копы; да примѣрныя церковныя земли въ 2 селахъ да въ погостѣ 63 чети съ осминою; обоего ... 364 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ. Да церковныя жъ порожки земли въ 3 селахъхъ 60 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 120 копенъ“.

упоминаніе какъ о *городѣ* Ливнахъ, его *посадѣ* и *слободахъ*, такъ и подробное описаніе населенныхъ вѣсть Ливенскаго уѣзда. Приводимъ выписку изъ этой переписки относительно города Ливень. „Лѣта 7154 (1646) Мая въ 20 день, по Государеву Цареву и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Руси указу и по наказу, за приписью дьяка Микиты Головина, князь Федоръ Петровичъ Боротинскаго да подъячей Дмитрей Болотовъ, по сказкамъ за руками на Ливнахъ въ городѣ и за городомъ, посадскихъ тяглыхъ людей и надворничества дворниковъ и на церковныхъ земляхъ и всякихъ чиновъ людьми бобылей и бобылокъ досматривали. А по досмотру и по сказкамъ за руками въ *Пушкарской* слободѣ на пушкарской землѣ живутъ себѣ *) дворами бобыли (перечисленіе)...., а по сказкѣ пушкарей, что тѣ люди, которые живутъ на ихъ земляхъ, въ пушкарской службѣ и въ посылкахъ имъ помогаютъ, всего тѣхъ людей, которые живутъ себѣ дворами на пушкарскихъ земляхъ, 20 человекъ.

Да за *городомъ* на берегу р. Сосны Сергіевского монастыря, что на Ливнахъ, за именуемъ Іоною съ братьею *слободна*, а въ слободкѣ крестьяне...., всего 18 дворовъ крестьянскихъ, а людей въ нихъ 41 человекъ. Да за тѣмъ же монастыремъ живутъ бобыли около монастыря на монастырской землѣ на оброкъ...., всего 14 дворовъ бобыльскихъ, людей въ нихъ 22 человекъ. Да которые живутъ на церковныхъ земляхъ на оброкъ себѣ дворами:

Церкви *Никола Чудотворца*, что на Ливнахъ въ *городѣ*, за попомъ за Иваномъ на церковной землѣ живутъ себѣ дворами на оброкъ на время... 3 двора, дѣти казачьи и стрѣльцкіе, да слѣпой Евстишка Фирсовъ, да вдова Огрофенка.

Церкви *Никола Чудотворца*, что въ *Казачьей* и въ *Ямской слободѣ*, за попомъ Васильемъ дворъ бобыль—Сецька Ивановъ слѣпъ.

Церкви *Покрова Пресвятыя Богородицы*, что въ *Казачьей* слободѣ, за попомъ Богданомъ на оброкъ дворъ, въ немъ живетъ Донской казакъ Гришка Абрамовъ, дворъ Ливенца сына боярскаго Ерочки Дорожеева, дворъ бобыль Савостьки Киреева (нынѣ въ солдатахъ), а за попомъ Иваномъ дворъ бобыль—Ларка Клеменовъ.

Церкви *Великаго Христова Мученика Георгія*, что на *посадѣ* въ *Казачьей* слободѣ, за попомъ за Иваномъ живутъ себѣ дворами на оброкъ: дворъ—Крымской полоняникъ Васька Болдырь; дворъ—Ивашко Гончаръ; дворъ—Титко Хромовъ; дворъ—Силка Исаевъ; дворъ—Мякитка Панниевскъ, и тѣхъ де писецъ Тихонъ Кошкинъ по Государеву указу написалъ въ стрѣльцы и въ казаки, и книги къ Государю къ Москвѣ посланы, а нынѣ они живутъ на церковной землѣ на время.

Церкви *Успенія Пресвятыя Богородицы* за попомъ за Иваномъ живутъ на церковной землѣ: дворъ—Донской казакъ Максимко Васильевъ; дворъ—Елецкой ка-

*) Себѣ—особо.

закъ Федька Фоминъ; дворъ—*нормовой* *) солдатъ Кудинко Петровъ, а дворы на церковной землѣ строили они сами, живутъ на оброкъ до времени.

Церкви *Великія Христовы мученицы Параскевы*, нарицаемыя Пятницы, что на *посадѣ* *Стрѣлецкія* и *Чернаскія слободы*, за попомъ за Никитою на церковной землѣ живетъ себѣ дворомъ Донской казакъ Евстратко Петроиъ да Ливенской стрѣлецъ Потапко Которгинъ, да солдатъ Сецька Коноваль, а Государеву они службу нынѣ служатъ, а живутъ на церковной землѣ до времени безъ оброка.

Церкви *Димитрія Селунскаго*, что въ *Казачьей Бѣломѣстной слободѣ*, за попомъ за Иваномъ живутъ себѣ дворами: дворъ—полковой казакъ Максимко Головинъ; дворъ—гулящей человекъ Кленка Вылочинъ; дворъ—бѣломѣсной казакъ Митька Васильевъ; дворъ—стрѣлецъ Ивашко Горбинской; дворъ—бобыль Игнашко Епихинъ, и тотъ Игнашко посланъ по Государеву указу на Донъ на стругу въ стрѣльцахъ, а нынѣ въ томъ дворѣ живетъ мать его Оксѣевна; всего которые живутъ на церковной землѣ 25 чел.“

Переписная 1646 года упоминаетъ всего о 7-ми церквахъ города Ливень (кромя монастыря), потому что только на землѣ этихъ церквей жили разные тягле люди. Церковныя земли особенно тянули къ себѣ разныхъ выходцевъ, подолжаниковъ, обездоленныхъ войною, гулящихъ и шатающихся людей, такъ какъ съ одной стороны эти земли, по недостатку рабочихъ рукъ, лежали впустѣ, частію подъ перелогомъ, частію подъ дикимъ полемъ, а съ другой стороны—при нѣкоторыхъ церквахъ были уже готовые дворы, да и помъ были уступчивѣ другихъ помѣщиковъ: они, какъ видно, не всегда выговаривали себѣ у своихъ жильцовъ извѣстный оброкъ, довольствовались временными ихъ услугами и не отталкивали вдовъ, слѣпыхъ и разныхъ убогихъ людей. Изъ такихъ церковныхъ жильцовъ, конечно, молодыхъ и здоровыхъ, пополнялся составъ гарнизонной службы, а слѣпые, горбатые и подобные калѣки доживали свой вѣкъ подъ церковнымъ кровомъ и уступали его новымъ нищимъ и убогимъ.

Кромѣ изложенныхъ свѣдѣній о городѣ Ливнахъ, переписная 1646 г. сообщаетъ особенно подробныя данныя о населенныхъ вѣстахъ Ливенскаго уѣзда, съ указаніемъ численности тяглаго населенія въ каждомъ изъ четырехъ уѣздныхъ становъ. Вотъ какія села и деревни существовали на пространствѣ Ливенскаго уѣзда въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича.—

ВЪ КРАСНОМЪ СТАНѢ:

Села: *Никольское*—на Лѣсной Ливнѣ; *Пятницкое*, что была деревня Парахина, сверхъ Бѣлаго колодезя подъ Краснымъ лѣсомъ; *Егорьевское*.—Деревни: *Никольскаго* прихода—*Зубцова*, что былъ починокъ Бунаевской, Мистутино тожъ, на Лѣс-

*) *Нормовой*—получающій жалованье или содержаніе за службу.

свой Ливнѣ, подь Краснымъ лѣсомъ, противъ Евланова колодезя *); *Костомарова*, что было займище—Присадъ, подь Краснымъ и подь Евлановымъ лѣсомъ, на Лѣсной Ливнѣ; Пятницкаго прихода—*Орлова*—сверхъ Хвощеватаго и Хрущеватаго колодезя, подь Краснымъ лѣсомъ; *Лопашина*—подь Краснымъ лѣсомъ, подь Евлановымъ Рогомъ, сверхъ Евланова колодезя; деревни, что было займище Алексѣя Зайцева,—*Дутое* тожь, сверхъ Евланова колодезя подь Краснымъ лѣсомъ; Егорьевскаго прихода—*Платонова*, *Лютая* тожь, на Полевой Ливнѣ подь Краснымъ лѣсомъ; *Чуванина*—на Полевой Ливнѣ у Краснаго лѣса на Рогу; *Пашнова*—на Полевой Ливнѣ на колодезѣ Ребинкѣ, подь Краснымъ лѣсомъ; *Хвощеватая*, *Потанова* тожь **) на Полевой Ливнѣ на усть Хвощеватаго колодезя; *Жилевая*—подь Жилевымъ лѣсомъ, на Жилевѣ колодезѣ; *Здобная*.—Всего изъ Красномъ стану считалось: 3 села (собственно прихода, погоста или церкви) и 11 деревень.

ВЪ СЕРБОЛОВОМЪ СТАНѢ:

Села: *Спасское*—подь Серболовымъ лѣсомъ, сверхъ Полой Воды съ правой стороны; *Спасское*, что была деревня Гниловоды; *Козмодамьянское*—подь Серболовымъ лѣсомъ на Куначкомъ колодезѣ, межъ деревень Нишняго и Нижняго Кунача; *Егорьевское*—подь Богдановымъ лѣсомъ, сверхъ Хмѣлеваго колодезя на Верхней Плотѣ; *Пречистенское*—подь Большимъ Туровымъ лѣсомъ; *Архангельское*; *Никитское*.—Деревни: Спасскаго прихода—*Шестанова* подь Серболовымъ лѣсомъ; *Соловьева*—подь Серболовымъ лѣсомъ сверхъ Жилева колодезя; *Островъ*—сверхъ Полова колодезя на Суходолѣ, подь Серболовымъ лѣсомъ; *Прильпы*—подь Серболовымъ лѣсомъ, сверхъ Полова колодезя; *Сторожевая*—тамъ же; Спасскаго прихода—*Гниловоды*, подь Серболовымъ лѣсомъ у Гнилага озера; Козмодамьянскаго прихода—*Вышній Куначъ*; *Нижній Куначъ*; Егорьевскаго прихода—*Грязцы*, на Черной Грязи, сверхъ Хмѣлеваго колодезя подь Богдановымъ лѣсомъ; *Новосильская*—тамъ же; *Крутая*—подь Большимъ Туровымъ лѣсомъ на Крутомъ Верху; Пречистенскаго прихода—*Сторожевая*; Архангельскаго прихода—*Юрова*, подь Туровымъ лѣсомъ на Крутомъ Верху; Никитскаго прихода—*Стаханова*, что была пустошь.—Дикое Поле; того жъ прихода селятся дѣти боярскіе подь *Долгимъ лѣсомъ*.—Всего въ Серболовомъ стану показано: 7 селъ и 15 деревень.

ВЪ МОКРЕЦКОМЪ СТАНѢ:

Село *Введенское* и селцо *Рождественское*.—Деревни: Введенскаго прихода—*Нижняя Роговая*, подь Мокрецкимъ лѣсомъ, подь Нижнимъ Рогомъ; *Ревянина*, что

*) Название этой деревни произошло отъ фамиліи помѣщика. Въ 1646 году здѣсь былъ помѣщикъ Исая Ивановичъ Зубцовъ.

**) Название *Потанова* произошло отъ фамиліи помѣщика Евдокима Потанова, послѣ котораго владѣлъ смиръ его Михаилъ Евдокимовичъ (въ 1678 г.).

было займище Евлановское, на Рогу, подь Мокрецкимъ лѣсомъ, прожежь озера Евланова; *Свиная*, Невстанихина тожь, подь Мокрецкимъ лѣсомъ, сверхъ Свиного колодезя; Рождественскаго прихода—*Шолохова* подь Плескимъ лѣсомъ на р. Тиму, на усть Вѣлаго колодезя; *Лебедни* на р. Тиму, подь лѣсомъ Лебедками; *Патина* („за Григорьемъ Куріяновымъ сыномъ Пятинымъ“).—Всего въ Мокрецкомъ стану: село, селцо и 6 деревень.

ВЪ ЗАТРУЦКОМЪ СТАНѢ:

Села: *Никольское*—Нижній Вязовикъ, что было займище подь лѣсомъ Большимъ Вязовикомъ, на рч. Вязовикѣ; *Богоявленское* на рк. Фоншѣ, на усть Плоскаго колодезя подь среднимъ лѣсомъ; селцо *Дмитровское* на рк. Фоншѣ, подь Городецкимъ лѣсомъ; *Архангельское*, подь Дросковымъ лѣсомъ на Врусовомъ Верху; *Луновецъ*.—Деревни: Никольскаго прихода—*Святинна*, подь Святницкимъ лѣсомъ; *Вышній Куначъ*; Богоявленскаго прихода—деревня, что была *слободна* на усть рч. Жерихани подь Скопинымъ Гитздомъ; деревня, что была слободка *Дурнова* сверхъ Жериханскаго лѣса; *Бахтеярова*—сверхъ Плоскаго колодезя; Дмитрѣвскаго прихода—*Луговая* на р. Соситъ; Архангельскаго прихода—*Енина* подь Большимъ Туровымъ лѣсомъ на Дросковѣ колодезѣ; *Арачева* подь Дросковымъ лѣсомъ; *Шпарова*—Ступина и Телѣгина тожь; *Муратова* верхъ Дроскова колодезя.—Всего въ Затруцкомъ стану упоминаются: 4 села, 1 селцо и 10 деревень.

Итого по *переписной* 1646 года въ Ливенскомъ уѣздѣ насчитывалось 17 селъ съ селцами и 42 деревни. Такъ не богатъ былъ населеніемъ Ливенскій уѣздъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. При этомъ необходимо еще имѣть въ виду, что тогдашнія села были незначительныя нынѣшнихъ поселковъ и деревень, а нѣкоторыя изъ нихъ представляли изъ себя одна погосты.

Что же касается крестьянскаго и бобыльскаго населенія, то оно представляется по *переписной* 1646 года въ такомъ количествѣ: 1) въ *Красномъ стану* за помѣщиками: 30 дворовъ крестьянскихъ, людей въ нихъ 72 чел.; 11 дворовъ бобыльскихъ, людей въ нихъ 18 чел.; да въ деревнѣ Здобной въ вотчинѣ за Васильемъ Евдокимовичемъ Бурковымъ 3 крестьянскихъ двора, людей 8 человекъ; всего въ Красномъ стану крестьянскихъ (33) и бобыльскихъ (11) дворовъ 44, а крестьянъ (80) и бобылей (18) вмѣстѣ 98 чел.—2) Въ *Серболовомъ стану*: за помѣщиками 46 дворовъ крестьянскихъ, людей въ нихъ 123 чел.; 42 двора бобыльскихъ, людей въ нихъ 61 чел. да 2 вдовы; да за монастыремъ и на церковныхъ земляхъ 2 двора крестьянскихъ, людей въ нихъ 4 чел., 8 дворовъ бобыльскихъ, людей въ нихъ 18 чел.; всего крестьянскихъ (48) и бобыльскихъ (50) дворовъ 98, а людей въ нихъ (крестьянъ 127, бобылей 79) съ тремя вдовами 209 человекъ.—3) Въ *Мокрецномъ стану*: за помѣщиками 7 дворовъ бобыльскихъ, людей въ нихъ 8 чел.—4)

Въ *Затруцкомъ стану*: за помѣщиками 15 дворовъ крестьянскихъ, людей въ нихъ 29 чел.; 14 дворовъ бобыльскихъ, людей въ нихъ 19 чел., да вдова, да 1 дворъ задворнаго человѣка; всего крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ съ задворнымъ человѣкомъ 30, а людей со вдовою 50 человѣкъ.

Такимъ образомъ въ 1646 году на Ливнахъ считалось крестьянскихъ (38) и бобыльскихъ (14) дворовъ 52 *), а въ уѣздѣ крестьянскихъ (съ задворнымъ 96) и бобыльскихъ (82) 178, всего 230 дворовъ, а людей (въ городѣ 83, въ уѣздѣ 375) со вдовами (8) 458 чел.—Изъ этого числа собственно за помѣщиками (въ томъ числѣ и за Ливенскими пушкарями) состояло 281 и за церквами 49, а людей за помѣщиками 376 и за церквами 82 чел., именно: за Сергіевскимъ монастыремъ 34 двора, за Пятницкимъ попомъ Наумомъ (въ Красномъ стану) 2 двора, за Спасскимъ попомъ Дмитриемъ 3 двора бобыльскихъ, за Козмодамианскимъ попомъ Родіономъ 3 двора бобыльскихъ, за Егорьевскимъ попомъ Лувьяномъ 2 двора бобыльскихъ (въ Серболовомъ стану) и за Никольскимъ попомъ Логвиномъ (Затруцкаго стана) 4 двора бобыльскихъ. Все эти пять поповъ имѣли явное преимущество предъ помѣщиками въ людяхъ: тогда какъ на трехъ человѣкъ помѣщиковъ не приходилось и по одному крестьянскому или бобыльскому двору, у поповъ было отъ двухъ до четырехъ дворовъ бобыльскихъ; насельники обрабатывали церковныя земли и, питаясь отъ нихъ сами, способствовали благосостоянію священнослужителей.

Мы видѣли, какъ часты были нападенія Крымцевъ на Ливенскій уѣздъ въ царствованіе Михаила Феодоровича и какими опустошеніями сопровождалась эти нападенія; не смотря на то, ко времени вступленія на престолъ Алексѣя Михайловича общее количество крестьянскаго и бобыльскаго населенія, подобно служилому—помѣщичьему, не только не уменьшилось, но еще увеличилось. Извѣстно, что въ 1615 году всѣхъ крестьянъ и бобылей считалось въ Ливенскомъ уѣздѣ 314 человѣкъ, а въ 1646 году ихъ насчитывалось 450 человѣкъ **). Такое увеличеніе крестьянъ и бобылей не было послѣдствіемъ естественнаго прироста, но объясняется единственно благоволительными мѣрами правительства къ тому, чтобы этотъ край, постоянно угрожаемый и опустошаемый Татарами, не обезлюдѣлъ. Здѣсь не чинилось розыска бѣглыхъ крестьянъ отъ недобрыхъ помѣщиковъ; да и можно ли было дѣлать такіе поиски тамъ, гдѣ никто не былъ увѣренъ въ личной безопасности, гдѣ война, плѣвъ, мечъ и огонь не щадили никого и ничего, гдѣ одни изъ жителей цѣлыми семьями исчезали „безвѣстно,“ или „поимались въ полонъ“, а другіе, лишившись своего крова и всякаго родства, „волочились межъ дворянъ!“ Обыкновенно, кто почему—либо появлялся на Ливнахъ,—будь это бѣглый холопъ или преступникъ,—тотъ становился здѣсь или

*) Т. е. за пушкарями 20 дворовъ и за Сергіевскимъ монастыремъ 32 двора, крокъ 25 дворовъ, временно поселенныхъ на церковныхъ градскихъ земляхъ.

**) Убавилось только число дворовъ—съ 309 на 230.

гулящимъ человѣкомъ, или *дѣловымъ* и *задворнымъ*, или крестьяниномъ и бобылемъ, или же стрѣльцомъ и солдатомъ, а иногда попадалъ и въ дѣти боярскіе, на правахъ служилаго помѣщика. Переписчики только досматриваютъ, гдѣ и на чьей землѣ кто живетъ, не допрашиваясь, откуда и почему вышелъ и поселился тотъ или другой крестьянинъ, бобыль, задворный или гулящій человѣкъ.

Городъ Ливны, оціненный сторожами и засѣками, продолжалъ, какъ и при Михаилѣ Феодоровичѣ, служить оплотомъ и убѣжищемъ въ виду Крымскихъ набѣговъ для уѣздныхъ людей. При первыхъ вѣстяхъ о непріателѣ, биричи готовы были разсѣяться по всѣмъ четыремъ станамъ, чтобы во-время собрать уѣздныхъ людей, служилыхъ и неслужилыхъ, въ осаду; въ помощь Ливенскимъ воеводамъ могли выступить еще цѣлыя корпуса войскъ, содержавшіяся по украинскимъ городамъ. Последняя мѣра, практиковавшаяся для удержанія Крымскихъ набѣдниковъ со времени Михаила Феодоровича, была особенно приложена къ Ливнамъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, котораго Крымцы, по выраженію историка Соловьева, въ первый же годъ царствованія „поздравилъ“ набѣгомъ на Орловскій край *). Именно, въ 1646 году, царь Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ быть большому полку на Ливнахъ, сторожевому въ Бѣлицѣ, а передовому въ Курскѣ. Воеводами большого полка были назначены: бояринъ князь Никита Ивановичъ Одоевскій, околичій князь Дмитрій Петровичъ Львовъ, князь Семень Петровичъ Львовъ да дьякъ (съ Разрядомъ) Александръ Дуровъ; при казѣ на жалованье драгунамъ и солдатамъ состояли: Иванъ Андреевичъ Ржевскій, Григорій Замятинъ Череновъ да дьякъ. Въ случаѣ появленія Татаръ, съ Ливенскимъ корпусомъ должны были соединиться еще полки: Тульскій, Переяславльскій, Кропивенскій, Веневскій и Мценскій. Воеводамъ всѣхъ этихъ городовъ предписано было находиться въ постоянныхъ сношеніяхъ между собою относительно Крымскихъ вѣстей и быть всегда на-готовѣ выступить въ *сходъ* на Ливны. Такимъ образомъ Ливны стали главнымъ стратегическимъ пунктомъ относительно обороны украинъ. Впрочемъ, смотря по обстоятельствамъ, большой полкъ перемѣщался иногда то въ Бѣлгородъ, то на Яблоновъ. Во время похода въ Бѣлгородъ, въ іюнь 1646 года, *головами* были: у Ливенцевъ Матвій Воиновичъ Баучаровъ, у Мценцевъ Андрей Артемьевичъ Шеншинъ и Осипъ Степановичъ Арсеньевъ, у Волховичанъ Никита Михайловичъ Выбианъ, у Брянчанъ Гавріилъ Осиповичъ Боканъ. По вступленіи большого полка, на Ливнахъ оставались на воеводство: князь Семень Петровичъ Львовъ и городской воевода Дмитрій Феодоровичъ Колтовскій, которые, въ случаѣ появленія Крымцевъ, должны были присоединиться къ сходу въ Бѣлгородъ. Простоявъ лѣто и осень въ Бѣлгородѣ, большой полкъ возвратился къ зимѣ на Ливны, сторожевой по прежнему

*) Послужаenne Турецкимъ султаномъ, Крымцы въ декабрѣ 1645 года, подъ предводительствомъ своихъ царей Каяси и Ураднѣ, опустошили Комаричскую (Сѣвскую) волость и повооевали Карачевскія и Орловскія мѣстности. См. Орлов. Епарх. Вѣдом. 1867 г. стр. 1217—1218.

пожѣтился въ Ельцѣ, а передовой сталъ въ Курскѣ; при чемъ, по отознаніи князя Одоевскаго въ Москву, главнымъ воеводою большаго полка назначенъ былъ изъ Тулы окольный Михайль Матвѣевъ Бутурлинъ. Назначеніе въ 1647 году въ полковныя Ливенскіе воеводы князя Григорія Семеновича Куракина и Андрея Васильевича Клепикова—Бутурлина съ дьякомъ Сарвою Самсоновымъ, а въ осадныя—Федора Обросимовича Лодыженскаго послужило поводомъ къ мѣстничеству на Ливнахъ. Такъ какъ полковая служба считалась выше городской, то Лодыженскій почиталъ *порухою* (униженіемъ) для себя и своего рода служить ниже Бутурлина, о чемъ и билъ челомъ Государю. Въ Москвѣ однакожь посмотрѣли на это мѣстническое дѣло иначе, и Лодыженскій за неудачное мѣстничество посаженъ былъ въ Ливенскую *тюрму*; послѣ чего онъ оставался здѣсь городовымъ воеводою до 1650 года, когда былъ смѣненъ Яковомъ Петровичемъ Кологривовымъ. При преемникѣ Кологривова, бѣлевцѣ Никитѣ Михайловичѣ Зыбинѣ (1651—1653), сходъ назначался на Яблоновѣ и по указу Государя. 10-го іюня 1653 года производился на Ливнахъ смотръ дѣтямъ боярскимъ и черкасамъ „со всею ихъ службою“, а именно: Ливенцамъ, Ельчанамъ, Новосильцамъ, Ефремовцамъ, Таличанамъ и Чернавцамъ; ревизію эту производили: бояринъ и воевода Василій Борисовичъ Шереметевъ и окольный Федоръ Васильевичъ Бутурлинъ *). При Зыбинѣ же Ольшанскіе черкасы доставляли въ Воронежъ Московскія рогатины **).

Въ виду постояннаго сосредоточенія боевыхъ силъ на Ливнахъ, Крымскіе Татары сдѣлались осторожнѣе въ своихъ нападѣніяхъ и не осмѣливались показываться на украинѣ во всякое время года, какъ это было въ царствованіе Михаила Феодоровича; теперь болѣе удобнымъ временемъ для набѣговъ они считали уже зиму, такъ какъ съ выпаденіемъ снѣговъ, обыкновенно, прекращались на украинѣ станичныя и сторожевыя разъѣзды, и Московское правительство, не чаявшее въ зимнюю пору прихода „воинскихъ людей“, ослабляло свою бдительность. Между тѣмъ присоединеніе Малороссіи (въ 1654 г.) вовлекло Московское государство въ долговременную и изнурительную войну съ Польшою, осложнившуюся еще трудною борьбою съ Швеціею. Главныя силы государства были отвлечены на западъ; туда же ушла и часть Ливенскаго ополченія; украиня защищалась слабо, и Татары, подкупаемые Польскими золотомъ, нашли теперь удобный случай возобновить свои набѣги. Въ 1660 г. царь Алексѣй Михайловичъ, „по большому Крымскимъ вѣстямъ“, велѣлъ укрѣпить Ливенскую засѣку и послалъ для этого дѣла инженеря Михаила Ивановича Засѣкаго, который вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ принять на себя и самое береженіе засѣкъ съ сторожами. „Засѣчное дѣло“, т. е. устройство земляныхъ и деревянныхъ крѣпостей, производилось „ратными всякими охочими пѣшими людьми (стрѣльцами, клязками и солдатами) изъ

*) См. „Разрядныя книги“ времени царя Алексѣя Михайловича.—

**) Воронеж. Акты, ч. III, стр. 8-я.

поденнаго корму, по 6 денегъ человѣку на день;“ за *дѣловцами*, чтобъ они „не гуляли, засѣчное дѣло дѣлали на снѣгахъ,“ наблюдали, кромѣ главнаго инженеря, дворяне и головы, стоявшіе на засѣкахъ. Засѣчная работа кипѣла теперь у всѣхъ Татарскихъ *перелазовъ*, или бродовъ, на р. Соснѣ, каковы—усть Луковца, Хвошны, Трудовъ, Ливенъ и Чернавы. Но засѣка не помогла: Крымцы прорвались чрезъ нее у самаго города Ливенъ и, подъ предводительствомъ своего хана, причинили много зла Ливенскому уѣзду. Татары побывали теперь во всѣхъ четырехъ станахъ Ливенскаго уѣзда и вездѣ оставили слѣды опустошенія.

Въ *Красномъ стану* Татары опустошили слѣдующія мѣстности: село Пятницкое, деревни: Костомарову, Орлову, Хвоцеватое, Хрущеватое тожъ, Плотову, Лютову тожъ, Чувахину, Чухову тожъ, и Тишкову; въ *Серболовомъ стану*: села—Нижній Куначъ, Козмодамильское тожъ, Спасское, Спасское—Островъ, Егорьевское, деревни: Сторожевую, Прилѣны и Грязцы;—въ *Затруцкомъ*: село Никольское, деревни: Святину, Милану и слободку на усть рч. Жерихани. *Жорещій* станъ опустошенъ былъ до того, что его нашли пужнымъ причислить на время къ Затруцкому. Конечно, указанными мѣстностями не исчерпывалось все бѣдствіе Татарскаго погрома. Здѣсь приведены только тѣ села и деревни, изъ которыхъ Татары вывели въ плѣнъ крестьянъ и бобылей. Нѣкоторыя деревни послѣ „ханскаго разоренія“ зануѣбли совершенно. Такъ о деревнѣ Здоровцѣ, верхъ колодезя Здоровца на Липовомъ отвершкѣ, подъ Краснымъ лѣсомъ, замѣчено въ писцовыхъ книгахъ 1684 года, что „той деревни помѣщики и вотчинники съ старыхъ усадебъ сошли послѣ Ханскаго разоренія на новыя усадбы, на новоросчисную землю Краснаго жъ лѣсу, къ рѣчкѣ Лѣсной Ливнѣ“. Подобно Здоровецкимъ помѣщикамъ и помѣщики „деревни усть—Никольскаго верха на рѣчкѣ на Лѣсной Ливенѣ, противъ *стрѣлицы* въ Красномъ лѣсу, покинувъ старыя свои усадбы, сошли послѣ Ханскаго разоренія на новыя усадбы, на новоросчисную землю Краснаго жъ стану, къ рѣчкѣ Лѣсной Ливенѣ, противъ устья Бѣлаго колодезя въ низъ по правую сторону, что смежно съ деревнею Здоровцемъ.“ Невозможно перечестъ все жертвы плѣна „въ приходѣ на Ливны Крымскаго хана.“ Мы можемъ отмѣтить здѣсь только тѣхъ плѣнниковъ изъ крестьянъ и бобылей, о которыхъ упоминаетъ переписчикъ 1678 года. Вотъ эти жертвы.

Въ *Красномъ стану*: въ дер. Костомаровой Татары „въ приходѣ Крымскаго хана взяли въ полонъ крестьянъ помѣщика Олфера Булганова—2 двора“; въ с. Пятницкомъ помѣщика Григорія Парахина „пойманы въ полонъ крестьяне—4 двора“; изъ деревни Орловой взяты въ плѣнъ крестьянинъ Артемья Онисимова; въ деревнѣ Плотовой, Лютой тожъ, „взяты въ полонъ“ бобыли—2 двора, бывшіе за помѣщикомъ Андреемъ Шетѣвымъ; въ дер. Чувахиной взяты въ плѣнъ: крестьянинъ Марко Козминъ, крестьянинъ Агѣя Васильевича Корогодина и бобыль Евсея Мансимова Теряева; изъ деревни Тишковой „въ приходѣ воинскихъ людей“ уведены въ плѣнъ крестьяне помѣ-

щиковъ: Ивана Андупова — 2 двора. — Въ *Серболовомъ* стану: въ селѣ Нижнемъ Куначѣ, Козмодамьянскомъ тожъ, „въ приходѣ воинскихъ людей“ захвачены бобыли, жившіе въ 4-хъ дворахъ на церковной землѣ; того же прихода въ деревнѣ Нижнихъ Куначяхъ Татары плѣнили крестьянъ и бобылей (2 двора) въ помѣстьи Митрофана Онуфриевича Огаркова и у помѣщика Елисея Шигорена захватили одного бобыля; изъ села Спасскаго вывели 4 двора крестьянъ, бывшихъ за помѣщикомъ Трофимомъ Михайловичемъ Мохоровымъ; въ деревнѣ Сторожевой обезлюдили помѣщики Яковъ Курдюмовичъ Фаустовъ и Прокофій Яковлевичъ Рудневъ; у перваго Татары вывели 2 двора крестьянъ, а у втораго по двору крестьянскому и бобыльскому; изъ села Спасскаго-Острова Татары вывели бобылей, жившихъ тремя дворами на церковной землѣ, и крестьянъ въ вотчинѣ Сергіевского монастыря — два двора; въ деревнѣ Придѣлахъ „пойманы въ полонъ“ крестьяне и бобыли помѣщика Бориса Аносова, въ числѣ двухъ дворовъ; въ селѣ Егорьевскомъ залты Татарами бобыли, жившіе на церковной землѣ двумя дворами; изъ деревни Грязцовъ Татары вывели крестьянъ помѣщика Мартина Скрабина (изъ двухъ дворовъ) и бобылей помѣщика Якова Скрабина (изъ двухъ дворовъ). — Въ *Затруцкомъ* стану: изъ села Никольскаго Татары „поймали“ крестьянъ, жившихъ на церковной землѣ; въ деревнѣ Милыевой плѣнили крестьянъ помѣщиковъ Андрея Писарева и Михаила Прокофьева, всего 3 двора; въ деревнѣ Святинѣ захватили нѣсколькихъ крестьянъ, бывшихъ за помѣщикомъ Василиемъ Шетохинымъ (2 двора); изъ слободки усть Жерихани вывели крестьянъ и бобылей, что были за помѣщикомъ Романомъ Савиновымъ Каширининомъ, въ числѣ двухъ дворовъ.

Въ числу жертвъ Крымскаго нашествія должно отнести и „пропавшихъ безвѣстно“. Таковы были бобыли: Ефремко Сидоровъ, Ромашко Афанасьевъ и Афонько Анкудиновъ, жившіе дворами при церкви села Парахина; Безонко Иванъ, Сидорко Чаплинъ, Вавилко Григорьевъ, Осипко Ивановъ и Перфилью Трофимовъ, жившіе на погостѣ Георгіевской церкви (подъ Краснымъ лѣсомъ на Полевой Ливнѣ), и Панько Акифьевъ, жившій на Георгіевскомъ погостѣ, что на Стенановомъ починкѣ Лыкови въ деревнѣ Здобной (на Полевой Ливнѣ усть Хвоцскаго колодезя). О всѣхъ этихъ бобыляхъ писцовая книга 1684 года, по сказкѣ старожильцовъ, замѣчаетъ, что они „отъ разоренья Крымскаго хана пропали безвѣстно“. Пропасть безвѣстно тогда же и пономарь Георгіевской церкви Краснаго стана Онисимъ Гавриловъ. Что стало съ городомъ Ливнами „въ приходѣ Крымскаго хана“ — неизвѣстно. Нужно думать однакожъ, что и самый городъ немало пострадалъ тогда отъ непріятельскаго оружія. Такъ думать заставляетъ насъ то именно обстоятельство, что въ числѣ жертвъ плѣна были и обитатели города. Здѣсь „пойманы въ полонъ“ нѣсколько казаковъ и бобылей, стрѣлецъ и одинъ гулящій человекъ, жившіе въ Бѣломѣстной слободѣ на церковной землѣ; бобыль, жившій въ Никольской слободѣ, „взятъ въ полонъ“; нѣсколько изъ

полковыхъ казаковъ, жившихъ тремя дворами въ Успенской Заливневской слободѣ, „пойманы въ полонъ“; точно также уведены были въ Крымъ и многіе изъ бобылей, жившихъ 20-ю дворами „на Ливнахъ на пушкарской землѣ“.

Нашествіе Крымскаго хана на Ливенскій уѣздъ заставило многихъ крестьянъ и бобылей искать спасенія въ бѣгствѣ; нѣкоторые изъ бѣглецовъ, вѣроятно, попались въ плѣнъ, а другіе, оставшіеся на свободѣ, не хотѣли уже возвращаться на прежнія, опустошенныя мѣста и пристроились на новыхъ земляхъ. Потому въ переписной о многихъ крестьянскихъ поселкахъ замѣчено, что теперь тамъ „пусто“, т. е. не осталось никого. Кромѣ того, причиною бѣгства крестьянъ могло служить желаніе понасть на новомъ мѣстѣ въ бобыли или задворные люди, или обратиться въ гулящихъ людей; а бобыли, разъ снявшіе съ своего мѣста, не думали возвращаться къ нему какъ по недостатку на то средствъ, такъ и потому, что надѣялись пристроиться въ какомъ-либо посадѣ, чтобы пользоваться большою безопасностью во время непріятельскаго нашествія. Вѣроятно и самая бѣдность разорившихся помѣщиковъ бывала немаловажною причиною побѣговъ крестьянъ и бобылей. По крайней мѣрѣ, о пяти крестьянскихъ дворахъ помѣщика Савелья Давшина, въ селѣ Боговленскомъ, замѣчено, что они „разошлись отъ разоренья“; о пяти крестьянскихъ дворахъ, что были за помѣщикомъ деревни Жиленой Леонтиемъ Овсянниковымъ, а послѣ него за женою его Авдотьею, сказано просто, что тѣ крестьяне „живутъ въ бѣгахъ“; въ такихъ же бѣгахъ показаны 4 двора крестьянскіе, бывшіе за помѣщикомъ Кирѣевымъ въ деревнѣ Нижнихъ Куначяхъ; два двора крестьянъ помѣщиковъ Багринцевыхъ въ деревнѣ Соловьевой; нѣсколько дворовъ крестьянъ и бобылей, значившихся за помѣщиками села Боговленскаго: Клеменомъ Артемьевичемъ Карловымъ, Ѳедоромъ Елистратовичемъ Рогоулинымъ и Тимошеемъ Елистратовичемъ Коширининомъ. О нѣкоторыхъ бѣглецахъ было извѣстно, куда они сбѣжали и гдѣ находились. Такъ, о бывшемъ крестьянинѣ помѣщика села Спасскаго Антона Яковлевича Макарова замѣчено, что онъ сбѣжалъ съ брѣтнями своими въ Чернавскій уѣздъ; а крестьяне помѣщика деревни Сторожевой Меркула Григорьевича Шевичина сбѣжали въ деревню Крутую, — значить къ черкасамъ. Всякій помѣщикъ радъ былъ „принимать людей“, но и „принимать“ не засиживались на одномъ мѣстѣ: такъ о пришлецахъ помѣщика деревни Семенецкой Кондрата Колесова сказано, что „нигдѣ тамъ пусто — живутъ въ бѣгахъ“.

При погромѣ селъ, погостовъ и деревень, въ приходѣ Крымскаго хана пострадали и нѣкоторыя церкви. Такъ о церкви Св. Параскевы, нарицаемая Пятница, что въ селѣ Парахинѣ Краснаго стана, замѣчено въ писцовыхъ книгахъ 1684 года, что она „стоитъ безъ плѣна, не освящена отъ разоренья Крымскаго хана“. Въ той же писцовой Краснаго стана о церкви Св. Георгія Стриготеица говорится: „и та церковь разорена въ приходѣ Крымскаго хана, а нишѣ часовни древяная“. Въ сель-

дѣ Пречистенскомъ, что подъ Сторожевымъ лѣсомъ, на мѣстѣ Успенской церкви стояла также часовня. — Что случилось съ церквами Краснаго стана, стоявшими на пути Крымскаго хана; тоже, вѣроятно, было и съ церквами другихъ становъ; только не видно, чтобы Татары и теперь сохранили какую-либо изъ церквей, или увели въ плѣнь кого-либо изъ поповъ. „Пропалъ“ одинъ пономарь — и тотъ „безвѣстно“.

Вообще царствованіе Алексѣя Михайловича не было еще благоприятнымъ временемъ для прочной осѣлости въ Ливенскомъ уѣздѣ. Колонизація края поддерживалась исключительно мѣрами правительственными, и главную массу населенія, какъ и прежде, составляли служилые люди, стекавшіеся сюда изъ разныхъ мѣстъ, обыкновенно незнатные и не обезпеченные на мѣстѣ своей родины. Вудучи удовольны на Ливнахъ помѣстьями и денежнымъ жалованьемъ, эти служилые люди старались удержать свои земли въ потомствѣ; а на мѣсто убитыхъ, вымершихъ или разорившихся отъ войны и шатающихся „межъ дворъ“ находились новые охотники — служилые люди; отказа не было никому, потому что неопочтой земли, „дикаго поля“ и „перелугу“ было много; помѣщики охотно принимали къ себѣ каждого „въ товарищи“. Писцовыя книги испещрены ссылками на гранаты, выдаваемые новымъ Ливенскимъ помѣщикамъ, въ бытность воеводъ на Ливнахъ — Дмитрія Воейкова (1654 г.), Андрея Чичирова (1661 г.), Владиміра Скрыбина (1674 г.), и Тимофея Челищева (1675 г.). Все это были поселенцы незнатныхъ родовъ. Знатные же и богатые роды чуждались службы на Ливнахъ, кромѣ, конечно, воеводства, которое было временнымъ. Оттого въ царствованіе Алексѣя Михайловича въ Ливенскомъ уѣздѣ не видно и вотчинъ, за исключеніемъ одной (въ деревнѣ Здобной Краснаго стана), принадлежавшей казачьему сыну Василю Евдокимовичу Буркову, который владѣлъ 3-мя дворами крестьянъ, въ числѣ 8 человекъ; да и въ этой вотчинѣ, скоро перешедшей во владѣніе Петра Кондратьевича Ершова, къ концу царствованія Алексѣя Михайловича крестьянъ было уже „пусто“ *). Кто изъ бояръ и думныхъ дворянъ могъ интересоваться помѣтьемъ въ такомъ край, какъ Ливенскій, гдѣ личность крестьянина и имущество вотчинника не были обезпечены отъ „прихода воинскихъ людей“ и откуда крестьяне, при первомъ удобномъ случаѣ, могли разбѣгаться въ разные стороны! Въ то время и въ средней полосѣ Россіи крестьянство не вполне еще забыло прежнюю свою вольность и массами перебѣгало съ земли на землю; тѣмъ труднѣе было рассчитывать Ливенскимъ помѣщикамъ на прочность крестьянской осѣлости. Здѣсь каждая вѣсть о появленіи Татаръ на украинѣ, равно призывъ бирчей къ осадѣ, особенно же нашествіе Татаръ —

*) Въ 1652 году Бурковъ заложилъ свою вотчину Петру Ершову, а въ 1681 году Ершовъ „ту свою заложную вотчину заложилъ и просрочилъ Ливенцу Михаилу Пантелѣеву, — жеребей деревни Здобной, что было займище Присада подъ Краснымъ лѣсомъ на Полевой Ливнѣ, усть Фощеватаго колодезя, а Песковатаго тожь“.

подавали поводъ къ тому, чтобы разбѣгаться въ разные стороны. При такихъ именно обстоятельствахъ жили на Ливнахъ всѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича *).

Х.

Городъ Ливны и его уѣздъ по переписнымъ книгамъ 1678 года въ царствованіе Θεодора Алексѣевича.

Положеніе города Ливень и его уѣзда въ царствованіе Θεодора Алексѣевича. — Церкви г. Ливень и Сергіевскій монастырь. — Станы, села, деревни и ихъ населеніе. — Новоприбылые крестьянскіе и бобыльскіе дворы. — Общее количество населенія въ Ливенскомъ уѣздѣ. — Епархіальная зависимость и состояніе уѣзднаго духовенства. — Церковная утварь. — Грамотность въ средѣ духовенства.

Царствованіе Θεодора Алексѣевича (1676—1782) было уже переходнымъ временемъ для города Ливень и его уѣзда отъ безпрерывныхъ военныхъ тревогъ къ мирному, обезпеченному труду. Теперь восточная половина Малороссіи была окончательно утверждена за Россіей и служила немаловажнымъ прикрытіемъ для обитателей р. Сосны отъ Крымскихъ и Ногайскихъ набѣговъ; кромѣ того, къ концу 17-го вѣка линия южныхъ укрѣпленій Россіи успѣла выдвинуться въ степи такъ, что Татарамъ трудно было проникать въ Ливенскій уѣздъ и производить въ немъ опустошенія; наконецъ, по случаю возникшихъ смутъ въ Малороссіи и Чигиринскихъ походовъ, на Московскій украинѣ содержались цѣлые корпуса войскъ, готовые во всякое время дать отпоръ Крымскимъ набѣдникамъ. Главными столпами сборныхъ войскъ были Сѣвскъ и Курскъ; особенно сильно укрѣпленъ былъ г. Сѣвскъ, воевода котораго занималъ первую степенъ между начальниками провинцій **). Въ правленіе же Софіи русскія войска, съ помощью малороссійскихъ казаковъ, проникли до самаго Крыма и привели въ трепетъ безпокойныхъ его обитателей, а молодой царь Петръ Алексѣевичъ взытіемъ Азова заставлялъ Крымцевъ опасаться за самое политическое свое существованіе. Подъ вліяніемъ такихъ событій Ливенскій край, какъ удаленный уже отъ военныхъ тревогъ, все больше и больше привлекалъ къ себѣ обитателей; прежніе *перелуги* начали

*) Намѣстніе Крымскаго хана на Ливенскій и соседніе съ нимъ уѣзды находилось въ связи съ трудномъ войномъ Московскаго государства съ Польшею и Швеціею. Когда именно совершилось это нашествіе, — въ переписныхъ книгахъ Ливенскаго уѣзда не упоминается. Но такъ какъ В. Р. Чевскій („Г. Новосилъ съ уѣздомъ“, Историко-статистическій очеркъ, Фрязь, типографія Косицкой и Соколова, 1892 г. стр. 19), на основаніи извѣстныхъ ему памятниковъ Новосильской старины, относитъ разореніе города Новосила Крымскими Татарями къ 1659 году; то, по всей вѣроятности, это событіе случилось при нашествіи Крымскаго хана на Ливенскія мѣста, что и могло быть причиною новаго укрѣпленія Ливенской засѣки въ 1660 году.

***) Исторія Россіи Соловьева, т. 13, стр. 423.

вновь распахиваться и обращаться въ цвѣтущія нивы; дикое поле постепенно суживалось и уступало мѣсто новымъ починкамъ, займищамъ, деревнямъ и селамъ. Но прежде чѣмъ перейдемъ къ эпохѣ культурной жизни на берегахъ Сосны, остановимъ вниманіе наше на томъ состояніи города Ливенъ и его уѣзда, въ какомъ находились они послѣ бурнаго времени Крымскихъ набѣговъ. Въ этомъ отношеніи особенно драгоцѣнна для насъ переписная книга по городу Ливнямъ и его уѣзду, составленная въ началѣ царствованія Θεодора Алексѣевича, когда городъ Ливны сохранялъ еще бранный видъ и служилъ охраною для обитателей верхняго бассейна Сосны.

Лѣта 7186 (1678) Января въ 21 день, по Государеву Цареву и Великаго Князя Θεодора Алексѣевича, всей Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, и по наказу изъ Помѣснаго Приказу за приписью дьяка Ивана Рогозиняна, Ливны города и Ливенскаго уѣзду переписи Григорія Ильича Шишкина да подьячего Ивана Ральина, что въ городѣ на Ливнахъ и на посадѣ, и въ слободахъ, и въ уѣздѣ за всякихъ чиновъ людьми въ помѣстьяхъ и въ отчинахъ, въ селахъ и деревняхъ, и въ починкахъ за монастыри крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ и во дворахъ людей и ихъ дѣтей, и братья, и племянниковъ, и сосѣдъ и подсосѣдниковъ, и захребетниковъ имяны съ отцы ихъ и съ прозвищи...

Ливенская переписная книга отъ 1678 года, упоминая лишь вскользь о городѣ (т. е. кремлѣ) и посадѣ (иначе—большомъ острогѣ), сообщаетъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія только о 6-ти церквахъ города Ливенъ, именно тѣхъ, на земляхъ которыхъ жили дѣти боярскіе, стрѣльцы, казаки, бобыли, работники и тулящіе люди,—это: *Соборная Троицкая, Никольская, Дмитріевская*, что въ Бѣломѣстѣ и слободѣ, *Никольская*, что въ Никольской слободѣ, *Успенская*, что въ За—Ливенской слободѣ полковыхъ казаковъ, и *Георгіевская*, что въ Георгіевской слободѣ.—Соборной Троицкой церкви *попъ Нинита* сказалъ: „на церковной землѣ живетъ Ливенецъ сынъ боярской Кирюшка Ковыршинъ на время; у него 3 сына—Сенька 8 лѣтъ, Васька бл., Нестерко въ малыхъ лѣтахъ.“ Относительно жильцовъ на землѣ Никольской церкви Троицкій *протопопъ Иванъ* сказалъ: „которые де прежде сего на церковной землѣ жили себѣ дворами на оброкѣ на-время 3 двора бобыльскихъ, и тѣ бобыли въ прошлыхъ годѣхъ померли или куда сошли—онъ протопопъ не знаетъ.“—При Дмитріевской церкви, что въ Бѣломѣстной слободѣ, жили особыми дворами: „*попъ Григорій* да дьячки—Сидорка, Данилка, Сенька Турбины, у Данилки работникъ Ивашка; а что де прежде сего на церковной землѣ жили 2 двора казацкихъ, дворъ бобыльской, стрѣлецъ да гуляцій челоуѣкъ, и въ прошлыхъ годѣхъ въ полонъ поиманы, а иные померли.“—У Никольской церкви, что въ Никольской слободѣ, жили: „*попъ Иванъ*, дьячекъ Остаея, дворъ вдовой попады Гавридовой Атафия, да сына боярскаго дворъ; а что де прежде сего у тое церкви былъ бобыль, и въ прошлыхъ годѣхъ взятъ въ полонъ.“—У церкви Успенія, что въ За—Ливенской слободѣ: „*попъ Стефанъ*, два двора

дьячковы—Ивашки да Кирюшки, дворъ отставленнаго попа Павла; на церковной же землѣ живетъ Донской казакъ Феодыя Кудрявцевъ, а что де прежде сего на церковной землѣ жили 3 двора полковыхъ казаковъ на—время, и въ прошлыхъ годѣхъ въ приходъ воинскихъ людей поиманы въ полонъ, а иные померли.“—У церкви Св. Великомученика Георгія: „*попъ Федоръ*, да на церковной землѣ живутъ: дядя его Михайла Моголевцевъ, да полковой казакъ Самсонка Серебренниковъ на—время, а что де прежде сего у тое церкви жили на оброкѣ 5 дворовъ бобыльскихъ, и въ прошлыхъ годѣхъ написаны въ стрѣльцы и въ казаки“.

Такимъ образомъ за время Алексѣя Михайловича запустѣло на церковныхъ земляхъ города Ливенъ 15 дворовъ бобыльскихъ и казацкихъ: кто изъ жильцовъ ихъ умеръ или взятъ въ плѣнъ, а кто записанъ въ стрѣльцы и казаки, или пропалъ безъ вѣсти. Затѣмъ къ 1678 году оставалось два сына боярскихъ, очевидно, обезоленные войною, одинъ Донской казакъ, почему—либо не ужившійся на Дону, одинъ полковой казакъ, одинъ работникъ, да вдовы попъ и попады, да дядя поповъ.

На посадѣ жили горожане и отставные дѣти боярскіе: Иванъ Ивановичъ и Онуфрій Петровичъ Костромитины, Гр. Феодяниковъ, Тим. Ивановичъ Сусловъ, Филиппъ Васильевичъ Баладинъ, Евфимъ Лукьяновичъ Крушинъ, Филимонъ Баладинъ, Давидъ Горюстаевъ, Ларионъ Семеновичъ Головинъ и Макарь Павловичъ Шатовъ. За ними не было ни крестьянъ, ни бобылей; потому они охотно принимали въ себѣ на жительство въ городѣ тѣхъ изъ своихъ сослуживцевъ, дѣтей боярскихъ, которые потерпѣли разореніе отъ войны и не могли оставаться въ своихъ помѣстьяхъ. Равно не стало 20-ти бобыльскихъ дворовъ, что были на Ливнахъ на пушкарской землѣ: „по сказкѣ Ливенцовъ дѣтей боярскихъ Тимофея Иванова сына Суслова, Филиппа Васильева сына Баладина съ товарищи, тѣ бобыли въ прошлыхъ годѣхъ померли, а иные въ полонъ поиманы и написаны въ разныя службы, а нигдѣ пусто“.

Сергіевскій монастырь, по прежнему, былъ богатѣйшимъ вотчинникомъ Ливенскаго уѣзда. Послѣ игумена Харлампія, считающагося основателемъ монастыря, здѣсь настоятельствовавали: игумень *Іона*, упоминаемый въ *подлинной переписной* 1846 году; іеромонахъ старецъ *Моисей*, исходатайствовавшій въ 1849 году выписъ на монастырскую землю съ писцовыхъ книгъ Ивана Малечкина за приписью дьяка Мартыяна Вредихина; іеромонахъ *Іоасафъ*, стараніемъ котораго въ 1667 году построена была каменная Успенская церковь съ придѣломъ во имя Св. Сергія, Радонежскаго Чудотворца, существующая дониндѣ; игумень *Терентій*, имя котораго, подъ 1669 годомъ, значится на крестѣ, хранящемся въ Сергіевской церкви. Во время переписи 1678 года въ Сергіевскомъ монастырѣ „на посадѣ“ настоятельствовавалъ *строитель Матвей* *). „По сказкѣ его, за тѣмъ монастыремъ: служба Алферко сынъ Зубаревъ,

*) Объ игуменѣ Іонѣ и строителѣ Матвѣѣ не упоминается ни въ „Описаніи древностей Сергіевской церкви въ г. Ливнахъ, сдѣланномъ по порученію Министра Финансовъ Графа Егора Францовича Кавырина Орловской Ка-

да поварь Сенька Матеевъ сынъ Корѣла, да за городомъ за рѣкою за Сосною, отъ города отъ Ливенъ внизъ по рѣкѣ по Соснѣ, по конецъ Вѣломѣстныя казацка слободы, на рѣкѣ на Соснѣ на берегу, монастырская слобода, а въ ней монастырской дворъ, живутъ дѣтеныши: Тимошка Филипповъ сынъ Арнаутъ, Игнашка Константиновъ, у него 3 сына: Евтюшка 7 лѣтъ, Васька 5 л., Самошка 3 л., Данилка Сафоновъ, у него сынъ Пахомка 11 лѣтъ, — всего 7 человекъ“. Сверхъ того, въ монастырской слободѣ находилось 19-ть крестьянскихъ дворовъ: Ивашки Васильева сына Семенова *новина* съ 5-ю сынами, Марка Яковлева сына Кудрявцева, Моисейка Степанова сына Кортаваго съ 2 сынами, Гришки Васильева сына Сомова (да съ нимъ живеть крестьянинъ Панька Васильевъ сынъ Вѣлоглазъ), Якушки Семенова съ 2 братьями, Елисейки Васильева съ 3 сыновьями, Васьки Савельева сына Ефанова съ 4 сынами, Аюньки Васильева сына Сомова (у него зять Мишка Харитоновъ, у Мишки сынъ Гришка 9 л.), Иллюшки Иванова сына Устинова съ 4 сынами: Ивашкомъ (у Ивашки 2 сына), Кондрашкомъ (у него сынъ Иллюшка), Тимошкой и Ермошкой (у Ермошки сынъ Куземко) и съ внукомъ Гаврилкомъ Лукьяновымъ, Васьки Савельева сына Ефанова съ 2 сынами, Радьки Осипова съ 2 сынами, Ларки Иванова сына Алехина съ 4 сынами и 2 пасынками, Данилки Осипова сына Шершкова съ 3 сынами (изъ которыхъ старшій Огтюшка имѣлъ 2 сыновъ), Васьки Севастьянова сына Жданова, онъ же Боевъ, съ 5-ю сынами (изъ которыхъ два старшіе Тимошка и Овеська имѣли по сыну), Обрамки Иванова сына Алехина (у него подсосѣдникъ Ливенецъ Макарко Захарьевъ сынъ Косьяновъ съ 3 сынами), Ерочки Иванова сына Рышова съ 3 сынами, Калонки Иванова сына Алехина съ 3 сынами, Мишки Иванова сына Алехина съ сыномъ, 2 братьями (Ермошкой и Обрамкою, у котораго 2 сына) и зятемъ Лазаркомъ Яковлевымъ сыномъ Кудрявцевымъ, и Бузки Андреева сына Ситникова съ сыномъ. Всего за монастыремъ въ слободѣ, въ 19-ти крестьянскихъ дворахъ, было людей „80 человекъ, служба, да поварь, да подсосѣдникъ 3 человекъ“. Изъ 5-ти сыновей *новина* Ивашки Семенова два старшіе сына, Сенька да Стенька, находились „въ бѣгахъ“. Изъ монастырскихъ же старинныхъ крѣпостныхъ крестьянъ: „Андрюшка да Селиверстко Оедоровы дѣти съ племянникомъ Мартиномъ Микитинымъ сыномъ и съ двумя сынами Селиверстка (Оомкою да Оюфрейкомъ), Якушка Гурьевъ сынъ Кудрявцевъ съ 3 сынами (Петрушкой, Кирюшкой, Мишкой), Сидорка Авдѣевъ сынъ Милинъ съ 4 сынами, Ивашко Семеновъ сынъ Милинъ Шалтыкъ съ 2 сынами жили на Ливнахъ въ полковыхъ казакахъ, а Селиверстко въ Донскихъ казакахъ; да крестьянскія дѣти Ивашко кузнецъ да Андрюшка Микитинъ дѣти Медвѣдевы жили въ бѣгахъ въ Зем-

ленной Палаты Председателю д. ст. с. Петру Алексѣевичу Вуршапову въ 1838 году“, ни въ описаніяхъ Сергіевского монастыря, помѣщенныхъ въ Орлов. Епарх. Вѣдом. за 1871 г. въ № 17 и за 1872 г. въ № 8-мъ. Потому сыновъ Сергіевскихъ настоятелей, приведенный въ 8 № Орловскихъ Епарх. Вѣдомостей за 1872 годъ, дополняется еще двумя именами, такъ что всѣхъ настоятелей Сергіевского Ливенскаго монастыря можно считать теперь не 13, а 15-ть.

ляискомъ городѣ; Антюшко (съ 2 сынами) да Аливанко Оедоровы дѣти жили на Ливнахъ въ Вѣломѣстной слободѣ“. Жены умершихъ монастырскихъ крестьянъ Филиппа Алехина и Сеньки Кортаваго Фетиньца и Парасковьяца вышли замужъ: Фетиньца за Ливенца сына боярскаго Левку Пантелѣева сына Болдырева въ деревню Жерину, а Парасковьяца за Ливенца же сына боярскаго Петрушку Жилкина; съ Фетиньцей ушли трое сыновей ея отъ перваго мужа (Оюдосейка 11 л., Савка 9 л., Осыка 5 л.), а съ Парасковьяцей одинъ сынъ (Лунка 6 л.). Вышій же монастырскій крестьянинъ Корюшка Петровъ сынъ Ефановъ состоялъ „въ бѣгахъ“. По видному, монастырь не розыскивалъ своихъ крестьянъ—бѣглецовъ, такъ какъ на ибѣто бѣжавшихъ охотно поступали къ нему *новини*, да и розыски въ то время представляли много затрудненій. Были за Сергіевскимъ монастыремъ и бобыли, но ко времени переписи 1678 года „тѣ бобыли померли“, а дѣти ихъ поступили на раннюю службу: „Сенька да Куземка Григорьевы дѣти Горностаевы сидѣли въ Свѣжей избѣ на Ливнахъ въ подьячихъ (у Сеньки зять Андрюшка), а третій братъ ихъ Данилка (у него сынъ Егупко 15 л.), да Петрушкины дѣти Золотаревы—Сасонка, Оедька и Петрушка, да Яковлевы дѣти Сожины—Петрушка, Матюшка и Мартышка, да Филипповы дѣти Овчинниковы—Ивашка, Петрушка и Евсейко, да бобыли—Титко Фроловъ, Мивка Потаповъ Голодолобовъ, Фролка Ивановъ да Васька Маркеловъ сынъ Ивановъ жили на Ливнахъ въ полковыхъ казакахъ; Фролка Маркеловъ сынъ Ивановъ—въ Московскихъ стрѣльцахъ; Аписимко, Андрюшка и Филька Емельяновы дѣти Зачепинны жили на Ливнахъ въ городѣ; бобыль Ивашко Артемьевъ сынъ Желинъ, да Мивка Степановъ сынъ Семенниковъ жили на Ливнахъ, Ивашко въ Донскихъ казакахъ, Мивка въ ямщикахъ, а Сенька Григорьевъ сынъ Смольяниновъ—выборнаго пошку въ солдатахъ“.

Вообще, число монастырскихъ крестьянъ часто измѣнялось. Напримѣръ, въ 1678 году за монастыремъ считалось 19 крестьянскихъ дворовъ, съ населеніемъ въ 80 человекъ, а въ 1679 году значилось 17-ть дворовъ, людей въ нихъ 77 человекъ; но въ двухъ дворахъ крестьяне успѣли уже разбѣжаться. Для исправленія духовныхъ требъ въ монастырской слободѣ, Сергіевскій монастырь имѣлъ у себя бѣлыхъ поповъ. Такимъ попомъ въ 1672 году былъ Тимоевъ, прикладывавшій съ соборнымъ попомъ Никитомъ къ верстальнымъ книгамъ руки вмѣсто не знающихъ грамотъ, а въ 1686 году попомъ Іаковъ, присутствовавшій при размежеваніи съ старцемъ Антоніемъ и съ крестьянами. Межеваніе это производилъ стольникъ Иванъ Васильевичъ Золотаревъ съ подьячимъ Ильею Струковымъ; при чемъ за Сергіевскимъ монастыремъ оказалось: „нашии пахатной и перелогу, да дикаго поля доброй земли 70 четвертей, да по старымъ писцовымъ книгамъ Ивана Малечкина въ 1629 году примѣрной земли въ тѣхъ же урочищахъ и въ тѣхъ же четвертяхъ 75 четвертей, всего старая вотчины съ примѣрною землею 145 четвертей; да въ семь же 1686 году прирѣчено сверхъ

той старой вотчины из старой примѣрной земли въ тѣхъ же урочищахъ 350 четвертей; съна 140 копенъ; дѣль Красный и Серболовъ съ помѣщиками обще; а о рѣкахъ Кшеневѣ и Тимѣ, которая даны сему монастырю на пищу со всеми угодьями и сѣнными покосы, писано было къ Великимъ Государемъ въ Помѣстный Приказъ, что оныхъ рѣкъ въ десятины и покоенно и версты положить не можно*). Въ 1688 году настоятель Сергіевского монастыря игуменъ Германъ просилъ въ Помѣстномъ Приказѣ о дачѣ ему на монастырскую вотчинную землю выписи, которая, по его прошенію, и дана съ писцовыхъ книгъ за подписаніемъ дьяка Автонома Иванова. Въ 1691 году настоятелемъ Сергіевского монастыря былъ игуменъ Алексѣй, какъ это видно изъ надписи, сдѣланной на иконѣ являющей за октябрь всѣцѣль, а въ 1699 году „сему монастырю дана была выпись на крестьянъ отъ думнаго дворянина и воеводы Семена Петровича Неплюева**“).

Въ 1678 году въ Ливенскомъ уѣздѣ считалось 3 стана: Красный, Серболовъ и Затруцкій, къ которому причисленъ былъ существовавшій прежде четвертый станъ—Мокрецкій, сильно пострадавшій предъ тѣмъ временемъ отъ Татарскихъ набѣговъ***).

Въ переписной этого года значатся слѣдующія поселенія на пространствахъ Ливенскаго уѣзда съ жителями ихъ—помѣщиками, крестьянами и бобылями:

1. Въ *Красномъ стану*:

СЕЛО НИКОЛЬСКОЕ.

Село Никольское, на Лѣсной Ливнѣ, съ церковью Св. Николая Чудотворца; при ней пошъ Федоръ Андреевъ да 2 двора дьячковыхъ—Сеньки да Федьки Тимофеевыхъ дѣтей Андреева; да дворъ крестьянина Куземки Фокяна сына Андреева, а людей въ немъ 6 человекъ.

Приходомъ къ селу Никольскому были деревни:

Зубцова, что былъ починокъ Буляевской, Мишустино тожъ; въ ней 22 человекъ дѣтей боярскихъ: Кирида Фоминъ сынъ Ивашовъ, Матвѣй Михайловъ сынъ Адашевъ, Еськинъ, Красовы, Мягкіе, Зубцовы, Лагутины, Аширинины; всѣ они дворяне, безъ крестьянъ и бобылей.

*) См. вышеприведенное описаніе древностей Сергіевского монастыря.

***) Тамъ-же.

***) Г. Артемьевъ въ своемъ изслѣдованіи говоритъ: «Ливенскій уѣздъ раздѣлился на 4 стана... а до 1673 г. былъ еще и 5-й станъ, называвшійся Подлѣснымъ...» Отъ чего не упоминается пошъ о Мокрецкомъ станѣ, находившемся на р. Сосноу,—неизвѣстно. Тѣмъ болѣе это непонятно, что значительная часть становъ Затруцкаго и Серболова также были расположены на Сосноу, а однако исключены въ переписи. Что Мокрецкій станъ не былъ безлюденъ, можно видѣть изъ писцовой книги 1691 года, по которой значится въ Мокрецкомъ станѣ 1778 датчинниковъ или владѣльцевъ приписной тамъ къ селамъ и деревнямъ земли (см. Орлов. Губ. Вѣдом. 1860 г. № 26, стр. 247). Но такое извѣстіе г. Артемьева относительно Мокрецкаго стана объясняется тѣмъ, что онъ не вѣдѣлъ у себя подъ руками переписной книги 1678 года. Что-же касается до упоминаемаго г. Артемьевымъ 5-го *Подлѣснаго* стана въ Ливенскомъ уѣздѣ, то такого стана мы не встрѣтили ни въ одной переписной Ливенской книгѣ за время съ 1615—1684 г., а потому и сомнѣваемся въ его существованіи.

Ностомарова, что было займище Присада; ее населяли 16 человекъ помѣщиковъ-однодворцевъ: Сасонъ Исаевъ сынъ Чюпахинъ, Губановы, Голицкіе, Селеменовы, Выгинны, Легоновы, Жердевы, Терлевы и Булгаковы; никто изъ нихъ крестьянъ и бобылей не имѣлъ, а „которые прежде сего за отцомъ Савельемъ да Трофимомъ Алферьевыми дѣтьми Булгаковыми были 2 двора крестьянскихъ, и въ прежнихъ годѣхъ въ приходѣ Крымскаго хана взяты въ полонъ, а нынѣ пусто“.

СЕЛО ПЯТНИЦКОЕ.

Село Пятницкое, что была деревня Парахина, съ церковью Св. Великомученицы Параскевы, нарицаемыя Пятницы; въ прежнее время при церкви жили бобыли двумя дворами „и тѣ бобыли померли“. Изъ 22-хъ помѣщиковъ этого села только одинъ Парахина имѣлъ на своихъ земляхъ крестьянъ и бобылей; именно: „за Володиміромъ да за Сафоновъ Ларионовыми дѣтьми—крестьянской дворъ да бобыльской, людей въ нихъ 4 человекъ; за Микитю Лазаревымъ сыномъ—дворъ крестьянской, людей въ немъ 6 чел.; за Евтиѣемъ Семеновымъ сыномъ—2 двора крестьянскихъ, людей 7 чел.; за Іовомъ Овдокимовымъ сыномъ—дворъ крестьянскій, людей 3 чел.; за Савостьяномъ Григорьевымъ сыномъ прежде сего было за отцомъ его 4 двора крестьянскихъ, и въ прошлыхъ годѣхъ въ полонъ поимани“. Прочіе Парахины, а также Чюриловы, Анисимовы и Овсянниковы не имѣли ни крестьянъ, ни бобылей.

Къ приходу Пятницкому принадлежали деревни:

Орлова, Хвошеватое тожъ, у Хруцова колодезя; въ ней жило 16 помѣщиковъ—однодворцевъ: Анисимовы, Коидуровы, Устиновы, Филатовы, Ефановы, Воробьевы, Ермоловы (Андрей Михайловичъ), Ситниковъ, Овсянниковъ и Платоновъ; изъ нихъ только за отцомъ Андрея да Ивана Артемьевъ Анисимовымъ „прежде сего былъ крестьянинъ, и въ прошлыхъ годѣхъ взятъ въ полонъ“.

Лапошина, подъ Краснымъ лѣсомъ, состояла во владѣніи Петра Маркова сына Смагина съ товарищами (6 чел.), изъ которыхъ только за дѣдомъ Антономъ Семеновичемъ Огибаловымъ „былъ бобыль, и въ прошлыхъ годѣхъ умре“.

СЕЛО ЕГОРЬЕВСКАЯ.

Село Егорьевское Верхнее, съ церковью Св. Великомученика Георгія; у той церкви пошъ Павелъ да дьячекъ Овдокимъ Топоровъ“.

Деревня Плотовая, Лютая тожъ; въ ней 13 помѣщиковъ—однодворцевъ: Рудневъ, Лютые, Бакулины, Жидкіе, Токаревы, Вѣляевъ и Левшинъ—безъ крестьянъ и бобылей; за Андреемъ Филипповичемъ Алтухинымъ былъ дворцовый человекъ Кондрашко Семеновъ сынъ Семеновъ (у него 2 сына: Кондрашко 8 л., Васька 4 л.), за отцомъ Понкратьемъ Андреевымъ Шатѣевымъ „были 2 двора бобыльскихъ, и въ прошлыхъ годѣхъ взяты въ полонъ, а нынѣ пусто; за Шерфильдемъ Андреевымъ сыномъ Шатѣевымъ—2 двора бобыльскихъ, людей въ нихъ 8 человекъ“.

Деревня Чювахина, Чюхова тожь, съ 13-ю помѣщиками—однодворцами: Козминимъ (Степаномъ Козмичемъ), Воробьевыми и Седютинымъ; за Игнатомъ Марковичемъ Козминимъ и Агѣемъ Васильевичемъ Корогодинимъ было по крестьянину, а за Евсеємъ Максимовичемъ Теряевимъ былъ бобыль, а тѣ двое крестьянъ да бобыль „въ приходѣ воинскихъ людей въ прошлыхъ годѣхъ взяты въ полонъ“.

Деревня Пишкова, за 22 помѣщиками—однодворцами; за отцами Фрола Ивановича и Федора Алексѣевича Ансуповыхъ было по 2 двора крестьянскихъ, „и тѣ крестьяне въ приходѣ воинскихъ людей въ полонъ поиманы“; прочіе всѣ помѣщики, какъ-то: Михайловы, Авдѣвы, Логачовы, Злобины, Подколзины, Бекетовъ, Настолзинъ, Кудрявый, Ядшиный, Ершовъ и Невзоровъ—безъ крестьянъ и бобылей.

Деревня Хвощеватая, Потапова тожь, за 18 помѣщиками—однодворцами—Трубициными, Мезенцевыми, Чиковыми, Потаповыми, Глаткими, Ершовымъ, Выпоровымъ, Головинимъ и Горбукуровымъ безъ крестьянъ и бобылей; два же крестьянскихъ двора, что были у отца Михаила Евдокимовича Потапова, въ „прошлыхъ годѣхъ померли“.

Деревня Жилева, подъ Жилевымъ лѣсомъ, за 2-мя помѣщиками: Рыковымъ (Федоромъ Мелентьевичемъ) и Овсянниковымъ, а по смерти послѣдняго за вдовою его Авдотьею Леонтьевною; за Овсянниковымъ было 5 крестьянскихъ дворовъ и изъ нихъ всѣ люди разбѣжались.

Деревня Здобная прежде принадлежала Василию Евдокимовичу Буркову, у котораго въ починкѣ было 3 двора крестьянскихъ, а „лишь тою отчиною владѣть Петръ Кондратьевъ сынъ Ершовъ и крестьянъ пусто“.

„Да въ томъ-же Красномъ стану сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ поселены вновь села и деревни и починки—Ливенцы дѣти боярскіе“.

Деревня Здоровецъ, усть Никольскаго Верха на рч. Ливенкѣ за 20 однодворцами; это: Лыковы, Смагины, Гранкины, Ханины, Кобозевы, Мишуревъ (Петръ Яковлевичъ), Гревцовы, Кожуховы, Богаты, Теряевы, Хвостовы, безъ крестьянъ и бобылей*).

Деревня Семенихина за 16-ю помѣщиками—однодворцами: Семенихины (Григорій Федоровичъ), Манцовы, Зодотухины, Егорюны, Глаткій, Сараевы, Болтенковъ, Ханинъ, Ровенскіе, безъ крестьянъ и бобылей.

Деревня Дутая; въ ней помѣщиковъ 21 человекъ, безъ крестьянъ и бобылей: Ивановы (Мартинъ Ермолаевичъ), Леоновы, Хмелевскій, Рылковы, Котосоновъ, Заболотскіе, Челцовъ, Стряпковъ; за отцомъ Максима Никитича Иванова „были прежь сего 2 бобыля и въ прошлыхъ годѣхъ померли“; за отцомъ Василья Федоровича Рыкова былъ также бобыль „и въ прошлыхъ годѣхъ умре“.

Подъ названіемъ Здорова въ переписной показаны двѣ деревни: въ настоящее время есть село Здоровецъ и Здоровецкіе (Здоровскіе) дворы, при колодцахъ, въ 11 в. отъ города.

Деревня Роговая за 15-ю помѣщиками—однодворцами (безъ крестьянъ и бобылей): Манцовы, Огбаловы, Соповы, Алтуховы, Кожуховы, Солоповы, Аюнины.

Деревня Косьянова за 11 однодворцами: Добриковы (Василій Ивановичъ), Сухой, Кондратьевы, Ахихминъ, Косьяновы.

СЕЛО НИЖНЕЕ ЕГОРЬЕВСКОЕ.

Село Нижнее Егорьевское. съ церковію Св. Великомученика Георгія: у той церкви попь Сидоръ да дьячекъ Максимка Еськовъ.

СЕЛО УСПЕНСКОЕ.

Село Успенское, съ часовнею Успенія Пресвятыя Богородицы; въ немъ помѣщиковъ—однодворцевъ 21 человекъ (безъ крестьянъ и бобылей): Дромовъ (Василій Лаврентьевичъ), Хмелевскій, Добриковы, Горбатовъ, Занцовъ, Шеховцовы, Пыжевы, Алтухинъ, Клоковы, Невзоровы, Коалинъ, Анисимовъ.

Деревня Новосильская, помѣщики—однодворцы въ числѣ 21 человекъ (безъ крестьянъ и бобылей) съ Михаиломъ Евдокимовичемъ Подольскимъ во главѣ: Страховъ, Карповъ, Ханинъ, Сухаревъ, Анисимовъ, Голубицкій, Куликовъ, Созоновъ, Трубицинъ, Пашковъ, Потаповы, Ядыковъ, Ромезовъ, Голощановъ, Бакудинъ, Крипцовъ, Косторный, Александровъ, Крапивцовъ.

„Всего въ Красномъ стану за помѣщики (281 ч.) 6 дворовъ крестьянскихъ, 3 двора бобыльскихъ, обоего 9 дворовъ, людей въ нихъ 34 человекъ, дворовыхъ людей 2 человекъ, дѣтей у нихъ 2 человекъ*).

П. Въ *Серболовомъ стану*:

СЕЛО БОГОЯВЛЕНСКОЕ.

Село Богоявленское, съ церковію—Богоявленіе Христово; у той церкви попь Григорій да дьячекъ Степанъ Григорьевъ, живутъ на церковной землѣ. Въ селѣ 46 помѣщиковъ—однодворцевъ, безъ крестьянъ и бобылей: Везоновъ (Петръ Алексѣевичъ), Марковъ, Вѣлме, Митусовъ, Шумакинъ, Микитины, Сажнецъ, Лениковъ, Каторгини, Потаповъ, Куновъ, Опальковы, Бочюринъ, Некрасовы, Фроловъ, Моначаровъ, Трубиновы, Мальцевъ, Литовиновъ, Пенковъ, Болтенковъ, Пышковъ, Федориковъ, Жихаревъ, Медвѣдевъ, Амосовы, Скуридины, Черниковы, Добродѣвы, Фаустовы, Шемрини, Глаткіе.—„Прежь сего за отцомъ Трофима Савельева сына Даниина было 5 дворовъ крестьянскихъ, и въ прошлыхъ годѣхъ померли, а иные отъ разоренья разошлись“. Братья Ледяниковы имѣли у себя двороваго человекъ (Лавренку Савельева); помѣщикъ Ракинъ имѣлъ работника (Гаврилу Иванова), а за Дмитріемъ Самойловичемъ Косюровымъ „жилъ гуляціи человекъ на—время“.

*) Красный станъ описывается въ переписной 1678 г. подъ ЖЖ отъ 2-го по 28 включительно.

Того жъ прихода *деревня Круглая* за 34 помѣщиками—однодворцами (безъ крестьянъ и бобылей): Чаплыгиннымъ (Лазаремъ Сидоровичемъ), Артемовымъ, Зубаревымъ, Волоотовымъ, Лукинымъ, Шепелевымъ, Драчевымъ, Реутовымъ, Лыковымъ, Рѣдкимъ, Заблочкими, Быкановымъ, Минаковымъ, Кутеповымъ, Рѣвнымъ, Ватутиннымъ, Титовымъ, Минаевымъ, Стародубцевымъ, Башкатовымъ, Моисеевымъ, Марговымъ.

Деревня Кунацкая, на р. Соснѣ, за 14 помѣщиками—однодворцами; это были: Гончаровъ (Свелій Григорьевичъ), Волоцкій, Синютинъ, Водыревъ, Пленковъ, Бабкинъ, Скрибинъ, Ядынинъ, Суринъ, Толстые и Клушины; изъ нихъ только Клушины (Евфимъ Лукьяновичъ да Ѳома Сидоровичъ) имѣли по дворовому человѣку (у перваго: Ѳома Устиновъ съ двумя сыновьями, а у втораго—Ивашка Мартыновъ).

СЕЛО НИЖНІЕ КУНАЧИ.

Село Нижніе Куначи. Козмодамьянское тожъ, съ церковью Козмы и Даміана; „у той церкви попъ Гаврила, да на церковной землѣ живетъ бобыль Иваншко Сергѣевъ сынъ Сергѣевъ (у него сынъ Созонка да пасынокъ Сережка Семеновъ сынъ Семеновъ); а прежь сего было на церковной землѣ 4 двора бобыльскихъ, и въ прошлыхъ годѣхъ въ приходѣ воинскихъ людей пойманы въ полонѣ. Въ томъ же селѣ въ починкѣ за стольникомъ за Василемъ Алферовымъ сыномъ Хитрово дворъ ево боярской, а во дворѣ дѣловые люди: Тронка Алексѣевъ сынъ Огуречниковъ (у него 2 сына: Якимка 15 лѣтъ, Тимошка 5 л.), Мишка Филиповъ сынъ Шестаковъ, всего людей 4 человѣка“. За помѣщикомъ Митрофаномъ Сидоровичемъ Мезенцевымъ былъ дворъ бобыльской (Гришки Еремеева Татарнинова съ двумя сыновьями—Тараскомъ и Кипріяномъ); за прочими помѣщиками (всего 20 чел.): Вѣляевымъ, Кушелевымъ, Яхонтовымъ, Красноуховымъ, Жихоревымъ, Ѳедяниковымъ, Шолоховымъ, Топоровымъ, Борзенковымъ, Ѳедоровымъ, Шеталовымъ, Влаторовымъ и Косторнымъ—ни крестьянъ, ни бобылей не было; „а что прежь сего было за помѣщики: за Иваномъ Казаицевымъ крестьянинъ, за Степаномъ Сотниковымъ 7 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ, за Иваномъ Никифоровымъ сыномъ Якимовымъ крестьянинъ, за Григорьемъ Сапковымъ 5 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ, и въ прошлыхъ годѣхъ тѣ помѣщиковы крестьяне и бобыли померли, а нынѣ пусто“.

Того-жъ прихода *деревня Куначи Нижніе*, въ ней за Мартыномъ Юрьевымъ сыномъ Дорохинимъ было два двора крестьянскихъ, въ нихъ людей 4 чел.; за Митрофаномъ Онуфриевымъ сыномъ Огарковымъ „прежь сего было крестьянскихъ и бобыльскихъ 2 двора, и въ прошлыхъ годѣхъ пойманы въ полонѣ; за Кирилою Елисеевымъ сыномъ Шигаревымъ прежь сего (за отцомъ ево) былъ бобыль, и въ приходѣ воинскихъ людей взятъ въ полонѣ; за Борисомъ Михайловымъ сыномъ Кирѣевымъ (за дѣдомъ его) было 4 двора крестьянскихъ, и они живутъ въ бѣгахъ; за Ѳедоромъ Томидинымъ сыномъ Родивоновымъ—2 двора крестьянъ и бобылей вымерли“; прочіе

помѣщики—Окороковы, Лѣсные, Дороховы, Огарковы были также однодворцы, безъ крестьянъ и бобылей.

СЕЛО СПАССКОЕ.

Село Спасское; въ немъ „церковь Спаса Преображенія; попъ Аверкій Ѳедоровъ; 13-ть помѣщиковъ однодворцевъ, безъ крестьянъ и бобылей.. Прежь сего за Трофимомъ Михайловымъ сыномъ Мохоровымъ было 4 двора крестьянскихъ, и въ прошлыхъ годѣхъ взятъ въ полонѣ; за Ермоломъ да за Антономъ Яковлевыми Мохоровыми былъ крестьянинъ Осташка Синютинъ съ братьями, и онъ живетъ въ бѣгахъ въ Чернавскомъ уѣздѣ“; у Филипскихъ былъ бобыль, но умеръ; прочіе помѣщики: Лобовъ, Ныхачевъ, Грибаковъ, Антиповъ, Шатовъ, Бочуринъ.

Того прихода *деревня Сторжевая*, подъ Серболовымъ лѣсомъ, за 9-ю дѣтми боярскими—однодворцами; изъ нихъ: у Мишинныхъ было 3 двора бобыльскихъ, и они опустѣли; у Дворятинна былъ тоже бобыль, но умеръ; у Якова Курдюмова Фаустова было 2 двора крестьянскихъ „и въ прошлыхъ годѣхъ взятъ въ полонѣ“; у Прокофія Яковлева Руднева также „взятъ въ полонѣ“ изъ двухъ дворовъ крестьяне и бобыли; бывшіе бобыли за Селеховымъ и Шкаловымъ померли.

Того-жъ прихода *деревня Гниловоды*, подъ Серболовымъ лѣсомъ; въ ней за Сидоромъ Алексѣевичемъ Ефановымъ дворъ бобыльской, въ немъ 6 чел., „а что прежь сего было за отцомъ ево 2 двора крестьянъ, и тѣ крестьяне въ прошлыхъ годѣхъ померли, а нынѣ въ полонѣ пойманы“; за Васиіемъ Васильевичемъ Ефановымъ съ братьями—2 двора бобыльскихъ, людей въ нихъ 3 чел.; за Степаномъ Васильевичемъ Гоноровымъ—дворовыхъ 4 чел., дѣтей у нихъ 6 чел.

СЕЛО СПАССКОЕ—ОСТРОВЪ.

Въ селѣ Спасскомъ (Островъ) сверхъ Полова колодезя на Суходолѣ, подъ Серболовымъ лѣсомъ, церковь Преображенія Господня; въ немъ 13 помѣщиковъ—однодворцевъ безъ крестьянъ и бобылей: Логачевъ (Кондратъ Григорьевичъ), Ковыршинъ, Шеталовъ, Ватинъ, Донской, Сапрыкинъ, Стрешковъ, Ухинъ, Бредихинъ; а что „прежь сего на церковной землѣ жили 3 двора бобыльскихъ, и въ прошлыхъ годѣхъ померли, а нынѣ въ полонѣ пойманы, да что прежь сего за Сергѣевымъ монастыремъ, что на Ливнахъ, за игуменомъ въ томъ селѣ на церковной землѣ жили 2 двора крестьянскихъ, и въ прошлыхъ годѣхъ померли, а нынѣ въ полонѣ взятъ“.

Того прихода *деревня Прильпы*, подъ Серболовымъ лѣсомъ, за 9-ю помѣщиками безъ крестьянъ и бобылей: Микудьниковымъ (Лактиономъ Григорьевичемъ), Шинковымъ, Шолоповымъ, Ютиловымъ, Токаревымъ; за Гордѣемъ Борисовичемъ Аюсовымъ „прежь сего было (за отцомъ ево) 2 двора крестьянъ и бобылей, и въ прошлыхъ годѣхъ въ полонѣ пойманы“, а крестьянинъ Микудьниковыхъ „умре“.

Того-жъ прихода *деревня Соловьева*; въ ней помѣщиковъ—однодворцевъ 21 человекъ: Багринцева (Савва Степановичъ), Игнатъевъ, Воробьевъ, Невзоровъ, Лахины, Толстые, Аванасьевы, Погонева, Кошлыковы, Сабѣевъ; „прежъ сего за Багриновцевыми было 2 двора крестьянскихъ и нынѣ въ бѣгахъ“.

Того-жъ прихода *деревня Подберцова*, за 12-ю помѣщиками—однодворцами безъ крестьянъ и бобылей; это—Подколызинъ (Федоръ Сафоновичъ), Черныи, Туридины, Щегловы, Золотухинъ.

Того-жъ прихода *деревня Подпользина*, за Дементьевъ Сафоновымъ Подколызинымъ съ товарищи (всего 6 чел. помѣщиковъ), безъ крестьянъ и бобылей.

Того-жъ прихода *деревня Малахова*; въ ней помѣщики: Алешины, Трубицынъ, Должановъ, Титовъ, Ютиловъ, Стохановъ, Зибаревъ, Долженковъ.

СЕЛО ЕГОРЬЕВСКАЕ.

Село Егорьевское подъ Богдановымъ лѣсомъ; въ селѣ церковь Великомученика Георгія, у церкви попъ Поливаритъ, „а которые прежъ сего у той церкви жили 2 двора бобыльскихъ и въ прошлыхъ годѣхъ поиманы въ полонъ“; помѣщикъ Шуйскій имѣлъ дворъ бобыльскій (людей 5 чел.); прочіе: Фаустовъ, Пенковъ, Глушковъ, Трикачовъ, Зиновьевъ, Лакомовъ, Бачуринъ, Ртищевъ, Печерскіе, Потаповъ, Сижинцевъ—безъ крестьянъ и бобылей.

Того прихода *деревня Новосильская*, подъ Богдановымъ лѣсомъ; помѣщики безъ крестьянъ и бобылей: Калининъ, Глушковы, Шепелевы, Лукьяничковъ, Салтыковъ.

Того-жъ прихода *деревня Черничья*; помѣщики: Пчельниковъ, Окульшинъ, Сичовъ, Дорохинъ, Зубцовы, Сижинцевъ, Шумовъ.

Того-жъ прихода *деревня Грезцы*, на Черной Грязи; помѣщики: Скрабинъ, Потаповъ, Вахунинъ, Сотниковъ, безъ крестьянъ и бобылей; за отцомъ Емельяна Мартыновича Скрабина было 2 двора крестьянскихъ, да за дядею его Яковомъ—2 двора бобыльскихъ „и въ прошлыхъ годѣхъ въ полонъ поиманы, а нынѣ померли“.

Того-жъ прихода *деревня Крутая*, подъ Большимъ Туровымъ лѣсомъ; помѣщики: Хорошиловы, Силуяновы, Харитоновы, Фатѣевы, Выриновъ, Камневы; изъ нихъ только за Михайлою Клементьевичемъ Хорошиловымъ былъ дворъ крестьянскій (съ 3 чел.).

Того-жъ прихода *деревня Хмѣлевая*, на Хмѣлевомъ колодезѣ; помѣщики: Пикаловъ, Мильцовъ, Горбатовъ, Косовы, Шумскіе, Занинъ, Затырчиковъ, Тулковы, всѣ безъ крестьянъ и бобылей.

СЕЛО ПРЕЧИСТЕНСКАЕ.

Въ селѣ *Пречистенскомъ* церковь Пречистыя Богородицы; у церкви попъ Романъ; „по сказкѣ ево, прежъ сего на церковной землѣ было 2 двора бобыльскихъ и тѣхъ бобылей взялъ отецъ ево попъ Федоръ въ Чернавской городѣ, невѣдомо по

какому указу, а нынѣ пусто; помѣщики всѣ безъ крестьянъ и бобылей: Медвѣдевъ, Кафоновъ, Шяголевъ, Иванитъ, Полунинъ, Филатовъ, Тепленскіе, Агѣевъ.

Того прихода *деревня Ясная*, что подъ Большимъ Туровымъ лѣсомъ; помѣщики безъ крестьянъ и бобылей: Болотовъ, Лыковы, Сухарева, Трубицковы, Пенковъ, Суровцевъ, Клодовъ, Потаповъ, Оносовы, Анисимовъ, Егоровъ, Риновъ, Федориковы.

Того-жъ прихода *деревня Волчья*; помѣщики: Абакумовъ, Занины, Антиповы, Андѣевъ, Ватунинъ, Сижинцевъ, Москвитиновъ, всѣ безъ крестьянъ и бобылей.

Того-жъ прихода *деревня Сторожевая*, Акулкова тожъ; помѣщики: Шевяковъ, Перцовъ, Толстой, Зароченцовы, Стрѣльниковъ, Сѣдой, Пикаловъ; изъ нихъ только у Меркула Григорьевича Шевякова было 2 двора крестьянскихъ, но ко времени переписи 1678 года тѣхъ крестьянъ не стало: одни померли, а другіе „жили въ бѣгахъ въ деревнѣ Крутой“.

Того-жъ прихода *деревня Крутая*, за 15-ю помѣщиками—однодворцами: Лукьяничковыми (Ефремомъ Степановичемъ), Савенковыми, Башкатовыми, Екимовыми, Смотровымъ, Литвиновымъ, Гладкими и Трубицкими, всѣ они безъ крестьянъ и бобылей.

Того-жъ прихода *деревня Бынова*, подъ Туровымъ лѣсомъ, за Давидомъ Дмитриевымъ сномъ Носовымъ съ товарищи: Сахаревымъ, Смотровымъ, Воробьевымъ, Мининимъ, Тишкинымъ, Глетовымъ, Докукинымъ, Моногаровымъ, всего за 10 ч. безъ крестьянъ и бобылей.

Того-жъ прихода *деревня Кутелова*, за однодворцами: Акимомъ Федоровичемъ и Акимомъ Ивановичемъ Кутеловыми.

Того-жъ прихода *деревня Нетесова*, за 11-ю однодворцами: Нетесовымъ (Савелемъ Ивановичемъ), Лунинымъ (Павломъ Остафьевичемъ), Чаплыгинимъ, Чернышевими, Щацкимъ, Корташевымъ; всѣ безъ крестьянъ и бобылей.

СЕЛО АРХАНГЕЛЬСКАЕ.

Село Архангельское за 6-ю однодворцами (безъ крестьянъ и бобылей); это: Сижинцевы (Никита Тихоновичъ), Дронины, Куровъ, Скуридинъ.

Того прихода *деревня Пономарева*, подъ Чернымъ лѣсомъ на Черномъ колодезѣ, за Василемъ Игнатьевичемъ Пономаревымъ съ товарищи (всего 18 чел.); это: Шадринъ, Лукины, Повѣткины, Вурцовы, Лѣсной, Полный, Ефановъ, Озеровъ, Литвиновы, Дворяткинъ, Пашковъ, Гладковъ, всѣ безъ крестьянъ и бобылей.

СЕЛО НИКОЛЬСКАЕ—ПЛОСКАЕ.

Село Никольское, Платное тожъ; въ немъ церковь Никиты Христова мученика; у той церкви попъ Трифонъ; въ селѣ 18 помѣщиковъ—однодворцевъ: Мещеневъ (Константинъ Осиповичъ), Перцовъ, Стрѣльниковъ, Зайцевъ, Рылковъ, Скорый, Логачевъ, Ядвинитъ, Варановъ, Ефановъ, Бекетовъ, Невѣровъ, Анненковъ, Ковыршинъ, Мясниковъ, Вровкинъ, Микляевъ, Сергѣевъ (безъ крестьянъ и бобылей).

Того прихода *деревня Стоханова*, что была пустошь Дикое Поле, за Григоріем Даниловичем Александровымъ съ товарищи (всего за 20 чел. однодворцами): это: Мишинъ, Непотятинъ, Яднники, Анисимовы, Титовъ, Алтисинъ; у Александра была бобыль, но онъ умеръ.

Того-жъ прихода *деревня Мульгина*, за Моисеемъ Клеменовымъ сыномъ Заболотскимъ съ товарищи (всего за 9-ю чел. однодворцами): Савиновымъ, Зароченцовыми, Кафоновымъ, Стрешковыми, Мальцевымъ.

СЕЛО НИКОЛЬСКОЕ.

Село Никольское, что подъ Долгимъ лѣсомъ, съ церковью Николая Чудотворца; у церкви попь Ома; помѣщиковъ 23 человекъ, всѣ однодворцы: Злобины, Кавелинъ, Шацкій, Бачуринъ, Сапрыкины, Савиновъ, Волоцкіе, Таршинъ, Пахомовъ, Лукинъ, Сергѣевъ, Шигоревъ, Пыжовъ, Толстой, Пешуринъ, Лѣной, Потаповъ.

Того прихода *деревня Черемошня*, за 8-ю однодворцами: Шеховцевымъ (Иваномъ Фроловичемъ), Дворянинимъ, Крылевыми, Ревакинимъ, Махтинимъ, Скоробаровымъ, Логачевымъ.

Того-жъ прихода *деревня Малинова*; въ ней 13 помѣщиковъ—однодворцевъ: Полуниинъ (Яковъ Клементьевичъ), Молявинъ, Вершинновъ, Пашковы, Шигоревъ, Потаповы.

Того-жъ прихода *деревня Семенецкая*, за 17-ю однодворцами; это: Альчюковъ, Леденевы, Трубицынъ, Вѣляевъ, Сотниковъ, Стрешковъ, Скуридинъ, Пыжовъ, Шаловы, Волковъ, Баскаковъ, Должиковъ; за Кондратомъ Коневымъ жили „пришлые люди на-время, а нынѣ пусто—въ бѣгахъ“.

„Всего въ Серболовомъ стану за помѣщики: крестьянскихъ 3 двора, людей въ нихъ 7 человекъ, бобыльскихъ 6 дворовъ, людей въ нихъ 25 чел., на церковной землѣ дворъ бобыльскій, людей въ немъ 3 чел., обоего—крестьянъ и бобылей 10 дворовъ, людей въ нихъ 35 чел.; въ вотчинѣ дѣловыхъ людей *) 2 чел., дѣтей тожъ, дворовыхъ людей 8 чел., дѣтей тожъ, гулящій 1 чел. Всего крестьянъ и бобылей и дѣловыхъ людей съ гулящимъ человекѣмъ 56 человекѣмъ **).

III. Въ *Затруцкомъ стану*:

СЕЛО САВИНО.

Село Савинъ на рѣкѣ Тимѣ; въ немъ часовня Архангела Михаила; у той часовни попь Леонтій; въ селѣ 17 помѣщиковъ—однодворцевъ: Веригинъ (Степанъ Степановичъ), Болтенковы, Пикаловъ, Смотровъ, Плоховой, Степановъ, Логачевы, Гово-

*) *Дѣловые люди*—назначенные къ работѣ.

**) Серболовъ станъ въ переписной подъ № 24—60.

ровъ, Кокуховъ, Псаревъ, Пантелѣевъ, Жаворонковъ, Стародубцевъ, Мальцевъ (Филиппъ Григорьевичъ).

Деревня Красная Поляна, селится вновь на рк. Тимѣ, за 13 однодворцами, каковы: Селютинъ (Леонтій Исавевичъ), Хмелевскіе, Мильцевъ, Рыковъ, Шаталовъ, Перцовъ, Золотухинъ, Кононыхинъ, Антиновъ, Пасловъ.

СЕЛО РОЖДЕСТВЕНСКОЕ.

Село Рождественское съ церковью во имя Рождества Христова; у той церкви попь Василій; помѣщиковъ—однодворцевъ 12: Леоновъ, Долгіе, Меренковъ, Студениковы, Ланинъ, Ильинъ, Гласковы ¹⁾.

Деревня Лебедки; въ ней 19 однодворцевъ: Пиляевъ (Никифоръ Остафьевичъ), Карловы, Пупковы, Голошаповъ, Федорищевъ, Булавины, Головинъ, Шебановъ, Волковъ, Филипповъ, Доросеевъ, Демидовъ ²⁾.

Деревня Пятна подъ Плоскимъ лѣсомъ, на рк. Тимѣ; въ ней 13 помѣщиковъ, всѣ однодворцы: Сапроновъ (Иванъ Алексѣевичъ), Ревакинъ, Ноилковъ, Писаревы, Ткаревъ, Шелоховы, Растворовъ, Омины, Кривцовъ ³⁾.

Деревня Шолохова за однодворцами 21 человекѣмъ: Шолоховъ (Михаилъ Аверкиевичъ), Головинъ (Павель Трофимовичъ), Старухинъ, Мопыхины, Писаревы, Власовы, Шаховъ, Сергѣевы, Биркинъ ⁴⁾.

Деревня Кудинова поселилась вновь; помѣщиковъ однодворцевъ 29: Животовъ (Клементъ Никитичъ), Меренковъ, Кореневъ, Лемидовъ, Кудиновы, Шеменовы, Тербуновъ, Никоновъ, Вѣлоусовъ, Кривцовы, Мальцевы, Юрьевъ, Масловы, Яднникъ, Поповъ, Орватовъ, Ряполовъ, Распоповъ, Оминъ, Дениковъ, Карловъ.

Деревня Роговая, подъ Плоскимъ лѣсомъ на Плоскомъ колодезѣ, за 5-ю человекѣми однодворцами: Кочергинимъ (Андреемъ Кирилловичемъ), Федорищевымъ, Лепевымъ, Необѣдовымъ, Чернымъ ⁵⁾.

СЕЛО ВВЕДЕНСКОЕ.

Село Введенское съ церковью Введенія Пресвятыя Богородицы; у той церкви попь Дмитрій; помѣщиковъ однодворцевъ 15-ть человекѣмъ: Савенковы (Терентій Карповичъ), Тулицыны, Мальцевы, Пирѣевъ, Тереховъ, Кавелинъ, Тулицинъ ⁶⁾.

¹⁾ Въ прежнее время селцо Рождественское (переп. книга 1646 г) находилось въ Мокрецкомъ стану.

²⁾ Дер. Лебедки по переписной 1646 г. состояла въ Мокрецкомъ стану.

³⁾ Дер. Пятна была прежде въ Мокрецкомъ стану.

⁴⁾ Деревня Шолохова находилась раньше въ Мокрецкомъ стану.

⁵⁾ Деревня «на Рогѣ» (по приправочной 1615 года) или «Нижняя Роговая» (по переписной 1646 года) относилась къ Мокрецкому стану.

⁶⁾ Село Введенское состояло прежде въ Мокрецкомъ стану.

Деревня Ревакина; въ ней 19 однодворцевъ: Животовы (Ларионъ Михайловичъ), Лютой, Моначиловъ, Ревакины, Алехины, Вагринцевъ, Демидовы, Шеменевъ, Прохоровъ, Голдаевъ, Тербинъ *).

Деревня Вахнева за 15-ю помѣщиками—однодворцами, каковы: Ревакины (Устинъ Исаевичъ), Поздняковы, Рудневъ, Кутафинъ, Волоцкіе, Дорофеевъ, Лихопинъ, Шебановъ, Вышловъ.

Деревня Плешнова; въ ней 10 помѣщиковъ, всѣ однодворцы: Дорофеевъ (Гаврила Федоровичъ), Юрєвы, Мальцевъ, Нестеровъ, Головинъ, Иваниковъ, Малютинъ (Киреанфъ Потаповичъ).

Деревня Шебанова; ея населяли 9 помѣщиковъ однодворцевъ: Дорофеевы (Ив. Никитичъ), Ильинъ, Гитъдиловы, Викуловъ, Иваниковъ.

Деревня Рѣднина; въ ней 12 однодворцевъ: Вороновскіе (Кондрать Родіоновичъ), Пикаловы, Чекихинъ, Селищевъ, Миклаевъ, Меншиковъ (Федось Семеновичъ).

СЕЛО НИКОЛЬСКОЕ.

Село Никольское съ церковью Св. Николая Чудотворца; „у той церкви поць Сафонъ сказалъ: которые прежь сего жили на церковной землѣ крестьяне и тѣ въ прошлыхъ годѣхъ померли и въ полонѣ поиманы“; помѣщиковъ однодворцевъ 16-ть: Павловъ (Данило Киприяновичъ), Лешинны, Лехоневъ, Агѣевъ, Черны, Бахтелровы, Даниловъ, Псаревы, Медвѣдевъ.

Деревня Миллева за 7-ю однодворцами: Красовыми (Исаемъ Даниловичемъ), Болоцкими, Риполовыми, Медвѣдевымъ; „села Никольскаго дѣти боярскіе сказали, что прежь сего за Андреемъ Псаревымъ да за Михайлою Прокофиевымъ было 3 двора крестьянскихъ и въ прошлыхъ годѣхъ онъ Михайло умре, а крестьяне поиманы въ полонѣ“; за Созономъ Зибаревымъ былъ дворъ крестьянской, и въ прошлыхъ годѣхъ тотъ крестьянинъ „умре“.

Деревня Святина подъ Святицкымъ лѣсомъ; въ ней 27 однодворцевъ: Огарковы, Кутафины, Микулинъ, Гритчинъ, Злобинъ, Шетохины, Красные, Скорые, Башкатовъ, Ширяевы, Булгаковъ, Брыковы, Бородины. „Той же деревни дѣти боярскіе Федоръ Шетохинъ съ товарищи сказали: прежь сего за Борисомъ Мануиловымъ сыномъ Кутафинымъ жилъ на его землѣ зять его Антонка Сермягинъ, да за Васильемъ Шетохинымъ были 2 двора крестьянскихъ, и тотъ зять и крестьяне выбѣгли, а иные въ полонѣ взяты“.

СЕЛО ДМИТРОВСКОЕ.

Въ селѣ Дмитровскомъ, на рѣкѣ Фощѣ, церковь Великомученика Дмитрія; „у той церкви поць Клемень да дьячекъ Михайла Клеменовъ; въ селѣ 20 ч. одно-

*) Бывшаго Мокроцкаго стана.

дворцевъ: Мягкій (Иванъ Ивановичъ), Распоповъ, Полянскіе, Бредихины, Зибаревы, Алехинъ, Будихинъ, Дуровы, Рыбины, Золотухинъ, Терлевъ, Половневъ.

Деревня Пущинская, за 3-мя однодворцами: Медвѣдевымъ (Иваномъ Андреевичемъ), Уваровымъ, Павловымъ.

Деревня Логовая, Лимовая тожь; въ ней 31 чел. однодворцевъ: Пенковъ (Иванъ Минаевичъ), Псаревъ, Агѣевъ, Рыбины, Чернышовъ, Шимаревъ, Болоцкій, Рогулинъ, Медвѣдевъ, Шасковъ, Полухинъ.

Деревня Шевянова, на рѣкѣ Фощѣ; въ ней за Аверкіемъ Онисимовичемъ Псаревымъ задворные люди—2 двора, людей въ нихъ 5 чел.; прочіе помѣщики однодворцы (всего 6 чел.): Псаревъ (Василій Свиридовичъ), Пироговъ, Черниковы.

СЕЛО БОГОЯВЛЕНСКОЕ.

Въ селѣ Богоявленскомъ церковь Богоявленія; „въ томъ селѣ за помѣщикомъ Клеменомъ Артемьевымъ сыномъ дворъ крестьянскій; людей въ немъ 3 чел., а иные въ бѣгахъ; за Федоромъ Елистратовымъ сыномъ Рогулинымъ да Тимоеемъ Елистратовымъ Коширениномъ были прежь сего крестьяне и бобыли, и одни изъ нихъ умерли, а иные живутъ въ бѣгахъ“; прочіе помѣщики однодворцы: Сухинины, Уваровы, Рогулины, Корниловы, Панюковъ, Кочюковъ, Климовъ, Прокофьевы, Павловы, Климовы, Самойловъ, Воропаевы, Семеновы.

Деревня—что была слободка *Дурнова*; въ ней 14 однодворцевъ: Токмаковъ (Сидоръ Яковлевичъ), Коширениновъ, Переславскій, Дурновъ; изъ нихъ только за Лукьяномъ Евсѣевичемъ Булгаковымъ жило 3 ч. дворовыхъ.

Деревня Проконова, Бенетова тожь, за 7 чел. однодворцами: Прокоповымъ (Иваномъ Деметьевичемъ), Ушаковыми, Полянчиковымъ, Лукьянчиковымъ, Мокашиновыми.

Деревня Бахтеярова вверхъ Плоскаго колодезя; въ ней помѣщиковъ однодворцевъ 8 человекъ: Клевцовъ (Яковъ Григорьевичъ), Зибаревы, Печерскій, Буяковъ; изъ нихъ за отцемъ Ивана Никитича Бахтеярова былъ крестьянинъ, который сбѣжалъ.

Деревня Клевцова подъ Плоскимъ лѣсомъ, вверхъ Плоскаго колодезя; въ ней 6 ч. однодворцевъ: Клевцовы, Поспѣлые, Зиборевъ; за Тимоеемъ Семеновичемъ Поспѣлымъ „жилъ себѣ дворомъ на его землѣ на—время выборнаго полку солдатъ Иванко Федоровъ Пыхтовъ“.

Деревня—что была слободна на усть рѣчки Жерихани; въ ней 6 ч. помѣщиковъ: Корниловъ, Звягинъ, Сопронovy; за Перфильемъ Архиповымъ Коширениновымъ жилъ дворовый человекъ съ дѣтми; за дѣдомъ Никифора Елисѣевича Коширенина (Романомъ Савиновымъ) „было 2 двора—крестьянскій и бобыльскій, и тѣ крестьяне и бобыли въ прошлыхъ годѣхъ померли, а иные въ полонѣ поиманы“.

СЕЛО ПОКРОВСКОЕ.

Въ селѣ Покровскомъ церковь Покрова Пречистыя Богородицы; поселено вновь на рѣкѣ Соснѣ; 21 ч. однодворцевъ: Обориковъ (Дмитрій Григорьевичъ), Коробецкій, Медвѣдевъ, Масловы, Ерофеевъ, Криволаповъ, Заевъ, Филатовъ, Дубровский, Легостаевъ, Оборневъ, Семенихинъ, Внуковъ, Демьяновъ, Узоловъ, Описимовъ, Павловъ.

Деревня Поганая на р. Соснѣ; въ ней 23 ч. помѣщиковъ однодворцевъ: Лодыгинъ (Михаилъ Родіоновичъ), Егорьевъ, Ефремовъ, Кононовъ, Гречишкинъ, Волковы, Колугинъ, Вахтеаровы, Шелишевъ. Квашнины, Ильинъ, Золотухинъ, Санинъ, Лесковы, Можаровъ.

Деревня Носожа на рѣкѣ Косожѣ; въ ней 9 однодворцевъ: Можаровъ (Петръ Гавриловичъ), Вахтеаровъ, Сабинны, Леоновы, Волковъ.

Деревня Красная—на р. Соснѣ—„поселена вновь“; въ ней 25 однодворцевъ: Лубениковъ (Авдѣй Герасимовичъ), Оборневъ, Коробецкіе, Вахтеаровъ, Зубаревъ, Бовы, Ревакинъ, Сѣдельниковъ, Гладкій, Дубровский, Рогунинъ, Сотниковъ, Шестопаповъ, Сухотинъ, Болдыревъ, Внуковы, Перовъ, Тучковъ, Булгаковъ, Гридакинъ.

Деревня Мисайлова на р. Соснѣ—„поселена вновь“; въ ней 10 однодворцевъ: Перовъ (Обросимъ Карповичъ), Халезевы, Зубовъ, Бухтеровъ, Сухининъ, Ефремовъ, Вахтеаровъ, Бабенкинъ, Дуровъ.

Деревня Бьлозерни; въ ней 12 однодворцевъ: Есиновъ (Федоръ Ивановичъ), Занинъ, Лаушкинъ, Черницинъ, Музалевъ, Золотухинъ, Кононовъ, Масловы.

Деревня Губкина „поселена вновь“ на р. Соснѣ; въ ней 19 однодворцевъ: Бабенковъ (Сафонъ Кондратьевичъ), Борзенковъ, Кочелевъ, Ревакинъ, Моисеевъ, Казначеевъ, Козминъ, Момошинъ, Кулаевъ, Кофоновы, Выкановы, Красниковы, Васютинъ, Губановъ, Огарковы.

СЕЛО ИВАНЬ.

Въ селѣ Иванѣ церковь Покрова Пречистыя Богородицы; при ней попь Миронъ; въ селѣ 17 однодворцевъ: Давыдовъ (Иванъ Филипповичъ), Ефремовъ, Алексинъ, Малыгины, Щербатовъ, Шелимовъ, Писаревъ, Булгаковъ, Пыхтинъ, Лежновъ, Семеновъ, Москвитинъ, Челединовъ, Меццениновъ, Мякинъ, Офремовъ.

Деревня Верхососенье на р. Соснѣ; 19 однодворцевъ: Маховъ (Манеиъ Евлампіевичъ), Косьяновъ, Протасовъ, Харитоновъ, Комаринъ, Тучковъ, Логостаевъ, Дубининъ, Щетининъ, Воскобоевъ, Лушинъ, Воженовъ, Калининъ, Золотухинъ, Гречишкинъ, Дубенцовъ, Теряевъ, Леоновъ.

СЕЛО АРХАНГЕЛЬСКОЕ.

Въ селѣ Архангельскомъ церковь Архистратига Михаила, у церкви попь Василій; въ селѣ 11 однодворцевъ: Гревцовы (Шарфеиъ Ивановичъ), Легостаевы, Мальцевы, Медвѣдевъ.

Деревня Драчева; 15 однодворцевъ: Драчевъ (Иванъ Фроловичъ), Лобниковъ, Вѣжиновы, Солодиловы, Михайловы, Шелимовы.

Деревня Харечнова за 7 однодворцами:—Лукьянъ Перфильевичъ и Макаръ Трифоновичъ Харечковы, Смолины, Шелимовы, Борзенковы.

Деревня Башнатова: 11 однодворцевъ: Иванъ, Ома и Максимъ Семеновичи и Евдокимъ Никифоровичъ Башкатовы, Извѣковы, Медвѣдевъ.

Деревня Новосильская; 15 однодворцевъ: Безлѣпкинъ (Евсѣй Григорьевичъ), Филиповы, Легостаевъ, Курсовъ, Реткинъ, Жердевъ, Клоковы.

Деревня Енина; 10 однодворцевъ: Игнатъ Козмичъ, Аванасій Борисовичъ и Иванъ Сидоровичъ Енины съ товарищами; за Енинными были „прежъ сего крестьянскіе и бобальскіе дворы и нынѣ пусто“.

Деревня Шаарова (Шпарова). Ступина и Телѣгина тожь; 19 однодворцевъ: Павловы (Тимоѣй Любимовичъ), Пучьовы, Малыхины, Дергунцовы, Тучковъ, Внуковы, Сухинъ, Легостаевы.

СЕЛО НИЖНЕЕ АРХАНГЕЛЬСКОЕ.

Въ селѣ Нижнемъ Архангельскомъ церковь Архистратига Михаила; у церкви попь Василій; помѣщиковъ однодворцевъ 3 человекъ: Близскіе (Иванъ Аванасевичъ съ товарищи).

Деревня Поганева за 7 чел. однодворцами:—Шатохинъ (Ефимъ Ивановичъ), Лаушкинъ, Енинъ, Луневъ, Шереповъ.

Деревня Сетенева; 26 однодворцевъ: Леоновы (Терентій Карповичъ), Теряевы, Черниковы, Сухаповъ, Харитоновъ, Васютинны, Енины, Калининъ, Сухонинны.

Деревня Морозова; 11 однодворцевъ: Ушаковы (Григорій Омильчъ), Внуковы, Семеновы, Волоцкій, Сотниковъ.

Деревня Непочатая за 5-ю однодворцами: Малыгинъ (Федоромъ Андреевичемъ) Драчевымъ, Енинымъ, Лаушкинымъ, Ковшинниковымъ.

Деревня Кононова; 22 однодворца: Васютинъ (Ларіонъ Полусоевичъ), Оборневъ, Описимовъ, Лавричевы, Воровъ, Непочатый, Шелимовы, Давидовы, Зайцевъ, Аеоинны; изъ нихъ только за Давидовымъ былъ дворовый человекъ Якушко Семеновъ.

Деревня Нинольская; 9 однодворцевъ: Аеоинны (Кондратъ Григорьевичъ), Ефремовы; у Данилы Петровича Ефремова—дѣловой человекъ съ 2-мя сыновьями.

Деревня Ворова на Ворѣ колодезь; 48 человекъ однодворцевъ: Алексинъ (Борисъ Остафьевичъ), Иваловъ, Черниковы, Муратовы, Теряевъ, Розинковъ, Жердевы, Даниловы, Мальцевы, Гревцовы, Герасимовы, Колѣновы, Меркуловъ, Кренивъ, Васильевъ, Позняковъ, Бологовъ, Бочюринъ, Фурсовъ, Погоневъ, Бабаевъ, Курловъ, Внуковы, Селезневъ, Борзенковъ, Муратовы, Лощаковъ, Сараевъ.

СЕЛО РОВНЕЦЬ.

Въ селѣ Ровнецѣ церковь Св. Великомученика Георгія; у церкви поитъ Василій; 27 чел. помѣщиковъ, всѣ одноворцы: Аристъ Семеновичъ Новиковъ, Исай Васильевичъ и Абрамъ Онуфриевичъ Кожуховы, Несторъ Архиповичъ Ашихминовъ, Авдѣй Подлефтовичъ Овсянниковъ, Степанъ Никитичъ Мерцаловъ, Иваниковъ, Ломакинъ, Огарковы, Вирюковы, Заболотскій, Асѣвы, Ереминъ, Хмелевскій, Дубяниковы, Полиницъ, Губановы, Сапрыкинъ, Шабановъ, Зубцовъ, Зароченцевъ, Жилинъ, Моногоровъ, Савинковъ, Окороковъ, Мезинцевъ.

„Всего въ Затруцкомъ стану: крестьянскихъ дворовъ 3, людей въ нихъ 7 чел., дворовыхъ людей 12 чел., дѣловыхъ людей 3 чел.; итого 22 человекъ*“.

„Всего на Ливнахъ на посадѣ за монастыремъ 19 дворовъ крестьянскихъ, людей въ нихъ 80 чел., поварь 1 чел., служба 1 чел., подсобщикъ 1 чел. Въ Ливенскомъ уѣздѣ за помѣщики и на церковной землѣ крестьянскихъ 12 дворовъ, людей въ нихъ 39 чел., бобыльскихъ 10 дворовъ, людей въ нихъ 37 чел., дворовыхъ людей 24 чел., дѣтей у нихъ 8 чел., дѣловыхъ людей 3 чел., въ вотчинѣ дѣловыхъ людей 4 чел.; обоего — крестьянскихъ и бобыльскихъ 41 дворъ, людей 159 чел. Всего крестьянскихъ и бобыльскихъ, дѣловыхъ и дворовыхъ и съ гулящими 199 чел.“.

„Въ Ливенскомъ же уѣздѣ сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ за Ливенцы дѣтми боярскими, по сказкамъ ихъ, крестьянскіе и бобыльскіе дворы объявились вновь:

Въ Красномъ стану въ дер. Здобной за Псаемъ Васильевичемъ и Абрамомъ Онофриевичемъ дѣтми Кожуховыми, да за нимъ же Абрамомъ усть Никольскаго Верха на рѣкѣ на Ливенкѣ Лѣсной противъ стрѣлицы***) его помѣщичьей дворъ съ задворными людьми... всего 4 двора крестьянскихъ, людей въ нихъ 16 чел., задворныхъ 2 двора, людей 7 чел., дворовыхъ людей 5 чел., дѣтей тожь.

Въ дер. Косьяновѣ за Несторомъ Архиповичемъ сыномъ Ашихминичемъ дворъ крестьянской, людей въ немъ 3 чел.

Въ дер. Жиловой за Авдѣемъ Полуехтовичемъ сыномъ Овсянниковичемъ дворъ крестьянской, людей 5 чел., задворныхъ 2 чел., людей 4 чел.

Въ Затруцкомъ стану въ дер. Красной за Степаномъ Никитичемъ сыномъ Мерцаловичемъ дворъ крестьянской, въ немъ 4 чел.

Всего въ Ливенскомъ уѣздѣ сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ, по сказкамъ, объявилось вновь: крестьянскихъ 7 дворовъ, людей въ нихъ 27 чел., 1 дворъ бобыльской, людей тожь, задворныхъ 4 чел., людей 11 чел., дворовыхъ людей 5 чел., людей тожь: обоего — крестьянскихъ и бобыльскихъ 8 дворовъ, людей 29 чел., всего:

*) Затруцкій станъ въ переписной подъ № 61—112.

**) Стрѣлица — укрѣпленіе, съ котораго стрѣляли, — бойница, башня.

крестьянскихъ и бобыльскихъ и задворныхъ и дворовыхъ людей и ихъ дѣтей и братьевъ и племянниковъ 48 чел.“.

Сличая переписную книгу 1678 года съ такою же книгою 1646 года, мы находимъ, что въ царствованіе Алексѣя Михайловича численность крестьянскаго и бобыльскаго населенія въ г. Ливнахъ и его уѣздѣ значительно уменьшилась; именно: въ 1646 году „на Ливнахъ на пушкарской землѣ и въ Ливенскомъ уѣздѣ было за помѣщики и за вотчинникомъ и за монастыремъ и на церковной землѣ 95 дворовъ крестьянскихъ, 82 двора бобыльскихъ, всего въ городѣ и уѣздѣ 230 дворовъ“, а въ 1678 году „убыло крестьянскихъ 59 дворовъ, бобыльскихъ 70 дворовъ, обоего — крестьянскихъ и бобыльскихъ 129 дворовъ“. Но уменьшеніе крестьянъ и бобылей не доказываетъ еще того, чтобы въ царствованіе Алексѣя Михайловича уменьшился общій составъ населенія Ливенскаго уѣзда; убыль крестьянъ и бобылей въ значительной мѣрѣ восполнилась приливомъ новыхъ служилыхъ людей — дѣтей боярскихъ, которыхъ насчитывалось въ 1678 году 1700 чел., кромѣ ихъ вдовъ и недорослей, а также переходомъ на Ливны черкасы, т. е. Малороссійскихъ казаковъ. Поэтому-то и число населенныхъ мѣстъ въ уѣздѣ не только не уменьшилось, но и увеличилось новыми селами и деревнями; именно: по переписной 1678 года въ Ливенскомъ уѣздѣ значилось: въ Красномъ стану 5 селъ и 17 деревень, въ Серболовомъ — 9 селъ и 28 деревень, въ Затруцкомъ (вмѣстѣ съ бывшимъ Мокрецкимъ) — 11 селъ и 41 деревня, всего-же въ уѣздѣ: 25 селъ и 85 деревень. Въ царствованіе Феодора Алексѣевича и въ правленіе ц. Софіи численность населенныхъ мѣстъ и самое народонаселеніе Ливенскаго уѣзда еще болѣе увеличились. Г. Артемьевъ, помѣстившій рядъ статей „о городѣ Ливнахъ и его уѣздѣ“ въ Орловскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1860 годъ, на основаніи нѣкоторыхъ соображеній, полагаетъ, что къ концу 17 вѣка населеніе Ливенскаго уѣзда простиралось вообще до 11,000 человекъ. Вотъ эти соображенія:

„Изъ сохранившихся въ архивѣ Ливенскаго уѣзднаго суда верстальныхъ книгъ 1672 года, смотровыхъ 1681 года и писцовыхъ 1685—1692 гг. видно, что въ концѣ 17-го столѣтія населеніе Ливенскаго уѣзда было довольно значительно... Изъ упомянутой писцовой книги видно, что въ немъ считалось селъ 32, деревень 96 и 4729 даточныхъ помѣстныхъ или владѣльцевъ приписной къ этимъ селамъ и деревнямъ земли и пустошей. Верстальные книги даютъ намъ возможность опредѣлить число мужскаго пола, преимущественно разныхъ служилыхъ людей... Въ 1680 году нововѣдъ Михаилу Воейкову и подъячму Феодору Петрушеву въ Старожъ Осколѣ и въ Ливнахъ велѣно было сдѣлать осмотръ *завоеводчиновъ**), ясауловъ, сотниковъ,

*) *Завоеводчикъ* — помѣщикъ воеводскій.

копейщиков^{**}), рейтаровъ и солдатъ и городской службы дворянъ и дѣтей боярскихъ, всякихъ чиновъ служилыхъ и отставныхъ, и недорослей, а Бѣлгородскаго полка тѣхъ, которые прежде съ 1676 по 1680 г. на службѣ въ полкахъ были, и воеводъ, и вѣхъ, кто не были въ Чигиринскомъ походѣ 1674 года лѣвостію, ослушаніемъ и воровствомъ, или, бывъ въ полку, изъ онаго, не иѣя отпуса, въ дома свои бѣжали. Затѣмъ должно было опредѣлить указанное число копейщиковъ, рейтаровъ и солдатъ и по недостатку наличныхъ назначить въ эти должности самыхъ лучшихъ изъ бывшихъ рейтаровъ и изъ *нѣтчиковъ*, а бѣглецовъ написать въ солдаты. Во исполненіе этого наказа Воейковъ и Петрушевъ, прѣбывъ въ Ливни и взявъ подписныя прошлыхъ 1675 и 1679 годовъ разборныя книги Ливенцкая всякихъ чиновъ служилымъ людямъ, назначеннымъ въ полковую службу, козную и иѣшную, а также переписныя 1678 года крестьянскимъ и бобыльскимъ дворянъ, и пересмотрѣвъ всѣхъ, кто были изъ нихъ на—лицо, разобрали при окладчикахъ, допрашивая всякаго человѣка порознь, и сказки отъ нихъ взяли за ихъ, окладчиковъ, рукопринядствомъ. И по этому разбору оказалось на—лицо въ 3-хъ станахъ Ливенскаго уѣзда—Загрутскомъ, Красномъ и Серболовомъ слѣдующее число разнаго званія людей: сотенныхъ 30, копейщиковъ 59, рейтаровъ большого оклада 159, сотенныхъ нѣтчиковъ 5, рейтаровъ, которые отъ смотра и разбора бѣжали и сказокъ не подавали, за что имъ быть въ солдатахъ,—37, рейтаровъ, которые сверхъ указанного числа 250-ти человѣкъ остались, а у нихъ лошади худы и сами они скудны, почему также назначены въ солдаты,—39, солдатъ 165, казакковъ: атаманъ, ясауль и 72 рядовыхъ. Въ добавокъ къ этимъ выбрано на полковую и городскую службу изъ отставныхъ 2. Написанныхъ прежде въ сказкахъ сотенныхъ и копейщиковъ съ отцами, братьями и съ дядями, отдѣльно отъ ихъ семействъ, 68. Записано же при этомъ осмотрѣ сотенныхъ 19, копейщиковъ 50, рейтаровъ 250, рейтаровъ-нѣтчиковъ 171, солдатъ 190, донскихъ казакковъ 55, въ городскую службу 996. Итого въ Ливнахъ составилось конныхъ и иѣшныхъ полковой и городской службы 2,569 чел. Да у нихъ же считалось на паншѣ 1019, недорослей 1104, старыхъ и увѣчныхъ 189, а всего 2309. Сверхъ того въ Ливенскомъ уѣздѣ считалось тогда Ливенскихъ черкасъ полковой службы, которые служили въ Рыбинскомъ полку, 84 и черкасъ городской службы 45, а всего 129; да у нихъ было на паншѣ 81 и недорослей 125; итого 206 чел. Такимъ образомъ все мужское население служилыхъ людей Ливенскаго уѣзда простиралось до 5213 чел. Весьма вѣроятно, кажется, допустить, что и количество женскаго пола было не менѣе того же. Если еще принять въ соображеніе, что въ уѣздѣ проживали также и другія сословія, какъ духовенство, торговые и посадскіе люди и т. п., хоть въ небольшомъ количествѣ, то все населеніе

^{*)} Копейщикъ или копейникъ—ратникъ, вооруженный копьемъ,—копьеносецъ.

Ливенскаго уѣзда въ концѣ XVII столѣтія, кажется, безъ преувеличенія можно будетъ считать въ 11,000 чел.^{*)}“.

Въ церковномъ отношеніи г. Ливны и его уѣздъ были неоднократно перемѣщаемы изъ одной епархіи въ другую. Первоначально, какъ мы видѣли, Ливенскій край находился въ области Черниговской епархіи, къ которой относилось и все Рязанское княжество; потому-то Черниговскіе архипастыри считали своимъ долгомъ посредствовать между великимъ княземъ Владимірскимъ и князьями, господствовавшими „на Рязани, на Ливнахъ и на Воронежѣ“. Въ концѣ 12-го вѣка на Рязани образована была особая епископская кафедра, и съ тѣхъ поръ обитатели Выстрой Сосны находились въ вѣдѣніи Рязанскихъ владыкъ. Со времени же присоединенія Соснинскаго бассейна къ Московскому княжеству мы видимъ его находящимся въ епархіи Крутицкой; почему въ царствованіе Василія Шуйскаго и посланъ былъ сюда Крутицкій митрополитъ Пафнуцій для увѣщанія жителей, передавшихся на сторону самозванца. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича былъ поднятъ вопросъ объ учрежденіи на Ливнахъ епископской кафедры. Именно, на Московскомъ соборѣ 1667 года, бывшемъ подъ предѣлательствомъ святѣйшихъ патриарховъ: Александрійскаго Памсія, Антиохійскаго Макарія и Московскаго Іоасафа II, царь Алексѣй Михайловичъ предлагалъ учредить въ городѣ Ливнахъ особую епископію, и соборъ тогда же постановилъ „открытъ на Ливнахъ епископскую кафедру, съ подчиненіемъ ея Крутицкой митрополіи, такъ чтобы Ливенскій епископъ, кромѣ священнослуженія и хиротонисанія, ничего не дѣлалъ безъ благословенія и повелѣнія Крутицкаго митрополита^{**)}“. Но постановленіе это, какъ и соборное опредѣленіе 1681 года объ учрежденіи такой же кафедры въ гор. Волховѣ, не было приведено въ исполненіе, по недостатку на то матеріальныхъ средствъ. Оставшіяся по прежнему въ непосредственномъ вѣдѣніи Крутицкихъ іерарховъ, Ливенскій уѣздъ испытывалъ немалыя затрудненія въ сношеніи съ епархіальною кафедрой, которая отдѣлялась отъ него почти 500-верстнымъ разстояніемъ^{**)}. Велѣдствіе этого многіе изъ церквей оставались „безъ пѣнія“. Такъ, напримѣръ, въ 1678 году, изъ 25-ти селъ Ливенскаго уѣзда въ 6-ти не было ни поповъ, ни дьячковъ, именно: въ селахъ Пятницкомъ (Парахинѣ) и Успенскомъ Краснаго стана, Спасскомъ (Островѣ) и Архангельскомъ Серболоваго стана, въ Богоявленскомъ и Покровскомъ Затруцкаго стана; дьячковъ же не было въ 13-ти селахъ: Нижнемъ-Буначѣ (Козмодамьянскомъ), Спасскомъ, Егорьевскомъ, Пречистенскомъ, Никольскомъ—Плосковѣ тожъ, Никольскомъ, что подъ Долгимъ лѣсомъ (Серболоваго стана), Савинѣ (при часовнѣ Арх. Михаила), Рождественскомъ, Никольскомъ, Ивани, Архангельскомъ, Ниж-

^{*)} См. «Орлов. Губерн. Вѣдом.» 1860 г. № 26.

^{**)} См. Историю Россійской Іерархіи, 1827 г., т. I, стр. 82.

^{***)} Крутицкіе іерархи имѣли свое мѣстопробываніе въ Москвѣ—«на Крутицахъ».

немъ-Архангельскомъ и Ровнецѣ (Затруцкаго стана), и только въ 5 селахъ: Никольскомъ (на Лѣсной Ливнѣ), Егорьевскомъ Верхнемъ, Егорьевскомъ Нижнемъ (Краснаго стана), Богооявленскомъ (Серболова стана) и Дмитріевскомъ на Фошиѣ (Затруцкаго стана) были поны и дьячки; въ двухъ селахъ Успенскомъ (Краснаго стана) и Савинѣ (Затруцкаго стана) вмѣсто церкви находились часовни, а въ селѣ Архангельскомъ (Серболова стана) не было и часовни. При отсутствіи дьячковъ, обязанности ихъ, по всей вѣроятности, исполняли дѣти и внуки поповскіе—недоросли, которые впоследствии становились настоящими дьячками. Такъ, въ селѣ Никольскомъ (на Лѣсной Ливнѣ) дьячками были внуки пона Андрея— „Сенька да Федька Тимофеевы дѣти Андреева“; въ селѣ Богооявленскомъ (Серболова стана) должность дьячка проходилъ сынъ пона Григорья „Стенька Григорьевъ“; при церкви села Дмитріевского на Фошиѣ (Затруцкаго стана) дьячкомъ состоялъ сынъ пона Клемена „Михайло Клеменовъ“. Въ записи поповскихъ мѣстъ видна также наследственность. Иногда же поны переѣзжались на другой приходъ, чтобы еще при жизни своей доставить сыну поповское мѣсто. Известно, напримѣръ, что Пречистенскій попъ Федоръ (Серболова стана) перешелъ „въ Чернавскій городъ“, а послѣ него священствовалъ въ селѣ Пречистенскомъ сынъ его Романъ, повидимому недовольный на отца за то, что тотъ, переѣзжая на новый приходъ, вывелъ съ собою съ Пречистенской церковной земли и два двора бобыльскихъ— „невѣдомо по какому указу“^{*)}. Переписная 1678 года не упоминаетъ о нищихъ, жившихъ прежде при церквахъ Ливенскаго уѣзда: померли ли они, или „пойманы были Татарами“—неизвестно. За то она указываетъ на убыль крестьянъ и бобылей, жившихъ на церковныхъ земляхъ и частью умершихъ, частью уведенныхъ Татарами въ плѣнъ; это въ селахъ: Пятницкомъ, Парахинѣ тожъ (2 двора бобыльскихъ), Спаскомъ—Островѣ (3 двора бобыльскихъ), Егорьевскомъ (2 двора бобыльскихъ), Никольскомъ (крестьяне) и Нижнемъ Куначѣ (4 двора бобыльскихъ). Изъ 25 уѣздныхъ Ливенскихъ церквей только 2 имѣли на своей землѣ крестьянскій дворъ (въ числѣ 6 человекъ) и за Козмодамианскою церковью уцѣлѣлъ одинъ бобыльскій дворъ (въ числѣ 3 чел. м. п.).

Русскій православный народъ искони выражалъ свое благочестіе въ преданности къ храмамъ Божиимъ. Эту черту обнаруживаютъ и обитатели Ливенскаго уѣзда въ 17-мъ вѣкѣ. Изъ переписныхъ книгъ этого времени видно, что гдѣ скопилось нѣсколько десятковъ жилыхъ дворовъ, тамъ появлялся уже и погостъ съ церковью или, по крайней мѣрѣ, часовней. Какъ незначительны были тогда приходы, можно судить изъ того, что въ Красномъ станѣ Ливен. уѣзда, въ 1684 году, при 557 дворахъ и при 1250 душахъ мужскаго пола, считалось 8 приходоу, изъ которыхъ въ 4-хъ были церкви, а въ прочихъ вмѣсто церквей, частью подвергшихся разоренію при на-

*) См. Переписную Ливенскую книгу 1678 г. № 44.

шествіи Крымцевъ, а частью не освященныхъ по смутнымъ обстоятельствамъ тогдашняго времени,—часовни; значить, въ приходѣ, среднимъ числомъ, состояло около 70 дворовъ, съ населеніемъ въ полтора ста душъ муж. пола. Повитно, отсюда, какъ, при бѣдности тогдашняго населенія, тревожимаго притомъ частыми нападеніями непріятелей, твудно было построить или возобновить разоренную церковь, съ необходимыми всякій разъ хлопотами предъ отдаленнымъ епархіальнымъ начальствомъ объ освященіи церкви и поставленіи къ ней причта. Въ виду такихъ обстоятельствъ, между прихожанами и попами устанавливалась крѣпкая связь и взаимная преданность. Если прихожане были не въ состояніи на свой счетъ построить церковь, къ нимъ приходила на помощь попъ и на свои собственные средства созидалъ церковь, которую потомъ или выкупали у него прихожане, или обогащали внутреннее достояніе ея своими „прикладами“, состоявшими въ образахъ, ризахъ, книгахъ, колоколахъ и т. п.

Уѣздныя церкви были вообще весьма бѣдны. Построенныя *кльтци*, онѣ совсѣмъ отличались отъ обыкновеннаго жилого дома только приподнятою кровлею (на подобіе вѣтки), а внутри имѣли видъ моленныхъ домовъ. Весь иконостасъ ихъ состоялъ иногда изъ двухъ иконъ, какъ напр. въ Пятницкой церкви села Парахина (впрочемъ не освященной „отъ разоренія Крымскаго хана“, но съ попомъ и тремя дьячками), и въ Никольской села Никольскаго, въ которой третьимъ образомъ была уже запрестольная икона Пречистыя Богородицы Одигитріи. Въ Георгіевской церкви съ вторымъ престоломъ Св. Никиты мученика было всего 5 иконъ съ запрестольными. Заслуживаетъ особеннаго вниманія села Новосилскаго церковь Св. великомученика Георгія; она строилась въ 1684 году уже не *кльтци*, но „съ круглымъ алтаремъ“; для ней тогда же приготовлено было 6 образовъ и полотнояныя ризы. Въ часовняхъ стояло по 1 или по 2 образа, а въ часовнѣ селца Покровскаго—3. Но при всей бѣдности населенія, въ нѣкоторыхъ церквахъ имѣлись иконы въ серебряныхъ окладахъ. Таквы: въ церкви Никольской „образъ Пречистыя Богородицы запрестольныя Одигитріи, окладъ серебряный съ вѣнцемъ, вѣнецъ чеканной, окладъ басменной“; въ Пятницкой церкви— „образъ Св. мученицы Параскевы, окладъ серебряной золоченой басебной“ (тоже-что басменной); въ Георгіевской— „образъ Пречистыя Богородицы на престолѣ обложенъ, вѣнецъ и гривна (ожерелье или цѣпь на шеѣ) серебряная“. Въ Георгіевской часовнѣ, бывшей прежде церковью, имѣлся также напрестольный образъ Богородицы въ серебряномъ визолоченномъ окладѣ. Вообще же въ церквахъ и часовняхъ Краснаго стана имѣлись только слѣдующіе образа: Спасъ, Пр. Богородицы Одигитріи, Успенія, Казанскія и Владимірскія, Деисусы (въ одной Георгіевской), Св. Николая, Флора и Лавра, Параскевы, Георгія и Иліи. Напрестольные кресты были неокладные, слѣд. деревянные. Таквы же, вѣроятно, были и священные сосуды; о сосудахъ же Георгіевской церкви замѣчено, что они были оловянные. *Кандѣи* или кандильницы упоминаются мѣдныя. Священническія ризы были вездѣ полотнояныя (т. е.

собственно: риза, стихарь, поручи и епитрахиль) и по одной парф; только въ Никольской церкви было двое ризъ, изъ которыхъ одна была собственно пона, а другая составляла „прикладъ“ приходскихъ людей *). О колокольных не встрѣчается упоминанія; о числѣ-же колоколовъ извѣстно, что ихъ было: при Никольской 2, Пятницкой 4, Георгіевской 3. При новостроившейся церкви села Новосильскаго колоколовъ еще не было. Изъ часовенъ только одна Георгіевская имѣла 2 колокола, которые, очевидно, были спасены при разореніи находившейся здѣсь церкви въ приходъ Крымскаго хана.

Въ нѣкоторыхъ церквахъ имѣлись еще письменныя напрестольныя евангелія „безъ евангелистовъ“ (въ Георгіевской); въ Пятницкой церкви было евангеліе, котораго „половина обгорѣла кругомъ“; въ Никольской церкви имѣлись два евангелія: одно напрестольное поповское, другое „толковое Польской печати“—прикладъ приходскихъ людей. Изъ прочихъ церковныхъ книгъ упоминаются: Апостолъ, Часословъ, Псалтирь слѣдованная и учебная, Требники—большой и меньшій, Кануникъ, Трѣодъ цвѣтная, Минея общая съ праздниками, Октой, Шестодневъ, Прологъ марта мѣсяца, Николино житіе и ермолой письменной. При часовнѣ сельца Пречистенскаго находился только Служебникъ „старшій“; при Покровской часовнѣ—Апостолъ и Требникъ; при Архангельской—Минея общая, Псалтирь и Часословъ малый „Кіевской печати“.

Появленіе въ Ливенскомъ уѣздѣ богослужебныхъ книгъ Польской или Кіевской печати объясняется съ одной стороны переселеніемъ въ 17-мъ вѣкѣ на Ливны малороссійскихъ казаковъ, изъ которыхъ нѣкоторые могли приносить съ собою священныя книги и жертвовать ихъ въ ту или другую церковь, а съ другой—частыми походами Ливенскихъ служилыхъ людей (по случаю тогдашнихъ войнъ съ Поляками и Турками) въ Малороссію, гдѣ они могли такъ или иначе пріобрѣтать Евангелія, Часословы и прочія церковно-богослужебныя книги Виленскаго и Кіевскаго изданія, чтобы внести ихъ потомъ дорогимъ „прикладомъ“ въ приходскую церковь, въ благодарность Господу Богу за благополучное возвращеніе свое на родину.

Все поны Краснаго стана: Никольскій—Егорій Емельяновъ, Покровскій—Мелентій, Пятницкій—Василій Омивъ, Архангельскій—Романъ Филипповъ, Егорьевскій—Аванасій Дорофеевъ и села Новосильскаго попъ Савинъ прикладывали свои руки къ переписнымъ книгамъ 1684 г. за помѣщиковъ дѣтей боярскихъ, своихъ духовныхъ дѣтей, и почеркъ нѣкоторыхъ изъ нихъ (особенно Никольскаго Егорія Емельянова и Архангельскаго Романа Филиппова) отличался такою твердостью, что почти не уступаетъ опытнымъ въ этомъ дѣлѣ подьячимъ. Изъ всего стана мы не встрѣтили между рукоприкладствовавшими только одного пона сельца Пречистенскаго—Матвѣя Иванова, а восьмага пона, вдовца Сидора, который жилъ и священствовалъ на разоренномъ, въ нашествіе хана, Георгіевскомъ погостѣ (въ часовнѣ), уже не было въ живыхъ, и

*) Въ двухъ часовняхъ сельца Пречистенскаго и Покровскаго имѣлись также полотняныя ризы.

дворъ его былъ „пустъ“. Въ числѣ подписей имѣются и три рукоприкладства дьячкова: Пятницкаго—Дорошки Тарасова, Никольскаго—Федки Андреява и Георгіевскаго Новосильскаго—Ивана Иванова. Изъ наличныхъ дьячковъ не встрѣчается подписи только одного Георгіевскаго—Евдокимки Иванова. Кромѣ того, о значительной степени грамотности духовенства въ Красномъ стану свидѣтельствуетъ и то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ церквахъ употреблялись письменныя евангелія и ермоиды. Гдѣ обучались грамотѣ Ливенскіе кандидаты на священство и дьячковство—неизвѣстно; но есть основаніе думать, что расадникомъ духовнаго пресвѣщенія для г. Ливенъ и его уѣзда уже тогда служилъ именно Сергіевскій монастырь. Изъ переписныхъ книгъ 17-го вѣка мы знаемъ, что нѣкоторые бобыли, жившіе на землѣ Сергіевскаго монастыря, умѣли читать и писать, почему иногда поступали подьячими въ Ливенскую *съезжую избу*; таковы, напримѣръ, были „Сенька и Кирюшка Григорьевы дѣти Горностаевы“. Вѣроятно всего предпологать, что *Горностаевы* и другіе монастырскіе *дѣтеныши* своею грамотою, а презъ нее и карьерою, обязаны были какому-нибудь *черному старцу* Сергіевскаго монастыря, поставившему для себя подвигомъ обученіе дѣтей чтенію и письму, тѣмъ болѣе, что у монастыря была своя лавка въ городѣ, гдѣ, какъ нужно думать, можно было пріобрѣтать самыя грамотки, бумагу и чернила. По крайней мѣрѣ, на провѣстительное значеніе Сергіевскаго монастыря для всего Ливенскаго уѣзда ясно указываетъ то, что въ первой половинѣ 18-го вѣка при Сергіевской обители существовала уже правильно организованная школа для дѣтей духовенства Ливенскаго уѣзда.

XI.

Статистическія свѣдѣнія о Красномъ станѣ Ливенскаго уѣзда въ правленіе царевны Софіи, по писцовой и межевой книгѣ 7193 (1684) года.

Вѣковая борьба за культуру на берегахъ Сосны.—Ливенскія писцовыя, межевыя и переписныя книги 17-го вѣка, какъ древнѣйшіе и важнѣйшіе памятники статистическихъ свѣдѣній о городѣ Ливнахъ и его уѣздѣ.—Подлинная писцовая и межевая книга помѣстныхъ и вотчинныхъ земель въ Красномъ станѣ, письма и межеванья стольника Ивана Васильевича Золотарева и подьячаго Александра Ершова.—Села, селища, деревни, починки, пустоши и населенныя дубравы на пространствѣ Краснаго стана.—Помѣстныя и вотчинныя земли съ прогорѣлыми полянками изъ Краснаго лѣса.—Межа Краснаго и Затруцкаго становъ.—Межа между Краснымъ и Серболовымъ становомъ.—Пограничная черта между Ливенскою градскою землею и Новосильскимъ уѣздомъ.—Поселенія, помѣщики и вотчинники Краснаго стана.—Церкви и часовни; святыя образа, напрестоль-

ныя принадлежности, священническія облаченія и церковныя книги; священно-церковно-служители и ихъ земельныя и сѣнокосныя надѣлы. — Общее заключеніе о Красномъ станѣ.

Мы видѣли, какъ, подъ напоромъ враждебныхъ Московскому государству народовъ, городъ Ливны на—долго исчезъ было съ лица земли, а уѣздъ его обезлюдѣлъ и обратился въ дикое поле, перемежаемое остатками первобытныхъ лѣсовъ и дубравъ, въ которыхъ обитали охотники за дикими звѣрями да появлялись безстрашные станичники, долженствовавшіе извѣщать Московское правительство о движеніи непріятелей, — и какъ затѣмъ, по восстановленіи города Ливень, подъ надежную защиту его стѣнъ, Ливенскій уѣздъ снова началъ заселяться служилыми и всякими *жилецкими* людьми. Долго Крымскіе Татары оснаривали Присосенье, какъ обычное для себя перепутье въ Московское государство, и силились обратить его по прежнему въ пустошь; но бодрствовало съ своей стороны и Московское правительство по отношенію къ берегамъ Быстрой Сосны: независимо отъ высылки и поселенія на Ливнахъ разнаго служилого — военного люда, оно отворило сюда свободныя ворота вѣзмъ, кому не было счастья и удачи внутри государства, въ Малороссіи и на Дону, кого преслѣдовалъ на мѣстѣ судъ за разныя преступленія, кто желалъ избѣжать отъ крѣпостной зависимости, или въ комъ кипѣлъ бранный духъ, кого влекла на новое мѣсто беззавѣтная удаля, или кто надѣялся изъ бѣднаго захребетника и бездомнаго подсосѣдника по-пасть въ казаки, пробиться въ дѣти боярскіе, сдѣлаться помѣщикомъ и даже вотчинникомъ. За этимъ людомъ тогда же послѣдовали на берега Сосны готовые уже поны съ дьячками и пономарями; такъ какъ вѣзмъ имъ правительство въ изобиліи предоставляло дикое поле на пашни, дуга и логи на покосы, лѣса и дубровы „для въѣзда въ нихъ по селидебной и дровяной лѣсѣ“. Поны строили или арендовали построенныя раньше церкви и часовни и снабжали ихъ „всѣми церковнымъ строеніемъ“, т. е. святыми иконами, священными сосудами и облаченіями, богослужебными книгами, свѣчами и др. принадлежностями; во всемъ этомъ усердно помогали имъ своими „прикладными“ и приходскіе люди. Въ тѣхъ же поселкахъ, гдѣ не доставало готового пона, ставился въ поны какой-либо сынъ помѣщика, если оный былъ сколько-нибудь обученъ грамотѣ. На церковныхъ погостахъ, какъ и на усадьбахъ помѣщичьихъ, не замедлили появиться быды и разныя „лиціе“. Такимъ образомъ, гдѣ такъ недавно еще залегало дикое поле, тамъ въ короткое время возникали болѣе или менѣе людныя поселенія. Села, слободы и деревни, равно займища и починки, весьма часто обращались Крымцами въ пепель и развалины, а обитатели ихъ гибли отъ меча, тали отъ плѣна, разбѣгались въ разныя стороны; но за временнымъ опустошеніемъ Присосенія слѣдовали новыя приливы служилыхъ людей, съ новыми выходцами изъ крестьянъ, бобылей, разныхъ задворныхъ или дѣловыхъ людей, — и Ливенскій уѣздъ опять возставалъ изъ-подъ развалинъ, снова перелогі его становились

„доброю нашею“, дикое поле постепенно суживалось, а села и деревни пополнялись новыми дворами. Упорная борьба благотѣльной культуры съ всеокрушительнымъ варварствомъ длилась на берегахъ Быстрой Сосны въ теченіе цѣлаго вѣка; успѣхъ этой борьбы склонялся то на ту, то на другую сторону; среди бранной тревоги и господства меча угасали цѣлыя поколѣнія; у представителей культуры иногда отнимались, какъ говорится, руки для воздѣлыванія края, на который устремлялись всегубительныя стихіи несомкавшей войны; по временамъ казалось, — вотъ, вотъ перестанетъ уже биться жизненный пульсъ у береговъ Быстрой Сосны, и этотъ прекрасный уголокъ Московскаго государства обратится въ „дикое поле“, къ явному торжеству варварскаго Крыма. Но Москва была крѣпка духомъ и тогда, когда не имѣла еще достаточно силы защитить отъ Крымцевъ дорогаго своего Присосенія: „Сами вы знаете, что по ту и по другую сторону Сосны все наша земля“ — напоминалось въ 1593 году изъ Москвы посланъ ея Хворостинну и Вѣльскому, когда они заключали на Ливнахъ мирный договоръ съ Крымскимъ посланцомъ Ахметъ — нашею, желавшимъ, чтобы переговоры о мирѣ происходили на правомъ берегу Сосны, который Татары считали своимъ.

Дорого стоило Москвѣ держаться на берегахъ Быстрой Сосны и культивировать ихъ среди бранныхъ тревогъ: много людей полегло здѣсь своими головами и не болѣе ли еще уведено было ихъ въ плѣнъ Татарами, — первыхъ приходилось замѣщать новыми людьми для такихъ же жертвъ, а послѣднихъ — выкупать за золото, серебро и дорогіе мѣха, присовокупляя къ тому и дорогіе *поминки* ханамъ, кагтамъ, царевичамъ, разнымъ мурзамъ и посланъ. А чего стоило содержаніе остроговъ, засѣвъ, станичниковъ, вожей, сторожей и даже цѣлыхъ корпусовъ войска на берегахъ Быстрой Сосны! Но разъ утвердившись на берегахъ Быстрой Сосны, Московское правительство считало этотъ край уже навсегда своимъ, внимательно относилось ко вѣзмъ его невзгодамъ и весьма часто посылало сюда писцовъ, межениковъ и разныхъ дозорниковъ, которые составляли списки наличныхъ здѣсь помѣщиковъ, осведомлялись, кого изъ нихъ и почему не стало, — кого убили или взяли въ плѣнъ Татары, кто перешелъ или сбѣжалъ отъ войны въ другой городъ, кто взялъ помѣстье и на немъ не селился, а кто бросилъ свое опустошенное помѣстье и „бродитъ межъ дворъ“; подробно „имяны“ перечисляли помѣщичьихъ крестьянъ, бобылей, задворныхъ и дѣловыхъ людей, съ ихъ семействами; описывали самыя помѣстья и вотчины, — кто чѣмъ владѣетъ изъ пашни, перелоговъ, дикаго поля, сѣнныхъ покосовъ и куда въѣзжаетъ по „селидебной и дровяной лѣсѣ“. Такимъ образомъ составились *писцовыя, меженивыя и переписныя книги*, какъ драгоценнѣйшіе памятники колонизаціи Ливенскаго уѣзда. При помощи этихъ памятниковъ мы можемъ воспроизвести эпоху колонизаціи нашего края въ страдное для него время Крымскихъ погромовъ; можемъ указать на первоначальныя здѣсь поселенія и на постепенное возникновеніе разныхъ сель, деревень, слободъ, починковъ и займищъ, съ церквами, часовнями и причтами при нихъ;

можем назвать по имени, отчеству и фамилии самих колонизаторов нашего края, нередко с их женами и недорослями, крестьянами, бобылями, дѣловыми и задворными людьми; знаем жертвы неприятельскаго меча, огня, пѣна и грабежа; имѣем возможность объяснить происхождение названій многих поселеній, а также показать, насколько въ тотъ или другой промежутокъ времени подвигалась впередъ самая обработка земли, какъ постепенно сокращалось пространство „дикаго поля“, уступая мѣсто „доброу пашнѣ“ и „расчищеннымъ землямъ“. Такихъ книгъ, обнимающихъ своимъ описаніемъ пространство Ливенскаго уѣзда, дошло до насъ 8, которыя хранятся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Изъ нихъ первыя три принадлежатъ времени Царя Михаила Ѳеодоровича, четвертая—Алексѣя Михайловича, пятая—Ѳеодора Алексѣевича, а остальныя—времени Царей Иоанна и Петра Алексѣевичей. Въ частности, 1-я изъ нихъ отъ 1615—1616 г. представляетъ „списокъ съ писцовой и межевой книги города (Ливень), его острога, посада и слободъ, и помѣстныхъ и вотчинныхъ земель въ станахъ: Красномъ, Серболовѣ, Затруцкомъ и Мокрецкомъ“, къ сожалѣнію—безъ начальныхъ листовъ и безъ означенія писцовъ.—2-я относится къ 1620 году и озаглавлена такъ: „Подлинная платежная книга помѣстныхъ и вотчинныхъ земель въ станахъ: Красномъ, Серболовѣ, Затруцкомъ и Мокрецкомъ, письма и дозора Немира Ѳеодоровича Кирѣвскаго и подьячаго Василія Ключарева“.—3-я относится къ 1627—1628 г. подъ заглавіемъ: „Подлинная писцовая и межевая книга помѣстныхъ и вотчинныхъ земель въ станахъ: Красномъ, Серболовѣ, Затруцкомъ и Мокрецкомъ, письма и мѣры писцовъ Ивана Ивановича Малечкина и подьячаго Тимофея Семенова“.—4-я отъ 1646 года съ заглавіемъ: „Подлинная переписная книга посадскихъ дворовъ и людей въ городѣ и помѣстныхъ и вотчинныхъ въ станахъ: Красномъ, Серболовѣ, Мокрецкомъ и Затруцкомъ, переписи князя Ѳеодора Петровича Воротынскаго и подьячаго Дмитрія Вологова“.—5-я отъ 1678 года: „Подлинная переписная книга посадскихъ дворовъ и людей въ городѣ и помѣстныхъ въ станахъ: Красномъ, Серболовѣ и Затруцкомъ, переписи Григорія Ильича Шишкина и подьячаго Ивана Ральина“.—6-я отъ 1686 года: „Подлинная писцовая и межевая книга помѣстныхъ и вотчинныхъ земель въ станахъ: Красномъ и Серболовѣ, письма и межеванія стольника Ивана Васильевича Золотарева и подьячаго Александра Ершова“.—7-я отъ 1690 года: „Подлинная писцовая и межевая книга помѣстныхъ и вотчинныхъ земель въ станахъ: Мокрецкомъ, Серболовѣ и Затруцкомъ, письма и межеванія стольника Акима Кузмича Паршина и подьячаго Афанасія Губанова“.—Наконецъ, 8-я отъ 1691 года: „Подлинная писцовая и межевая книга помѣстныхъ и вотчинныхъ земель въ станахъ: Затруцкомъ и Серболовѣ, письма и межеванія стольника и воеводы Павла Ѳеодоровича Загряжскаго и подьячаго Афанасія Губанова.“—Кромѣ того, сохранилась еще одна „Подлинная писцовая и межевая книга помѣстныхъ земель въ Затруцкомъ станѣ, письма и межеванія стольника и воеводы Василія Са-

вича Жемайлова и подьячаго Селиверста Булгакова“, относящаяся къ 1692 году, и 5 подлинныхъ *межевыхъ книгъ* на помѣстныхъ земли (между 1692 и 1699 годами): Сидора и Филимона Зубцовыхъ, Кириллы Сапрыкина Зенова, Гуды Кожухова, Ивана и Ѳеодора Еремныхъ и Егуна Горностаева въ пустоши, что былъ починокъ *Поршинъ* Затруцкаго стана; б) разныхъ владѣльцевъ въ деревнѣ Губкиной Затруцкаго стана; в) въ *деревнѣ Дубовинѣ* Затруцкаго стана; г) въ *деревнѣ Теплыхъ Платахъ*, *Муравлева тожъ*, Мокрецкаго стана, и д) помѣстной земли Самойлы Кононова и Ивана Самойлова Хитровыхъ въ *деревнѣ Верхососень*, на Хижлевоу Колодезѣ (отъ 11 ноября 7208 г.). Изъ этихъ послѣднихъ книгъ—1-я межеванія стольника и воеводы Павла Ѳеодоровича Загряжскаго; 2-я, 3-я и 4-я письма и межеванія стольника и воеводы Василія Савича Жемайлова и подьячаго Селиверста Булгакова, а 5-я межеванія Сидора Аванасьевиича Гринева *). Изъ перечисленныхъ Ливенскихъ писцовыхъ, межевыхъ и переписныхъ книгъ мы по преимуществу пользовались тремя—отъ 1615-го, 1646 и 1678 годовъ, описывающими городъ Ливны и его уѣздъ въ началѣ каждаго изъ царствованій—Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича, такъ какъ и эти книги въ достаточной мѣрѣ проливаютъ свѣтъ на колонизацію Ливенскаго уѣзда въ 17-й вѣкъ **). Любопытныя жители современныхъ селъ и деревень Ливенскаго уѣзда въ представленныхъ нами выдержкахъ изъ *переписныхъ книгъ* найдутъ перныя историческія указанія на ихъ родныя поселенія, съ первоначальными обитателями, на завѣтныя пашни, питавшія ихъ предковъ, на рѣки, рѣчки, колодези, ржавцы и болота, подлѣ которыхъ ихъ прадѣды имѣли свои покосы, на разныя урочища, верхки, отвершки и *вертепины*, которыми владѣютъ они сами, на залегавшія здѣсь нѣкогда лѣса и уже исчезнушіе безслѣдно и т. п. Словомъ, предъ ними, въ краткомъ очеркѣ, привстаютъ неизслѣдованная еще нѣкъмъ исторія ихъ мѣста жительства съ бѣдствіями Татарскихъ погромовъ. Особенно драгоцѣнна въ статистическомъ отношеніи *приправочная* 1615 года и *переписная книга* времени царей Иоанна и Петра Алексѣевичей: первая описываетъ Ливенскій уѣздъ въ началѣ борьбы съ Крымскими Татарами, а послѣдняя изображаетъ его уже по выходѣ изъ этой борьбы, на канунѣ Крымскихъ походовъ князя В. В. Голицына, потрясшихъ гнѣздо Крымскихъ разбойниковъ, и въ виду новаго—Петровскаго времени, предъ благословеннымъ разцвѣтомъ земледѣлія, торговли и промышленности на берегахъ Быстрой Сосны, а потому заслуживаютъ особеннаго вниманія со стороны того, кто интересуется своею родиною не только въ ея настоящемъ, но и давно прошедшемъ.

*) «Описание документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи», кн. 1, С. П. Б. 1869 г., стр. 115—116, № 1180—1193.

**) Что же касается до платежной 1620 года и переписныхъ книгъ 1626—1629 годовъ, то мы воспользовались изъ нихъ въ своихъ очеркахъ только тѣмъ, что нашли въ нихъ наиболѣе характернаго. Выдержки изъ этихъ книгъ были уже помѣщены нами въ «Трудахъ Орловской Ученой Архивной Коммиссіи» за 1892 г. во 2-й вып.

Подлинная писцовая и межевая книга 1693-го года характеризует свое значение в отношении статистики Ливенского уезда следующими предисловием:

„7193 (1684) года Октября въ 11 день, по указу Великих Государей Царей и Великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ, и по наказу изъ Помѣстного Приказа за приписною дьяка Анисима Невѣжина, писцы—стольникъ Иванъ Васильевичъ Золотаревъ да подъячей Александръ Ершовъ писали и мѣрели и межевали въ Ливенскомъ уездѣ въ Красномъ и въ Серболовомъ, въ Затруцкомъ и въ Мокрецкомъ станѣхъ помѣстныхъ и вотчинныхъ монастырскія и церковныя и порожнія земли и дикія поля, села и деревни и починки и пустоши и селища и займища за Ливенцы за дѣтми боярскими, за вдовами и за дѣвками и за недорослями и за казаками, и у нихъ крестьянъ и бобылей и дѣловыхъ и задворныхъ людей въ помѣстьяхъ и въ вотчинахъ ихъ, и что за кѣмъ въ тѣхъ селехъ и въ деревняхъ и въ починкахъ и въ пустошахъ и на дикихъ поляхъ и на монастырскихъ и на погостахъ церквей и въ порожнихъ земляхъ и въ дикомъ полѣ черныя пашни и сѣна и лѣсу и всякихъ угодій, и за кѣмъ именемъ и по скольку черныя пашни въ дачахъ и всякаго угодья и крестьянъ и бобылей и задворныхъ и дѣловыхъ и кабалныхъ людей, и что сверхъ писцовыхъ книгъ письма и мѣры Ивана Малечкина да подъячаго Тимофея Семенова 137 (1629) году за кѣмъ прибыло помѣстныхъ и вотчинныхъ земель и дикихъ полъ и монастырскихъ и церковныхъ земель и порожнихъ погостныхъ пустыхъ и на какихъ урочищахъ, и то писано въ сихъ писцовыхъ книгахъ ниже сего порознь по статьямъ“.

СТАНЪ КРАСНОЙ.

За помѣщичьи въ помѣстьяхъ: села, деревни, починки, пустоши, дубровы и займища.

Деревня Здоровецъ, верхъ колодезя Здоровца, на Липовомъ отвершку, подъ Краснымъ лѣсомъ, а той деревни помѣщичьи и вотчинники съ тѣхъ старыхъ усадьбъ сошли послѣ Ханскаго разоренья на новыя усадьбы, на новоросчисную землю Краснаго жъ лѣсу, къ рѣчкѣ къ Лѣсной Ливенкѣ; а въ той деревнѣ помѣщичковъ 25 чел., да недоросль 1 чел., 20 дворовъ помѣщичковыхъ, да 5 мѣстъ дворовыхъ пустыхъ помѣщичковыхъ же, да дворъ задворнаго человѣка, а людей въ немъ 7 человѣкъ, да мѣсто дворовое бобыльское пусто; пашни паханныя добрыя земли 236 чети съ осминою, да перелогу 57 чети съ осминою, да дикаго поля 301 четь, да примѣрныя земли, что примѣрено въ той же ихъ межѣ сверхъ старыхъ ихъ дачъ лишнія земли дикаго жъ поля 192 чети, обоего... 786 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна межъ полъ, полъ, по лугомъ и по верхомъ и по дикому полю и по Здоровцу и вверхъ по Трудамъ 1093 копы.

Починокъ Головинъ на Здоровецкомъ отвершку у Краснаго лѣсу; всего въ починкѣ Головинѣ съ прогорѣлыми полями 4 человѣка помѣщичковъ, а за ними 5 мѣстъ дворовыхъ помѣщичковыхъ пустыхъ, пашни паханныя добрыя земли 4 чети, да перелогу 3 чети съ осминою, да дикаго поля 79 чети съ осминою, обоего... 87 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 103 копы.

Пустошь—что было займище—*Григорова полянна*, подъ Краснымъ лѣсомъ.

Деревня усть Никольскаго верха на рѣчкѣ на Лѣсной Ливенкѣ противъ *стрѣлицы* въ Красномъ лѣсу, а той деревни помѣщичьи съ тѣхъ старыхъ усадьбъ сошли послѣ Ханскаго разоренья на новыя усадьбы, на новоросчисную землю Краснаго жъ лѣсу, на рѣчкѣ на Лѣсной Ливенкѣ противъ устья Бѣлаго колодезя внизъ по правую сторону, что смежно съ деревнею Здоровцемъ; а въ ней помѣщичковъ 20 чел., недорослей 4 чел., 14 дворовъ помѣщичковыхъ, да дворъ задворнаго человѣка, людей въ немъ 4 чел.; пашни паханныя добрыя земли 167 чети, да перелогу 16 чети, да дикаго поля 141 четь безъ полуосмины, да примѣрныя земли, что примѣрено въ той же ихъ межѣ сверхъ старыхъ ихъ дачъ лишнія земли дикаго поля 58 чети, обоего... 382 чети безъ полуосмины въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна межъ полъ, по лугомъ и по верхомъ и по дикому полю и по дубровамъ до рѣки Трудовъ 638 копень.

Деревня Зубцова, Красова томъ, по правую сторону усть Никольскаго верха, на Лѣсной рѣчкѣ Ливенкѣ, противъ устья Бѣлова колодезя, подъ Краснымъ лѣсомъ; въ ней 14 чел. помѣщичковъ, 12 дворовъ помѣщичковыхъ, да мѣсто крестьянское пусто; пашни паханныя добрыя земли 124 чети съ осминою, да перелогу 12 чети съ осминою, да дикаго поля 185 чети, обоего... 322 чети, да примѣрныя земли дикаго поля 89 чети, обоего... 410 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по рѣкѣ Трудамъ и по рѣчкѣ по Березовцу и межъ полъ, по лугомъ и по верхомъ и по дикому полю и по дубровамъ 644 копы.

Деревня Зубцова въ Долгой полянѣ, что былъ починокъ Бузиновской Млшустина, по одной сторонѣ рч. Лѣсной Ливенки отъ Краснаго лѣсу противъ Евланова колодезя; въ ней помѣщичковъ 22 чел., 15 дворовъ помѣщичковыхъ, а въ нихъ дѣловыхъ людей 7 чел., да мѣсто дворовое помѣщичково пусто, да 2 мѣста дворовыхъ—крестьянское да бобыльское пусты; пашни паханныя добрыя земли 190 чети, да перелогу 18 чети, да дикаго поля 380 чети, обоего... 588 чети, да примѣрныя земли дикаго поля 324 чети, и обоего... 912 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по рч. по Трудамъ и по рч. по Березовцу и межъ полъ, по лугомъ и по верхомъ и по дикому полю и по дубровамъ 1004 копы.

Пустошь, что была деревня *Евланова* подъ Краснымъ лѣсомъ, на Евлановѣ колодезѣ, по правую сторону Евланова колодезя, по обѣ стороны рч. Лѣсной Ливенки; помѣщичковъ дѣтей боярскихъ 13 чел., да 7 мѣстъ дворовыхъ помѣщичковыхъ пустыхъ,

да 5 мѣстъ дворовыхъ крестьянскихъ пустыхъ; пашни паханныя добрыя земли 45 чети, да перелогу 10 чети, да дикаго поля 54 чети съ осминою, всего 110 чети, да примѣрныя лишнія земли дикаго поля 77 чети, обою... 187 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна покосовъ 220 копенъ.

Деревня Ностомарова, что было займище *Присада*, подъ Краснымъ лѣсомъ, подъ Евлановымъ рогомъ, на рѣчкѣ на Лѣсной Ливенкѣ, по обѣ стороны; въ ней дѣтей боярскихъ 28 чел., да недорослей 3 чел., 15 дворовъ, да 6 мѣстъ дворовыхъ пустыхъ помѣщиковыхъ, 2 мѣста дворовыхъ крестьянскихъ, 2 мѣста пустыхъ бобыльскихъ; пашни паханныя добрыя земли 230 чети, да перелогу 33 чети, да дикаго поля 515 чети съ осминою, обою 778 чети, да примѣрныя лишнія земли дикаго поля 226 чети съ осминою, всего... 1003 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 1601 коша.

Пустошь, что была деревня *Присынокъ* подъ лѣсомъ подъ Присынокъ, на колодезѣ на Присынку; въ ней 26 чел. помѣщиковъ, да недорослей 3 чел., 16 мѣстъ дворовыхъ помѣщиковыхъ, 3 мѣста крестьянскихъ пустыхъ, да мѣсто бобыльское пусто-жъ; пашни перелогомъ добрыя земли 42 чети съ полутретникомъ, да дикаго поля 784 чети безъ полутретника, да примѣрныя лишнія земли дикаго поля 1020 чети съ полутретникомъ, обою... 1846 чети съ полутретникомъ въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по рѣчкѣ по Березовцу и межъ полъ, по логомъ и по дубровамъ 1652 копы.

Пустошь, что былъ починокъ *Присынокъ*, а по новому прозванію *Могила тожъ*, подъ Краснымъ лѣсомъ на большой Новосильской дорогѣ; помѣщиковъ 27 чел., 15 мѣстъ дворовыхъ помѣщиковыхъ; пашни перелогомъ добрыя земли 57 чети съ осминою, да дикаго поля 417 чети съ осминою, обою... 475 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по лугамъ и по верхамъ и по дикому полю 950 копенъ.

Деревня Семенихина подъ Краснымъ лѣсомъ, подъ Евлановымъ рогомъ, межъ изроговъ, на рѣч. на Лѣсной Ливенкѣ (усады подъ Краснымъ лѣсомъ, а пашня по обѣ стороны рч. Лѣсной Ливенки); помѣщиковъ 31 чел., да недорослей 3 чел., дворовъ помѣщиковыхъ 31, людей въ нихъ дѣловыхъ 3 чел., 7 мѣстъ дворовыхъ помѣщиковыхъ, 8 мѣстъ крестьянскихъ пустыхъ, 2 мѣста бобыльскихъ пустыхъ же; пашни паханныя добрыя земли 274 чети безъ третника, да перелогу 121 чети безъ полутретника, да дикаго поля 635 чети съ осминою, обою... 1030 чети, да примѣрено лишнія земли дикаго поля 170 чети, всего 1200 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ, сѣна по рч. на Лѣсной Ливенкѣ и по Ключевому колодезю и межъ полъ, по лугамъ и по дикому полю 2074 копы.

Деревня Роговая подъ Краснымъ лѣсомъ, подъ Евлановымъ рогомъ, на Гниловдѣ; помѣщиковъ 23 чел., да недорослей 5 чел., 13 дворовъ помѣщиковыхъ, 1 мѣсто дворовое помѣщиково пусто, да 3 мѣста дворовыхъ крестьянскихъ; пашни па-

шни паханныя добрыя земли 116 чети, да перелогу 38 чети, да дикаго поля 476 чети, обою... 630 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по рѣчкѣ по Лѣсной Ливенкѣ и межъ полъ, по логомъ и по верхамъ и по дикому полю черезъ Моховой верхъ и по Моховому верху 1260 копенъ.

Деревня Лопашино безъ жеребья подъ Краснымъ лѣсомъ, подъ Евлановымъ рогомъ, на Гниловдѣ, сверхъ Евланова колодезя, а жеребей той деревни писанъ въ порозжихъ земляхъ, а въ ней опричь того жеребья, что писанъ въ порозжихъ земляхъ, помѣщиковъ 8 чел., 6 дворовъ помѣщиковыхъ, 1 мѣсто дворовое помѣщиково; пашни паханныя добрыя земли 61 четь, да перелогу 13 чети, да дикаго поля 156 чети, обою... 230 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна межъ полъ, по лугомъ и по верхомъ и по дикому полю и по дубровамъ и по обѣ стороны Моховаго верха 460 копенъ, да примѣрныя земли дикаго поля 108 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ.

Деревня, что было займище Алексѣя *Зайцева*, *Дутое тожъ*, сверхъ Евланова колодезя на Гниловдѣ, подъ Краснымъ лѣсомъ; помѣщиковъ 22 чел., да недорослей 4 чел., помѣщиковыхъ дворовъ 21, мѣстъ дворовыхъ пустыхъ помѣщиковыхъ 6, мѣстъ пустыхъ крестьянскихъ 9; пашни паханныя добрыя земли 172 чети съ осминою, да перелогу 37 чети безъ полутретника, да дикаго поля 436 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрныя земли лишнія дикаго поля 219 чети безъ третника, всего 855 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 1280 копенъ.

СЕЛО ПАРАХИНО, ОВСЯННИКОВО ТОЖЪ.

Село (что была деревня) *Парахино* подлѣ верховья Бѣлаго колодезя, на Гниловдѣ (усады подъ Краснымъ лѣсомъ); въ немъ помѣщиковъ 29 чел., недорослей 8 чел., 17 дворовъ помѣщиковыхъ, людей у нихъ дѣловыхъ 4 чел., 2 мѣста дворовыхъ помѣщиковыхъ пустыхъ, 4 двора крестьянскихъ, людей въ нихъ 20 чел., 17 мѣстъ дворовыхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ пустыхъ; пашни паханныя добрыя земли 235 чети, да перелогу 37 чети, да дикаго поля 422 чети безъ третника, обою 694 чети безъ третника въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна межъ полъ, по логомъ и по верхомъ и по дикому полю и по дубровамъ сверхъ отвершковъ рч. Полевой Ливенки по обѣ стороны Корытной дороги 1369 копенъ.

Того—жъ села *Парахина*, а по новому прозванію *деревня Овсянникова*, подъ Краснымъ лѣсомъ, подлѣ верховья Бѣлаго колодезя, на Гниловдѣ; въ ней помѣщиковъ 18 чел., недорослей 2 чел., 10 дворовъ помѣщиковыхъ, людей въ нихъ дѣловыхъ 1 чел., 5 мѣстъ помѣщиковыхъ дворовыхъ пустыхъ, 12 мѣстъ дворовыхъ крестьянскихъ пустыхъ, 3 мѣста дворовыя бобыльскія пусты; пашни паханныя добрыя земли 49 чети, да перелогу 31 четь, да дикаго поля 240 чети, обою... 420 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрныя лишнія земли дикаго поля 80 чети

безъ полусмины въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна межъ полъ, по лотомъ и по верхомъ и по дикому полю и по дубровамъ сверхъ отвершковъ рч. Полевой Ливенки по обѣ стороны Корытной дороги 840 копень.

Деревня Орлова сверхъ Хвоцеватаго и Хрущеватаго колодезя, подъ Краснымъ лѣсомъ, по одну сторону рч. Полевой Ливенки въ верховныхъ усадьбы, а по другую сторону той же рѣчки поля; помѣщиковъ 7 чел., да 5 дворовъ помѣщиковыхъ, да 2 мѣста дворовыхъ помѣщиковыхъ пустыхъ, да мѣсто крестьянское пустое, да 2 мѣста бобыльскихъ пустыхъ, пашни паханна добрыя земли 70 чети, да перелогу 15 чети, да дикаго поля 56 чети, обоего... 141 четь въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 282 конны, да примѣрна земли дикаго поля 72 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ.

Деревня Орлова-жъ верхъ Хвоцеватаго и Хрущеватаго колодезя, подъ Краснымъ лѣсомъ, по одну сторону усадьбы на рч. Полевой Ливнѣ, а по другую сторону той же рч. Полевой Ливни пашня; помѣщиковъ 20 чел., недорослей 10 чел., 17 дворовъ помѣщиковыхъ, 6 мѣсть дворовыхъ помѣщиковыхъ, 6 мѣсть дворовыхъ крестьянскихъ пустыхъ, 4 мѣста дворовыхъ бобыльскихъ пустыхъ; пашни паханна добрыя земли 185 чети, да перелогу 104 чети, да дикаго поля 570 чети, обоего... 859 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 1568 копень.

Деревня Носьянова на отвержку Краснаго лѣсу, на Рогу визвъ по правую сторону рч. Полевой Ливенки, а по другую сторону той же рч. Полевой Ливенки пашня; помѣщиковъ 23 чел., недорослей 2 чел., 14 дворовъ помѣщиковыхъ, 3 мѣста дворовыхъ помѣщиковыхъ пустыхъ, да дворъ крестьянской, людей въ немъ 2 чел., 5 мѣсть дворовыхъ крестьянскихъ пустыхъ; пашни паханна добрыя земли 257 чети съ третникомъ, да перелогу 33 чети съ третникомъ, да дикаго поля 539 чети съ третникомъ, обоего... 830 чети, да примѣрено лишня земли дикаго поля 748 чети съ осминою, всего... 1578 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 1660 копень.

Деревня Чюванино и Жоново тожъ, на рч. на Полевой Ливнѣ по одну сторону Краснаго лѣсу, а по другую сторону той же рч. Полевой Ливенки; помѣщиковъ 24 чел., недорослей 12 чел., 17 дворовъ помѣщиковыхъ, 5 мѣсть дворовыхъ помѣщиковыхъ, 5 мѣсть дворовыхъ крестьянскихъ пустыхъ, 3 мѣста дворовыхъ бобыльскихъ пустыхъ; пашни паханна добрыя земли 204 чети съ осминою, да перелогу 25 чети съ полусминою, да дикаго поля 610 чети съ полусминою, обоего... 840 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 1680 копень, и ублы изъ того помѣстья противъ старыхъ писцовыхъ книгъ въ той деревнѣ Чювакинѣ пашни паханна и перелогу и дикаго поля добрыя земли 210 чети, сѣна 420 копень.

Дубровы за Чернавскимъ колодеземъ: *Осининовая, Отсночная*, дуброва *Зеленая*, дуброва прозвище *Медельня*; въ нихъ помѣщиковъ 5 чел., а за ними въ по-

мѣстьяхъ дикаго поля и дубровы на пашню добрыя земли 30 чети, да примѣрено лишней земли 66 чети, обоего... 96 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 60 копень.

Деревня Платавая, Лютая тожъ, на рч. на Полевой Ливнѣ подъ Краснымъ лѣсомъ, по одну сторону усадьбы, а по другую сторону той же рч. Полевой Ливни поля; помѣщиковъ 25 чел., недорослей 4 чел., 15 дворовъ помѣщиковыхъ, дѣловыхъ людей въ одномъ дворѣ 2 чел., 8 мѣсть помѣщиковыхъ пустыхъ, дворъ крестьянской, людей въ немъ 8 чел., 6 мѣсть крестьянскихъ пустыхъ, 2 мѣста бобыльскія пустыя; пашни паханна добрыя земли 185 чети, перелогу 64 чети съ осминою, да дикаго поля 450 чети съ осминою, обоего... 700 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 1400 копень, да примѣрна земли 95 чети.

Деревня Пишково подъ Краснымъ лѣсомъ, на рч. на Полевой Ливенкѣ, на колодезѣ на Ребинкѣ, по одну сторону рч. Полевой Ливенки подлѣ Краснаго лѣсу усадьбы, а по другую сторону той же рѣчки поля; помѣщиковъ 22 чел., недорослей 3 чел., 28 дворовъ помѣщиковыхъ, дѣловыхъ людей въ одномъ дворѣ 4 чел., 23 мѣста дворовыхъ крестьянскихъ пустыхъ, 2 мѣста бобыльскихъ пустыхъ; пашни паханна добрыя земли 221 четь съ осминою, да перелогу 32 чети безъ полусмины, да дикаго поля 495 чети съ полусминою, обоего... 748 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 1497 копень.

Пустошь дикое поле, что по конецъ полдеревни *Пишковой*, по одну сторону рѣчки Чернавы; помѣщиковъ 9 чел., за ними въ помѣстьяхъ дикаго поля на пашню старыя дачи 136 чети, да примѣрна земли дикаго поля 120 чети съ осминою, обоего 256 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 272 конны, да той же пустоши дикаго поля 40 чети въ порозжихъ земляхъ.

Деревня Хвоцеватая, Потапова тожъ, на рѣчкѣ на Полевой Ливнѣ, на усть по обѣ стороны Хвоцеватаго колодезя подъ Краснымъ лѣсомъ, по одну сторону рч. Полевой Ливенки усадьбы, а по другую сторону той же рч. поля; помѣщиковъ 13 чел., недорослей 4 чел., 15 дворовъ помѣщиковыхъ, одно мѣсто помѣщиково пусто, 6 мѣсть дворовыхъ крестьянскихъ пустыхъ, 1 мѣсто бобыльское пусто; пашни паханна добрыя земли и съ отхожею землею 82 чети, да перелогу 27 чети, да дикаго поля 206 чети, обоего... 315 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 577 копень.

Толъ-жъ деревни Хвоцеватай, Потапова тожъ, на рч. на Полевой Ливнѣ, на усть по обѣ стороны Хвоцеватаго колодезя подъ Краснымъ лѣсомъ, по одну сторону рѣч. Полевой Ливенки усадьбы, а по другую сторону поля; помѣщ. 3 чел., недорослей 3 чел., 4 дв. помѣщиковыхъ, 4 мѣста дворовыхъ крестьянскихъ пустыхъ; пашни паханна добрыя земли 33 чети, да перелогу четь съ осминою, да дикаго поля и съ отхожею землею 79 чети съ осминою, обоего... 114 чети, да примѣрено

лишнія земли дикаго поля 33 чети, всего...147 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 228 копенъ.

Деревня Эдобная, что было займище *Присада*, подъ Краснымъ лѣсомъ, на рѣкѣ на Пол. Ливнѣ, усть Хвоцеватаго колод., а Песковатаго тожъ, по одну сторону рч. усадьбы, а по другую поля; 3 помѣщика, 3 двора помѣщичьихъ, да 6 мѣстъ крестьянскихъ и бобыльскихъ Васьки Сергѣева, да Васьки Романова, Родки Захарова, да Дружинки Тихонова, Андрюшки Евлева и Игнашки Ильина, а тѣ крестьяне и бобыли пропали безвѣстно; пашни паханья добрыя земли 20 чети, перелогу 32 чети, обоего... 55 чети, да примѣрныя лишнія земли дикаго поля 6 чети, всего 61 четь въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по рч. Полевой Ливнѣ и межъ полъ, по логамъ и по верхамъ и по дикому полю и по дубровамъ подъ Жилевымъ лѣсомъ 110 копенъ, лѣсъ Красной съ помѣщички обще.

Деревня Эдобная, что было займище *Присада*, подъ Краснымъ лѣсомъ, на рч. Полевой Ливнѣ, усть Хвоцеватаго колодезя, Песковатой тожъ, по одну сторону рѣчки усадьбы, а по другую сторону поля; помѣщиковъ 6 чел., 2 двора помѣщичьихъ, 3 мѣста дворовыхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ, да за 3 человекъ 2 двора крестьянскихъ, людей въ нихъ 5 челов., да дворъ задворнаго челов., людей въ немъ 3 челов.; пашни паханья добрыя земли 16 чети, да перелогу четь, да дикаго поля 20 чети, обоего...37 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрено лишнія земли дикаго поля 13 чети, всего 50 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 74 копы.

Деревня Эдобная— жъ, что было займище *Присада*, подъ Краснымъ лѣсомъ, на рч. Полевой Ливнѣ, усть Хвоцеватаго колодезя....

Деревня Жилева, подъ Жилевымъ лѣсомъ, на Жилевомъ колодезѣ; помѣщиковъ 3 чел., 1 дворъ помѣщиковъ, 6 мѣстъ дворовыхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ пустыхъ; пашни паханья добрыя земли 10 чети, да перелогу четь съ осминою, да дикаго поля 18 чети съ осминою, обоего...30 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 60 копенъ.

Въ той же *деревнѣ Жилевой* 2 помѣщика, мѣсто дворовое помѣщичьего, да 3 мѣста дворовыхъ крестьянскихъ, Ларки да Сеньки Есиновыхъ, да Еремки Климова, да Матюшки Григорьева, а тѣ крестьяне пропали безвѣстно; пашни паханья добрыя земли 10 чети, да перелогу 1 четь съ осминою, да дикаго поля 18 чети съ осминою, обоего...30 чети, да примѣрено лишнія земли дикаго поля 19 чети, всего...49 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по Жилеву колодезю по логамъ 60 копенъ.

Пустошь на диномъ полѣ по конецъ казачьихъ посадскихъ полъ, за Жилевымъ колодеземъ къ Шеталовскому полю, промежъ Жилеваго верха по Муравской дорогѣ, за двумя помѣщиками.

СЕЛЬЦО ПРЕЧИСТЕНСКОЕ.

Сельцо Пречистенское подъ Сторожевымъ лѣсомъ, по одну сторону рѣчки Чернавы, а усадьбы отъ рѣчки Чернавы въ 480 саженьяхъ; помѣщиковъ 22 челов., 16 дворовъ помѣщичьихъ, 3 мѣста дворовыхъ крестьянскихъ пустыхъ; пашни паханья добрыя земли 170 чети, да перелогу 27 чети безъ полуосмины, да дикаго поля 358 чети съ полуосминою, обоего...555 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрныя земли 1322 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 1110 копенъ.

Деревня Чернянская, подъ Старожевнымъ лѣсомъ, по одну сторону рѣчки Чернавы; помѣщиковъ 23 челов., 9 дворовъ помѣщичьихъ, 6 мѣстъ дворовыхъ помѣщичьихъ пустыхъ; пашни паханья добрыя земли 125 чети, да перелогу 14 чети съ осминою, да дикаго поля 384 чети съ осминою, обоего...524 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрено лишнія земли дикаго поля 1659 чети съ полуосминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 1050 копенъ, да тоя жъ деревни Чернянской по конецъ полъ помѣщиковъ 5 человекъ, что дано имъ вновь изъ дикаго поля...на пашню 30 чети, да сверхъ тѣхъ ихъ дачь примѣрено лишнія земли дикаго поля 105 чети, сѣна 60 копенъ.

Пустошь, что была деревня *Соловьева* подъ Сторожевнымъ лѣсомъ; помѣщиковъ 38 челов., 11 мѣстъ дворовыхъ помѣщичьихъ пустыхъ; пашни перелоговъ добрыя земли 93 чети съ осминою, да дикаго поля 323 чети съ осминою, обоего...417 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрено лишнія земли дикаго поля 578 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 834 копы.

Пустошь, что была деревня *Золотухина* подъ Сторожевнымъ лѣсомъ, по одну сторону рѣчки Чернавы; помѣщиковъ 15 челов., 6 мѣстъ дворовыхъ пустыхъ помѣщичьихъ; пашни паханья добрыя земли 53 чети, да перелогу 23 чети, да дикаго поля 193 чети, обоего...269 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрено лишнія земли дикаго поля 269 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 538 копенъ.

СЕЛО НОВОСИЛЬСКОЕ.

Село Новосильское, что была пустошь дикое поле, усадьбы на дву Чернавскихъ отвершкахъ, на дву прудахъ, на Гниловодѣ, подъ Новосильскимъ лѣсомъ; помѣщиковъ 77 чел., недорослей 2 чел., 59 дворовъ помѣщичьихъ, да 10 мѣстъ дворовыхъ помѣщичьихъ пустыхъ, пашни паханья добрыя земли 590 чети, да перелогу 43 чети, да дикаго поля 1572 чети, обоего...2205 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрныя земли дикаго поля 2205 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 10125 копенъ, да того жъ села Новосильскаго всѣмъ помѣщикамъ отмежевано въ тѣхъ урочищахъ на старыя ихъ дачи и на примѣрныя земли на усадьбы на 4450

чети 220 десятинъ съ полудесятиною, да на сѣнные покосы 1102 десятины съ полудесятиною, да на лѣсныя угоды 880 десятинъ, и всего на усадьбы и на сѣнные покосы и на лѣсныя угоды 2203 десятины, а того села веѣмъ помѣщикамъ пашнею и сѣнными покосы и всякими угоды владѣть вопче противъ ихъ полюбовного заручного челобитья, а для воды проѣздъ того села Новосильскаго веѣмъ помѣщикамъ черезъ большую Московскую дорогу и черезъ помѣстную землю деревни Соловьевой Прохора Косьянова съ товарищи, что вышелъ колодезь изъ—подъ Средняго лѣсу; а межа того села Новосильскаго Матѣеву помѣстью Сахарова съ товарищи учинена, починъ отъ ивы, что стоитъ въ большомъ Чернавоколѣ отъверху на мѣу, на взгорѣ, на обчей Егорьевской межѣ того села Новосильскаго, на ней двѣ грани, подлѣ ея двѣ ямы, по—праву церковная Егорьевская земля села Новосильскаго, а по лѣву помѣстная земля того—жѣ села Новосильскаго Матѣя Сахарова съ товарищи...

Пустошь дикое поле по лѣвую сторону отъ Новосильскаго лѣсу, отъ верховья рѣки Чернавы и съ Каменною дубровою и Възжею съ урочищи; помѣщиковъ 14 чел., а за ними въ помѣстьяхъ дикаго поля на пашню 135 чети въ полѣ, а въ дву по тому жѣ, да примѣрныя лишнія земли дикаго поля 405 чети въ полѣ, а въ дву по тому жѣ, сѣна 1350 копенъ, да въ тѣхъ же урочищахъ отмежевано имъ на усадьбы 67 десятинъ съ полудесятиною, да на лѣсныя угоды 270 десятинъ.

Пустошь дикое поле въ верховьѣ рѣки Чернавы по одну сторону *Възжей* и въ *Носьяновой дубровѣ*; помѣщиковъ 16 чел., недорослей 1 чел., а за ними въ помѣстьяхъ дикаго поля на пашню 220 чети въ полѣ, а въ дву по тому жѣ, да примѣрныя лишнія земли дикаго поля 295 чети въ полѣ, а въ дву по тому жѣ, сѣна на тѣ дачи 1200 копенъ, а десятинами имется 300 десятинъ, да отмежевано имъ на усадьбы 60 десятинъ, да на лѣсныя угоды 240 десятинъ.

Пустошь дикое поле по обѣ стороны рѣчки Большаго Кривца и по одну сторону къ рѣкѣ Любовнѣ отъ межи села Новосильскаго; помѣщиковъ 14 чел., а за ними въ помѣстьяхъ дикаго поля на пашню 235 чети въ полѣ, а въ дву по тому жѣ, да примѣрныя лишнія земли дикаго поля 470 чети въ полѣ, а въ дву по тому жѣ, сѣна на тѣ ихъ дачи и на примѣрныя земли 1837 копенъ съ полуконною, а десятинами—184 десятины, да отмежевано имъ на усадьбы 35 десятинъ съ четью, да на сѣнныя угоды 141 десятина.

Пустошь дикое поле усть рч. Большаго Кривца по одну сторону р. Любовни...

Пустошь дикое поле по обѣ стороны рѣки Любовни съ урочищи и по одну сторону рч. Большаго Кривца къ межѣ села Новосильскаго; помѣщиковъ 15 чел., а за ними въ помѣстьяхъ дикаго поля на пашню 315 чети въ полѣ, а въ дву по тому жѣ, да примѣрныя земли дикаго поля 315 чети въ полѣ, а въ дву по тому жѣ, сѣна... 1975 копенъ, да отмежевано имъ на усадьбы 31 десятина съ полудесятиною, да на лѣсныя угоды 126 десятинъ.

СЕЛЬЦО ПОКРОВСКОЕ.

Сельцо Покровское, что была пустошь дикое поле, усадьбы по одну сторону рк. Любовни и по обѣ стороны рч. Корытенки, а пашни и покосы по обѣ стороны рк. Любовни и рч. Корытенки и рч. Малаго Кривца; помѣщиковъ 156 чел., 126 дворовъ помѣщичьихъ, 23 мѣста дворовыхъ помѣщичьихъ пустыхъ, 2 двора крестьянскихъ, людей въ нихъ 7 чел., дѣловыхъ людей 15 чел.; пашни паханая добрая земли 1455 чети, да дикаго поля 2543 чети, обоего... 4080 чети въ полѣ, а въ дву по тому жѣ, да примѣрныя лишнія земли дикаго поля 4080 чети въ полѣ, а въ дву по тому жѣ, сѣна на тѣ ихъ дачи и на примѣрныя земли 20,400 копенъ, да того жѣ сельца Покровскаго веѣмъ помѣщикамъ отмежевано на усадьбы 408 десятинъ, да на сѣнные покосы 2040 десятинъ, да на лѣсныя угоды 1623 десятины, и всего на усадьбы на сѣнные покосы и на лѣсныя угоды 4131 десятина.

Пустошь дикое поле по обѣ стороны рк. Любовни и въ Жилевоу дубровѣ отъ Становаго колодезя; помѣщиковъ 15 чел., за ними въ помѣстьяхъ дикаго поля на пашню 299 чети, да примѣрныя лишнія земли дикаго поля 299 же чети, всего стараго помѣстья и съ примѣрною землею 599 чети въ полѣ, а въ дву по тому жѣ, сѣна... 1495 копенъ, да въ тѣхъ же урочищахъ отмежевано имъ на усадьбы 29 десятинъ, да на лѣсныя угоды 115 десятинъ.

Пустошь дикое поле по обѣ стороны рк. Любовни и въ верхъ по лѣвую сторону Становаго колодезя и въ Становой дубровѣ, помѣщиковъ 56 чел., за ними въ помѣстьяхъ дикаго поля на пашню 1177 чети съ осиною въ полѣ, а въ дву по тому жѣ, да примѣрено сверхъ тѣхъ ихъ дачъ лишнія земли дикаго поля въ тѣхъ же урочищахъ 1177 чети съ осиною въ полѣ, а въ дву по тому жѣ, обоего... 2355 чети въ полѣ, а въ дву по тому жѣ, сѣна 5787 копенъ съ полу-конною, а десятинами имется 1449 десятинъ, да на лѣсныя угоды 471 десятина, да на усадьбы 118 десятинъ.

СЕЛЬЦО АРХАНГЕЛЬСКОЕ.

Сельцо Архангельское, что была пустошь дикое поле на колодезѣ на Телажѣ, подъ Ястребскими лѣсками, что было написано по старымъ книгамъ въ Затруцкомъ стану, и по нынѣшнему писму и по отводу старожильцевъ Становой межи то сельцо Архангельское отмежевано въ Красный станъ; помѣщиковъ 114 чел., недорослей 1 чел., 43 двора помѣщичьихъ, въ одножъ дворѣ помѣщичьихъ крестьянскихъ дѣтей 2 чел., 55 мѣста дворовыхъ помѣщичьихъ пустыхъ, да дворъ крестьянской, въ немъ 3 чел.; пашни паханая добрая земля 789 чети, да перелогу 51 четь съ осиною, да дикаго поля 1417 чети съ осиною, обоего... 2258 чети въ полѣ, а въ дву по тому жѣ, да примѣрныя лишнія земли дикаго поля 2258 чети въ полѣ, а

въ дву по тому жъ, сѣна 9198 копенъ съ полу-копной, да отмежевано имъ на усадьбы по обѣ стороны колодезя Теляжья 226 десятинь, да на лѣсныя угодья 903 десятины, да на сѣнные покосы 1129 десятинь.

Пустошь диное поле по одну сторону рк. Трудовъ, отъ устья рк. Любовши, что били челомъ на сѣнные покосы Ливенцы Кириллъ Гавриловъ сынъ Сопрыкинъ, да Фролъ Никитянъ сынъ Анисимовъ, да Максимъ Федоровъ Кабановъ.

Общее количество помѣщиковъ съ недорослями, крестьянъ, дѣловыхъ и задворныхъ людей, дворовъ жилыхъ и пустыхъ, пашни, перелогу, дикаго поля и примѣрной земли, сѣнныхъ поѣсовъ и лѣсовъ.

„Всего въ *Красномъ стану* за помѣщики за 1071 человекъ да за недорослями 76 чел. 543 двора помѣщиковыхъ, людей въ нихъ дѣловыхъ 36 чел., въ одномъ дворѣ помѣщиковъ крестьянскихъ дѣтей 2 чел., 223 мѣста дворовыхъ помѣщиковыхъ пустыхъ, 11 дворовъ крестьянскихъ, людей въ нихъ 45 чел., 133 мѣста дворовыхъ крестьянскихъ пустыхъ, 34 мѣста бобыльскихъ пустыхъ, 3 двора задворныхъ, людей въ нихъ 14 чел.; пашни паханья добрыя земли 6604 чети съ осминою, да перелогу 1194 чети съ полутретникомъ, да дикаго поля 17882 чети, обоего... 25681 четь безъ третника въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрныя земли, что примѣрено сверхъ старыхъ дачъ у всѣхъ помѣщиковъ 19,404 чети съ третникомъ въ полѣ, а въ дву по тому жъ, и всего старое помѣстье и съ примѣрною землею 45085 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 82870 копенъ, да на сѣнные жъ покосы 2 десятины, да въ *Красномъ же стану Черныхъ лѣсовъ: Красного лѣсу* 8000 десятинь, да *Жилева лѣсу* 600 десятинь, всего 8600 десятинь.

В О Т Ч И Н Ы.

Въ Красномъ стану за вотчинники въ вотчинахъ:

—За Ливенцемъ за *Константиномъ Ивановымъ* сыномъ *Голоцимъ* вотчины блаженной памяти Великаго Гоеударя Царя и Великаго Князя Феодора Алексѣевича... по жалованной вотчинной грамотѣ за приписью дьяка Григорья Близнакова 189 (1681) году, что ему дано за *Литовскіе походы да за Конопотскую службу* изъ помѣстья ево въ вотчину въ дву третяхъ пустоши, что было *займище Григорова полянна* въ *Красномъ лѣсу*, по обѣ стороны рч. Лѣсной Ливенки, на гору по Грозному верху, а въ ней на ево жеребей дикаго поля на пашню 10 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по рк. по Лѣсной Ливенкѣ 20 копенъ, а для *хоромного и дровяного лѣсу* и по всякое угодье въѣзжать ему въ *Красной лѣсѣ* по прежнему съ помѣщики волче.

—За *Константиномъ же Голоцимъ* вотчины по той же жалованной вотчинной грамотѣ... пустоши, что была *деревня Присынокъ* подъ лѣсомъ подъ Присынокомъ на колодезѣ на Присынку, а въ ней на ево жеребей мѣсто дворовое вотчинниково, пашни перелогомъ добрыя земли 3 чети, да дикаго поля 31 четь, обоено... 34 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по рч. по Березонцу, по логамъ и по верхомъ и по дубравамъ 68 копенъ, *лѣсокъ Присынокъ* съ помѣщики и вотчинники волче, да сверхъ той ево вотчинной дачи примѣрено лишнія земли дикаго поля 37 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, а та ево Константинова вотчина *Голоцката* писана въ вышнемъ 193 (1685) году октября въ 4 числѣ.

—За Ливенцы за *Аванасьемъ Ефимовымъ* сыномъ да за *Емельяномъ Михайловымъ* сыномъ *Кондоуровымъ*, что кроиъ сего было по писцовымъ книгамъ Ивана Малечкина 137 (1629) году въ вотчинѣ за Аванасевымъ отцомъ, а за Емельяновымъ дѣдомъ роднымъ за Ефимомъ Кондоурова, а Михеевъ онъ же, *жеребей деревни Орловы* въ верхъ Хвощеватаго и Хрущеватаго колодезя подъ *Краснымъ лѣсомъ*, а въ ней на ихъ жеребей мѣсто дворовое вотчинниково, да мѣсто дворовое крестьянское Карпушки Иванова, да два мѣста бобыльскихъ Евстратки Константинова да Игнашки да Пашки Акуловыхъ, а тѣ крестьяне и бобыли, по сказкѣ старожильцовъ, въ приходѣ Крымскаго хана пропали безвѣсно; пашни паханья добрыя земли 10 чети, да перелогу 5 чети, да дикаго поля 30 чети, обоено... 45 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, по 22 чети съ осминою за человекомъ; сѣна межъ полъ, по логамъ и по верхомъ и по дикому полю и по дубравамъ и по обѣ стороны рч. Лѣсной Ливны въ верхъ къ дву дубкамъ и черезъ Корытную дорогу въ Каменную дубраву къ Черпанскому колодезю 90 копенъ, а въ лѣсѣ *Красной* въѣзжать имъ по прежнему съ помѣщики волче; писана за ними та вотчина... 192 (1684) году октября въ 12 день.

—За Ливенцемъ за *Микитою Ивановымъ* сыномъ *Пантелеевымъ*, что прежь сего было по писцовымъ книгамъ Ивана Малечкина 137 (1629) году въ вотчинѣ за казачьимъ сыномъ за Ваською Бурковымъ, а во 160 (1652) году Васька Бурковъ ту свою вотчину заложилъ Петру Ершову, а во 189 (1681) году Петръ Ершовъ ту свою закладную вотчину заложилъ и просрочилъ Ливенцу Микитѣ Пантелѣеву, *жеребей деревни Здобной*, что было займище Прасада подъ *Краснымъ лѣсомъ*, на рч. по Полевой Ливнѣ усть Хвощеватаго колодезя, а Песковатый тожъ, по одну сторону той рч. усадьбы, а по другую сторону поля; на ево жеребей дворъ вотчинниковъ, да крестьянскихъ дворовыхъ мѣсть—Микифорки Іевлева, Ивашки Родионова, Ивашки Мартынова, да бобыльскихъ дворовыхъ мѣсть Ивашки Постухина, Малика Кузмина, Андронки Иванова, Микифорки Федорова, а тѣ крестьяне и бобыли сошли безвѣсно; пашни паханья добрыя земли 5 чети, да перелогу 1 четь, да дикаго поля 12 чети, обоено... 18 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по рч. Полевой Ливнѣ межъ полъ, по логамъ и по дикому полю подъ *Жилевымъ лѣсомъ* 36 копенъ;

лѣсъ Красной по прежнему со всѣми помѣщиками вопче; писана за нимъ та вотчина 189 (1681) году и по допросу Петра Ершова въ нынѣшнемъ 193 (1685) году Мая въ 17 день.

— За Ливенцемъ за *Константиномъ Ивановымъ* сыномъ *Голоцимъ* въ вотчинѣ по Государевѣ жалованной вотчинной грамотѣ 189 (1681) году въ пустоши въ дикомъ полѣ за рк. за Любовшею отъ Орловской дороги къ рѣчкѣ къ Синковцу и въ низъ по рч. по Синковцу съ урочища, а на ево жеребей дикого поля и дубравы на пашню 30 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрено сверхъ той ево вотчинной дачи лишней земли дикого поля въ тѣхъ же урочищахъ 170 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, обоено за нимъ вотчины и съ примѣрною землею 200 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна на ту ево вотчинную дачу въ низъ по рч. по Синковцу и Орловской дорогѣ и по верхомъ и по дубровамъ къ межѣ сельца Архангельскаго 500 копенъ; писана за нимъ та вотчина по грамотѣ... 189 (1681) году Февраля въ 19 день и по ево сказкѣ за рукою Архангельскаго пона Романа 194 (1686) году Октября въ 6 день. — Да сверхъ той ево Константиновой вотчинной дачи въ тѣхъ же межахъ и границахъ примѣрено лишней земли дикого поля по другую сторону Орловской дороги и въ низъ отъ Орловской дороги по рѣчкѣ по Синковцу до устья, что внала въ рѣку Труды, и въ низъ рѣкою Трудами до устья рѣчки Теляжскаго колодезя, что внала въ р. Труды, и отъ устья Теляжскаго колодезя въ верхъ по Теляжскому колодезю да Орловской же дорогѣ 1000 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; и та примѣрная земля, по ево Константинову заручному челобитью, отписана на Великихъ Государей въ помѣстье въ порозжія земли до помѣстныхъ отдачи.

И всего въ Красномъ стану за вотчинники за 4 человекѣ: дворъ вотчинниковъ, да 2 мѣста дворовыхъ пустыхъ вотчинниковыхъ, 5 мѣстъ дворовыхъ крестьянскихъ, 6 мѣстъ дворовыхъ бобыльскихъ пустыхъ; пашни паханая добрая земля 15 чети, да перелогу 9 чети, да дикого поля 113 чети, обоено... 137 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрено сверхъ тѣхъ вотчинниковыхъ дачъ за однимъ человекомъ лишнія земли дикого поля въ тѣхъ же урочищахъ 170 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна на тѣ ихъ дачи 786 копенъ“.

Помѣстные и вотчинныя порозжія земли, которыя были не въ раздачѣ, и Прогорѣлая полянці изъ Краснаго лѣса.

„Прогорѣлая полянна порозжая земля подлѣ Краснымъ лѣсомъ подлѣ рч. Лѣсной Ливенки, подлѣ сѣнныхъ покосовъ *церкви Николая Чудотворца* пона Георгія..., а къ той Прогорѣлой полянкѣ дикого поля на пашню 12 чети въ полѣ, а въ дву

по тому жъ, сѣна подлѣ рѣчки Лѣсной Ливенки по лугомъ 2 десятины..., да противъ той Прогорѣлой полянки на другой сторонѣ рѣчки Лѣсной Ливенки подлѣ Краснымъ лѣсомъ *два прогари*, а въ нихъ 6 десятинь, а четыми иметца 4 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ“.

Прогорѣлая полянна, что въ Красномъ лѣсу подлѣ *Большого верха*, а въ ней дикого поля на пашню 6 чети съ третникомъ въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 20 копенъ.

Прогорѣлая полянна, что въ Красномъ лѣсу по обѣ стороны *Большого верха*, сверхъ отписныхъ сѣнныхъ покосовъ (22 десятины, 240 копенъ), а въ ней дикого поля на пашню 33 чети съ третникомъ въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 67 копенъ.

Прогорѣлая полянна, что въ Красномъ лѣсу на *Бѣломъ колодезѣ* и по обѣ стороны Бѣдова колодезя, а въ ней на пашню дикого поля 60 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 160 копенъ.

Всего въ Красномъ стану въ отписныхъ порозжихъ и примѣрныхъ земляхъ (села Парахина, сельца Покровскаго и Архангельскаго, деревни: Присынка, а по новому прозванію Могила тожъ, Зайцовой, Дутой тожъ, Платовой, Лютой тожъ, Пишковой, Здобной, Золотухиной, Семеновиной, Роговой, Овслинниковой, Орловой, Косьяновой, Черянской, Жилевой) 15 мѣстъ дворовыхъ пустыхъ; пашни паханая добрая земля 23 чети, да перелогу 123 чети, да дикого поля 25052 чети съ осминою, обоено... 25198 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрныя земли, что примѣрено сверхъ старыхъ дачъ лишнія земли 419 чети съ третникомъ, и всего старого помѣстья и съ примѣрною землею 25,618 чети безъ полутретника въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 10,021 копна, да на усадьбы и на лѣсныя угодыя и на сѣнные покосы написано въ порозжихъ земляхъ 1067 десятинь.

И изъ тѣхъ отписныхъ порозжихъ земель по грамотамъ Великихъ Государей писано въ помѣстье за разными помѣщиками: пашни паханая добрая земля 14 чети, да перелогу 9 чети, да дикого поля 712 чети безъ третника, обоено... 735 чети безъ третника въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 1720 копенъ съ третью копною, да на сѣнные покосы 2 десятины.

А въ остаткѣ тѣхъ отписныхъ порозжихъ земель и съ примѣрною землею 24,873 чети съ полутретникомъ въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 9301 копна безъ трети копки, да на сѣнные покосы и на усадьбы и на лѣсныя угодыя 1065 десятинь.

Всего въ Красномъ стану за помѣщиками и за вотчинники и за недорослями и церковныхъ и отписныхъ порозжихъ и примѣрныхъ земель 70,648 чети безъ третника въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 93,309 копенъ, да на усадьбы и на лѣсныя угодыя и на сѣнные покосы 1067 десятинь, да черныхъ лѣсовъ 8600 десятинь“.

Межа между Краснымъ и Затруцкимъ станомъ.

«А межа учинена становая межъ *Краснаго и Затруцкаго станомъ*: починъ отъ *молодезя Здоровца* отъ Стрѣлецкiя земли Ливенскихъ стрѣльцовъ Васки Измалкова съ товарищи, отъ столба, что стоитъ на землѣ Юды Кожухова съ товарищи *деревни Здоровца* и въ верхъ тою *рѣкою Трудами* по правую сторону становая межа Краснаго стану разныхъ селъ и деревень и помѣщиковъ и отъ помѣсныхъ земель, а по лѣвую сторону въ верхъ той *рѣки Трудовъ* становая межа Затруцкаго стану разныхъ селъ и деревень и помѣщиковъ *до устья рѣки Любовши*, что впадала въ рѣку Труды съ правой стороны, а межъ того столба и до устья р. Любовши 5388 сажень, а отъ устья р. Любовши въ верхъ по р. по Трудамъ до устья *Теляжья колодезя*, что впадалъ въ р. Труды, межъ ими 3680 сажень, а отъ устья Теляжья колодезя въ верхъ по р. по Трудамъ до устья *Синковца*, что впадала въ р. Труды, межъ ими 1617 сажень, а отъ того Синковского устья и отъ р. Трудовъ поворотить на право круто въ верхъ по рч. по Синковцу и до *Снороденной дороги* и до двуграннаго столба и до дву ямъ и до бродка межъ ими 7236 саж., а отъ того столба и отъ ямъ и отъ *Снородинной дороги* и отъ *бродна* въ верхъ по рч. по *Синковцу* до трехграннаго столба и до трехъ ямъ, что стоитъ на межѣ Ивана Мальцева съ Федотомъ Алтуховымъ, межъ ими 434 саж., на правѣ земля рч. Синковца Краснаго стану, а на лѣвѣ земля рч. Синковца Затруцкаго стану, а отъ того трехграннаго столба и отъ трехъ ямъ и отъ рч. Синковца поворотить на лѣво немного на мысъ, по становой межѣ межъ Затруцкаго и Краснаго станомъ на два столба и на двѣ ямы, межъ ими 30 сажень, а столба стоять и ямы выкопаны на лѣвой сторонѣ Затруцкаго стану, а на правой сторонѣ Краснаго стану, а отъ тѣхъ дву столбовъ и отъ дву ямъ прямо до *гороцнаго вывершина* черезъ *большой Норотной вывершокъ*, что вышелъ изъ Синковца, а межъ ими 727 сажень, на правѣ становая межа Краснаго стану, а на лѣвѣ Затруцкаго стану, а отъ тѣхъ дву столбовъ и отъ дву ямъ до столба, что стоитъ на грацкой межѣ, въ *верховь Труцномъ на мысу*, межъ Ливенскаго и Новосильскаго уѣздовъ, подлѣ ево грацкая яма, межъ ими 20 сажень, на правѣ земля Краснаго стану, а на лѣвѣ земля Затруцкаго стану разныхъ селъ и деревень*»). А на становой межѣ старожильцы и окольные люди были и межу отводили: Евтвоей Муратовъ и Яковъ да Герасимъ да Дементей Черниковы, Сергѣй да Федотъ Алехины, Иванъ да Осонасей да Ларіонъ Внуковы, Григорій да Остаеой Мальцовы, Лукьянъ Алехинъ, Иванъ Селезневъ, Константинъ Волоцкой, Иванъ Мальцевъ, Догинъ Ровенской, Свиридъ Ханинъ, Кунай да Юда да Исай Кожуховы, Иванъ Костромитиновъ, Иванъ Волондидъ, Тимоеой Сусловъ, Иванъ большой да Иванъ

*) Такимъ образомъ пограничная черта Краснаго и Затруцкаго стана заключала въ себѣ 19,102 сажени, или пашихъ 88 верстъ и 102 сажени.

меньшой Трубицыны. А положена становая межа межъ Краснаго и Затруцкаго стану по сказкѣ старожильцовъ и окольныхъ людей за руками июня въ 14 день нынѣшняго 193 (1685) году (№ 528).

Межа между Краснымъ и Серболовымъ станомъ.

«Да межа жъ становой межи учинена межъ *Краснаго и Серболова станомъ*: отъ козацкии земля Уварка Татарникова съ товарищи починъ отъ столба, которой столбъ поставленъ у базачьи земли межъ Серболова и Краснаго стану, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, одна на сторонѣ Серболова стану, а другая на сторонѣ Краснаго стану, а отъ того столба и отъ ямъ межъ тѣхъ становъ Серболова и Краснаго по той-же становой межѣ и черезъ два *вывершина*, что вышли изъ *большаго Комаревскаго верха* на старой грацкой дубѣ, на немъ двѣ грани, подлѣ ево двѣ ямы, одна грань старая Ивана Малечкина 137 (1629) году, а другая насѣчена вновь, межъ ими 209 сажень, а отъ того дуба и отъ ямъ черезъ *дорожку* на ильмъ, на немъ двѣ грани, одна старая, а другая насѣчена вновь, межъ ими 94 саж., на правѣ земля Серболова стану, а на лѣвѣ земля Краснаго стану, а отъ того ильма поворотить на право круто межъ тѣхъ становъ въ верхъ *вывершномъ*, что вышелъ изъ подлѣ *Жилева льсу* до стараго граннаго дуба, что стоялъ по *нонецъ того отвершина*, и тотъ старшій дубъ выгнилъ и подлѣ того дуба поставленъ столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, одна Серболова стану, а другая Краснаго стану, межъ ими 160 сажень, а отъ того столба и отъ ямъ прямо тою жъ становою межею до стараго до граннаго дуба, и тотъ старой дубъ свалился и подлѣ того мѣста поставленъ столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 80 саж., а ямы выкопаны одна Серболова стану, а другая Краснаго стану, а отъ того столба и отъ ямъ прямо черезъ *большую Московскую дорогу* до стараго до граннаго дуба, и тотъ дубъ свалился, и подлѣ того мѣста поставленъ столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 229 саж., а ямы выкопаны одна Серболова стану, а другая Краснаго стану, а отъ того столба и отъ ямъ прямо по той-же становой межѣ сквозь *паросникъ въ Серболову верху*, а въ Серболовѣ верху поставленъ столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ихъ 180 саж., а ямы выкопаны одна Серболова стану, а другая Краснаго стану, а отъ столба и отъ ямъ поворотить на лѣво круто въ верхъ по тому жъ Серболову верху и тѣмъ Серболовымъ верхомъ на лѣво *вывершина* до стараго до граннаго клену, а старой клень выгнилъ и подлѣ того мѣста поставленъ столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 240 саж., одна Серболова стану, а другая Краснаго стану, а отъ того столба и отъ ямъ прямо тою жъ становою межею до стараго до граннаго столба, что стоялъ на становой межѣ межъ Краснаго и Серболова стану, и тотъ старой столбъ выгнилъ и подлѣ того столба поставленъ столбъ,

на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 120 саж., и отъ того столба и отъ ямъ прямо тою жъ станвою межею до старому до граннаго столба, и тотъ старой столбъ выгнилъ и подлѣ того столба поставленъ вновь столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 277 саж., по правую сторону межа и яма выкопана Серболова стану, а по лѣвую сторону межа и яма выкопана Краснаго стану, а отъ того столба и отъ ямъ прямо тою жъ станвою межею на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 236 саж., по праву земля Серболова стану, а по лѣву земля Краснаго стану, а отъ того столба и отъ ямъ *черезъ Жилевъ верхъ* и *черезъ два вывершка* на иву, на ней грань, подлѣ ея двѣ ямы, межъ ими 290 саж., по праву станвая межа и яма выкопана Серболова стану, а по лѣву станвая межа и яма выкопана Краснаго стану, а отъ той ивы и отъ ямъ прямо тою жъ станвою межею на старой гранной столбъ, и тотъ столбъ выгнилъ, а подлѣ того столба поставленъ вновь столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 224 сажени, по праву станвая межа и яма выкопана Серболова стану, а по лѣву... Краснаго стану, а отъ того столба и отъ ямъ прямо тою жъ станвою межею на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 371 саж., по праву... Серболова стану, а по лѣву... Краснаго стану, а отъ того столба и ямъ поворотить на лѣво круто тою жъ станвою межею на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 400 саж., по лѣву станвая межа... Краснаго стану, а по праву... Серболова стану, и отъ того столба и отъ ямъ прямо тою жъ станвою межею до старому до граннаго дуба, и тотъ дубъ свалился и подлѣ того мѣста поставленъ столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 251 саж., по праву... Серболова стану, а по лѣву... Краснаго стану, а отъ того столба и отъ ямъ прямо... *черезъ ржавецъ* на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 160 саж., по праву... Серболова стану, а по лѣву... Краснаго стану, а отъ того столба и отъ ямъ прямо... до старому до граннаго дуба по правую сторону *черезъ землю Деревни Соловьевой*, а по лѣвую сторону *Деревни Пишиной*, и тотъ старый дубъ свалился, а подлѣ того дуба поставленъ столбъ вновь, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 140 саж., по праву... Серболова стану, а по лѣву... Краснаго стану, а отъ того столба и отъ ямъ прямо... до старому до граннаго дуба, на немъ насѣчена вновь грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 221 саж., по праву... Серболова стану, а по лѣву... Краснаго стану, а отъ того дубъ стоитъ отъ *ржавца на взгорнѣ* въ 20 саженихъ, а отъ того дуба и отъ ямъ прямо... *черезъ верхъ и ржавецъ къ Московной дорогѣ* на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 262 саж., по праву... Серболова стану, а по лѣву... Краснаго стану, а отъ того столба и отъ ямъ прямо... до старому до писцоваго дуба, и тотъ старый дубъ свалился, подлѣ того дуба поставленъ столбъ вновь, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 320 саж., а отъ того столба и отъ ямъ прямо въ низъ *Норытнимъ верхомъ* къ другому *верху*, а у Корытнаго верха поставленъ столбъ

вновь, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 836 саж., по праву... Серболова стану, а по лѣву... Краснаго стану, а отъ того столба и отъ ямъ поворотить на право круто на низъ *Долгимъ верхомъ* къ *Данилову колодезю*, межъ ими 560 саж., а отъ того Данилова колодезя прямо тѣмъ-же Долгимъ верхомъ и колодеземъ на низъ къ *рч. Чернавѣ* на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, на лѣвой сторонѣ Краснаго стану, а по др. сторону Данилова колодезя выкопана яма въ Серболовомъ стану, а отъ того столба и отъ ямы и отъ Данилова колодезя въ низъ *рч. Чернавою* по правую сторону Серболова стану, а по др. сторону *рч. Чернавы* Краснаго стану до устья *рч. Малой Чернавы*, что впала въ *рч. Чернаву*, и до *Муровскаго шланку*, а у *р. Чернавы*, подлѣ устья въ Серболовѣ стану поставленъ столбъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 2580 саж., а по др. сторону *рч. Чернавы* по лѣвую сторону въ Красномъ стану противъ того жъ столба поставленъ столбъ на становой межѣ, на немъ грань, подлѣ ево яма, а межъ тѣхъ столбовъ и ямъ 22 саж., а отъ того столба и отъ ямы и отъ *р. Чернавы* поворотить на лѣво круто въ верхъ по *рч. по Малой Чернавѣ*, что впала въ *р. Чернаву*, что течетъ въ Серболовѣ станъ, тою жъ станвою межею до устья *Пониновца колодезя*, межъ ими 3832 саж., по праву *рч. Малой Чернавы* станвая межа Серболова стану, а по лѣву той-же *рч. Чернавы* станвая межа Краснаго стану, а отъ того устья *Пониновскаго колодезя* верхъ тою-жъ рѣчкою *Малой Чернавою* на столбъ, что стоитъ у *рч. у Чернавы*, на немъ грань, подлѣ ево двѣ выкопаны становыя ямы, межъ ими 2940 саж., одна яма Серболова стану, а друг. Краснаго стану, а отъ того столба и отъ ямъ и отъ *рч. Чернавы* прямо въ верхъ *большимъ Головищенскимъ верхомъ* тою-жъ станвою межею на лѣво немного на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево выкопаны двѣ становыя ямы, одна Серболова стану, а друг. Краснаго стану, межъ ими 615 саж., а отъ того столба и отъ ямъ прямо... *черезъ вывершекъ*, что вышетъ отъ *рч. отъ Чернавы*, на дубъ краковистъ, на немъ грань, подлѣ ево выкопаны двѣ становыя ямы, одна Серболова стану, а друг. Краснаго стану, а межъ ими 386 саж., а отъ того дуба и отъ ямъ прямо... на дубъ краковистъ, на немъ грань, подлѣ ево выкопаны двѣ становыя ямы, одна Серболова стану, а друг. Краснаго стану, а межъ ими 327 саж., а отъ того дуба съ гранью и отъ ямъ прямо... на дубъ краковистъ, на немъ грань, подлѣ ево—двѣ ямы становыя..., межъ ими 474 саж., а отъ того дуба и отъ ямъ *черезъ Ефремскую дорогу* на дубъ краковистъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ становыя ямы..., межъ ими 446 сажень, а отъ того дуба и отъ ямъ прямо... *черезъ вывершекъ* на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево выкопаны двѣ становыя ямы..., межъ ими 263 саж., отъ того столба и отъ ямъ на лѣво немного тою-жъ станвою межею по *Елецкой дорогѣ* на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ становыя ямы..., межъ ими 517 саж., а отъ того столба и отъ ямъ прямо... на дубъ безверховатъ съ отропки, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы..., межъ ими 101 саж., а отъ того дуба

• Ливны. Вторая половина XIX века.

Ливны

Монополярный склад.

Ливны

Общественные Разъезды, уезд.

г. Ливны, Ахатовская улица

Ливны

Заливская сторона отъ города сада.

• Из коллекции В. Артамонова.

• Из коллекции В. Артамонова.

Видъ на рѣку Сосну. Ливны

• Изъ коллекции В. Артамонова.

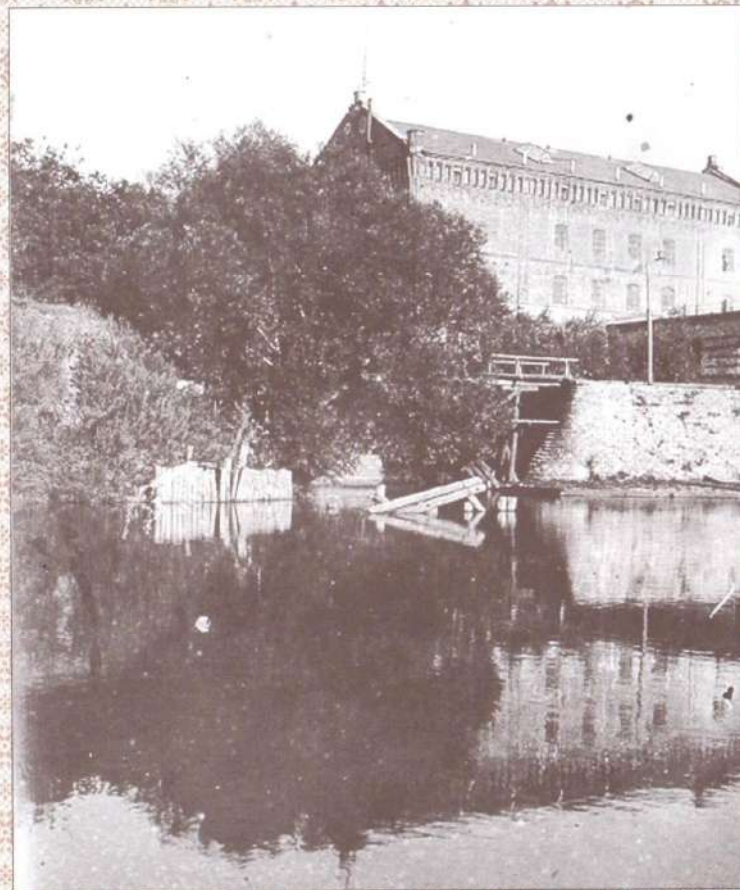
№ 21 г. Ливны. Заливская часть.

• Изъ коллекции В. Артамонова.

• Из коллекции В. Артамонова.

• Из коллекции В. Артамонова.

• Из коллекции В. Артамонова.

• Из коллекции В. Артамонова.

• Из коллекции В. Артамонова.

и отъ ямъ поворотить на право круто... на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ становныя межи, межъ ими 400 саж., а отъ того столба и отъ ямъ прямо... на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ становныя ямы, одна Серболова стану, а др. Краснаго стану, межъ ими 400 саж., а отъ того столба и отъ ямъ прямо... черезъ *Сменецкой верхъ* на дубъ краковистъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ становныя ямы..., межъ ими 400 саж., а отъ того дуба и отъ ямъ прямо... на дубъ краковистъ плотавъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы..., межъ ими 406 саж., а отъ того дуба и отъ ямъ прямо... межъ Серболова и Краснаго стану на дубъ краковистъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы..., межъ ими 420 саж., а отъ того дуба и отъ ямъ прямо... на дубъ плотавъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ становныя ямы..., межъ ими 526 саж., а отъ того дуба и отъ ямъ прямо внизъ *Локотецкимъ вывершиномъ* до *Большого Локотецкаго верха* и черезъ верхъ на гору на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы..., межъ ими 560 саж., а отъ того столба и отъ ямъ прямо... къ *вывершину* Локотецкаго верха на березу, на ней грань, подлѣ ея двѣ становныя ямы... межъ ими 530 саж., а отъ той березы и отъ ямъ... прямо въ верхъ Локотецкимъ верхомъ къ *большой Московской дороге*, а у Московской дороги поставленъ столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 893 саж., а ямы выкопаны одна на правой сторонѣ того *Локотецкаго вывершина* въ Серболовомъ стану, а другая на лѣвой сторонѣ того жъ Локотецкаго отвѣрка въ Красномъ стану *).—А на становой межѣ были старожилы и окольные люди и межу отводили: Стенанъ Богриновцевъ, Осипъ Канцловъ, Деметій Подколзинъ, Устинъ Черной, Сидоръ Щигольевъ, Василій Богриновцевъ, Яковъ Сабаетъ, Фролъ Погоневъ, Иванъ большой Трубицынъ, Филиппъ Потаповъ, Яковъ Карповъ, Иванъ Александровъ, Ермоль Алтуниинъ, Лукьянъ Кривцовъ, Максимъ Клевцовъ, Василій Дремовъ, Устинъ Подуниинъ, Харламъ Щигольевъ, Антипъ Потаповъ, Василій Ефановъ, Герасимъ Пашковъ, Тимофей Потаповъ, Евдокимъ Потаповъ, Григорій Богриновцевъ, Василій Шаршинъ съ товарищи. А положена та становая межа межъ Краснаго и Серболова стану по сказкамъ старожильцовъ и окольныхъ людей въ нынѣшнемъ въ 193 (1685) году мая въ 11, да въ 25, да въ 26 дни^а.

Межа между градскою Ливенскою землею и Новосильскимъ уѣздомъ.

„Да межа *грацией* межи межъ Ливенскаго и Новосильскаго уѣздовъ: починъ отъ *Московской дороги* и отъ *Муровскаго шляху*, подлѣ грацкой межи поставленъ столбъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, а противъ того столба и ямы на грацкой межѣ стоить столбъ межевщика Ивана Игватьева 182 (1674) году, на немъ грань,

*) Всего пространства межи Краснаго и Серболова стана 22,918 саж., или 45 версты и 418 саж.

подлѣ ево яма, а отъ тѣхъ столбовъ и отъ ямъ прямо по той же грацкой межѣ Ливенскаго и Новосильскаго уѣздовъ по лѣвую сторону на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево выкопана грацкая яма, межъ ими 260 саж., а столбъ стоитъ и яма выкопана противъ стараго столба и ямы межевщика Ивана Игнатѣева., а отъ того столба и отъ ямы прямо по той же грацкой межѣ Новосильскаго и Ливенскаго уѣздовъ до стараго до граннаго дуба межевщика И. Игнатѣева, на немъ насѣчена другая грань вновь, подлѣ ево выкопана яма на лѣвой сторонѣ въ Красномъ стану, а межъ ими 301 саж., а отъ того дуба съ граньми и отъ ямы прямо по той же общей грацкой межѣ черезъ *Оревской вывершенъ* на дубъ краковистъ, на немъ старая грань межевщика И. Игнатѣева, да вновь насѣчена другая грань, подлѣ ево выкопана яма на лѣвой сторонѣ въ Красномъ стану, а межъ ими 354 саж., по праву земля грацкой межи Новосильскаго уѣзду села *Судбишъ* Фрола Рогачева съ товарищи, а по лѣву земля грацкой межи Ливенскаго уѣзду Краснаго стану села *Новосильскаго* Матѣя Сахарова съ товарищи, а отъ того дуба и отъ ямы прямо тою-жъ грацкою межою черезъ *Оревскій вывершенъ* на дубъ краковистъ, на немъ старая грань межевщика И. Игнатѣева, да вновь насѣчена другая грань, подлѣ ево выкопана яма, межъ ими 486 саж., а дубъ стоитъ на *мысу противъ Оревскаго вывершена и Платоваго лѣсу*, а отъ того дуба и отъ ямы прямо по той же грацкой межѣ черезъ *Оревской отвершенъ* и черезъ *Судбицкую дорогу* на старой грацкой дубъ межевщика Ивана Игнатѣева, и тотъ дубъ засохъ, а подлѣ того дуба поставленъ столбъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 690 саж., а отъ того столба и отъ ямы прямо... сквозь *Высокую дубровку* на старой гранной дубъ межевщика И. Игнатѣева, да вновь насѣчена грань, подлѣ ево яма, межъ ими 236 саж., а отъ того двуграннаго дуба и отъ ямы прямо внизъ *Оревскимъ вывершеномъ*, а отъ того вывершка на право немного на *мысъ степью* до стараго до граннаго столба и до ямы межевщика Ивана Игнатѣева, и подлѣ того столба поставленъ вновь столбъ, на немъ грань, подлѣ ево яма выкопана вновь, межъ ими 1197 саж., а отъ того столба и отъ ямы прямо... до стараго до граннаго столба и ямы межевщика И. Игнатѣева, а противъ того столба поставленъ на лѣвой сторонѣ вновь столбъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 250 саж., а отъ того столба и отъ ямы прямо... *изъ рч. Ореву* на березу, на ней грань, подлѣ ея яма, межъ ими 560 саж., а отъ той березы и отъ ямы въ низъ *по рч. по Ореву* по лѣвую сторону до устья *рч. Лозавни*, что вышла изъ правой стороны изъ Новосильскаго уѣзду, а до того устья 1514 саж., а отъ того устья въ низъ тою-жъ рѣчкою *Оревымъ* до устья тоя-жъ рч. *Оревы*, что впадала въ р. *Любовшу*, а до того устья рч. *Орева* 1505 саж., а отъ того устья поворотить на лѣво круто въ низъ по р. по *Любовшѣ* по лѣвую сторону до *Каменной горы* и до *Нижняго борна*, а межъ ими 790 саж., а отъ той *Каменной горы* и отъ *Нижняго борна* на право круто черезъ р. *Любовшу* и черезъ *колодезь Яндовищенъ* на столбъ,

на немъ грань, подлѣ ево яма, а столбъ стоитъ и яма выкопана отъ р. *Любовши* въ 50 саж., на лѣвѣ Великихъ Государей порозжая земля — пустошь дикое поле Ливенскаго уѣзду Краснаго стану, а на правѣ земля Новосильскаго уѣзду, по сказкѣ старожильцовъ, которые на той грацкой межѣ на отводѣ были, земля стольника Венедикта Хитрово, а отъ того столба и отъ ямы прямо въ верхъ *вывершеномъ* на березу, на ней грань, подлѣ ея *ортебина большая*, межъ ими 847 саж., а отъ той березы и отъ *ортебины большой* поворотить на право круто въ верхъ *вывершеномъ* и изъ того вывершка *степью* къ *Елецкой дорогѣ* на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 472 сажени, а столбъ поставленъ и яма выкопана подлѣ *Елецкой дороги*, а отъ того столба и отъ ямы прямо *степью* черезъ *Елецкую дорогу* и черезъ *вывершенъ*, что отъ *Ботвининской дубровы* на дубъ краковистъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 876 саж., а отъ того дуба и отъ ямы прямо *степью* черезъ *дорожню*, что ѣздятъ изъ села *Новосильскаго Ефремовскую дорогу*, на дубъ краковистъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 866 саж., а отъ того дуба и отъ ямы прямо сквозь *дубровку* къ *вывершку* къ *Головищу Плоснаго колодезя*, а межъ ими 400 саж., а отъ того вывершка *Головища Плоснаго колодезя* прямо *Головищенскимъ вывершеномъ* до *Головищенскаго колодезя*, что вышелъ съ правой стороны Новосильскаго уѣзду и черезъ *колодезь*, межъ ими 410 саж., а отъ того *Головищенскаго колодезя* прямо на гору *степью* черезъ *отвершенъ*, что отъ *Плоснаго колодезя*, на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 1051 саж., а отъ того столба и отъ ямы прямо *степью* *Новосильскія Плоты* на дубъ плотавъ вѣтви на полдни, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 737 саж., а отъ того дуба и отъ ямы прямо въ низъ тѣми *Новосильскими Плотами*, по лѣвую сторону тѣхъ *Плотовъ* земля Ливенскаго уѣзду Краснаго стану Володимера Парахина съ товарищи, а по правую сторону тѣхъ *Плотовъ*, по сказкѣ старожильцовъ, которые на той грацкой межѣ были, земля Новосильскаго уѣзду полковныхъ козаковъ, въ *большой верхъ* и тѣмъ *верхомъ* поворотить на право немного въ верхъ по верху, а отъ того верха на *мысъ* на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 1420 саж., а отъ того столба и отъ ямы прямо *степью* на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 815 саж., а отъ того столба и отъ ямы прямо къ *Синновскому верховью*, а въ Синновскомъ верховьѣ подлѣ *ржавца* стоитъ береза кудрява, на ней грань, подлѣ ея яма, межъ ими 361 саж., а отъ той березы прямо *Синновскимъ верхомъ* въ низъ по лѣвую сторону и черезъ *Синновское болотце* со *ржавцомъ* въ *Синновской же вывершенъ* въ низъ черезъ *большую Московскую дорогу*, что ѣздятъ изъ Новосили на Ливни, на *мысъ* на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 960 саж., а отъ того столба и отъ ямы прямо *Спорнымъ Гребенемъ* на дубъ плотавъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 960 саж., а дубъ стоитъ на *взгоркѣ Синновскаго вывершена*, а отъ дуба и отъ ямы прямо черезъ Синновскій

вывершекъ до другого Синковского вывершка и черезъ другой Синковской вывершекъ и въ верхъ Синковскимъ вывершкомъ на дубъ краковитъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 549 саж., а отъ того дуба и отъ ямы прямо *степью* къ *Труцному вывершину* на дубъ суховерхатъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 781 саж., а отъ того дуба и отъ ямы прямо въ низъ *Труцнимъ вывершномъ*, а по конецъ того вывершка на *мысу* поставленъ столбъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 356 саж., на правѣ земля Новосильскаго уѣзду, а на лѣвѣ земля Ливенскаго уѣзду Краснаго стану, а по другую сторону столба становая межа Затрудскаго стану *).—А на отводѣ становыхъ и на грацкой межѣ старожилицы и окольные люди были: Кунай да Юда Кожуховы, Тимофей Сусловъ, Иванъ Боландинъ, Ѳедосей Костромитиновъ, Сидфръ да Василей Сераповы, Устинъ Полуницъ съ товарищи. Противъ ихъ сказокъ за руками, каковы они подали на становыхъ и на грацкой межѣ 193 (1685) году въ разныхъ числахъ“ (слѣдуютъ подписи).

Поселенія, помѣщики и вотчинники въ Красномъ станѣ:

а) Поселенія и помѣщики:

Село Парахино: Чуриловы, Анисимовы и Парахины.

Деревя Овсянниково: Овсянниковы, Анисимовы и Гарборуковы.

Деревя Орлово: Анисимовы, Злобинъ, Кондауровы, Овсянниковы, Зарубины, Филатовы, Ефановы, Платоновы, Воробьевы, Ермоловы, Сотниковъ и Малыхины.

Деревя Косьяново: Добриковы, Сидоровы, Кондратьевы, Анисимовы, Косьяновы, Подколызинъ, Аширины, Ансуповы и Токаревъ.

Деревя Чуванино: Косьяновы, Шеховцовы, Воробьевы, Корогодины, Кузмины, Селютинны, Теряевъ и Рудневы.

Дубровы за Чернавскимъ колодеземъ: Сотниковъ, Воробьевы и Ермоловы.

Деревя Плотовая, Лютая тожъ: Трубицкины, Рудневы, Ансуповы, Токаревы, Головинъ, Сияютинъ, Селютинъ, Алтуницъ, Бакулины, Вѣляевъ, Шатѣвы и Житкіе.

Деревя Пишково: Бекетовы, Подколызинны, Михайловы, Ансуповы, Логачевъ, Кудрявой, Ядннины, Ершовъ, Злобины, Невзоровы и Вагриновцевъ.

Пустошь, что по конецъ поль деревни Пишковой: Бекетовъ, Подколызинны и Злобины.

Деревя Хоощеватая, Потапово тожъ: Головинны, Потаповы, Трубицкины, Шяголены и Лютые.

Деревя Здобная: Мезинцовы, Кожуховы и Богданчиковы.

*) Такимъ образомъ всего пространства между градскою Ливенскою землею и Новосильскимъ уѣздомъ было 20,980 сажень, или 40 верстъ и 80 сажень.

Деревя Жилева подѣ Жилевымъ лѣсомъ: Овсянниковъ, Ивановъ и Потаповы.

Пустошь по конецъ казачьихъ поль: Овсянниковъ и Ивановъ.

Деревя Жилевой на Жилевомъ колодезѣ: Рыковъ и Богданчиковы.

Прогорѣлая полянка да пустошь, что была деревня Присынокъ: Костромитиновъ.

Село Пречистенское: Лахины, Горбатой, Невзоровъ, Алтуницы, Михайловы, Шеховцовы, Клоковъ, Воробьевъ, Дремовъ, Овсянниковъ, Горбаруковъ и Ивановъ.

Деревя Чернянская: Шеталовъ, Невзоровы, Подколызинны, Пыжоны, Трубицкины, Потаповы, Луханинъ, Клоковъ, Кузмины, Дремовъ и Алтухины.

Пустошь— что была деревня *Соловьева*: Пыжовы, Вагриновцевы, Погоневъ, Головинъ, Кожуховы, Афанасьевы, Косьяновы, Кузмины, Невзоровы, Подколызинны и Потаповы.

Пустошь, что была деревня *Золотухина*: Коноповы, Созоновы, Богданчиковы, Невзоровы, Добриковы и Алтухины.

Село Новосильское: Пишковъ, Захарьевъ, Карповы, Сахаровы, Кривцовы, Свищевъ, Косторновы, Голобицкій, Страховы, Ханинъ, Ремезовъ, Подольскіе, Голощановы, Сияютинъ, Трубицкины, Потаповы, Куликовъ, Созоновы, Поваляевъ, Анисимовъ, Ядннины, Ледовской, Вепринцовы, Енинъ, Кропивенцовъ, Масловы, Куровскіе, Кутеповъ, Рыльшинъ, Богатыревъ, Логачевъ, Алтуницъ, Савенковы, Липовскій, Федориковы, Иваниковы, Картавой, Волтенковы, Резанцевъ, Писаревъ, Афанасьевъ, Шумской, Дурневъ, Губинъ и Дремовъ.

Пустошь дикое поле по лѣвую сторону отъ Новосильскаго лѣсу отъ верховья рѣки Чернавы и въ *Каменной дубровѣ* съ урочищи: Ершовъ, Ансуповы, Кудрявой, Ядннинъ, Подколызинъ, Логачевъ, Лютой, Трубицкины и Головинъ.

Пустошь дикое поле въ верховьѣ рѣки Чернавы въ *Носьяновой дубровѣ* съ урочищи: Кондратьевы, Косьяновы, Подколызинъ, Головинъ, Теряевъ, Кузмины, Овдѣевъ, Бекѣевъ, Алтуницъ и Бакулины.

Пустошь дикое поле по обѣ стороны рѣчки Большаго Кривца съ урочищи: Кузмины, Добриковы, Сияютинъ, Ансуповы, Михайловы, Алтуницъ, Косьяновъ, Сухинъ и Стародубцевъ.

Пустошь дикаго поля усть рѣчки Большаго Кривца съ урочищи: Анисимовы.

Пустошь дикое поле по обѣ стороны рѣки Любовши съ урочищи: Овсянниковы, Парахинъ, Гурдамыхинъ, Рылковы, Кондауровы и Еремѣевъ.

Село Понровское по обѣ стороны рѣки Любовши и рѣчки Корытенки съ урочищи: Воробьевы, Кожуховы, Гарборуковы, Пантелѣевъ, Болотовъ, Гладкой, Ершовъ, Ледовскіе, Волтенковъ, Губановы, Хриповъ, Мальцовы, Малыхинъ, Пашковы, Дорохины, Вредихины, Севрюковы, Копаевы, Ворынаевы, Васильевы, Сапрыкины, Яригинъ, Хорошиловъ, Черные, Бѣлой, Сверчковы, Дремовы, Семенихины, Положинцевы, Есиповы, Щегловы, Селютинны, Микитины, Проскуряны, Бобровскіе, Венюковы, Труфа-

новъ, Марьянъ, Русановъ, Скуридинъ, Щукинъ, Гурьевъ, Баклашевъ, Степкинъ, Малихинъ, Мацневъ, Русиновъ, Чурсинъ, Бекетовъ, Подколызинъ и Михайловъ.

Пустошь дикое поле въ *Жилевой дубровѣ* съ урочищи: Алтуховы, Золотухины, Мальцевы, Левановы, Офонинъ, Бобровскій, Сотниковъ, Лаушкинъ, Рылковъ и Парахинъ.

Пустошь дикое поле въ *Становой дубровѣ* съ урочищи: Сахаровы, Жердевы, Ягурновъ, Ровенскіе, Седемевъ, Александровы, Кожуховъ, Губановы, Сипрыкины, Назарьевъ, Рылковы, Левановы, Голодской, Вулгаковы, Семенихины, Огибаловъ, Вологовъ, Иваниковы, Степкинъ, Колшинъ, Шевляковы, Вискребенцевъ, Болтевковъ, Кобозевы, Глаткой, Сараевъ, Ансуповъ, Подколызинъ, Богатой, Глѣбовы.

Село Архангельское, что на колодезѣ на Теляжѣ: Заболоцкіе, Александровы, Аширмины, Зубцовы, Сухановъ, Жердевъ, Вулгаковъ, Луевы, Губановъ, Смагины, Федоровы, Подколызины, Сипрыкины, Братьевскіе, Малихины, Мерцаловы, Степкины, Чуриловы, Брудастой, Красовъ, Зубцовъ, Вохромѣевъ, Кожуховы, Блязовы, Скуридинъ, Сидоровы, Позняковъ, Бахтины, Короткіе, Тишевской, Заикинъ, Сараевъ, Ансуповъ, Богатой, Лютиковы, Гончаровъ, Головинъ, Болтинъ, Росляковъ, Огибаловы, Мещинцевы, Парахинъ, Иваниковъ, Булавны, Очкасовъ, Михайловъ, Ледовскіе, Болтевковъ, Дорохины, Ярыгины, Теряевы, Бакулины, Селютинъ, Воробьевъ, Мальцевъ, Костомаровъ.

б) Вотчинники.

Въ Красномъ стану въ вотчинахъ:

Константинъ Ивановъ сынъ *Голоцной*.

Константинъ же *Голоцной*.

Афанасій Ефимовъ сынъ да Емельянъ Михайловъ сынъ *Нондауровы*.

Микита Ивановъ сынъ *Пантелеевъ*.

Константинъ Ивановъ сынъ *Голоцной*.

Церкви и часовни въ Красномъ станѣ.

ЦЕРКОВЬ НИКОЛЬСКАЯ.

1. *Церковь Никола Чудотворца*, деревяна *кляцки*, ветха, а въ ней: образъ Чудотворца Николая съ житіемъ, образъ Флора и Лавра, образъ Пречистыя Богородицы запрестольная Одигитри обложенъ, окладъ серебряной съ вѣнцемъ, вѣнецъ чеканной, окладъ *басменной* (тонкій, маловѣсный), напрестольное евангеліе, ризы полотняныя, кадило мѣдное, да въ церкви-жъ книги: тріодъ цвѣтная, минея общая съ празд-

ники, шестодневъ, псалтирь слѣдованная, Николино житіе, требникъ большой, требникъ малый, канунникъ да часословъ, и тѣ книги и кадило его, попа Егорья, да у той же церкви приходского прикладу: 2 колокола, евангеліе толковое Польской печати, ризы полотняныя, кадило мѣдное; да у той же церкви дворъ попа Егорья Емельянова; да у него-жъ пона во дворѣ бобыльской сынъ Ивашка Аванасьеви, у него дѣти: Ивашка 12 лѣтъ, Кондрашка 7 л., Филька 5 л., Мойсейка 3 лѣтъ; дворъ дьячка Федьки Андреева, да дворъ пономаря Сеньки Андреева, да во дворѣ бобыль Кузьма Афанасьеви, у него дѣти: Сенька 14 лѣтъ, Ивашка 10 л., Алфимко 8 лѣтъ; пашни паханыя добрыя земли 20 чети, да дикого поля и дубравы пашенныя 10 чети, всего 30 чети; сѣна по дикому полю 20 копенъ; да сверхъ той старой дачи церковной земли примѣрено въ той же межѣ писца Ивана Малечкина въ 1629 году 80 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; а усадьбы ихъ по другой сторонѣ рѣчки Лѣсной Ливенки усть Никольскаго верха, смежно съ Евстратомъ да Борисомъ Павловыми на *стрѣлицѣ* подъ Краснымъ лѣсомъ и противъ *стрѣлицы*, что ѣдутъ въ городъ. А межа той церковной земли отъ рѣчки Лѣсной Ливенки и отъ граннаго столба и отъ лмы прямо старую межею противъ устья *Мяжного колодезя*, что тотъ колодезь по другой сторонѣ рѣчки Ливенки... на гору къ *Мяжному верху*, по праву земля церковная, а по лѣву Красной лѣсы, и подлѣ Красной лѣсы черезъ *поповъ верхъ*..., черезъ *прогарь*, что выгорѣло Красной лѣсы, къ двумъ *колодезямъ*, что внали въ *Бѣлой колодезь*, одинъ течетъ на востокъ, а другой съ востока изъ Красной лѣсы... А межа той церкви сѣвннхъ покоевъ, что написано по писцовымъ книгамъ Ивана Малечкина... 2 десятины, а въ нихъ 40 копенъ, а вынѣ по мѣрѣ въ той же межѣ 7 десятинь, а копами 70 копенъ, починъ отъ дуба безверховатого... прямо вверхъ подлѣ рѣчки Ливенки по лѣвую сторону черезъ болотце на дубъ подлѣ дорожки, что ѣдутъ изъ деревни Здоровца въ городъ Ливны.

ЦЕРКОВЬ ПЯТНИЦКАЯ.

2. *Церковь св. мученицы Парасковей*, нарицаемая *Пятницы*, что въ селѣ *Парахинѣ* (по новому прозванію деревни Овсянникова Макара съ товарищи), на землѣ Великихъ Государей... деревяна *кляцки*, ветха, стоитъ безъ пѣнія, а въ церкви: образъ Всемилоствиваго Спаса, образъ Св. Мученицы Парасковей въ окладѣ, окладъ серебряной золоченой *басменной* (то-же что *басменной*), да церковныя утвари: сосуды, *бѣльца*, лжица и коше, *нандья* мѣдная, да книгъ церковныхъ: октой да минея общая, апостолъ, псалтирь учебная, часословъ, служебникъ, ермолой, евангеліе (половина обгорѣла кругомъ), кадило, 4 колокола; а по сказкѣ старожиловъ, что та церковь и въ церкви образы и книги и всякое церковное строенье приходское; да у той же церкви дворъ пона Василья Фомина, да 3 двора дьячковыхъ: дворъ старого дьячка Павла Тарасова, дворъ Дорошки Тарасова, дворъ Федьки Тарасова, да мѣсто дворо-

вое пономарское Ивашки Яковлева, да мѣста дворовыя бобыльскія: Ефремка Сидорова, Ромашка Аванасьева, Офоньки Анкудинова, а тѣ бобыли, по сказкѣ сторожилцовъ и прихожанъ тутошнихъ и стороннихъ людей и пономаря, отъ разоренья Крымскаго хана пропали безвѣстно; а въ прежнихъ писцовыхъ книгахъ Ивана Малечкина 1629 года написано: пашни паханья церковныя добрыя земли 12 чети, да перелогъ четь, да дикого поля 8 чети, обоено—30 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; да примѣрено сверхъ той старой церковной земли въ той же межѣ Ивана Малечкина 1629 года 13 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому-жъ*); сѣна по дикому полю и по лугамъ и по верхамъ въ рядъ съ помѣщики 40 копенъ, а въ Красной лѣсъ вѣзжать имъ попу Василью съ церковными причетники со всеми помѣщики обще. Писана та церковная земля по сказкѣ попа Василья за его рукою 7193 году Декабря въ 1 день.

ЦЕРКОВЬ ГЕОРГІЕВСКАЯ.

3. *Церковь Страстотерпца Христова Георгія* древяна *кльцни* (погостъ на землѣ Великихъ Государей подъ Краснымъ лѣсомъ межъ дву отвершковъ на рѣчкѣ на Полевой Ливнѣ), а строенье—та церковь и въ церкви образы и книги и всякое строенье приходскихъ людей, да въ церкви-жъ мѣстныя иконы: крестъ животворящій на престольной неокладной, евангеліе письменное безъ евангелистовъ, образъ Георгія не въ окладѣ, образъ Пречистыя Богородицы на престолѣ обложенъ, вѣнецъ и *зривна* (ожерелье) серебряныя вызолочены, образъ Владимірскія Пречистыя Богородицы не въ окладѣ; да престолъ Никиты Мученика, да Спасовъ образъ не въ окладѣ, да 11 *Дейисусовъ*, да книги: апостолъ да псалтирь слѣдованная, да миная общая, да прологъ марта мѣсяца, да шестодневъ, да служебникъ, да конушникъ, да ермолой письменной, да 3 колокола, да требникъ большой, ризы одни, да стихарь, да поручи, да патрахиль, да сосуды оловяныя, 2 кадила ломанья; да у той церкви дворъ попа Аванасья Доросеева, да дворъ дьячка Евдокимка Иванова, да мѣсто пономарское пустое Игнашки Иванова, да 5 мѣстъ дворовыхъ бобыльскихъ: Безсонаи Иванова, Сидорка Челлина, Вавилки Григорьева, Осипка Иванова, Перфилья Трофимова, а по сказкѣ старожилцовъ, что тѣ бобыли отъ разоренья Крымскаго хана пропали безвѣстно; пашни паханья церковныя земли 7 чети, да перелогъ 3 ч., да дикого поля 10 ч., обоено 20 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; да примѣрныя церковныя земли, что примѣрено по старымъ писцовымъ книгамъ 1629 года, а въ ней: пашни паханья добрыя земли 5 ч., да перелогъ 2 ч., да дикого поля 18 ч., обоено—25 чети; да сѣнокосы 3 десятины, сѣна на нихъ косять 60 копенъ, а по селидебной и по дровяной лѣсъ вѣзжать въ Красной лѣсъ съ помѣщики обще; да церковныя-жъ при-

*) Въ межахъ церковной Патницкой земли упоминается «Осиновой большой каменной вертхъ, а въ томъ верху *камень красный*».

мѣрныя земли, что примѣрено сверхъ старой церковной земли въ тѣхъ же межахъ и граняхъ, дикого поля 55 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; а писана та церковная земля по сказкѣ за его поповою Афанасьевою рукою 7194 году Мая въ 6 день.

ЧАСОВНЯ НА ГЕОРГІЕВСКОМЪ ПОГОСТѢ.

4. *Погостъ*, что написанъ по прежнимъ писцовымъ книгамъ 1629 году на помѣсной порозжей землѣ на Стенановѣ почику Лыкова въ *деревнѣ Здобной*, что было займище *Присада* подъ Краснымъ лѣсомъ, на рѣчкѣ на Полевой Ливнѣ, усть Хвоцеватаго колоделя, а Песковатой тожъ, а на погостѣ была *церковь Страстотерпца Христова Георгія*, древяна *кльцни*, и та церковь разорена въ приходъ Крымскаго хана, а ниѣтъ *часовня* древяная, а въ той часовнѣ Богородица на престольная, окладъ серебряной вызолоченъ, да 2 колокола; дворъ пустъ вдоваго попа Сидора, да мѣсто пустое пономарское Онисимка Павлова, да мѣсто пустое бобыльское Паньки Акинфьева, а пономарь и бобыль въ приходъ Крымскаго хана пропали безвѣсно; пашни паханья церковныя добрыя земли 2 чети съ осминою, да дикого поля 8 чети съ осминою, обоено—11 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; сѣна межъ полъ, по логамъ и по верхамъ и по дикому полю и по дубровамъ и подъ Жилевымъ лѣсомъ въ рядъ съ помѣщики съ Онисеемъ Богдановымъ съ товарищи 22 копы; лѣсъ Красный съ помѣщики вообще, да церковныя примѣрныя земли, что примѣрено сверхъ церковной земли въ тѣхъ же межахъ и граняхъ, дикого поля 9 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; писана та церковная земля по сказкѣ старожилцевъ Ивана Трубицы, Фомы Кожухова, Савелья Головина, Митрофана Мезенцева, за его Фоминою рукою Кожухова 7194 году Мая 18 числа.

ЧАСОВНЯ НА ПРЕЧИСТЕНСКОМЪ ПОГОСТѢ.

5. *Сельцо Пречистенское* на гору подъ Сторожевыя лѣсомъ, за рѣкою за Чернавою, а въ сельцѣ на церковномъ мѣстѣ, что была *церковь Успенія Пречистыя Богородицы*, *часовня* Великихъ Государей..., а въ часовнѣ иконъ мѣстныхъ—Успенія Пречистыя Богородицы, да на престольная Пресвятныя Владимірскія Богородицы, да ризы полотняныя, колоколь, да служебникъ старой, а иконы и ризы и колоколь и служебникъ и часовня строенья мірскаго, да у той часовни на погостѣ дворъ попа Матвѣя Иванова, да мѣсто пономарское, да мѣсто просвирицкино пусты; пашни паханья добрыя земли 5 чети, да перелогъ четь, да дикого поля 14 чети, обоено—20 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ, да сверхъ той церковной земли въ тѣхъ же межахъ и граняхъ примѣрено дикого поля 28 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; сѣна межъ полъ, по логамъ и по верхамъ до рѣки до Чернавы 40 копенъ; лѣсъ Сторожевой обще со всеми помѣщики; писана та церковная земля по сказкѣ попа Матвѣя за его рукою 7194 году Мая въ 25 день.

ЦЕРКОВЬ ГЕОРГИЕВСКАЯ.

6. *Погостъ* на землѣ Великихъ Государей . . . , а на погостѣ строятъ *церковь святого мученика Георгія*, древяну, олтарею круглой, да къ той церкви приготовлено: двери церковныя, да мѣсныхъ иконъ—образъ Всемилостиваго Спаса, образъ Казанскія Пресвятыя Богородицы, образъ Святого Великомученика Георгія, образъ пророка Иліи, образъ святыхъ мученикъ Флора и Лавра, да ризы полотняныя, а образы и ризы строенье приходское; да у той же церкви дворъ пона Савина, да мѣсто дворовое дьячковское; пашни паханья церковныя добрыя земли 7 чети съ осминою, да перелогу осмина, да дикого поля 12 чети, обоево—20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, а та церковная земля вымѣрена вновь изъ дачъ того *села Новосильскаго* Матвѣя Сахарова съ товарищи, да на сѣнные покосы 2 десятины, а копыями шестца 20 копень, а въ лѣсъ и въ дубровки вѣзжать пону Савину съ причетники того жъ села Новосильскаго съ помѣщички обще; писана та церковная земля по указу Великихъ Государей и по наказу, каковъ данъ изъ Помѣсного Приказа за приписью дьяка Анисима Невѣжина въ 1684 году, и по сказкѣ пона Савина за его рукою 1685 году Юня въ 9 день.

ЧАСОВНЯ НА ПОКРОВСКОМЪ ПОГОСТѢ.

7. *Сельцо Покровское* по обѣ стороны рѣчки Любовши, а въ сельцѣ *часовня* на землѣ Великихъ Государей . . . , а въ часовнѣ мѣсныя иконы: образъ Покрова Пресвятыя Богородицы, образъ Всемилостиваго Спаса, образъ Пресвятыя Богородицы Казанскія, да ризы полотняныя, да двѣ книги—апостоль да требникъ, и то все мирское, да псалтирь слѣдованная пона Мелентя: а у той часовни на погостѣ дворъ пона Мелентя Поликарпова; пашни паханья добрыя земли 5 чети, да перелогу четь, да дикого поля 14 чети, обоево—20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна межъ поле, по логомъ и по верхомъ и по дикому полю и по одну сторону колодезя Кручка 40 копень; писана та церковная земля по сказкѣ пона Мелентя за его рукою 1685 году Юня въ 20 день.

ЧАСОВНЯ НА АРХАНГЕЛЬСКОМЪ ПОГОСТѢ.

8. *Погостъ Михаила Архистратига* по одну сторону рѣчки Теляжя колодезя, а на погостѣ *часовня* на землѣ Великихъ Государей . . . , а въ часовнѣ образъ Пресвятыя Богородицы на престольныя, да книгъ: минея общая, псалтирь, да часословъ малыя Кіевскія печати; на погостѣ дворъ пона Романа Филищова; пашни паханья церковныя добрыя земли 5 чети, да перелогу четь, да дикого поля 14 чети, обоево—20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна межъ поле, по логомъ и по верхомъ и по дубровамъ и по дикому полю 40 копень; писана та церковная земля

по указу Великихъ Государей и по наказу, каковъ данъ изъ Помѣсного Приказа за приписью дьяка Анисима Невѣжина 1684 году и по сказкѣ пона Романа за его рукою 1686 году Октября въ 5 день, а вымѣрена та церковная земля изъ того *сельца Архангельскаго*, что была пустошь *Теляжъ*, на Теляжѣ колодезѣ, изъ помѣщичковыхъ земель Автомона да Изота Заболоцкихъ съ товарищи."

„Всего въ Красномъ стану 4 церкви, 4 часовни, 7 дворовъ поповыхъ, въ одномъ дворѣ поповѣ бобыльскихъ дѣтей 5 человекъ, дворъ пустъ поповъ, дворъ пономаревъ, дворъ просвирицынъ, 4 мѣста пономарскія пусты, дворъ бобыльскій, людей въ немъ 4 человекъ, 9 мѣстъ дворовыхъ бобыльскихъ пустыхъ; пашни паханья добрыя земли 69 чети, да перелогу 9 чети съ осминою, да дикого поля 108 чети съ осминою, обоево—187 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрныя земли, что примѣрено сверхъ тѣхъ изъ церковныхъ земель, 185 чети съ осминою, обоево—старья церковныя земли и съ примѣрною землею 372 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 352 копыя“.

Краткія свѣдѣнія о состояніи Краснаго стана въ 17-мъ вѣкѣ на основаніи дошедшихъ до насъ приправочныхъ, платежныхъ и писцовыхъ межевыхъ и переписныхъ книгъ.

О РАЗНЫХЪ ПОСЕЛЕНІЯХЪ.

Въ 1615 году въ Красномъ станѣ находились слѣдующія поселенія: *погостъ* села Никольскаго съ церковію Николая Чудотворца, на рч. Лѣсной Ливнѣ, въ Долгой Полянѣ; *село Пятницкое—Парахино* сверхъ Евланова колодезя; *погостъ* села Егорьевскаго Верхняго съ церковію Св. в.м. Георгія, на рч. Полевой Ливнѣ; *сельцо Пречистенское* на Рогу подъ Сторожевымъ лѣсомъ; *деревни*: Здоровецъ, Зубцова, Евлановъ Рогъ, Присова, Семенихина, Присекъ, Роговая, Лопатина, Зайцева (Дугала), Орлова-Хвоцеватая, Чувахина (Чюхова), Косьянова, Плотовая (Лютая), Пашкова, Хвоцеватая (Хвоцевка, Потапова), Присадъ (Костомарова), Жилова, Золотухина, Соловьева, Чернянская.—Въ платежныхъ книгахъ 1620 года, писанныхъ послѣ нашествія на Ливны Сагайдачнаго, показаны: село *Парахино*, село (*Пречистенское*) подъ Сторожевымъ лѣсомъ и 19 деревень, въ числѣ которыхъ не упоминаются уже: Присова, Присекъ, Пашкова и Чувахина, но вмѣсто того показываются—*Головина*, у Никольскаго верха и Здобная.—Въ писцовыхъ 1627—1629 годовъ находимъ: село *Парахино*, сельцо *Пречистенское*, 3 погоста—*Никольскій*, *Георгіевскій* и новый *Георгіевскій*—въ деревнѣ Здобной, что было займище Присада на рч. Полевой

Ливнѣ, и 18 деревень; въ томъ числѣ вмѣсто одной деревни на усть Никольскаго перха на Лѣсной Ливнѣ, противъ *стрѣлицы*, показана еще новая деревня по правую сторону Никольскаго перха; исчезнувшія было деревни — *Чувакина* и *Пашкова* возникли вновь; двѣ изъ прежнихъ деревень — *Чернянская (Чернявская)* и *Соловьева* показаны въ пустошахъ, — послѣдняя, по сказкѣ той пустоши помѣщиковъ, запустѣла „отъ Татарскія войны 1616 года“, а первая въ 1612 году. — Переписная 1646 г. упоминаетъ всего о 3 селахъ: *Никольскомъ* съ деревнями Зубцовою и Костомаровою, *Пятницкомъ* съ деревнями Орловою, Лопашиною и Зайцевою — Дутюю, и *Егорьевскомъ* съ деревнями Платоновою — Лютою, Чувакиною, Пашковою, Хвощеватовою — Потановою, Жилевою и Здобною. — Въ переписной 1678 года значится уже 5 селъ: *Никольское* съ деревнями Зубцовою и Костомаровою; *Пятницкое* съ деревнями Орловою и Лопашиною; *Егорьевское* съ деревнями Платовою — Лютою, Чувакиною, Пашковою, Хвощеватовою — Потановою, Жилевою, Здобною, Здоровцемъ, Семенихиною, Дутюю, Роговою и Косляновою; *Нижнее Егорьевское* и *Успенское* съ деревнею Новосильскою. — По писцовой 1684 года: 2 села *Парахино* — *Овсянниково* и *Новосильское*, что была пустошь у Чернавскихъ отвершковъ на двухъ прудахъ на Гниловдѣ, и 3 сельца: *Пречистенное* подъ Сторожевымъ лѣсомъ у рч. Чернавы, *Покровское*, что была пустошь дикое поле у р. Любовши по рч. Корытенкѣ, и *Архангельское*, что была пустошь дикое поле на колодезѣ Теляжѣ, подъ Ястребскими лѣсками (до 1684 года состоявшая въ Затруцкомъ станѣ), 22 деревни, 1 починокъ (Головинъ), 4 жили дубровы и 16 пустошей; въ числѣ деревень одна новаго именовація — Овслиникова; на нѣкоторыхъ новыхъ деревняхъ усвоены старинныя названія сосѣднихъ съ ними деревень, какъ — Зубцова, Орлова и Здобная, при чемъ одна изъ Зубцовыхъ стала именоваться еще *Красовою*; возстановленная деревня Чувакина (Чувакина) начала именоваться и *Жоной*; нѣкоторыя изъ прежнихъ деревень показаны въ пустошахъ, какъ-то: Евланова, Присынокъ, Соловьева и Золотухина.

О НАСЕЛЕНІИ.

Въ 1615 году считалось: помѣщиковъ 191, вдовъ 20, недорослей 48, — всего 259 чел.; крестьянъ 106, бобылей 15 чел.; итого помѣщиковъ съ крестьянами и бобылями 380 чел., а жилыхъ дворовъ (помѣщ. 200, крестьянскихъ 105, бобыльскихъ 15) — 320. — Въ 1627 году: дворовъ — помѣщичьихъ 210, крестьянскихъ 47 (людей 50 ч.), бобыльскихъ 58 (людей 65 чел.), значить — крестьянъ и бобылей вмѣстѣ всего 115 чел. — Въ 1646 году: крестьянъ (въ 33 дворахъ) 80 чел. и бобылей (въ 11 дворахъ) 18 чел., всего 98 чел. — Въ 1678 году за 281 помѣщичьи считалось крестьянъ (12 дв.) и бобылей (3 дв.) 58 чел., а съ задворными людьми (15 чел.) и дворовыми (10 чел.) 83 чел. — По переписной же 1684 и 1685 г.г. значится: помѣщиковъ (съ недорослями 76 чел.) 1153 (въ 543 дворахъ), дѣло-

выхъ у нихъ людей 36 чел., крестьянъ (въ 12 дворахъ) 47 чел., задворныхъ (въ 3 дворахъ) 14 человекъ.

ОБЪ УСПѢХАХЪ ЗЕМЛЕДѢЛІЯ.

Въ 1615 г. обработанной помѣщиками и крестьянами земли было 227 чети, а въ перелогѣ и дикомъ полѣ 15.499 чети. — Въ 1627 году пашни паханья помѣщиками и крестьянскія добрыя земли показано 786 чети, а въ 1684 году уже 6604 чети съ осминою да перелогу 1194 чети, подъ дикимъ же полемъ считалось 17,882 чети, кромѣ вновь примѣренныхъ 19,404 чстей. — Церковной земли — пашенной, перелогу и дикаго поля значилось: въ 1615 году 80 чети, въ 1627 году — 141 четь, а въ 1684 году 372 чети съ осминою, изъ которыхъ 69 чети считались уже доброю паханною землею въ каждомъ изъ 3-хъ полей, да подъ перелогомъ значилось 9 чети съ осминою.

О СЕЛЬСКИХЪ ПРИЧТАХЪ.

Преемство поповъ, дьячковъ и пономарей при церквахъ — 1) При церкви села *Никольскаго*, построенной попомъ *Назаремъ*; въ 1615 году *Назарья* уже не было въ живыхъ (осталась вдова Парасковья); послѣ него священствовалъ сынъ его *Анурь*, освятившій церковь послѣ войны 1613 года и исходатайствовавшій къ придѣлу Флора и Лавра въ 1623 году (сверхъ церковной земли 20 четей и 2 десятиаъ покосовъ) 10 чети въ каждомъ полѣ пашни и на 20 копенъ покосовъ въ дикомъ полѣ; въ 1678 г. причтъ Никольскій составляли: попъ *Федоръ Андреевъ* и дьячки Сенька да Федька Тимошеевы дѣти Андреева; въ 1684 г.: попъ *Егорій Емельяновъ*, дьячекъ Федька Андреевъ и пономарь Сенька Андреевъ. 2) При церкви села *Пятницкаго* — *Парахина*: въ 1615 году — попъ *Василій*, оставившій свою жену Марью вдовою; въ 1627 году — попъ *Нефедъ*, дьячекъ Лучка Исаевъ и пономарь Ивашка Яковлевъ; въ 1646 году — попъ *Наумъ*; въ 1684 году: попъ *Василій Вомигъ*, старый дьячекъ Павелъ Тарасовъ и Дорощка и Федька Тарасовы. — 3) При церкви села *Георгиевскаго*, построенной около 1600 года попомъ Саввою и приходскими людьми, священствовали: *Савва*, при немъ въ 1615 году пономарь Иванъ; въ 1627 году попъ *Аванасій* (при вдовомъ Санѣ), при немъ пономарь Игнашка Ивановъ; въ 1678 году — попъ *Павелъ* и дьячекъ Евдокимъ Топоровъ, а пономарское мѣсто *Игнашки Иванова* со времени прихода Крымскаго хана было пусто; въ 1684 г. — попъ *Аванасій Дорофеевъ* и дьячекъ Евдокимъ Ивановъ. — 4) При церкви сельца *Пречистенскаго*: въ 1615 году попъ *Федоръ*, въ 1684 году — попъ *Матвѣй*. — 5) При церкви села *Нижняго Егорьевскаго*: въ 1672 году попъ *Сидоръ*, дьячекъ Максимъ Еськовъ и пономарь Описимъ Павловъ; въ 1684 г. дворъ вдоваго попа Сидора былъ пустъ, а пономарь *Онисимъ Павловъ* въ приходѣ Крымскаго хана

пропавъ безвѣстно и дворовое его мѣсто было пусто.—6) При часовнѣ сельца *Покровскаго* у р. *Любовши* въ 1684 году попъ *Мелентій Поликарповъ* —7) Въ сельцѣ *Архангельскомъ*, у рч. *Теляжья* колодезя, при часовнѣ попъ *Романъ Филипповъ* —8) При строившейся въ 1684 году Георгіевской церкви села *Новосильскаго* попъ *Савва*.

Краткое описаніе пограничной черты Краснаго стана по межевой книгѣ 1685 г.

Красный станъ лежалъ на лѣвомъ берегу р. *Сосны*, между станами—*Затруцкимъ* съ западной стороны и *Серболовымъ* съ восточной, а сѣвѣрною своею стороною касался *Новосильскаго уѣзда*. Межа между *Краснымъ* и *Затруцкимъ* становъ начиналась въ сосѣдствѣ съ землею *Ливенскихъ стрѣльцовъ* отъ *колодезя Здорова* и шла въ верхъ по правому берегу р. *Трудова* до устья р. *Любовши* на разстояніи 5388 сажень, отъ устья р. *Любовши* въ верхъ по р. *Трудамъ* до устья *колодезя Теляжья* на пространствѣ 3680 сажень, отъ устья *колодезя Теляжья* по р. *Трудамъ* же до устья *Синновца* въ разстояніи 1617 сажень; отсюда поворачивала круто въ верхъ по рч. *Синновцу* до *Скороденской дороги* и до *бродка* на протяженіи 7236 сажень; затѣмъ шла въ верхъ по р. *Синновцу* по правую ея сторону, на пространствѣ 434 сажень, откуда поворачивала немного на—лѣво на *мысъ* (30 сажень) и направлялась до *Городечнаго вывершина* чрезъ большой *Коротной вывершень*, что вышелъ изъ *Синновца*, на пространствѣ 727 сажень, и наконецъ чрезъ *Труцкое верховье*, между *градскою землею* *Ливенскаго уѣзда* и *Новосильскимъ уѣздомъ*, на протяженіи 20 сажень. Такимъ образомъ граница между *Краснымъ* и *Затруцкимъ* станами тянулась на пространствѣ 19,102 сажень.—Между *Краснымъ* и *Серболовымъ* станами межа начиналась отъ *Ливенской казачьей земли*, шла чрезъ два *вывершина*, что вышли изъ *большаго Комаровскаго верха*, на протяженіи 209 сажень, и, протянувшись еще на 34 сажени, поворачивала на—право круто въ верхъ *вывершиномъ*, что вышелъ изъ-подъ *Жилева лѣса*, по конецъ того *отвершина*, на 160 сажень, затѣмъ чрезъ 80 сажень выходила на *большую Московскую дорогу* на протяженіи 229 сажень, далѣе чрезъ *паросникъ* къ *Серболову верху* на 180 сажень; отсюда, поворотивъ на—лѣво круто, въ верхъ по тому—жъ *Серболову верху* и тѣмъ *Серболовымъ верхомъ* на—лѣво *вывершина*, тянулась на 240 сажень и шла по прямому пути на 635 сажень до *Жилева верха*, а отъ этого *верха*, чрезъ самый *верхъ* и два *вывершина*, прямо на 875 сажень, откуда поворачивала круто на—лѣво и тянулась прямо на разстояніи 651 сажени до *ржавца* и чрезъ *ржавецъ* на 160 сажень, а отсюда прямо по правую сторону чрезъ землю *деревни Соловьевой*, а по

лѣвую сторону *деревни Пишиной* на 361 саж. до *ржавца* на *взгорнѣ* въ 20 саженьяхъ, и чрезъ *верхъ* и *ржавецъ* къ *Московской дорогѣ* на 262 сажени, потомъ прямо на 320 сажень, и спускалась внизъ *Корытнымъ верхомъ* къ другому *верху* на пространствѣ 836 сажень; отсюда поворачивала на—право круто на низъ *Долгимъ верхомъ* къ *Данилову колодезю* на разстояніи 560 сажень, а отъ *Данилова колодезя* тѣмъ же *Долгимъ верхомъ* и *колодеземъ* на низъ къ рч. *Чернавь* до устья *Малой Чернавы*, что впадала въ рч. *Чернаву*, и до *Муровскаго шляху* на 258 сажень, да по лѣвую сторону рч. *Чернавы* на 22 сажени; отъ рч. *Чернавы* поворачивала на лѣво круто въ верхъ по рч. *Малой Чернавы*, что впадала въ рч. *Чернаву*, что течетъ въ *Серболовъ станъ*, до *колодезя Пониновца*, на протяженіи 3832 саж. и шла въ верхъ лѣвымъ берегомъ рч. *Чернавы* на 2940 сажень, а отъ рч. *Чернавы* прямо въ верхъ *большимъ Головищенскимъ верхомъ* и немного на—лѣво на пространствѣ 615 сажень, потомъ прямо чрезъ *вывершень*, что вышелъ отъ *Чернавы*, прошедши 1127 сажень, пролегла чрезъ *Ефремскую дорогу* въ разстояніи 446 сажень и чрезъ *вывершень* на 263 саж., далѣе немного на—лѣво по *Елецкой дорогѣ* 618 саж.; отсюда, поворотивъ на—право круто, шла еще 800 сажень до *Семенецаго верха*, потомъ чрезъ *Семенецнй верхъ* и, подвигаясь далѣе на 1752 сажени, спускалась въ низъ *Лонотецкимъ вывершиномъ* до *большаго Лонотецкаго верха* и чрезъ *верхъ* на гору, на разстояніи 560 сажень, а отсюда прямо къ *вывершину Лонотецкаго верха* 530 сажень и прямо въ верхъ *Лонотецкимъ верхомъ* къ *большой Московской дорогѣ* 893 сажени. Всего пространства въ этой межѣ 22,918 сажень.—Съ *Новосильскимъ уѣздомъ* *Красный станъ* сходилъ у *Ореванскаго вывершина*, у села *Судбищъ*, р. *Любовши*, *Новосильскихъ Плотовъ* и *Труцкаго вывершина*, гдѣ на *мысу* стоялъ столбъ, показывавшій на правой сторонѣ *Новосильскій уѣздъ*, на лѣвой *Красный станъ*, а по другую сторону *Затруцкій станъ*.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Исторических очерковъ г. Ливень и его уѣзда.

	Страницы.
I. Предварительныя свѣдѣнія о Ливенскомъ уѣздѣ: его географія, этнографія и древнѣйшая исторія	5— 19.
II. Древность города Ливень и князя на Рязани, на Ливнахъ и на Воронежѣ.	19— 27.
III. Ливенское и Воргольское княжества въ эпоху Монгольскаго владычества	28— 33.
IV. Присоединеніе Соснинскаго бассейна къ Московскому государству и сторожевое значеніе его въ виду Крымскихъ набѣговъ	34— 41.
V. Устройство и населеніе города Ливень въ концѣ 16-го вѣка	41— 60.
VI. Станы, села, деревни, погосты, слободы, займища и почвнки на пространствахъ Ливенскаго уѣзда въ началѣ 17-го вѣка	61— 77.
VII. Смуты на Ливнахъ въ эпоху Самозванцевъ и набѣги Крымцевъ	78— 93.
VIII. Городъ Ливны и его уѣздъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича.	94—115.
IX. Положеніе города Ливень и его уѣзда въ царствованіе Алексѣя Михайловича	115—127.
X. Городъ Ливны и его уѣздъ по переписнымъ книгамъ 1678 года въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича	127—153.
XI. Статистическія свѣдѣнія о Красномъ станѣ Ливенскаго уѣзда въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны, по писцовой и жежевой книгѣ 7193 (1684) года.	153—190.

Типографскія и корректурныя ошибки.

Страницы.	Строки.	Напечатано.	Слѣдовало напечатать.
8	20—21	<i>нодезь</i> —	<i>нолодезь</i> —
—	32	низмѣннымъ	низменнымъ
9	27	морезъ,	моремъ,
10	21	Лѣсу	лѣсу
11	2	<i>Ельчина</i> —	Ельчика,
11	4—5	хвой, пои	хвой-ной
13	15	съ братею	съ братією
15	15	преносились	приносились
—	въ сноскѣ	Коцъ-евскомъ	Коцѣ-евскомъ
16	35	кагановъ.	кагановъ,
20	въ сноскѣ	Козари,	Козары,
23	37	осадѣлъ	осадили
24	5	онѣ	они
—	24	посредству	посредничеству
29	3	подверглись	подверглись
30	23	Телебегу,	Телебугу,
31	25	и дорогамъ	и дорогамъ
32	23	Святослава	Святослава
33	25	въ теченіи	въ теченіе
43	29	обязанъ	обязанъ
46	въ сноскѣ	вер-В	верхъ Вор-
		лѣсоомъ.рхъ	лѣсоомъ.
51	9 и 29	кѣтки;	кѣтки;
53	15	коюю —	какою—
59	13	свого	своего
60	15	общалъ;	общалъ:
—	25	съ нашимъ	съ нашими
63	25	дреряна	древяна
65	26	и 3 погоста.	и 2 погоста.
66	27	Серболовымъ	Серболовымъ
67	въ сноскѣ	«а въ по-	«а въ по-
68	30	Вазовику	Вазовику

III.

Страницы.	Строки.	Напечатано.	Слѣдовало напечатать.
—	32	подъ Большиинъ	подъ Большиинъ
69	въ сноскѣ	преемниинъ	преемникъ
70	1	лѣсомъ.	лѣсомъ.
74	15	Грибановъ,	Грибановъ,
77	11—12	увеличивалась,	увеличивалась,
—	27	Полевой	Половой
86	19	Власова "въ	Власова "—въ
88	30	съ Замятнею	съ Замятнею
—	35	недѣ	подѣ
112	21	зажиточные	зажиточные
114	18	сто:	это:
—	19	селѣ	селѣ
115	12	Послѣ Андрея священ-	Послѣ Назарія священ-
		ствоваль сынъ его На-	ствоваль сынъ его
		зарій.	Анурь.
120	33	а другія,	а другіе,
135	25	Везоновъ	Безоновъ
136	25—26	Казанцевымъ	Казанцевымъ
147	32	возможность	возможность
151	5	твудно	трудно
157	10	Гагряжскаго;	Загряжскаго;
163	27	сторону	сторону
165	8	Старожевнымъ	Сторожевнымъ
173	24	тогъ	тогъ
174	4	выкопана	выкопана
175	26	краковистъ,	краковистъ,
—	28	крановистъ,	краковистъ,
182	32	блъльца,	блъльце,

ПРИЛОЖЕНИЕ

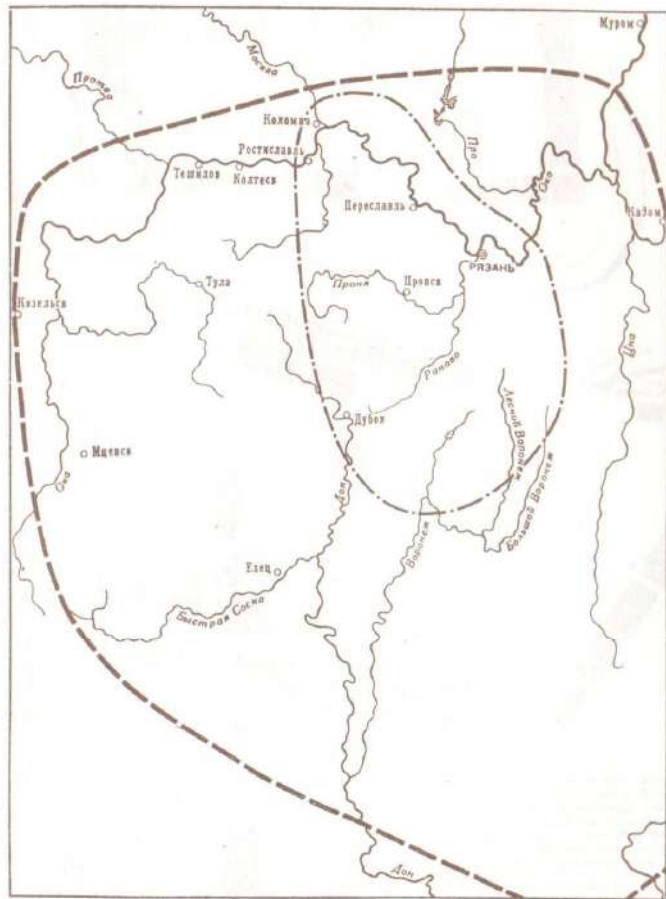
Планы. Карты. Схемы

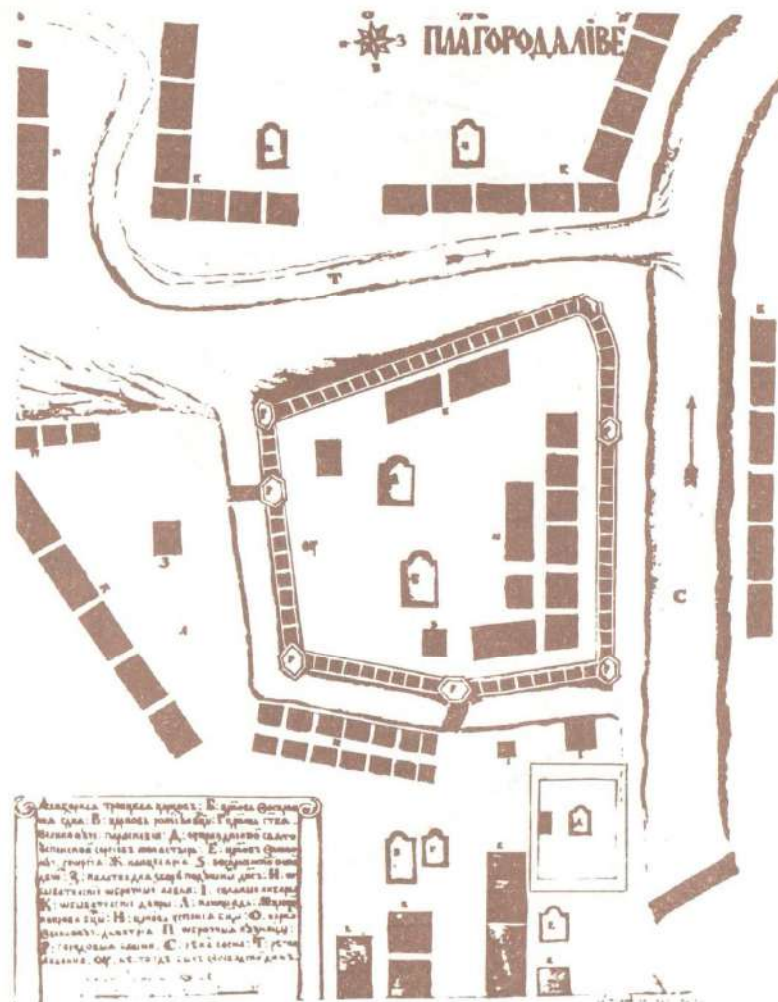
Схема походов крымских и ногайских татар на реку Сосну и Ливны.

Старые шлыки — пути крымцев в XVI-XVII вв.

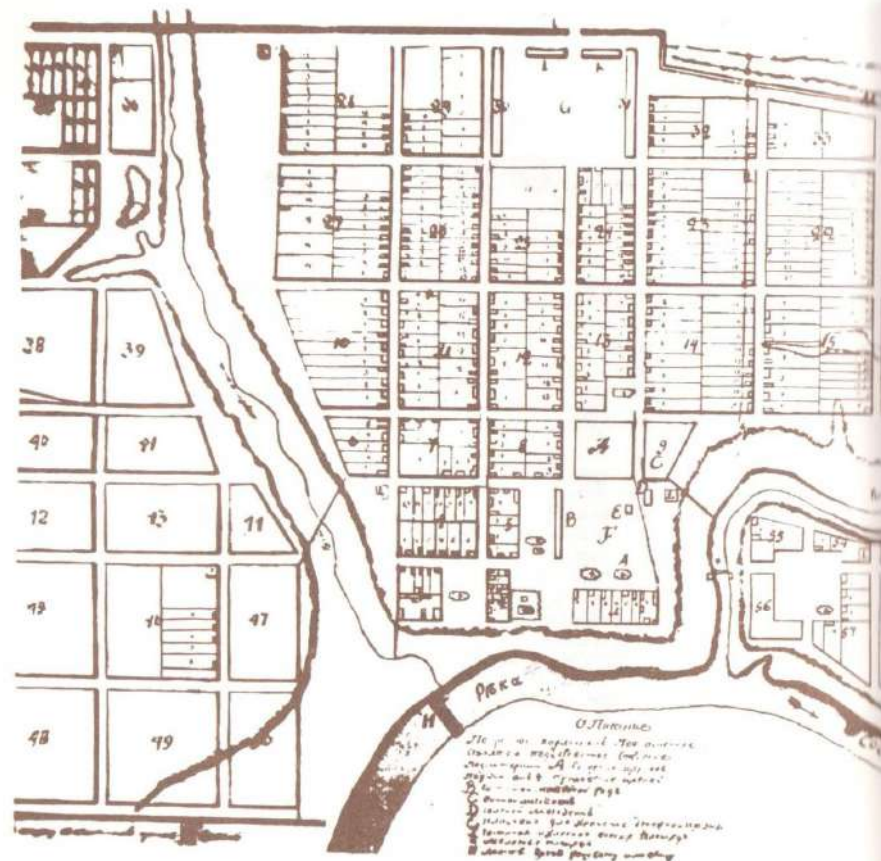

Территория Рязанского княжества в XII в.
 по древнейшим летописям; - - - - по Никоновской летописи

Экзликация к плану г. Ливен 1766–1775 гг.
(с изображением плана Сергиевского монастыря)
(рис. 1) — ЦГИА, ф. 1399, оп. 1, л. 586

- А. Соборная Троицкая церковь.
- Б. Церковь Воскресения Господня.
- В. Церковь Рождества Богородицы.
- Г. Церковь Св. Великомученицы Параскевы.
- Д. Упраздненный Свято-Успенский Сергиев монастырь.
- Е. Церковь Великомученика Георгия.
- Ж. Канцелярия.
- С. Воскресенского пона дом.
- З. Палатка для сбора подушных денег.
- И. Обывательские оброчные лавки.
- и. Соляные амбары.
- К. Обывательские дворы.
- Л. Площадь.
- М. Церковь Покрова Богородицы.
- Н. Церковь Успения Богородицы.
- О. Церковь Великомученика Димитрия.
- П. Оброчные кузницы.
- Р. Городские башни.
- С. Река Сосна.
- Г. Речка Ливенка.
- Место, где был воеводский дом.

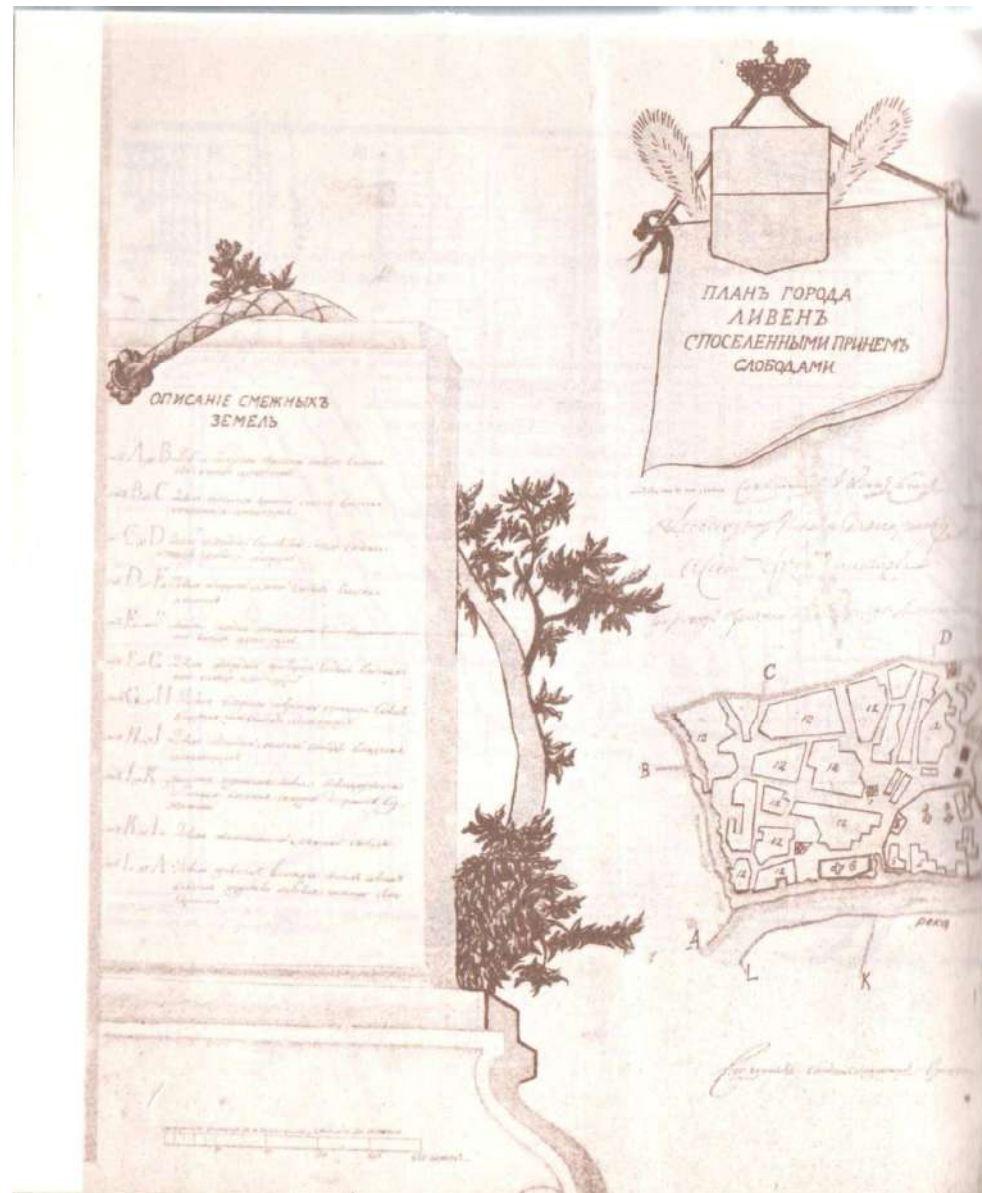

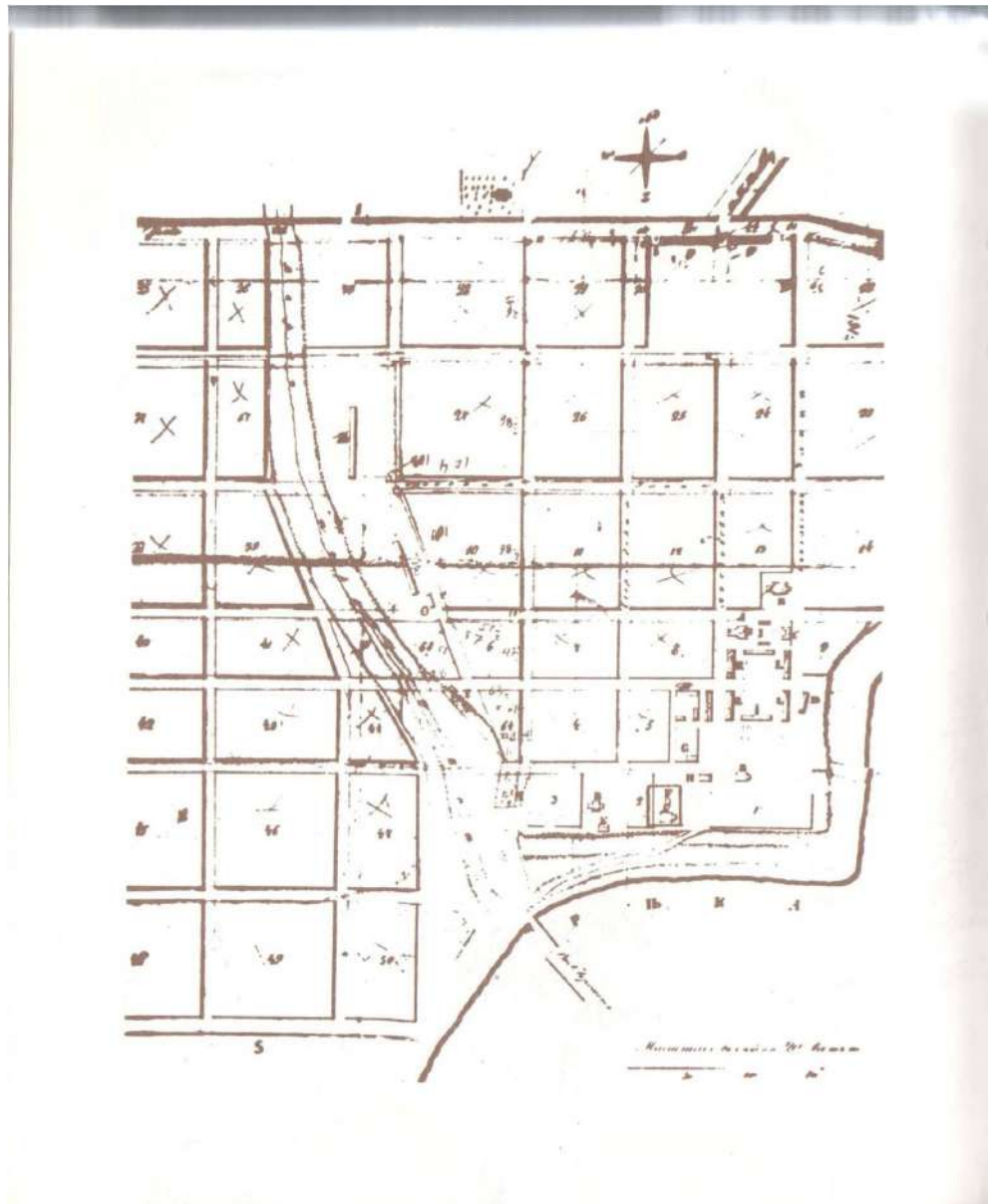
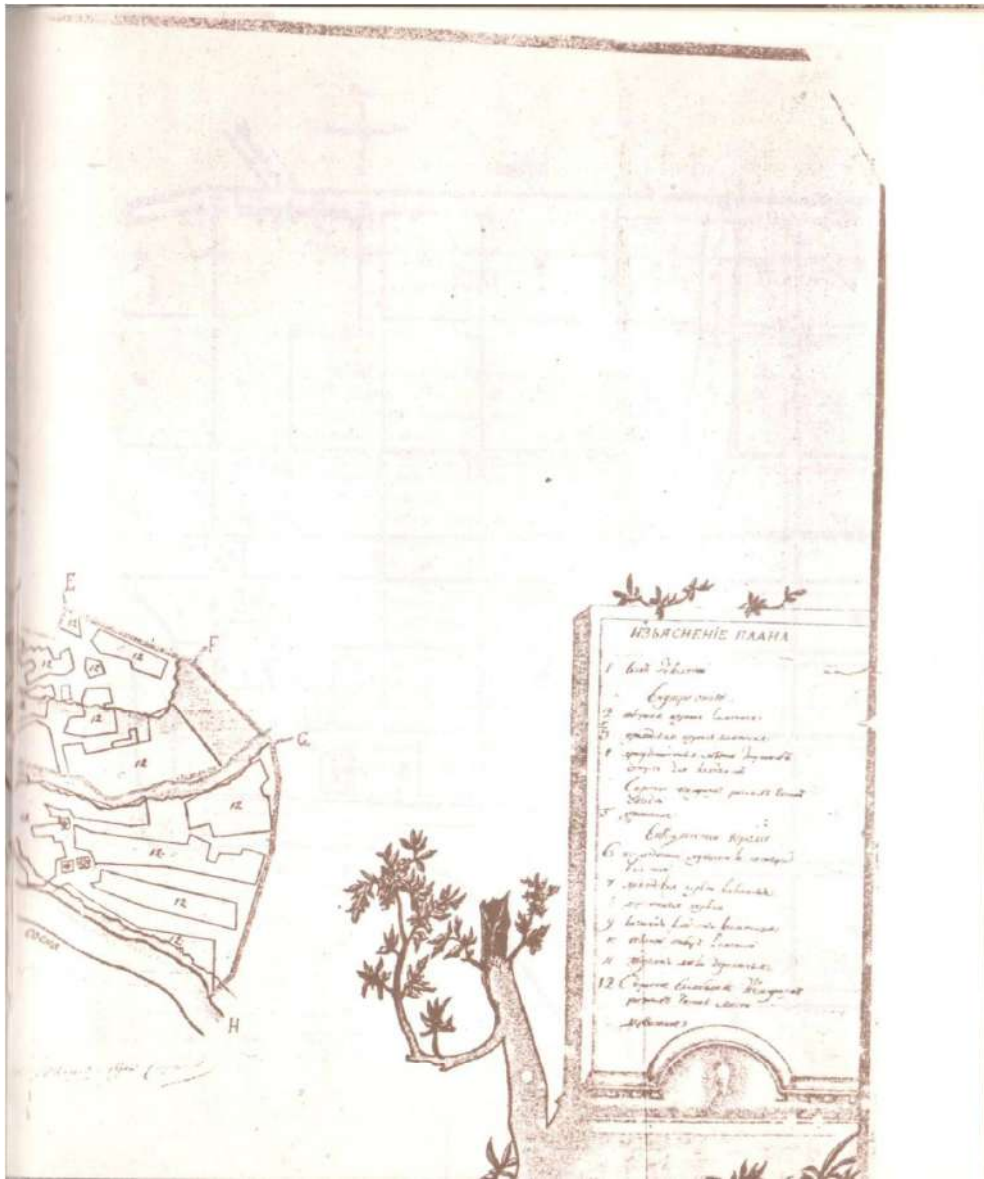

«План Орловского наместничества города Ливен» кон. XVIII века.
(рис. 3) — ГАОО, ф. 22, оп. 120, л. 171

Описание:

- Покрытое кармином — под каменное, а под желтою краскою — под деревянное строение.
 Под литерами: А — соборная площадь.
 Под знаком + — приходские церкви.
 В. Гостиный каменный ряд.
 С. Винный магазин.
 Д. Соляной магазин.
 Е. Кладовая для хранения денежной казны.
 F. Гостиная и хлебная вообще площадь.
 G. Мелочные ряды.
 H. Мосты через реку Сосну и Ливенку.
 Т. Мельницы.
 К. Кузницы.
 i. Питейные дома.
 М. Вал или ров ко ограничению города.

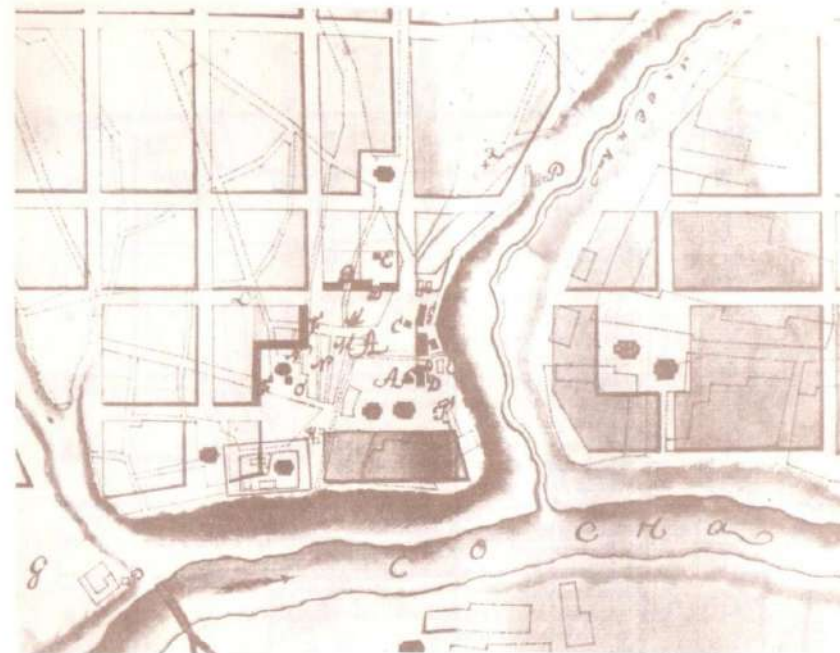

План Орловской губернии города Ливен 1837 года
(фрагмент)
(рис. 5) — ГАОО, ф. 22, оп. 120, л. 169

Изъяснение плана церкви:

- А. Соборная во имя Св. Троицы с приделами.
- В. Приходские.
- С. Корпус присутственных мест.
- Д. Соляной магазин.
- Е. Винные магазины деревянные.
- Ф. Духовное правление каменного здания.
- Г. Духовное училище.
- Н. Городовая ратуша, где помещается уездное училище.
- и. Общественный шатер.
- К. Красный ряд.
- Л. Шорные и железные ряды.
- М. Овощная и мучные лавки и трактир.
- W. На общественном содержании богадельня.
- О. Мясные лавки ветхие деревянные.
- Р. Кузни каменные.
- Q. Мельница... и при оной большой свиной завод, от которого происходит зловонье.
- R. Мельница внутри городской земли графа Ростопчина.
- S. Предположенный по городскому плану земельный вал, которого в натуре не имеется.

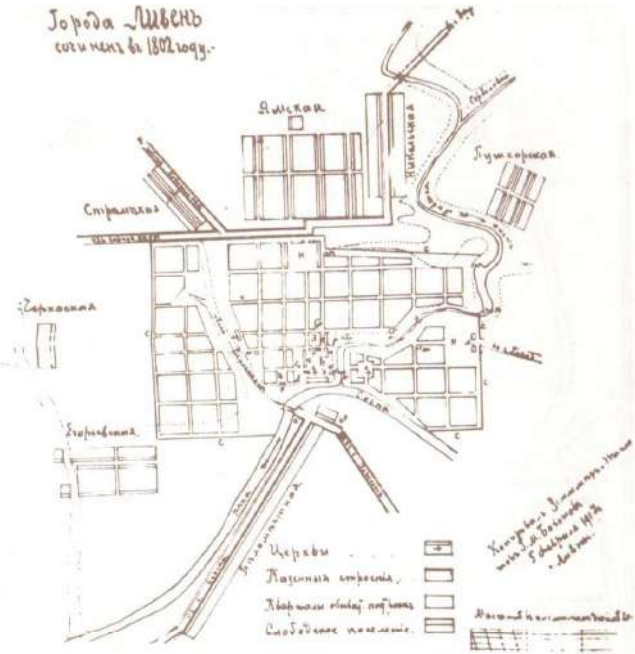
План и прожект городу Ливнам (около 1780 г.)
(рис. 2) — ШИА, ф. 1293, оп. 168 (Орловск. губ.), л. 11

Описание литер:

- А. Замок, который был с двух сторон окопан ровом, а ныне оный ров засыпан.
- В. Канцелярия деревянная.
- С. Кладовая для хранения денежной казны.
- Д. Архив.
- Е. Тюрьма.
- Ф. Дом деревянный для городничего.
- Д. Соляной магазин каменный новый.
- Ж. Деревянные соляные амбары ветхие.
- Г. Упраздненный монастырь.
- К. Часовня.
- и. Богадельня.
- Л. Красные и другие мелочные ряды.
- О. Торговая площадь.
- Р. Кузницы.
- Q. Кирпичные сарай.

Прочее обывательское строение означено на плане пунктиром.

Города Ливен
созданы в 1802 году.

Описание литер в проекте:

- А. Красная площадь.
- В. Корпус для присутственных мест.
- С. Винный магазин.
- Д. Дом для городничего и казначея со службами.
- Е. Казенная кладовая.
- Ф. Красные ряды.
- Г. Торговая площадь.
- Н. Кузницы.
- С. Земляной вал.

В кварталах, покрытых желтою краскою, надлежит быть деревянному строению на каменном фундаменте.

ПЛАН Ливенского кремля XVII век

